

ВАЛЕРИЯ МИНЦ

БАГРЯНЫЙ ЗАКАТ

18+

ЭПОХА ТЬМЫ

КНИГА II

18+

Валерия Минц

**Багряный закат.
Эпоха Тьмы. Книга 2**

«Автор»

2026

Минц В.

Багряный закат. Эпоха Тьмы. Книга 2 / В. Минц — «Автор»,
2026

Фигуры расставлены, колесо судьбы начало свой ход. На юге Валентин бросает вызов Империи, но ввязывается в интриги, против которых не может выстоять. На далеком сервере Камилла, борющаяся с пробуждающейся в ней тьмой, становится пленницей не только подземного города, но и возложенных на нее ожиданий. А Леонарду, разрывающемуся между долгом и семьей, предстоит выбор, и на кон поставлено все, что у него есть. Трое наследников древнего рода, когда-то изменившего историю, снова должны принять решения, от которых зависит будущее всего континента. Суждено ли им предотвратить неизбежное или мир придет к своему закату?

Содержание

Список персонажей	5
Пролог	8
Глава 1	12
Глава 2	27
Глава 3	43
Глава 4	55
Глава 5	71
Глава 6	87
Глава 7	99
Глава 8	116
Глава 9	129
Глава 10	142
Глава 11	158
Глава 12	171
Глава 13	186
Конец ознакомительного фрагмента.	196

Валерия Минц

Багряный закат. Эпоха Тьмы. Книга 2

Список персонажей

Дом Кустодес и ближний круг

Эстебан Кустодес — герцог Веаса, глава Великого Дома.

Валентин Кустодес — старший сын герцога, маркиз, вице-адмирал Южного флота.

Леонард Кустодес — младший сын герцога, Хранитель Чести Имперской Гвардии.

Камилла Кустодес — дочь герцога, обладательница дара темной магии.

Ариана Кустодес, урожденная Бланчи — супруга Валентина, дочь графа Бланчи.

Эмиль Галлет — адмирал Северного флота, троюродный брат Эстебана.

Альберто Каррон — Первый клинок Дома Кустодес, один из сыновей графа Каррона, друг Валентина.

Рената Кустодес — покойная супруга Эстебана, мать Валентина, Леонарда и Камиллы (упоминается).

Грегор Кустодес — покойный герцог, старший брат Эстебана (упоминается).

Фелиция Кустодес, урожденная Дюфёр — покойная супруга Грегора, сестра Дельмара (упоминается).

Максимилиан Хан — предыдущий Первый клинок Дома Кустодес.

Эрнест Кустодес — покойный герцог, отец Эстебана и Грегора, брат Луизы (упоминается).

Элизар Кустодес — покойный герцог, дед Эстебана (упоминается).

Аристарко Кустодес — герой Империи времен Священных Войн, брат последнего веасийского короля Диего III (упоминается).

Дворянство Веаса

Бастиан Шевалье — гардемарин, личный адъютант Валентина.

Дельмар Дюфёр — контр-адмирал Южного флота, неродной дядя Валентина.

Циско Гарсия — командор Восточного флота, брат графа Гарсия.

Аспир Фальконе — капитан, мастер шпионажа, агент Валентина в Доме Фальконе.

Андрé Гарсия — командир замкового гарнизона, сын Родерика, племянник Циско, друг Валентина.

Мартино Д'Ариас — капитан корабля «Алая чертовка» из Северного флота.

Эдуард Бланчи — граф, глава Малого Дома, отец Арианы.

Теодор Каррон — командор Южного флота, брат графа Каррона.

Лоренцо Каррон — граф, глава Малого Дома.

Флавио Фальконе — граф, глава Малого Дома и Торгового флота.

Люсьен Монрес — граф, глава Малого Дома.

Адриан Монрес — виконт, сын графа Монрес.

Арно Монрес — виконт, покойный сын графа Монрес (упоминается).

Себастьян Гарсия — граф, глава Малого Дома.

Родерик Гарсия — комендант Каса-де-Вентос.

Рамиро Арелан — граф, глава Дома Арелан.

Луиза Арелан, урожденная Кустодес — маркиза, супруга Рамиро, двоюродная тетка Эстебана.

Франсуа Ле Рой — граф, глава Малого Дома.

Мишель Ле Рой — ректор Военно-морской академии.
Патриция Ле Рой — дочь графа, невеста Альберто.
Раймонд Ривьера — граф, глава Малого Дома.
Гюстав Ривьера — мажордом Каса-де-Вентос, дядя графа.
Рори Руссель — бастард Гюстава и его помощник.
Тито Дюфюр — граф, глава Малого Дома.
Джулиус Дюфор — сын графа, брат Дельмара.

Империя

Клестус Кайрос — имперский эмиссар.
Валериан — брат Ордена Сервитуариум.
Гораций Агорикус — легат Четырнадцатого Легиона.
Тиберий Верриес — легат Имперской Гвардии.
Титус Мегелан — Хранитель Силы (Золотая гвардия).
Бернард МакГилфор — Хранитель Справедливости (Золотая гвардия).
Алан Рихтер — инквизитор Семнадцатого Легиона.
Александр Вйбер — гвардеец, сослуживец Леонарда.
Игнаций Рабмос — полковник Серой гвардии, отец Джордис и дедушка Ари Хуса (упоминается).

Абисс

Ада Набелит — подруга Камиллы, дочь падишаха Набелита, маг огня.
Каталина Андо — подруга Камиллы, бывшая фрейлина.
София Оре — бывшая сервитуария Камиллы, маг созидания, агент «Сапфирового Ока».
Йана (Се-ро'Йанетааль) — темная эльфийка, агент «Сапфирового Ока».
Сарео (Се-ро'Тейесаарео) — старший брат Йаны, наставник Камиллы.
Кригер (Вепрь) — орк, наемник Красного Синдиката и член пиратской команды Марка Хеби, друг Йаны.
Талиха — набелитка, ученица Йаны, наставница магов-беженцев в Абиссе.
Мона — девушка-останка с даром преломления.
Гемос — дворф, следопыт из «Сапфирового Ока».
Норберт — варг (волк), спутник и защитник Камиллы.
Яшмос Ферритас — сварг, член Красного Синдиката, капитан корабля «Северный ветер».
Иолига (Ибла) Ферритас — сваргонка, жена Яшмоса.
Шатара — служанка из народа алумбра в поместье Йаны.
Рубос Жантарас (Жах) — сварг, командир Южного бастиона Абисса.
Корундес Латуннас — сварг, подчиненный Жантараса.
Макс — орк-кузнец, унаследовал лавку от сварга Максвелиса Платеаса.
Мигель Рейзо (Мэйг) — кузнец-подмастерье в Абиссе, веасиец по происхождению, бывший ученик Максвелиса Платеаса.
Ирнимос Медеас — сварг, владелец шахты в Абиссе.
Якин — старейшина гоблинской общины в Абиссе.
Зои — гоблинша, внучка Якина.
Дрекс — гоблин-батрак, знакомый Якина и Зои.
Руустек — гном, владелец оружейной лавки в Абиссе.
Зар-Ка — каттарка, владелица портной лавки.

Нортланд

Айва́рс Хус (Айдж) — ярл Нортланда, отец Ари.
Ари Хус — сын Айварса, бывший друг Камиллы и Ады.
Джо́рдис Хус — жена Айварса, мать Ари.
Ингема́р Хус — хускарл, дядя Ари.
Арсéний — сервитуарий Ари.

Красный Синдикат (пираты)

Ма́рк Хеби (Змей) — Глава Красного Синдиката, капитан корабля «Красная Гадюка».
Лис — помощник Хеби, старпом на «Красной Гадюке».
Ца́пля — ундина, жрица морской богини Таранны.
Яще́р — темный эльф, лекарь на корабле.
Воро́на — пикси, разведчица на корабле.
Со́ва — гарпия, мастер по парусам на корабле.
Бык — штурман на корабле, дворф без магии.
Салама́ндр — близнец Быка, дворф с магическим даром, отвечает за механизмы корабля, канонир.
Ко́т — каттар, матрос.
Во́лк — нортлинг, матрос.
Со́хач — арраканец, матрос.
Кры́с — гоблин, юнга.

Старшие Боги

Еле́на — богиня природы и жизни (известна также как Великая Мать).
Ауре́на — богиня света, покровительница эльфов.
Химмель — бог неба и ветров.
Фа́ррен — бог земли, покровитель сваргов.
Со́лана́р — бог огня и солнца.
Мо́ртрес — бог смерти (известен также как Отец Упокоенных)
Найти́на — богиня воды и морей.

Младшие Боги

Тиль — бог хитрости и обмана.
Ма́ре́на — богиня преданных и забытых (известна также как Воронья Повелительница).
Лийна и Ге́рехт — боги семейного очага, покровители гоблинов.
Си́лекс — бог кузнечного дела.
Та́ра́нна — богиня штормов (известна также как Морская Ведьма).

Пролог

Глаза еще раз пробежались по бумаге, словно бы отказываясь складывать буквы в слова. И каждый раз я надеялся, что понял что-то не так. Но смысл послания никак не менялся, как бы я этого ни хотел.

— Ты уверен? — я в очередной раз переспросил гонца, все еще не отрывая взгляд от бумаги.

— Да, вице-адмирал, — молодой солдат в страхе не решался смотреть мне в глаза, продолжая изучать торец массивного резного стола.

— Сведения *точно* верны? Это не может быть ошибкой или сплетнями? — я очень старался держать себя в руках, чтобы не сорваться. Разве был этот юноша виноват в том, что принес дурные вести?

— Сеньор Гарсия сказал, что это информация из его проверенного источника в Имперской Гвардии. Ошибки быть не может.

— Кто-то еще знает?

Парень помотал головой.

— Пока это известно только в кругах Гвардии, сеньор. Вскоре обвинения будут вынесены публично перед гражданскими. Из наших знают только командор Гарсия, я и вы.

— Хорошо.

Я бросил бумагу в огонь. Та сразу же почернела, скукожилась и какое-то время тлела, пока слова не обратились пеплом. Впрочем, и его вскоре не осталось.

— Возвращайся к Циско. Передай ему, чтобы держал язык за зубами и готовился к прибытию в Каса-де-Вентос как можно скорее. Я разошлю Малым Домам весть о сборе Консилиума. Мы должны быть готовы к тому, что на нас в ближайшее время обрушится... А если кому лишнего сболтнешь — сам лично с тебя шкуру спущу, племянник.

— К-конечно, вице-адмирал... — глаза юноши округлились. Он вытянулся струной, и по телу его прошла дрожь.

Правильно, пусть боится. От страха обычно язык заплетается.

— Иди к конюшне, тебе выдадут свежего коня, — сказал я уже чуть мягче. Дело не требовало отлагательств, но нужно было сохранять спокойствие и не показывать, *насколько* все плохо. — До крепости Эль-Коллин шесть часов пути, как раз прибудешь к вечерней смене караула.

Парень коротко кивнул и, прислонив кулак к груди, выбежал из комнаты. Стук его сапог еще долго разносился эхом по коридору, пока не смолк окончательно.

Я рухнул в кресло. Виски пульсировали, мысли путались, а страх и тревога просачивались в сознание, как бы я ни отгораживался от них. Они опустошали, топили в бездонной ледяной пустоте. Я потерял руки, пытаюсь согреть. Зимы в Веасе никогда не были холодными, но сейчас казалось, что ни жар камина, ни зимнее солнце не смогут вернуть мне тепло.

Леонард под арестом. Камилла обвинена в пособничестве преступникам. София пропала без вести. А о судьбе Максимилиана и Каталины вовсе ничего не известно... Кто бы мог подумать, что их пребывание в Столице обернется именно так?

Ответ пришел сам собой. *Отец*... Отец знал, что ничем хорошим это не закончится, о чем непрестанно и сетовал. Этот старик... Что ж, если он скажет что-то вроде «я же говорил», я сдерживаться не стану.

Нет, нужно было подавить в себе бессмысленный гнев — толку от него сейчас не было. Важнее обдумать дальнейшие шаги, от которых будет зависеть не только судьба нашего Дома, но и, пожалуй, всего полуострова...

Естественно, я не тешил себя надеждой, что Империя оставит это без должного разбирательства и для Домов все обернется убытками. Наверняка еще и дополнительными налогами обложат на время комиссии, что вызовет недовольство и среди низших слоев населения. Лишь бы до бунтов не дошло...

Одно радовало — история Дома Амаши́то до сих пор свежа в памяти людей. Никто не захочет повторения этого, даже Империя. А значит, и жесткой кровавой расправы, скорее всего, не предвидится. Видимо, нас ждет долгое изнуряющее противостояние, в котором Веас будут подминать еще сильнее.

Такое уже бывало, и не раз. Кто помнит уроки истории, избавлен от участи повторения тех же ошибок. Но сейчас все куда серьезнее. А главное, весь этот скандал начался ужасно не вовремя. К нам будет приковано лишнее внимание со стороны Гвардии, а поскольку я уверен, что все их обвинения не более чем фальсификация и провокация, разбирательство специальной комиссии затянется очень надолго. Что повлияет и на мои планы.

Если бы только все Малые Дома были на нашей стороне, тогда у нас была бы возможность противостоять имперцам...

В дверь постучали.

— Вице-адмирал Кустодес, разрешите войти?

Я без труда узнал голос Дельмара Дюфора.

— Да, — громко и четко ответил я, пытаюсь собраться с силами, чтобы выглядеть перед ним достойно. Нельзя было сейчас показывать и намека на слабость.

Высокий широкоплечий мужчина зашел в комнату, чуть сгорбившись. Нужды в этом не было — даже с его ростом редко попадались помещения, где бы контр-адмирал Дельмар Дюфор не мог выпрямиться в полный рост, но привычка, выработанная за годы жизни в корабельных трюмах и каютах, была сильнее.

Офицер прошел в центр комнаты, встав напротив моего стола. Шаги его заглушал толстый напольный ковер, однако двигался он твердо и прямо, а пляшущие огни камина лишь подчеркивали решимость на его лице.

Отдав честь, он сложил руки в замке за спиной.

— Ты что-то хотел, Дельмар?

Он вдруг нерешительно замялся на месте, но все же под моим пристальным взором осторожно начал:

— Капрал Бланчи прибежал к конюху с такими дикими глазами, словно бы земля разверзлась и все моря мигом высохли. Мало того, он затребовал свежего коня, да еще и лучшего, что есть. Сказал, что вы распорядились...

«А вот набелитского рысака я тебе потом припомню, Кальвин», — вздохнул я про себя, а вслух же произнес:

— У капрала Бланчи срочное донесение для командора Гарсии, ему нужно как можно быстрее доставить его в Эль-Коллин.

— И к чему такая спешка? — прищурился Дюфор.

— Я пока не готов обсуждать это со ставкой, сеньор, — сухо отрезал я. — Пока нет подтвержденных сведений, это стоит не более, чем бабские сплетни на кухнях.

Наверное, слова прозвучали резче, чем я хотел, потому что лицо Дельмара недовольно дернулось — он терпеть не мог, когда ему дерзили без повода.

— Валентин, — негромко сказал он. — Я вижу, что что-то случилось. Ты же знаешь, я всегда готов помочь тебе и советом, и делом.

Я шумно втянул носом воздух. Старые Боги, как же тяжело быть вице-адмиралом, когда каждый второй старший офицер приходится тебе либо родственником, либо старым знакомым.

Дельмар Дюфор был братом моей тетки, почившей сеньоры Фелиции. Хотя мы и не были кровными родственниками, семья Дюфор всегда была почетными гостями в Доме Ветров. Я

до сих пор хорошо помню его исполненное глубокой печалью лицо тогда, на похоронах, словно бы в тот день он резко постарел. А после Дельмар, как один из лучших капитанов, стал моим учителем в постижении морского дела. Помню, как он подтрунивал надо мной, когда я только-только начал ходить под парусом, да еще так неумело — в том возрасте другие мальчишки уделявали меня на голову. Но именно Дельмар показал мне, выросшему в городских стенах юнцу, каким прекрасным может быть море.

— Я... я не могу пока обсуждать это, дядя, — признался я. — Однако у меня будет для тебя поручение, важное и срочное. Его следует исполнить без лишнего шума. И надеюсь, ты не будешь тревожить меня лишними расспросами.

— Конечно, мальчик мой, — он кивнул, и его темные с проседью волосы колыхнулись морской волной.

— Я хочу собрать Гранд-Консилиум, — начал я осторожно, наблюдая за реакцией Дюфора. — Как можно скорее.

Если эта новость и поразила старого моряка, то тот продемонстрировал исключительную выдержку, не выдав и толики удивления.

— Если будущий герцог заявляет такое, то, стало быть, «бабские сплетни» его все же тревожат.

Колкость вышла настолько точной, что я сжал кулак, чувствуя свой промах, и невесело ухмыльнулся. Нет, Дельмара так просто не одурачить. Он безропотно последует любому приказу, но своей головой думать умеет неплохо.

— Что-то случилось в Столице?

И снова попадание в точку. Мне не хватило самообладания, чтобы утаить, насколько верно он истолковал ситуацию, и лицо его смягчилось.

— Что-то с сеньоритой Камиллой?.. — я не дал ему договорить, предупреждающе подняв руку, и он тотчас умолк.

Сердце билось, как мне казалось, так громко, что в воцарившейся тишине, нарушаемой лишь потрескиванием поленьев, его ритм походил на стук кузнечного молота.

— Валентин, если *что-то* стряслось, имперские ублюдки...

— Нет, — ко мне снова вернулись резкость и строгость. — Такое *нельзя* произносить вслух. Даже тут, в наших стенах. Уши есть везде, и ты знаешь это. А пока даже мы не должны быть в курсе. Ты ничего не знаешь. Я тоже. На Гранд-Консилиуме наверняка будет конкретика.

Я произносил каждое слово с нажимом, давая понять, что эта тема даже не для приватной беседы.

— Это как-то повлияет на наши... *планы*? — осторожно уточнил Дюфор, в глазах которого отражались отблески камина.

— Нет, — снова резко отрезал я. — Все остается в силе. Но сейчас об этом думать рано. Нужно собрать совет до того, как опасные сплетни вынесут за пределы Масерии.

Дельмар удовлетворенно кивнул.

— Мне написать весточку отцу, чтобы он собирался в путь?

— Сомневаюсь, что твой отец будет в состоянии даже выйти из своих покоев, — я фыркнул. — Полоумный старик делу не поможет... Лучше сразу пиши Джулиусу.

Контр-адмирал тяжело вздохнул. Вот уже несколько зим граф Тито страдал болезнью, оставляющей от него лишь немощную оболочку. Поговаривали, что он повредился рассудком после смерти любимой дочери и ее нерожденного дитя. Несмотря на то что титул старик все же сохранял, это не помешало старшему сыну, Джулиусу, взять на себя обязанности раньше времени как его представителю.

— Найди самых преданных тебе бойцов, чтобы они передали послания адресатам. Из рук в руки, — негромко продолжил я. — Циско Гарсия уже извещен. Я напишу письма всем Малым Домам, а сам в скором времени отправлюсь в Мар-де-Сеаль.

— Подготовить «Крылья ветра», сеньор? — уточнил Дельмар.

— Да. Команде отдай приказ быть готовыми к отплытию. Сейчас по морю дорога займет не более недели, нужно выдвигаться, пока Морская Ведьма не одарила нас своим плачем. И еще... — я умолк под выжидающим взглядом Дюфора, обдумывая, как бы не вызвать ненужных расспросов своей следующей просьбой. — Скажи, как поживают наши *паучки* на севере, востоке и западе?

Контр-адмирал удивился и недоверчиво посмотрел на меня. Я понимал, что вызвал еще больше вопросов, которых он сейчас не мог задать, хотя очень хотел.

— Мы... мы пока не получали никаких вестей, но можно попробовать расширить *паутину*, если вы того пожелаете, вице-адмирал...

— Да, пусть докладывают о любых странностях и новостях у наших соседей. Сообщи Аспиру, чтобы его паучки были наготове.

— Капитан Фальконе будет несказанно рад этому поручению, — мрачно констатировал Дельмар.

Глава 1

— Вот ты где!

Я не обернулся на голос. Может, если проигнорирую ее, уйдет сама?

— Попался! — засмеялась Каталина Андб, схватив меня за плечи, и тут же пошатнулась, когда я оттолкнул ее локтем.

Девочка, не ожидавшая такого сопротивления, все же устояла на ногах, но теперь в зеленых глазах сверкала обида.

— Ты чего пихаешься? — насупилась она.

Я молча глянул на нее. Почему она никогда не понимает, что мне нужно побыть одному?

— Что-то случилось? — она бесцеремонно уселась рядом, совершенно не боясь испачкать травой платье.

Кажется, ее ничуть не смущало вести разговор с самой собой. Я вздохнул.

— Не твоего ума дело, — буркнул в ответ, все так же продолжая наблюдать за ярко горящей на ясном небе оранжевой звездой.

Каталина бесстрашно свесила ноги с крутой скалы. Взгляд ее блуждал где-то между яркосиним морем и тонкой полосой уходивших вдаль прибрежных скал.

— Чего тебе? — спросил я, понимая, что рыжая девчонка просто так не отстанет.

— Ну я же вижу, что тебе плохо. А когда тебе плохо, лучше, чтобы рядом кто-то был.

— Это тебе сестра София так сказала?

— Это я сама так думаю вообще-то. А София глупая. Ничего она не понимает.

Что ж, в этом с ней можно согласиться. Сестра София Орб была до ужаса чопорной, а еще...

Сердце сжалось, но наружу просились слезы, стоявшие в глазах до того, как мое уединенное укрытие нашла вездесущая Каталина. Нет, нельзя. Я же Кустодес. Кустодес должен быть сильным.

— Опять не получается «оседлать ветер»?

Я вздрогнул и сильнее поджал колени. Неужели разговоры о моей неудаче уже достигли ушей даже этой проныры?

— Вот увидишь, все у тебя получится! — попыталась приободрить меня девочка. — Ни у кого сразу не получается. Вот только...

— Вот только другие начали стоять под парусом с раннего детства, как только ходить научились. А я...

— А ты их всех превзойдешь, вот увидишь, — уверенно заявила она. — Это вопрос упорства. Вон, Валу и того хуже...

От сравнения с братом на душе стало только противнее. В отличие от меня ему приходилось тягаться не с ровесниками, а с мальчишками намного младше себя. Но упорный и упрямый Валентин за те же два года достиг куда больших успехов. Дельмар говорил, что это в нем кровь Кустодесов проснулась. Почему же во мне она так и спит?

— Может, море — это просто не мое? — сказал я и сразу пожалел, что произнес это вслух.

— А что тогда твое? — мигом залюбопытничала Каталина.

Девочка зачерпнула камешков и мелких ракушек, которые сюда иногда заносило штормовым прибоем или приливом, и теперь по одному кидала их прямо в воду.

Я задумался. После переезда три года назад, когда вся наша жизнь круто перевернулась, когда мы почему-то покинули наш дом и стали жить здесь, мне все вокруг казалось странным. Прислуга, выполняющая любой каприз. Люди, называющие меня сеньором на своем странном мелодичном языке...

Все казалось каким-то ненастоящим, фальшивым. Почему-то я должен был называть эту скалу своим домом, любить его, оберегать, когда стану взрослым. Почему-то у меня появились обязанности и обязательства, которых раньше не было. Этикет, приемы, обучение морскому ремеслу, воинская подготовка, постоянные учебные занятия...

И все равно Валу приходилось труднее. Ему-то и вовсе теперь уготована участь стать следующим герцогом, правителем целой провинции. Ему труднее, а значит, я не имею права жаловаться.

Однако море до сих пор было мне неподвластно. Оно красиво, безумно манящее, но как только нога ступала на борт, тело будто переставало мне подчиняться. Палуба ходила ходуном, в глазах плыло, и желудок, даже спустя столько зим, выворачивало наизнанку. А какой цепенящий страх охватывал меня, когда береговая линия превращалась в бледную полоску на горизонте... Вот такой сын у Великого Дома, властвующего над морской стихией. Смех да и только. Сплошное разочарование...

Одна только вещь доставляла мне искреннее удовольствие — фехтование. Максимилиан Хан одно время пугал меня, но то, как он учил нас, было ближе к искусству, чем к обычной солдатской выучке. Да и держа меч в руках, я чувствовал себя куда уверенней, чем когда пытался разобраться с узлами или такелажем.

— Наверное, хотел бы поступить в замковый гарнизон, — я небрежно пожал плечами. — Или возглавить личную охрану герцога...

Каталина широко улыбнулась, и отчего-то казалось, что веснушки на ее лице стали ярче.

— Ну вот видишь. У тебя есть выбор. Захочешь — станешь капитаном корабля. Захочешь — лучшим мечником при дворе. А захочешь — будешь таким же нудным заучкой, как София!

Я засмеялся.

— Еще чего. Книжки — это точно не мое.

Девочка протянула руку и отсыпала мне горсть своих сокровищ.

— Что, кто дальше кинет? — в голосе звенел вызов.

Я внимательно оглядел содержимое ладони. Галька, пустые раковины морских рачков, обломки ракушек... Только одна привлекла мое внимание — небольшая, измазанная влажным песком, но красиво переливающаяся перламутром.

— Держи, — я протянул ракушку Каталине, сам не зная зачем. — Чего такой пропадать просто так.

— Красивая, — восхищенно выдохнула та, рассматривая подарок. — Сделаю из нее украшение!

Я фыркнул. Ну да, о чем же еще может думать девчонка, как не о безделушках.

Какое-то время мы просто кидали камни в море, и первенство с переменным успехом переходило из рук в руки.

— Расскажи о доме, — вдруг попросила Каталина. — Ну, который у вас в Столице был. Какой он?

Я замялся и нахмурился.

— Зачем тебе?

— Интересно, какая жизнь в Имперской Столице, — просто ответила девочка, отправляя очередной камень высоко в небо. — Вряд ли я когда-нибудь покину эти стены. Я же должна стать фрейлиной.

Я задумался. Вспоминать наш небольшой дом, укрытый сенью скромного сада, было чем-то личным. Не хотелось делиться этими воспоминаниями с кем-то еще — вдруг они из-за этого померкнут? Как воспоминания о маме...

— Ну, я город плохо помню. Но там очень красиво. Там тоже есть море, а еще каналы, мы однажды катались на лодке. И повсюду много людей.

— Даже больше, чем здесь, в замке? — ахнула Каталина.

— Даже больше, чем в Мар-де-Сеале, — улыбнулся я ее живой реакции. Когда Каталина не была надоедливой занозой, она умела быть крайне очаровательной. — Наш дом с садом ни в какое сравнение с этим замком не идет. Зато была большая клумба, мы там разные цветы сажали. У нас было мало прислуги, и в основном все хозяйство было на ма... — я запнулся. Ком встал в горле. Но глаза остались сухими, и я закончил чуть хрипло, — ...на маме. Она одна всем занималась, пока отец был на службе или в командировках...

— Понимаю...

— Нет. Не понимаешь, — резко оборвал я.

Та вздохнула. Я знал, что она сирота, но понять меня никогда не сможет. Она не знала своих родителей, а потому не знает горечи утраты.

Послышалось шмыганье. Каталина снова одарила меня гневными зелеными огоньками, вот только теперь в глазах стояли слезы. Я оторопел, поняв, что немного перегнул. Ее жизнь с нашим прибытием тоже резко изменилась — девочка с кухни стала вдруг благородной дамой. Это могло показаться настоящей сказкой, но этот выбор сделали за нее. Как и за меня. Наверное, поэтому именно она, девчонка с огненными, как закатное солнце, волосами, понимала меня лучше всех в Каса-де-Вентос.

— П-прости, — пробубнил я себе под нос, отводя взгляд. Я всегда немного терялся, когда видел девичьи слезы. — Я не хотел тебя обидеть. Просто... вырвалось.

— Ничего.

Она все еще выглядела расстроенной, утирая глаза рукавом, но попыталась улыбнуться.

Мы сидели, погруженные в свои мысли, и молча наблюдали, как медленно катится солнце по небосводу, пока позади нас вдруг не раздался писклявый голос, от которого Каталина вздрогнула и закатила глаза.

— И как она нас только нашла...

Маленькая девочка с черными кудрями бежала прямо к нам.

— Братик! Лина! — весело прошептала Камилла, подбегая к нам.

Не знаю, что меня удивило больше — как смогла трехлетка ускользнуть от коршуном сторожащей ее сестры Софии или как она сумела в одиночку сюда добраться? А ведь я только один раз приводил ее в это место.

Но Камиллу, казалось, не беспокоило ни то, что она так близко подошла к отвесному склону, ни то, что ее платье успело испачкаться и ободраться.

— Ты как сюда попала? — с ужасом в голосе спросила Каталина, подбегая к ней.

— Лео меня приводил сюда. Тут красиво...

— Надо отвести ее обратно в замок, — с этими словами Андо недовольно поморщилась, видимо, предвкушая, что за побег маленькой маркизы накажут именно ее.

— Не хочу обратно! — закапризничала Камилла, выдергивая руку из хватки Каталины. — Хочу играть! В пиратов!

— Сестра София иного мнения, — процедила Каталина, не без труда удерживая маленькую негодницу.

— Братик, скажи ей! Лина меня обижает! — захныкала сестра, вызывая лишь одно раздражение.

— Ты маленькая еще. Тебе нечего тут делать, — буркнул я, не смея на нее смотреть.

— А я хочу играть в пиратов! — она таки вырвалась и кинулась мне на шею, но я грубо оттолкнул ее. Гораздо сильнее, чем Каталину.

Я услышал, как она шлепнулась на землю, и резко обернулся, испугавшись, что переборщил. Если я как-то навредил сестре, даже случайно, отец с меня шкуру спустит...

Однако, несмотря на ушибы на маленьких ладошках и разбитую коленку, Камилла не заплакала. Янтарные глаза мамы смотрели на меня с детского личика с укором и непониманием, от которого становилось не по себе.

— Братик, зачем ты так...

Эта девочка меня пугала.

— Мне ведь больно, Лео...

Дети не ведут себя так. Почему она не плачет, если ей больно?

— Лео!

Лео.

Лео...

Леонард...

— ...Господин Леонард!

Глаза нехотя открылись. Яркий сон отступал не сразу, и мне потребовалось несколько мгновений, чтобы прийти в себя.

Я в кровати у себя дома. В Столице. Не на скалистом морском берегу. И Каталины рядом нет.

Повернув голову, я взглянул на пустую половину кровати. Запахи яблок, персика и жасмина почти исчезли, оставив лишь едва уловимое воспоминание о той, которая недавно просыпалась здесь. Не было ни рыжих вихрей, разметававшихся по подушкам, ни сонливо прищуренных зеленых глаз, ни улыбки на веснушчатом лице...

Слуга терпеливо ожидал у входа в спальню.

— Что такое? — устало спросил я.

— Господин, мне передали, что сегодня к вам прибудет Хранитель Силы.

Титус Мегелан собственной персоной? Непохоже на него... Я привстал на локтях. Сонливость как рукой сняло.

— Когда?

— В течение пары часов, господин. Я передал информацию сразу же, как выпроводил адъютанта.

— Не упоминалась цель визита?

— Не могу сказать точно, но, кажется, какие-то новости из Беламии¹.

А, вот и оно. Все-таки тянувшийся почти месяц арест подходит к концу — Трибунал вынес мне вердикт. Неизвестность утомляла ожиданием, впрочем, мне не следовало жаловаться — после того как я дал все показания, мне лишь запретили покидать поместье. Никаких ограничений, никаких неудобств. Только время от времени появляющиеся дознаватели и комиссары, задающие одни и те же вопросы и получающие одни и те же ответы. А могли бы посадить в карцер.

Я поднялся с кровати, пересек комнату и заглянул в зеркало.

— Пригласи цирюльника, — не оборачиваясь приказал я, проводя рукой по заросшему щетиной подбородку. — И пусть слуги подготовят свежий комплект формы. Негоже перед Хранителем Силы в таком виде представлять.

Когда я спустился на первый этаж и зашел в зал, Титус Мегелан уже сидел на диване в гостинной с хозяйским видом. Заметив меня, он поднял наполовину налитый стакан.

— Леонард! — приветствовал он меня голосом текучим, как сдобренное ядом медовое вино. — Рад видеть тебя в здравии. Я позволил себе воспользоваться твоими запасами алкоголя, — он кивнул в сторону шкафа с бутылками.

¹ Кирасир (от франц. cuirassier) — всадник тяжелой кавалерии, защищенный старинными металлическими латами (кирасой).

— Махорский виски десятилетней выдержки? — спросил я, переводя взгляд на откупоренную бутылку на столике перед гвардейцем. Титус кивнул. — Отличный выбор, господин Мегелан.

— Не смог удержаться, — среднеземец усмехнулся с притворной виноватой улыбкой. — Настоящая редкость.

Еще бы — этот набелитский напиток стоит четверти годовой лейтенантской выручки, не говоря уже о том, как мне повезло выпить его в торговом квартале.

— Для меня честь принимать Хранителя Силы, — вздохнул я, натянув улыбку. — Чувствуйте себя как дома.

Я ощущал его пристальный взгляд, пока подходил к шкафу и брал первую попавшуюся под руку бутылку. Выбирать смысла не было — все равно оценить вкус сейчас не смогу.

— Итак, — начал я после того, как мы выпили за здоровье Золотых Хранителей, Триумvirат и Императора. — Чем обязан?

Мужчина задумчиво болтал напиток в стакане, наблюдая за сверкающей медью в свете ламп.

— Трибунал вынес решение по твоему делу, — ответил он коротко и по существу. Как и всегда. Титус терпеть не мог пустое нагнетание.

— И? — я вопросительно поднял бровь.

— Ну, ты до сих пор не на плахе, — он усмехнулся. — Так что выводы делай сам.

Я еле заметно выдохнул. И поблагодарил Императора за свою привычку сжигать всю личную переписку сразу после прочтения.

— Так я могу вернуться к службе?

— Разделяю твоё рвение, Леонард. Однако то, что тебе не вынесли обвинительный приговор, не означает, что все будет... *по-прежнему*. Предательство и пособничество предателям — одно из грубейших нарушений Имперских Истин.

— Я никого не предавал, — твердо произнес я слова, которые повторял за последние недели уже с десятков раз. — И верен идеалам Империи и Императору, вы же знаете. А то, что я зарубил одного из искателей комитета, это...

— Мне твои оправдания не нужны, — мягко прервал меня Титус, но в голосе его звучали жесткие нотки. — Могу тебя понять — нюхачи, как вы их называете, крайне... *специфичные* гвардейцы. Тем более, что, как ты сказал, он сам на тебя чуть не набросился...

Он внимательно следил за мной в этот момент, но я и бровью не двинул. Хотя бы потому, что отчасти это было правдой. То, как повели себя нюхачи в ту ночь, было *неестественным*. А услышь Титус те звуки, которые они издавали, увидь, с какими нечеловеческими движениями они перемещались и сражались... Как демоны или одержимые из древних легенд. И подтвердить это могли все, кто был в тот вечер на заставе.

И все же я надеялся, что смог дать Камилле шанс уйти. Но об этом ни Титусу, ни Трибуналу знать было необязательно.

— Но все-таки я предатель? — сухо поинтересовался я, чем вызвал лишь очередную усмешку Мегелана.

— Мальчик мой, как бы ты того ни хотел, ты — Кустодес. И в ту ночь именно ты был на посту. Никто не поверит в простое совпадение.

— Но это именно оно и было. Иначе я бы уже гнил в сырых темницах. Я же говорил, что они могли специально выбрать этот день, заранее зная, что там буду именно я.

— Твоя правда... — Титус отхлебнул из стакана.

На миг он прикрыл глаза, делая вид, что наслаждается напитком, но я не обманулся, продолжая внимательно изучать Хранителя Силы.

— Твоя жизнь вне опасности, однако последствия случившегося наверняка отразятся на твоей годами заработанной репутации. Помни, ты занимаешь далеко не последнюю позицию в

рядах Имперской Гвардии. Ты *Хранитель Чести* — человек, обязанный собственным поведением олицетворять верность нашим идеалам. Только благодаря твоему незапятнанному имени наказание оказалось столь мягким. Но знай: твой род подозревают в предательстве и связях с преступной организацией. И хочешь ты того или нет, но твое присутствие в Золотой гвардии может вызывать некоторые... вопросы.

Я знал, к чему он клонит. Слишком часто я такое встречал.

— Что мне надо будет сделать? — посмотрел я на него твердо и решительно.

— Я не знаю, что уготовил тебе Трибунал, Леонард, — Титус явно лгал, и пришлось сделать вид, что я проглотил наживку. — Но Триумвират точно захочет, чтобы ты смог развернуть всю эту ситуацию в пользу... в *нашу* пользу.

Я молчал, обдумывая его слова. Поскольку я не до конца понимал, во что ввязалась Камилла, раз ей пришлось тайком покинуть город, дошедшие до меня обрывки слухов теперь складывались в неполную картину, от которой становилось дурно. Сложно было даже предположить, что сестра могла по своей воле попасть в такую историю. Вот только... по своей ли? Мог ли за ее спиной стоять кто-то другой? Отец, например...

Я мотнул головой, отгоняя непрошенные мысли. Нет, я отказывался верить в то, что моя семья, каким бы мерзавцем ни был отец в моих глазах, могла сотрудничать с преступниками. Даже мысль об этом была абсурдной. Выходило, что Камиллу обманом втянули во всё это. А когда я вспоминал просьбу, которую она озвучила тогда, на балу, все становилось еще запутанней. Однако, кто бы ни был виновником произошедшего — отец, Малые Дома или Красный Синдикат, Камилла оказалась лишь удобной пешкой и козлом отпущения, и я никак не мог на это повлиять. Если бы только знал с самого начала...

Титус продолжал внимательно выискивать во мне малейшие сомнения и недовольство, но я знал, как нужно себя вести. Особенно в присутствии префекта. Мегелан был опасен не только как умелый мастер боя, но и как опытный интриган, ведь далеко не каждое сражение он выигрывал острым клинком.

— Вы упомянули, что Триумвират сомневается во мне, — начал я. — Значит ли это, что я лишусь звания Хранителя Чести как недостойный такого высокого доверия?

Мегелан пожал плечами.

— Это уже будет зависеть от тебя, мальчик мой. Император ценит тех, в чьей преданности не сомневается. Кто бы держал рядом с собой ненадежного человека? Ты молод и не так давно стал гражданином... Разумеется, есть подозрения, что чувства к семье могут возобладать над твоим благоразумием.

Вот оно. Вот что от меня потребует Гвардия.

— Так мне надо самолично вынести приговор собственной сестре и семье, чтобы убедить Трибунал? Я прав?

Мегелан замер. На миг темные глаза расширились от осознания, что он сказал лишнего. Но среднеземец тут же взял себя в руки, надев маску напускного безразличия.

— Это уже решать не мне и не тебе.

— Это решит гвардейская верхушка, — раздался, отражаясь от стен, еще один голос, громкий и звонкий.

Мы с Титусом повернулись в сторону дверей, где стоял Бернارد МакГилфор. Останец поприветствовал нас жестом и встал по стойке смирно. Мое предложение пройти и угоститься чем-нибудь из ассортимента моего бара он проигнорировал.

— Я все же на службе, Леонард, — напомнил он тоном, от которого, наверное, все молоко скисало в радиусе десяти футов¹. — И вам бы тоже следовало помнить о предстоящей аудиенции в Беламии.

¹ Фут — мера длины, равная 0,3048 м.

— Брось, Бернард, — Титус махнул рукой и в один присест допил остатки виски. — Это я предложил юному Леонарду составить мне компанию, чтобы скрасить неприятную беседу.

Мужчине оставалось лишь недовольно поджать губы. МакГилфор полностью оправдывал звание Хранителя Справедливости и не переносил любого нарушения устава. Из-за своей чопорности и педантичности он не снискал любви среди подчиненных. Зато начальство таких обожало, уж это я хорошо знал.

— Выходит, меня сопровождают сегодня сразу двое золотых гвардейцев. Чем же я удостоился такой чести? — спросил я, и оба верно истолковали намек в этом незатейливом вопросе.

Тот факт, что сам Мегелан соизволил лично сообщить мне о предстоящих событиях, уже был из ряда вон выходящим. Однако присутствие МакГилфора свидетельствовало о том, что мои дела, вероятно, обстоят гораздо хуже, чем пытался представить Титус.

— Это не честь, а приказ, Леонард, — сухо отчеканил Бернард, даже не пытаясь хоть как-то подсластить горькую пилюлю по примеру своего старшего товарища. — Нам поручено передать вас в руки Трибунала. А дальнейшая ваша судьба будет решена уже после сегодняшнего собрания.

— В таком случае не стоит задерживаться, — я также допил остатки вина, чуть поморщившись, когда оно кислинкой отдалось на языке. — Можем отправляться в дорогу. Чем быстрее все это закончится, тем лучше.

Ехать до квартала войны было меньше получаса, однако напряженная атмосфера, которая наполнила экипаж, как толща морской воды, не давала дышать, а противоречивое поведение гвардейцев лишь сбивало с толку. Титус то и дело старался завести непринужденную беседу, в то время как Бернард со свойственной ему чопорностью хранил молчаливое отчуждение.

Глядя на них, я вспомнил, отчего так невзлюбил высокие чины. Когда служишь простым солдатом среди товарищей Серой гвардии, все ясно и прозрачно, словно лист бумаги. Там царит простая, понятная логика выживания и личных амбиций: кто-то зарабатывает лучший кусок хлеба, кто-то мечтает о теплых покоех после службы, кто-то ищет покровительства сильного командира, прячась в его тени и довольствуясь малым, чтобы выжить. И пусть жестокость нравов там очевидна, зато честна.

Но стоило подняться выше, перейти в Белую гвардию... Не говоря уже о Золотой, элите элит. Тут все совсем иначе: подковерные интриги, с помощью которых офицеры хотели достичь своих целей, ускользали от меня, как нити в спутанном клубке. Хотя скорее это был клубок ядовитых змей, готовых молниеносно броситься на каждого, кого сочтут угрозой своим интересам. Интересно, какую угрозу представляет для них моя сестра?

Молодой рядовой, который заглянул в наш экипаж, побледнел, ошарашенно оглядывая сразу трех золотых гвардейцев. Парнишка торопливо отдал честь и, запинаясь, извинился за то, что доставил неудобства, но все же попросил наши удостоверения.

— Вы сделали все по уставу, кадет Альберг, — Мегелан одобрительно кивнул молодому северянину.

Огонь восхищения в его щенячьих глазах загорелся лишь сильнее. Еще бы — сам Хранитель Силы обратился к нему по имени. Это был излюбленный прием префекта, вполне эффективный, хотя мне казался излишне наигранным. Уважение, которым он пользовался до сих пор как среди простых солдат, так и среди высших чинов, было тому доказательством.

Когда колеса застучали по брусчатке Беламии, мои тревоги начали постепенно отступать. Нигде я не чувствовал себя словно рыба в воде, как в квартале войны. Мы проезжали здания казарм, ведомств, внешним убранством не уступающих шедеврам архитектуры Креациума¹. Даже дышалось тут легче...

¹ Креациум — район Имперской Столицы, предназначенный для культурных развлечений (театры, музеи, выставки).

Однако я не смог скрыть удивления, когда экипаж, пропустив марширующий отряд, не свернул налево, как обычно, а поехал прямо.

— Мы не к Первой Претории¹ направляемся? — осторожно поинтересовался я.

— Ах да, совершенно забыл упомянуть... Нам придется сделать небольшой крюк, — наигранно-виноватым тоном извинился Титус.

— С вами хотят побеседовать в цитадели Семнадцатого, — коротко обозначил МакГилфор. — Я обязан препроводить вас туда до начала заседания Трибунала.

Сердце рухнуло. Семнадцатый Легион... *Черные*...

— Все же смерть одного из нюхачей задела дознавателей? — процедил я, не сводя взгляда с невозмутимого Бернарда.

Мужчина лишь повел плечами.

— Предмет разговора мне неизвестен. Это останется между вами и господином Рихтером.

Расспрашивать МакГилфора не было никакого смысла — даже если он что-то и знает, то ничего не скажет. А он точно знает, ибо сам был одним из верховных дознавателей Семнадцатого Легиона.

Среди всех гвардейских подразделений Семнадцатый всегда стоял особняком, окутанный покровом тайны и слухов. Даже самые высокопоставленные командиры порой терялись в догадках относительно его истинного предназначения и полномочий. Немногочисленный, но эффективно выполняющий свои обязанности, это был легион шпионов, разведчиков и мясников. О них ходило немало легенд, однако единственно правдивой была одна — они были чертовски хороши в добыче информации. Любым способом. Те несчастные, которым не повезло попасть в дознавательские, вряд ли могли рассчитывать покинуть стены цитадели живыми и невредимыми.

Экипаж остановился, и мы с Бернардом вышли в неухоженный проулок.

— Удачи, Леонард, — Титус натянул отеческую улыбку, от которой меня передернуло. — Увидимся на заседании.

— Непременно, господин Мегелан.

Здание, служившее оплотом Семнадцатого, приютилось в глухих кварталах на периферии Беламии, словно забытый всеми островок прошлого среди бурлящего настоящего. Древней башни, возвышающейся у самого побережья залива Регилан, не касались руки зодчих, казалось, с момента ее возведения зим... тысячу назад? Цитадель выглядела крохотной и невзрачной даже несмотря на то, что Семнадцатый, кроме легендарного Первого, считался наименьшим из всех легионов.

Стена крепости была изъедена временем и стихией, местами глазницами зияли пустоты от выпавших кирпичей, а сама кладка проступала неровными складками, будто старческие морщины. Из трещин прорастал дикий мох, а пестрые коврики лишайников покрыли поверхность стен хаотичными узорами. Яростные ветры и беспощадные дожди смыли штукатурку, оставив на фасаде лишь болезненные пятна.

При взгляде на эту жалкую картину мне невольно вспомнилось величие столичных дворцов, каждое строение которых излучало величие и мощь имперской культуры. Все равно что гнойная язва на теле прекрасной дамы... Впрочем, эта гротескность была под стать тем, кто тут обосновался.

Бернард уверенно шел вперед, к невзрачному входу. Охраняющие металлическую, местами ржавую дверь гвардейцы отдали нам честь и впустили внутрь.

¹ Преторий, или Преториум (лат. Praetorium), — в Римской империи название штаба императорской гвардии, административного здания, присутственного места, центральной площади.

Сначала мне показалось, что внутри цитадели даже холоднее, чем снаружи, и я поежился. Полумрак, озаряемый лишь мерцающими огнями масляных ламп на стенах, давил, а темнота казалась вязкой, как масло. Когда из тени тихо вышел молодой дознаватель, я вздрогнул от неожиданности — совершенно не почувствовал его присутствия, пока он не оказался рядом. Словно тот был призраком...

— Господин Рихтер у себя? — спросил Бернард, принимая из рук подчиненного лампу.

— Восьмой этаж, — коротко отчеканил тот, скрестив руки за спиной. Безучастный взгляд навевал жуть. — Дознавательская 80/4.

Восьмой? Уж не ошибся ли этот юнец... В стенах не больше двадцати футов, тут никак не могло быть восемь этажей. Однако Золотой Хранитель задумчиво кивнул. Когда мы пошли дальше по коридору, я не удержался и глянул через плечо. Дознавателя уже и след простыл.

Какое-то время мы плутали по лабиринтам коридоров, пока не вышли к винтовой лестнице. Но, к моему удивлению, уходила она не вверх... а вниз. Я замер, ошарашенно глядя туда, где тьма поглощала не только свет, но, кажется, и сам звук.

Спуск казался бесконечным и, что пугало не меньше, абсолютно безлюдным. В прочих зданиях или казармах при Центуриях всегда бурлила жизнь, подчиненная порядку и уставу. Тут же в коридорах, которые оставались все дальше с каждым витком лестницы, царила мертвая тишина.

Мерный стук сапог гулко раскатывался меж холодных стен, а я все гадал, на сколько же углубляется спуск. На пять этажей? Десять? В какой-то момент стены заблестели влагой, а я заметил зеленый налет водорослей на темных сточенных дорожками воды камнях.

— Мы... под заливом? — слова эхом устремились вниз, стараясь настигнуть хоть одну живую душу, кроме нас с Бернардом.

— Верно, — коротко кивнул тот. — Здание простирается глубоко под землей, и часть помещений находится под заливом Регилан.

Я нервно сглотнул. Мысль о том, что прямо сейчас надо мной толща воды, пугала и шокировала. Зато становилось понятно, как тут размещалась ставка целого легиона.

— Пришли, — через какое-то время Хранитель Справедливости нарушил тишину, оторвав меня от мрачных дум.

Под сводом коридора, куда он указывал рукой, в камне была вырезана цифра VIII. Сам же коридор уходил далеко настолько, что освещающие его факелы превращались в едва заметные точки.

Сначала мне показалось, что кроме нас на этаже никого нет, но обострившийся слух дал информации куда больше, чем глаза. Я уловил едва слышные переговоры, напоминающие стоны и скулеж, звонкие удары капель о каменный пол и шорох крыс, снующих во мраке. В этих подземных казематах неизбежно всплывали в памяти все те байки и слухи, которые распространяли солдаты, особенно когда беседе способствовал определенный градус алкоголя. Однако в этой обстановке они уже не казались простыми страшилками.

Бернард открыл передо мной металлическую дверь, ведущую в одну из дознавательских камер. Комната, окутанная сырым полумраком, была освещена всего двумя фонарями: один стоял на столе, другой находился в дальнем конце помещения, рядом с темным силуэтом мужчины.

Звуки ударов, доносившиеся из коридора, здесь были слышны еще отчетливее. Металлический запах крови, оседающий на языке, усиливал мое напряжение. В дальнем углу худощавый мужчина отстранился от сидящего на стуле пленника и обернулся, явно удивленный неожиданными гостями.

— О Бернард, вы уже пришли? — произнес он, снимая с гвоздя на стене грязную тряпку и начиная усердно вытирать руки.

— Доставил господина Кустодеса, как вы и просили, инквизитор, — отчеканил МакГилфор.

— Прекрасно, верховный дознаватель, — на лице, испещренном морщинами, расцвела довольная улыбка, и он отошел в сторону.

Как бы я ни хотел, взгляд мой был прикован к стулу и человеку на нем. Несмотря на избитое в мясо лицо, несмотря на заплывшие глаза, несмотря на отросшие волосы, спутавшиеся от спекшейся крови, я узнал пленника. Я судорожно попытался проглотить вставший в горле ком, во рту резко пересохло.

Александр Вйбер сквозь полузабытье пытался произнести что-то бессвязное, но разбитые губы его не слушались. Обессиленный, он опасно накренился вперед, и только привязанные к спинке руки не дали ему рухнуть на пол.

Инквизитор с удовольствием проследил за моим взглядом. Бесцеремонно скинув окровавленную тряпку прямо рядом с пленником, он взял папку с документами, пенсне и легко, словно нам предстояло обеденное чаепитие, указал на место напротив.

— Для начала мне стоит представиться, господин Кустодес, — он отодвинул стул и уселся на свое место. — Алан Рихтер, инквизитор второго ранга Семнадцатого Легиона.

— Прошу прощения, инквизитор, но я плохо знаком с *особой* иерархией Семнадцатого, чтобы понимать, с кем по званию имею честь общаться.

Чести в общении с ним, разумеется, ни капли не было.

— В соответствии с офицерскими званиями других подразделений Имперской Гвардии ранг господина Рихтера соответствует званию центуриона, — ответил за старика Бернад, за что получил одобрительный кивок.

Мои брови изумленно вскинулись. Тот факт, что меня вызвал на беседу офицер столь высокого ранга, был насколько же интригующим, настолько и тревожным. Интуиция подсказывала, что исход этой беседы может решить даже больше заседания Трибунала. Я привык полагаться на предчувствие — оно редко меня подводило, в отличие от разума.

— Можете быть свободны, Бернад, — мягко сказал Рихтер. — Дайте нам... часа два. Да, думаю, этого будет достаточно. Мы же успеваем?

— Так точно, инквизитор, — Бернад выпрямился и, отдав честь, скрылся за проскрежетавшей вслед дверью.

— Итак, — начал Алан, поправляя очки и пролистывая бумаги. — Начнем, господин Леонард?

Его ледяные глаза буравили меня, словно пытаюсь проникнуть в самую глубину души.

— Я на допросе? — сухо спросил я, стараясь не смотреть в сторону бессознательно хрипящего Вибера.

Инквизитор удивленно поднял брови.

— Всего нет. Разве вам не сказали, что с вас сняли обвинения?

— С теми, с кого снимают обвинения, не хочет *иметь дело* Семнадцатый, — справедливо заметил я, не сводя глаз со строгого лица, словно грубо обтесанного неумелым скульптором. — Все дело в том ню... искателе, которого я зарубил? Я уже дал показания по этому поводу, и комиссия согласилась, что я был в состоянии аффекта.

Инквизитор молчал, не отбросив своей снисходительной улыбки.

— Вот что вас беспокоит... Понимаю. Да, в тот вечер мы потеряли достаточно много искателей, и учитывая специфику подготовки этих гвардейцев, некоторые потери были... *ненужными*. Но я вполне допускаю, что первая встреча с нашими ребятами в деле может несколько шокировать. А уж тем более, учитывая вашу реакцию и отточенные рефлексy, о которых наслышан даже я, не удивлюсь, что ваше тело среагировало быстрее, чем вы успели подумать... — инквизитор сделал небольшую паузу и добавил вкрадчиво. — И, разумеется, я ни на миг не допускаю, что вы сделали это для того, чтобы дать преступникам шанс сбежать.

В ушах до сих пор иногда стоял тот нечеловеческий вой нюхачей... Правда, причины столь резкой смены их поведения мне до сих пор не были ясны.

Я поймал себя на мысли, что Рихтер пристально следит за мной. За каждой мышцей на лице, за каждым мускулом, за каждым моим вдохом... Мерзкое, пронизывающее до костей чувство. Как и всё в этих поганных казематах.

— Что вы хотели, в таком случае, инквизитор?

— В деле вашей сестры есть некоторые... хм, несостыковки. И я подумал, что, может, вы внесете ясность? А то капитан оказался не очень сговорчив.

— И для этого мне нужно было спускаться прямо сюда?

— Да, обстановка не очень уютная, — согласился Рихтер, разводя руками, — но я очень не люблю отвлекаться от работы.

Густая кровь стекала изо рта Вибера и разбивалась о каменный пол раздражающе монотонными каплями.

— Что вы хотели узнать, инквизитор? — спокойно повторил я.

— Для начала — вы знаете, в чем конкретно обвиняют Камиллу из Дома Кустодес?

— Нет. Я же не имею отношения к ее делу.

— Верно... — инквизитор задумчиво потер подбородок. — Ей, как и ее подруге Адилии из Дома Набелит, будет предъявлено обвинение в сговоре с преступной группировкой Красный Синдикат, участии в преступной деятельности и незаконном проникновении на территорию, находящуюся под временной юрисдикцией Имперской Гвардии.

Я непонимающе уставился на него. Конечно, *такого* я точно не ожидал услышать...

— Полагаю, у вас достаточно улик для таких обвинений? — я прищурился.

— Достаточно, — кивнул Алан. — Помимо того, что обнаружили на месте преступления в Академии, при обыске ее дома была найдена печать, которая встречается только у членов группировки и им содействующих.

Да неужели? Я бы ничуть не удивился, если бы эти «улики» оказались в доме и после обыска...

— И давно у нас две девицы благородных кровей проникают в Академию по ночам? — сухо поинтересовался я и тут же добавил, предвосхищая закономерный вопрос. — Об этом деле говорят уже второй месяц. Я не настолько туп, чтобы не сложить два и два, инквизитор, уже простите. Что-то не припомню, чтобы ради такого к делу подключался Семнадцатый.

— Вы не перестаете меня приятно удивлять, — мужчина учтиво склонил голову. — Вот только вы несколько заблуждаетесь. Ваша сестра и ее друзья проникли в корпус археомагических исследований не самостоятельно. Кроме особой печати при обыске мы обнаружили и ряд материалов интересного содержания... Сведения, добытые Красным Синдикатом, там тоже присутствовали. Это я уже молчу о наводках и показаниях свидетелей против нее.

Я недоверчиво прищурился. Что-то не сходилось. Он говорил слишком уверенно. Был слишком спокоен. Неужели... Ну не могла же Камилла и вправду влезть в нечто настолько безрассудное и опасное. Вот только...

— Зачем же ей это все? — уже вслух спросил я и даже не знаю, к кому больше был обращен этот вопрос — к инквизитору или к самому себе.

Алан вздохнул и протер очки краем своей рубашки.

— А вот тут и кроется загадка, на которую мы пытаемся найти ответ. К сожалению, вынужден сказать вам — хотите вы того или нет — даже если с вас снимут все обвинения, вы останетесь причастны к этому делу... А потому хочу предложить вам добровольное сотрудничество. Разрешение этой ситуации и последующего за ним конфликта — угодное Императору дело, и вас, как золотого гвардейца, это должно волновать в первую очередь, не так ли?

Вместо ответа я проскрежетал зубами. Ну вот опять. Опять я лишь удобная фигура. Опять мной хотят разыграть гамбит в чьей-то партии. Руки сжались в кулаки.

— А если я откажусь?

— Даже не знаю... Но боюсь, что доводы, которые собрали по вашему случаю дознаватели и комиссары, могут показаться Трибуналу недостаточно убедительными... Многие и так в сомнениях. А терять такого талантливую и преданного слугу Император вряд ли захочет.

Значит, или жизнь, или... что? Предательство? Но... кого я предаю? Нет, моя задача — показать, как я верен Империи. Это выше крови, выше привязанностей. Взгляд снова невольно скользнул на Вибера.

— Хорошо, инквизитор. Мне нечего утаивать пред очами Его, и уста мои будут нести истину, дабы услышал Он, что мысли мои чисты и устремлены к заветам, что были нам завещаны, — отчеканил я слова присяги, которую обычно давали на суде.

Линзы зловеще блеснули.

— Я не сомневался в вашем благоразумии, — инквизитор пролистал содержимое папки, что-то ища. — Начнем с того, что все, что мы скажем здесь, останется строго между нами. Если вдруг вы захотите сообщить нечто компрометирующее, то клянусь всеми канцлерами и самим Императором, что слова эти не станут использоваться против вас.

Я кивнул, впрочем, не сильно веря в его искренность. Уж не думал ли этот останец, что я стану с ним откровенничать?

— Великолепно... Вопрос первый: вы знали о том, что ваша сестра и ее сообщники попытаются покинуть город в ночь на девятый день третьего месяца зимней поры?

— Нет, — тут же солгал я и даже бровью не повел.

— Вопрос второй: она не упоминала, с кем и куда собирается направляться?

— Нет, — а вот этот ответ уже был совершенно искренним.

— О том, что капитан Александер Вибер с большой вероятностью также мог быть в сговоре с преступницей и помочь им организовать побег, вы также не знали?

Я с трудом подавил волнение, помня, что проницательные глаза все еще жадно следят за мной.

— Нет.

— Как вы объясните столь невероятное стечение обстоятельств, что именно вы и именно капитан Вибер оказались в одном карауле в ночь на рубус⁵?

— Чудовищное совпадение, — я пожал плечами, хотя на спине начал выступать холодный пот.

— Чудовищное совпадение... — повторил инквизитор, склонившись над бумагами. — Так и запишем.

— Это уже несколько начинает походить на допрос, не находите?

Но инквизитор лишь усмехнулся.

— Если вы хотите узнать, как проходит допрос на самом деле, можете спросить у вашего друга, — Алан небрежным кивком указал на дальний угол. — Когда он придет в себя, разумеется. А мы с вами *просто беседуем*. Ради общего блага и скорейшего возвращения вашей сестры в целостности и сохранности.

— Только ее? А как же ее подруга Набелит?

— Адилия Набелит не так важна, как Камилла Кустодес, — прямо ответил останец. — Ее возвращение в столицу — задача, порученная лично Императором. А вы знаете, полагаю, насколько такие задачи *первостепенны*.

Я в очередной раз смутился. Камиллу нужно найти, да еще и по личной просьбе Императора? Что-то не верится.

— Вы рассчитываете использовать ее против моего... против герцога Эстебана? — вдруг догадался я. — Хотите сделать ее заложницей и использовать в своих играх?

¹ Седьмой день недели.

На секунду в мерцающем свете мне померещилось, что прибитая к лицу гвардейца улыбка дрогнула. Стекла пенсне зловеще блеснули.

— Замыслы Императора неисповедимы, и то, для каких целей нужна госпожа Кустодес, — одна Его забота, — мягко, но с нескрываемой угрозой проговорил Алан. — Мы же с вами лишь исполняем Его волю... Продолжим. Госпожа Камилла что-то упоминала о своей связи с капитаном Вибером?

От такого вопроса я аж поперхнулся.

— Простите?..

— О, прошу прощения, я неправильно выразился, — старик явно наслаждался моей реакцией на такое заявление. — Я подразумевал обстоятельства их знакомства, не более.

Оправившись от смятения, я задумался. Могло ли быть тут что-то, что подставит под удар Александра или Камиллу? Из тех скурых обрывочных сведений, что у меня были, цельная картина никак не складывалась, однако нельзя было игнорировать недавние обвинения, которые во всеуслышание бросил Арно Монрес.

— Вы колеблетесь, — констатировал Рихтер.

— Нет, я... Я просто толком ничего не знаю об этом. Камилла этим со мной не делилась. Я знал, что Александр был на задании в северной части Веаса. Знаю, что Камилла была в той деревне, где, видимо, расположился его отряд. Но все остальное для меня загадка.

Снова несколько быстрых пометок. От скрипа кончика пера, рассекающего бумагу, сводило зубы.

— А что можете сказать о вашем сослуживце? — вдруг поинтересовался Рихтер.

— О Вибере? — уточнил я под утвердительный кивок. — Он трудолюбивый, порядочный, отдающийся делу Императора целиком и полностью.

— А что же насчет его преданности? Мог ли он, по-вашему, действовать в своих корыстных интересах?

— Например?..

— Например, заключить сделку с Синдикатом.

— Исключено, — отчего-то подобные обвинения в адрес товарища вызвали у меня гнев похлеще, чем обвинения в адрес Камиллы. — Он, конечно, не праведник, но еще со времен нашего обучения в кадетах он видел целью своей жизни служение Имперским Истинам. В жизни не поверю, что он может предать Империю.

— Люди умеют многое скрывать при должном навыке, — инквизитор прищурился.

— Вы же останец, как и он, — я нахмурился. — Как вы можете обвинять его, когда вся ваша культура основана на почитании Истин и великих имперских героев? Я не встречал ни одного останца, который мог и на миг допустить мысль о предательстве всего того, что вы называете святым.

На лице инквизитора расцвело удивление, но он тут же взял себя в руки.

— Каждый, кто намерен посвятить жизнь службе Императору, готов положить свои принципы на алтарь и принести эту жертву, дабы стать *достойным* гражданином. Если капитан способен переступить через себя ради статуса гражданина, откуда вам знать, что он не предаст свои принципы ради наживы?

— Меня вы тоже считаете таковым? — холодно поинтересовался я. — Я ведь отринул свои принципы и свою родословную. По-вашему, я тоже могу предать это все?

— Ваша преданность неоспорима по другим причинам, — Алан бросил острый взгляд поверх очков. — Вы в противном случае останетесь ни с чем. Без положения в обществе и без высокого звания. Как долго вы сможете прожить на самом дне, лишившись всего? Мы же, останцы, за прошедшие века научились приспосабливаться к абсолютно любой ситуации. Просто потому что должны выживать любой ценой. Даже если ценой этой будут наши убеждения.

Поверьте мне на слово, Леонард: тем, кто готов менять свою позицию, как перчатки, доверять стоит меньше всего. И сужу я по себе в том числе.

Чем больше я проводил времени с этим человеком, тем более отвратительным он мне казался. Я предпочитал держаться подальше от таких людей, а теперь, будучи запертым с ним в клетке, не знал, как с ним общаться.

— Что же, если с моральными вопросами мы закончили, вернемся к более приземленным вещам, — последовал очередной шелест бумаг. — Камилла не упоминала о том, что интересуется магией или магическими артефактами?

— Это глупый вопрос, потому что она не то чтобы интересовалась, а прямо-таки грезилась ими. Впрочем, сестра выросла на книжках с историями о былом, это и неудивительно.

— То есть интерес к магии она проявляла с самого детства?

— Да, и сильнее всего после того, как ей подарили этот камень... замерзшее пламя, кажется.

— Кто ей подарил этот артефакт?

— Ярлб¹ Айварс Хус.

— Хус... Как интересно. Учítывая, что в этом замешан и его сын.

— Ари? — я не поверил своим ушам в очередной раз. — Этот моралист до мозга костей? Он-то как мог во все это ввязаться? Мне кажется, это какая-то ошибка.

— Ну, во время нашей *беседы* он рассказал нечто интересное...

Внутри все похолодело. Ари все же был наследником Великого Дома. Если дознаватели причинили ему хоть какой-то вред, учítывая его проблемы со здоровьем, ярл этого терпеть не станет.

— Как же так получилось, что в этом деле оказались замешаны фамилии трех Великих Домов сразу? — скептически поинтересовался я.

— Иногда правда бывает куда фантастичнее любой лжи, — инквизитор вздохнул, снял пенсне и положил на стол. — Молодой Хус поведал нам свою версию событий. И уверяю вас, вы поверите ей еще меньше, чем вероятности связи сразу трех аристократов с преступниками. Особенно, когда это все касается магии.

— Вы хотели сказать, магических артефактов? — уточнил я.

Инквизитор прищурился, испытующе глядя на меня.

— Разумеется, именно *это* я и имел в виду, Леонард, — произнес он вкрадчиво.

Откинувшись в кресле, Рихтер стал обдумывать услышанное. От мерного поскрипывания стула я начинал терять терпение.

— Это все, что вы хотели от меня?

Алан не торопился с ответом, словно издеваясь надо мной: к скрипу стула добавились еще и ритмичные постукивания пальцами по столешнице.

— Вы можете не беспокоиться ни за положение, ни за должность. Я поручусь перед Трибуналом, но должен сказать, что ситуация складывается паршивая.

— Из-за моей сестры?

— Из-за Александра Вибера, — поправил Рихтер. — Капитан в своей самонадеянности наломал дров, которые теперь аукнутся нам сполна.

— И какая судьба его ждет? Разжалование или...

— Смотрю, будущее вашего сослуживца тревожит вас сильнее, чем участь собственной сестры, — Алан усмехнулся. — К счастью или нет, этот безродный проходимец успел обзавестись достаточно могущественными покровителями, для которых такие *исполнительные* люди крайне удобны. Однако Малые Дома во главе с Ареланами уже подали официальную жалобу на

¹ Ярл (др.-сканд. Jarl) — один из высших титулов в иерархии в средневековой Скандинавии, а также само сословие знати. Первоначально означал племенного вождя, позже — титул верховного правителя страны.

деятельность гвардии и, увы, разбирательства, пусть и для отвода глаз, не избежать. Капитана сошлют куда подальше от Столицы, в один из провинциальных легионов, где он продолжит со свойственным ему *рвением* служить делу Империи. Ну а мы будем искать способы уладить конфликт с Веасом в нашу пользу. Например, воспользуемся разменной картой в нашем рукаве.

Смысл слов доходил до меня не сразу, постепенно. И он пугал не меньше, чем человек, сидящий напротив.

— Мне... предстоит сыграть эту роль? — сухо поинтересовался я.

— О, так вы не только великолепный дуэлянт, но еще и опытный политический игрок? — язвительно заметил Рихтер. — Как много талантов для одного молодого человека.

— Я бы с превеликим удовольствием стоял в стороне от всех этих интриг, но, похоже, это уже часть моей работы... Вот только как вы планируете убедить герцога Эстебана повлиять на Малые Дома? Учитывая, что на Веасе уже многие годы идет незримое противостояние между северной и южными частями.

— Это, несомненно, все усложняет. Никто не верит, что Ареланы с Фальконе подали жалобу с одобрения Дома Кустодес. Одно это уже говорит многое о *реальном* положении дел в провинции. У нас есть несколько рычагов, на которые мы можем подействовать, чтобы разрешить все в свою пользу без повторения арраканского инцидента.

— Камилла — один из ваших рычагов?

Алан развел руками.

— Увы. Пока мы заняты ее поисками, можно попробовать сыграть на чувствах отца, тревожащегося за свое дитя... Но ведь у герцога не только дочь.

А, вот оно... Та самая суть, так тщательно скрытая красивой оберткой для отвода глаз. Я судорожно вздохнул.

— Вижу, вы уже поняли, к чему я веду? — Алан мастерски вплеп в свой голос самодвольные нотки.

— Не стоит возлагать надежды на то, что я смогу повлиять на отца или брата. Ведь я сделал выбор в пользу служения Империи, мне этого так и не простили.

— Что повлияет, а что нет, этого вы наверняка сказать не можете, — продолжил Рихтер, его лицо вновь озарилось зловещей улыбкой, которая подобно уродливому шраму исказила его черты. — Когда за вами придет Бернارد и сопроводит в Залы Справедливости, вам будет предоставлена возможность искупить свою вину перед Империей, что станет доказательством вашей лояльности. Вы примете это предложение. Через неделю вы отправитесь в путь в качестве сопровождения делегации имперского эмиссара.

Меня охватил пронизывающий до костей холод. Ловушка, умело расставленная гвардейцем, захлопнулась, и инквизитор с удовлетворением наблюдал за тем, как мрачнеет мое лицо.

— Надеюсь на плодотворное сотрудничество, господин Кустодес, — он протянул мне руку для рукопожатия.

Глава 2

— Опять ты тут... А ну вставай!

Резкий пинок заставил меня подскочить.

— Ян?.. — вырвалось у меня, пока сон нехотя отпуская из своих когтистых объятий.

— Не Ян, а Яшмос, — сварг сверлил меня своими маленькими темными глазами. — Сколько раз я тебе говорил не спать тут, как беспризорная псина?

Я насупилась, но промолчала на его выпад. Как и всегда.

— Мне-то все равно, но вот друидке твоей тебя лечить каждый раз приходится. Эта карга меня достала уже... Ну, вставай давай. А то мешаешь в каюту зайти.

Я неохотно поднялась на ноги. Теплые одеяла, в которые я была тщательно укутана, соскользнули на палубу. Подхватив их, я осторожно вышла из укромного закутка у капитанского юта, пропуская сварга в его скромные покои.

— Мы прибыли в Хольмскáйр? — осторожно спросила я зевающего коротышку.

— Ага. Это последний крупный город на пути до Фронтيرا. Пока я буду отсыпаться, закупитесь всем чем надо, а в ночь двинемся в путь.

Я поехала. Во время сна холод почти не ощущался, но сейчас мороз в очередной раз предпринял попытку цапнуть меня сквозь слои одежды. И довольно успешную.

Яшмос вздохнул, с недовольным цоканьем стянул с себя соболиный полушубок и протянул мне.

— На вот, — сказал он, тон его смягчился. — А то смотреть на тебя зябко. Не забудь прикупить нормальной одежды, эти останские шерстяные тряпки тебя никак не спасут, когда мы окажемся близ Белизны.

Я благодарно кивнула. Сварг был всего на полголовы ниже меня, но раза в полтора шире. Еще теплая шуба висела на мне как шатер, но зато хорошо защищала от непогоды.

За время нашего путешествия Яшмос привык к тому, что по утрам я засыпаю у его каюты. Каждый раз, когда он возвращался после тяжелой ночи, встреча у его двери с девушкой, похожей на испуганного забившегося в угол зверька, вызывала у него ворчание и недовольство.

Я подозревала, что он понимает, почему я не могу спать в своей маленькой, но теплой каюте. Оттого и ворчание его было скорее ширмой, скрывающей беспокойство. Иногда он давал мне теплую одежду, как сейчас. Иногда заваривал крепкий синеватый напиток, от которого все внутри будто обжигало жаром. Несмотря на сварливый характер, капитан «Северного ветра» казался добрым и понимающим. Порой даже более человечным, чем некоторые люди...

— Давай, иди, чего встала как вкопанная, — Яшмос снова недовольно посмотрел на меня, вытряхивая содержимое курительной трубки в специальный мешочек.

— А вы не хотите в город? — поинтересовалась я, опомнившись.

— Чего я там не видел-то, — отмахнулся он. — Людские города все одинаковые: вонища, грязища да ор. А у северян это все в двойном объеме.

Я насупилась. Снова моя попытка наладить с ним отношения осталась незамеченной. Яшмос, видя мое недовольство, начал нервно накручивать свои и без того завитые кольцами усы. Он всегда так делал, когда в нем вспыхивало раздражение.

— Ты уж прости, *blegiansigtet*¹, но у нас все-таки впереди длинный перегон. Спать буду до самого вечера, — сказал он уже чуть мягче. — Лучше сама хорошенько отдохни, развейся. А то вы чахнете тут на палубе... ну, когда не пытаетесь сжечь мой корабль, разумеется.

Я улыбнулась его шутке, которая, впрочем, была шуткой лишь отчасти.

¹ Бледнолицая (общее наречение).

— На самом деле мне на палубе лучше, чем в каюте. Хотя я все еще не понимаю, как эта штука устроена...

— А тебе это и не нужно. Едет? Вот и отлично. А остальное уж моя забота, — Яшмос продолжал хмуро изучать меня. — Вечером не забудь мне тулуп вернуть.

— Конечно, — заверила я, и капитан скрылся в полумраке каюты.

Со вздохом я нехотя спустилась в трюм, оставляя за собой вереницу следов по хрустящему свежевывапавшему снегу. Здесь, на севере, легко забываешь, что зимняя пора уже подошла к концу.

Сложно сказать точно, сколько мы были в пути. Я сбилась со счета на второй неделе, когда мы наконец пересекли границу Остании через озеро Брайтуотер. Однако чем дальше мы уходили от Остании с ее небольшими ухоженными деревушками с двух-трехэтажными побеленными домиками, облицованными темными досками, тем больше оказывались во власти холодного и неприветливого Нортланда.

Такое ощущение, что край этот никогда не знавал не то что лета, но даже весны с ее теплыми деньками и проглядывающей молодой растительностью. Зима здесь царствовала все четыре поры, укрывая землю плотным снежным полотном, а небо, казалось, и вовсе никогда не знало солнечного света — я что просыпалась в темноте, что ложилась, все было едино. Да и днем зачастую стояли неяркие сумерки, окутавшие горизонт и леса серой дымкой.

Был уже первый месяц весенней поры, а лед так плотно сковывал реку, что мы передвигались только благодаря особой конструкции необычного судна — ветрохода, как называл его Яшмос. На выдвижных полозьях, принцип работы которых для меня оставался непостижимым, ветроход не просто не терял скорости, но и, кажется, двигался даже быстрее, чем по водной глади.

Размышляя о том, что дни нашего унылого путешествия давно слились в один, я оказалась на нижней палубе, и тут же в нос ударил едкий запах гари и жженой шерсти. Я рванула в нашу каюту, прекрасно зная, откуда он исходит. «Опять...» — мелькнуло в голове, когда я резко распахнула дверь.

Каталина мерно посапывала, с головой укутанная одеялом, а вот Аде снился очередной кошмар — девушка металась и ворочалась, дыхание ее было прерывистым и надрывным. Огонек свечи, оставленной мной на столике, словно вторя ее терзаниям, то распался, то осыпался слезами искр. Несколько из них упало на пол и кровать, начав прожигать ткань одеяла.

Потушив свечу и откинув дымящийся войлок в сторону, я аккуратно потормошила подругу:

— Ада!

Девушка подскочила, едва я тронула ее за плечо, испуганный взгляд все никак не мог задержаться на чем-то одном.

— Где мы?

— В Хольмскайре, — спокойно ответила я, отпуская ее, давая отдышаться и прийти в себя.

— В Хольмскайре?.. — она недоверчиво посмотрела на меня, а затем ее тревожный взгляд просиял печальным осознанием и темные глаза закрыла уже знакомая мне пелена, отчего взгляд ее сделался отчаянным. — Который час?

— Скоро рассветет, — сказала я, переводя короткий взгляд на Каталину. Та замерла, явно прислушиваясь к нашему разговору, но продолжала делать вид, что спит.

— Опять ты рано подскочила... — набылитка вздохнула и укрыла лицо в ладонях, а затем принялась. — Я снова сделала... это?

— Ага, очередное одеяло в утиль. София будет недовольна, — я попыталась приободрить Аду шуткой, но та не отреагировала.

Подобные неконтролируемые вспышки магического дара в последнее время происходили все чаще. Йана и София в свободные минуты делились с нами базовыми знаниями о контроле над нашей магией, дабы избежать таких ситуаций. Однако, не считая двух успешно устроенных поджогов, занятия эти мало что давали. По крайней мере, мне.

Они объясняли, что магия черпает силу в чувствах, и контроль эмоций — это первое, что мы должны освоить. Однако кошмары, преследующие по ночам не только меня, но и Аду, выпускали наружу все то, что днем мы так усердно пытались подчинять своей воле. Из-за этого первое время мы с ней спали чуть ли не по очереди, а возможность нормально отдохнуть казалась несбыточной мечтой. Медитации и прочие духовные практики Софии помогали куда меньше, чем ее зелья, которые позволяли спать без сновидений.

И все же магия давалась Аде куда лучше. Она то и дело со страхом и радостным трепетом демонстрировала свои успехи. По большей части это было управление огоньком в лампе, и Йана строго запретила делать это без ее надзора.

Видя, что Ада еще не отошла от мучившего ее кошмара, я начала выходить из комнаты, но набелитка меня остановила.

— Погоди, дай мне пару минут, — негромко попросила она, торопливо натягивая теплую одежду, — раз уж я все равно проснулась...

Я неопределенно кивнула, хотя не была настроена на компанию. Схватив прожженное одеяло, я вышла из каюты в узкий коридор, где из полумрака на меня уже поглядывали два красных глаза.

— Йана!.. — я вздрогнула от неожиданности.

— И тебе доброе утро, — эльфийка переводила взгляд с меня, одетую в полушубок Яшмоса, на испорченный войлок в руках. На лице читалось понимание.

Я ожидала упреков, ведь это я оставила свечу в комнате, но та лишь тяжело вздохнула.

— Завтрак готов, — сообщила она, принимая из моих рук шерстяное полотно.

— А где Кригер?

Орк облюбовал кампус, как свою каюту, а поспать любил сполна. Впрочем, кроме сна с перерывами на еду в пути заниматься было нечем.

— Ушел вместе с Софией. За покупками. И новостями.

Я встрепенулась от последней фразы.

— Что-то слышно?

— Пока неясно, и это пугает, — Йана явно нервничала.

Складывалось впечатление, что мир вовсе забыл о нашем существовании. Пока мы пересекали Останию, София запретила нам покидать ветроход под предлогом того, что мы слишком близко к границам Империи и можем привлечь внимание местных или гвардейцев. У нас было несколько остановок, когда Софии потребовалось купить некоторые лекарства — тогда мы с Каталиной подхватили простуду, грозящую осложнениями, но теперь, когда мы одолели примерно две трети нашего пути, игнорировать нехватку припасов уже было нельзя.

Мы то и дело делали небольшие остановки, где, помимо провизии, пытались разжиться хоть какими-то сведениями. Любые сплетни были бы лучше пугающего затишья, и это нельзя было списать на отдаленность от Среднеземья — все же река Сильверлейн была крупным торговым маршрутом, и уж если новости не заносились приезжими купцами, то, значит, их и вовсе не было.

Лишь отдельные обрывки, настолько же неясные, как окутанный туманом горизонт, доносились до нас на городских базарах: в Столице идет крупное расследование в Гвардии, собирается какая-то делегация то ли на юг, то ли на восток, но никакой конкретики не было. И надежды на то, что мы получим ее до того, как покинем населенные людьми территории, уже не оставалось.

За скудным завтраком, состоявшим из жесткой солонины, галет и засохшего сыра, мы обсудили план действий. Йана заявила, что без маскировки мы никуда не пойдем и без ее сопровождения нас никто одних не отпустит. Присоединившаяся к нам Ада заявила, что хочет попасть на ярмарку, огни которой мы видели еще прошлым вечером.

— Сейчас уже, наверное, праздник весеннего равноденствия, — предположила Ада, которая зацепилась за редкую возможность развлечься и сменить обстановку. — Если мы пойдем вечером, то и маскировка не нужна будет.

Однако Йана была настроена скептически, в который раз напомнив, что нам стоит привлекать к себе как можно меньше внимания. Но глядя, как сникла Ада, все же смягчилась.

— После того, как купим все необходимое, можем отправиться на ярмарочную площадь вместе, — предложила она примирительно. — Уверена, там и днем есть на что посмотреть.

— И Каталину с собой позовем, — опомнилась я, в очередной раз почувствовав укол вины за судьбу подруги.

За все прошедшие недели мы почти не разговаривали с ней, но я знала ее слишком долго, чтобы понять — Андо обижена. На меня. На Софию. На всех. Я не могла ее винить за это — мы обе отстранились от всего вокруг. А Яшмос, Йана и Криг и вовсе откровенно пугали девушку. Казалось, сам факт их существования не укладывался у нее в голове. Большую часть пути, если София не просила помочь с чем-то, Андо сидела в каюте, практически не выходя на палубу. Возможно, праздник будет хорошим поводом наладить отношения.

Однако Каталины в комнате не оказалось. Девушка с какой-то немислимой скрытностью успела пробраться мимо нас, пока мы завтракали. И в очередной раз переживание за подругу сменилось раздражительностью из-за опрометчивости ее поступка.

— И что будем делать? — уныло спросила я.

Но Йана, к моему удивлению, лишь пожала плечами.

— Она не маг, так что до нее мне дела нет, — от того, с какой простотой она произнесла эти безжалостные слова, по коже пробежал неприятный холодок. — Только вы имеете значение, она тут вообще по абсолютной случайности оказалась. Империя тоже ее искать не будет.

— Но ведь она может что-то знать, вдруг для гвардии эти сведения окажутся полезными? — возразила я.

— Никуда она не денется, — Йана нахмурилась. — Без денег ей одной не выжить. Погуляет и вернется до того, как Септимия переменится, вот увидите.

На месте эльфийки я бы не была так уверена, ведь с *особыми навыками* Каталины ей ничего не стоило срубить денег в любой ближайшей таверне, а затем найти корабль и уплыть... Домой, к отцу? Или в Столицу, к Лео? Я отогнала от себя очередную волну негодования и поняла, что Йана все-таки права — пусть и против свой воли, Каталина привязана к нам. Каким бы везением она ни обладала, всегда есть шанс распрощаться с единственным, что у нее осталось, — жизнью.

Как только Йана закончила заклинание иллюзии, мы, утепившись, отправились в город. Яшмос всегда пришвартовывал ветроход чуть поодаль от поселений, чтобы не привлекать внимания, а потому путь до Хольмскайра лежал через небольшой лесок по узкой тропинке, проторенной Кригом с Софией.

От остальных деревенок, попадавших на пути, Хольмскайр отличался лишь размером. Сильверлейн тут расходился на два русла, и город раскинулся на всех трех берегах, но все равно состоял из одинаковых невысоких бревенчатых домов. Никаких архитектурных изысков, за исключением, пожалуй, красивой деревянной резьбы на фасадах, тут не было. Большую часть составляли лачуги с соломенными или деревянными крышами и длинные дома.

На пригорке среднего берега возвышался мьедранн⁸ тана⁹ Торвальда, чей Дом правил на этих землях. Их стяги — серебряные, с красной рыбой — горделиво развевались на ветру, отчего казалось, что геральдическое животное плывет прямо по затянутому облаками небу, сквозь снегопад.

Ада оказалась права, и город был оживлен почти так же, как во время Единения. По рассказам Ари, языческие праздники нортлингов, связанные со сменой сезонов, отмечались по несколько дней и с размахом. Поговаривали, некоторые продолжали придерживаться старых традиций, но я не верила, что в таком крупном городе будут приносить кого-то в жертву.

Хоть и сам факт праздника, чествовавшего Старых Богов, казался мне диким и неуместным, всеобщее веселье не могло не радовать глаз. Заразительный смех и атмосфера ликования отгоняли тоску, висевшую надо мной вот уже которую неделю. Однако глядя на веселящихся ребятишек, шутов в ярких костюмах, выпивающих на спор алкоголь горожан и купцов, зазывающих зевак своими диковинными товарами, я ловила печальную мысль: это только моя жизнь недавно рухнула. Для всего остального мира ни моего потрясения от открывшейся правды о сути мироздания, ни горечи утраты Яна не существовало. Для всех них жизнь продолжает идти своим чередом, оставляя простолюдинов на растерзание их никчемным будничным проблемам.

Грязное месиво из снега и земли под ногами неприятно чавкало, заставляло с каждым шагом вязнуть в нем все сильнее и сильнее.

— Может, пойдем по главной улице? Хотя бы она должна же быть мощеной, — раздраженно предложила я, в очередной раз пытаюсь стереть грязь с подола юбки и полушубка. — Зря, что ли, ты на нас свои чары накладывала.

— Потерпишь, — отрезала Йана, а потом добавила. — Я видела гвардейцев.

Мы с Адой оторопело смотрели на нее. Обычно гвардейцы в городе просто так, без надобности не показывались.

— Может, они просто помогают страже следить за порядком? — неуверенно предположила Ада.

— Может быть, — согласилась Йана. — А, может, слухи уже и сюда добрались...

— Слухи? — резко переспросила я. — Какие еще слухи?

— Поговаривают, что вы теперь обе в розыске, — вздохнула Йана, поняв, что уже не отвертеться. — Мы и до этого получали такие известия от шпионов Синдиката, но, кажется, это успело просочиться за пределы Масерий.

— И почему мы слышим об этом только сейчас? — в голосе Ады звенела закономерная обида. — Почему вы раньше не сказали нам этого?

— Потому что это просто слухи. Пока Кригер и София не получают надежного подтверждения, нет смысла вас тревожить по пустякам.

— Это не пустяки! — возмутилась я. — Ты же сама говорила, что это может стать проблемой для наших Домов. А если им предъявят те же обвинения, что и нам... Мой Дом никак не связан с Хеби и его деятельностью, а Ада и вовсе случайно оказалась замешана во всем этом!

— Это будут уже не ваши проблемы, — Йана вздохнула. — Ты можешь как-то повлиять на эту ситуацию?

— Н-нет...

— Ну тогда и не думай сейчас об этом. Поверь, у тебя еще будет о чем волноваться... Тебя это тоже касается, Ада. Вы поняли меня?

¹ Мьедранн (от др.-сканд. Mjöd-rann — медовый зал) — разновидность длинных домов в Скандинавии эпохи викингов и у германских народов, они использовались в качестве резиденций правителей и их придворных.

² Тан (англ. Thane) — исторический дворянский титул в Средние века в Шотландии: рыцарь, феодал, глава клана, шотландский лорд; (здесь) глава Малого Дома в Нортланде.

Она испытующе смотрела на нас, и на миг мне показалось, что красные отблески промелькнули даже сквозь голубую радужку иллюзии. И только лишь когда мы обе нехотя кивнули, эльфийка вновь сделалась милой и веселой, словно этого разговора и не было.

Так мы и шли, петляя, по улочкам, минуя неторопливо идущих навстречу горожан, скотину, которую не стесняясь пасли прямо в городской черте, пьянчуг, распластавшихся вдоль стен с бутылками в руках. Город вонял рыбой, потрохами и навозом, и я мысленно соглашалась с характеристикой, которую этому поселению недавно дал Яшмос. В очередной раз я невольно сравнивала Хольмскэйр с Имперской Столицей, и захотелось оказаться подальше отсюда.

Неприветливыми были не только окружавшие нас деревянные стены, но и прохожие. Никто не расступался перед нами, то и дело толкая, бросая то недовольные взгляды, то парутройку ругательств вслед. Торговая улица растянулась аж на все три берега длинной цветастой шумной полосой. Купцы, затрудняя движение, не стеснялись выставлять свой товар даже на дощатых мостах, соединявших берега.

Приезжих купцов легко было узнать не только по внешнему виду, но и по неумелым попыткам зазывать потенциальных покупателей на норланге. Хотя я и не знала языка северян, было несложно услышать акцент. Сами же северяне при этом смотрели на них с явным недоверием, явно предпочитая покупать те же товары у своих земляков.

Такое отношение не стало для нас откровением: София сразу предупредила, что нортлинги — народ сплоченный, но недружелюбный к чужакам. Чтобы заслужить их доверие, нужно было проявлять уважение к их культуре, но все равно любой иноземец, даже в крупных городах, сразу привлекает внимание, а подозрительные жители припоминают всех посторонних. Оттого единственный вариант для нас с Адой оставаться незамеченными — держать рот на замке.

Эльфийка говорила на норланге бойко и уверенно, умело имитируя поведение северянки. Мы успешно купили припасы, лекарственные травы и настойки, дополнительную меховую одежду, шерсть. Однако мило улыбаться и кивать продавцам, которые что-то спрашивали у нас, сильно надоедало. Особенно когда совершенно не представляешь, о чем идет речь.

В какой-то момент Йана, в который раз пытаюсь заговорить зубы очередному торгашу, резко дернула нас ближе к себе.

— Сюда, живо, — шикнула она негромко.

Я сначала не поняла внезапной смены ее поведения, однако стоило мне начать осматриваться, тут же стала ясна причина ее беспокойства. Внутри все похолодело.

По улице неторопливо, лениво озираясь по сторонам, шагали четверо гвардейцев в серых одеждах. Униформа их значительно отличалась от столичных утепленных камзолов, но одеяния одного из них были намного темнее...

— Ищейка?! — ахнула вцепившаяся в мое плечо Ада. — Здесь?..

Я в очередной раз поняла, что задержала дыхание, словно бы это могло скрыть меня от синеглазого чудовища.

Йана лишь коротко кивнула.

— Просто стойте. Ведите себя естественно, — и с этими словами и милой озорной улыбочкой она вновь вернулась к беседе с купцом, явно пытаюсь договориться с тем о более выгодной цене.

«Легко сказать», — подумала я, пока патрульные проходили мимо нас. Я не удержалась, и мой взгляд скользнул им вслед.

Прохожие, которые также явно чувствовали угрозу и властность, исходящую от гвардейцев, расступались перед ними, опустив взгляды. Один лишь мальчишка, сидевший у обочины с треснутой деревянной миской, поднял на них глаза.

— *Ge mig ett mynt, mina herrar*¹, — жалостливо протянул он, поднимая выше плоску, в которой грустно звенели скромные медяки.

Тяжелый сапог ударил его в живот с такой силой, что мальчик отлетел прямо под прилавок у стены.

— А ну пшел отсюда, помойная крыса, — процедил сквозь зубы сержант, шедший во главе патруля. — Попрошайничество незаконно. Скажи спасибо, что мне лень о тебя руки марать.

Скорчившийся в грязи мальчик, даже если бы и понимал аквилантис, явно не слышал его слов. Под одобрительные смешки остальных сослуживцев, кроме ищейки, которого, казалось, вообще ничего не заботило, гвардеец пнул деревянную миску в сторону попрошайки, и отряд скрылся в сомкнувшейся за их спинами толпе торопившихся убраться подальше отсюда зевак и прохожих.

Шок от увиденного затмил даже мой страх. Одно дело — слышать о произволе гвардейцев, другое — столкнуться с этим лицом к лицу. Внезапно меня охватила пугающая мысль: в деревне лесорубов в Веасе, если бы я не была дворянкой, отношение ко мне было бы таким же, как к этому мальчику. Как к грязи под ногами... Страшно представить, что тогда у меня хватило дерзости и уверенности подойти к ним самой.

Ада тоже во все глаза наблюдала за случившимся, однако взгляд ее был прикован не к гвардейцам, а к мальчику. Тот продолжал лежать, скорчившись и скуля от боли. Никто не бросился ему помогать, все лишь брезгливо обходили его, а владелец снесенного прилавка возмущался и обругивал попрошайку.

— Не смотрите, — тихо посоветовала Йана. — Не привлекайте к себе внимания. Просто пройдите мимо...

Однако как только мы поравнялись с мальчиком, который все же смог подняться на четвереньки и теперь тщетно пытался найти уже втоптаные в грязь монеты, я не сдержалась.

— Вот, возьми, — негромко сказал я, вытащив из поясной сумки пару серебряков: то небольшое, что у меня осталось.

Глаза его округлились, когда монеты упали на ладонь, и он непонимающе переводил взгляд с меня на серебряки.

— *Ar det for... mig?*¹ — неуверенно спросил мальчонка, но мне не потребовалось знания норланга, чтобы понять его.

Я кивнула, и тот сразу начал рассыпаться в благодарностях, отчего прохожие тут же начали поглядывать на нас с явным неодобрением.

— Я же сказала тебе не делать этого! — возмущенно шикнула Йана, беря меня под руку и утаскивая в толпу подальше от любопытных взглядов.

— От этой мелочи мой кошелек не обеднеет, — буркнула я под одобрительный восхищенный кивок Ады. — А ему этого, может, на еду на несколько дней хватит.

— Я понимаю твой порыв, — вздохнула Йана, сворачивая в соседний переулок, подальше от того направления, где скрылись гвардейцы. — Но попрошаек никто не любит. У северян это считается позорным делом, порочащим семью. Ни один уважающий себя нортлинг до такого не опустится.

— Но это же неправильно, — возмутилась Ада. — Разве это плохо — помогать тем, кто нуждается в помощи?

— В ваших провинциях, возможно, и так. Но Нортланд — край суровый и беспощадный к слабым. Если семья не в силах прокормить себя ничем, кроме подачек, значит, им лучше

¹ Подайте монету, господа.

¹ Это для... меня?

умереть с голоду. Да даже стать трэллом¹, продав себя в рабство, предпочтительней. Это не мои слова. Это обычай севера. Запомните это. Вам еще не раз придется сталкиваться с порядками, которые покажутся неправильными и ненормальными. Нет для вас больше таких понятий. Есть только правила, которым надо следовать, чтобы выжить. Не хотите подстраиваться — значит, вас ждет смерть.

После того инцидента на торговой площади остаток дня был спокойным. Нагруженные сумками, мы возвращались с района Правобережья, где только что купили последнее снаряжение. Йана была довольна, что мы приобрели все необходимое, и пыталась нас как-то приободрить и отвлечь.

С Адой такое было провернуть легко — стоило эльфийке начать рассказывать что-то про магию и магические расы, как набелитка тут же начинала ее с интересом слушать. Я же тоскливо плелась следом, поправляя то и дело съезжающую лямку сумки. Тусклый день уже плавно перетек в такие же тусклые сумерки, наползающие на город.

На центральной площади мы обходили большую толпу, полукругом распределившуюся по периметру. Казалось, что тут собрался весь город. Играла музыка, люди танцевали и водили хороводы вокруг огромного соломенного чучела. Это было подобие женской статуи, половина которой зачем-то выкрашена темной краской. Платье соломенной женщины было усыпано цветами из бумаги, а на голове красовался венок из цветных лент.

— *Ostara! Ostara! Lat vintern brinna bort och varen borjar!*¹ — радостно скандировала толпа, когда вышли несколько мужчин с факелами в руках и начали зажигать кострище прямо под чучелом.

Йана на миг остановилась, вперившись взглядом в соломенную фигуру. Разгорающееся пламя странно отражалось на ее безразличном иллюзорном лице, но в широко распахнутых глазах плясали отблески огня.

— Йана?.. — растерянно позвала я.

Эльфийка повернулась ко мне, и я в страхе шагнула назад. Я вспомнила ее выражение тогда, в сотканном болью воспоминании, где та склонилась над чьим-то телом. И даже сквозь фальшивую человеческую личину ощущалась ее жажда расплаты. *Жажда смерти...*

— Й-ана? — переспросила Ада, и та заморгала, будто оклемавшись от дремы.

— А? А... да, — смущенно отозвалась она, отводя взгляд в сторону. — Простите. Просто что-то внезапно нахлынули воспоминания... Нет, ты здесь ни при чем, Камилла, — сразу же добавила она, увидев ужас и замешательство на моем лице. — Даже без темной магии есть то, что иногда всплывает из глубин памяти... Как из омута... А впрочем, неважно.

— Я хотела попросить об одолжении, — неуверенно начала я, все еще перепуганная поведением эльфийки и неуверенная, что непричастна к этому.

— Каком?

— Я хочу снова заглянуть на торговую улицу. Хочу купить кое-что для себя, у меня осталось немного денег, и...

— Хорошо, — оборвала она, даже не дослушав. — Если хотите, можете пойти вместе с Адой. Увидимся у моста на Левобережье.

Мы опешили. Йана, которая еще утром со всей строгостью пеклась о нашей безопасности, так легко отпустила нас одних? Она выглядела растерянной, глубоко потрясенной из-за чего-то личного, что заставило предпочесть временное одиночество. В чем же была причина?

¹ Трэлл (др.-сканд. *þræll*) — термин, использовавшийся в скандинавском обществе в эпоху викингов для определения социального статуса человека как раба.

¹ Остара! Остара! Пусть зима сгорит и начнется весна!

Йана легко перехватила нашу поклажу и, бросив короткий взгляд на толпу, радостно взывшую, когда чучело полностью объяло огнем, скрылась в тени, аккуратно лавируя между горожанами.

Нам же ничего не оставалось, как отправиться к торговым рядам. Несмотря на вечернее время, многие магазинчики и купцы все еще работали и усердно зазывали подвыпивших прохожих в надежде, что лишний алкоголь в крови клиентов поможет им обогатиться.

— Это был такой удачный момент, чтобы оказаться подальше от нашей «госпожи надзирательницы» и насладиться праздником? — поинтересовалась Ада.

— Не совсем. Я правда хотела кое-то купить. Что-то для Яшмоса. Подарок какой-нибудь...

Девушка удивленно вскинула брови.

— Подарок для Яшмоса? — переспросила она. — С чего бы это?

Но мне было сложно объяснить этот внезапный порыв. Вероятно, хотелось как-то отблагодарить сварга за ту немногую доброту и заботу, что он иногда выказывал. За споры о кораблях. За то, что доставляет ему хлопот. За то, что не давал мне, как дуре, мерзнуть на морозе...

Это было невозможно выразить словами, но я чувствовала, что должна хоть чем-то отплатить человеку, который, хоть и старался выглядеть безразличным к своим пассажирам, все же проявлял доброту.

Я резко одернула себя. *Человеку...* Конечно же, человеком Яшмос не был и никогда не будет.

— Так надо, — коротко ответила я.

— И ты уже знаешь, что купить?

— Нет. Может, что-то смогу найти... Буду следовать тому совету, что ты мне когда-то дала.

— Наверное, можно было бы у Йаны спросить, — задумалась подруга.

— Ты поняла, что с ней? — поинтересовалась я, вернувшись мыслями к резкой смене настроения эльфийки.

— Нет... но это очень странно, — протянула та, сильнее укутываясь в меховую накидку.

— Ты же хорошо с ней общаешься. Неужто такого не случалось раньше?

— Ты зря так предвзята, — вздохнула набелитка, уловив в моем голосе едкие нотки. — Их мир, история, обычаи... Все это очень интересно и поможет нам быстрее освоиться в Абиссе. Там же столько разнообразных народов, уму непостижимо! Все же Йана права — надо привыкать к чужим обычаям, чтобы быстрее влиться в их жизнь.

— А ты планируешь остаться в Абиссе?

Она пожала плечами.

— Не знаю. Если то, о чем сказала Йана, — правда, то мне не на что рассчитывать, — набелитка горько усмехнулась. — Меня дома никто не ждет, в отличие от тебя. Никому я не нужна. Отец вряд ли станет ради меня жертвовать хорошими отношениями со среднеземцами, так что, наверное, просто откупится...

Я было хотела возразить, но, вспомнив историю Ады, не стала тешить ее пустыми надеждами даже ради поддержки. В темных глазах читалась немая благодарность за это.

— Ты не можешь знать наверняка, сможешь ли ужиться с... *ними*. Они слишком разные. Кригер пугает меня не меньше имперских ищеек. Эта эльфийка себе на уме. Она кажется милой и веселой, но иногда от ее взгляда у меня по коже мурашки, будто она хочет убить нас на месте. А Яшмос... Ну, пожалуй, только с ним мне как-то спокойно.

— Потому что он напоминает тебе Яна?

Ее вопрос ввел меня в ступор. Горло резко пересохло, что-то жгучее, разъедающее, хлынуло к лицу.

Веером брызнувшая кровь.

Тело в судорогах на мраморном полу...

Я резко помотала головой, отгоняя непрошенные воспоминания. Нет. Не сейчас. Этого мне хватало и в кошмарах. Я сделала несколько вдохов, чтобы взять себя в руки.

— Я знаю... — продолжила Ада с жалостью и сочувствием в голосе. — Ты винишь себя в его смерти, как я себя — в смерти Дарена... — рука ее скользнула к запястью, где под мехами скрывался скуггор, оберег, что я подарила подруге с Столице. — Не вернись он тогда за этим злосчастливым браслетом... Быть может, остался бы жив.

— Вы с ним не слишком-то ладили, насколько мне помнится, — я старалась говорить так, чтобы голос не надломился.

— Не ладили, — согласилась Ада. — Наверное, поэтому его потерю я пережила легче, чем ты потерю Яна. Пускай мы и были, точно не такого конца я ему желала, не из-за подобной мелочи. Однако... не надо искать его тень. Это тебе не поможет идти дальше.

Я лишь раздраженно повела плечами. До этого Ада избегала разговоров о телохранителе, который пал, сражаясь с гвардейцами у нашего дома, позволив нам сбежать. Быть может, набелтка и правда считала это мелочью, но не я.

— Возможно, Яшмос просто больше всех них похож на человека. Даже больше, чем София...

Ада задумалась.

— Ты же понимаешь, что нам нужно будет учиться управлять нашими... *силами*?

Я кивнула.

— И что, скорее всего, это займет не один год? Йана и София говорили, что для более-менее уверенного контроля магией нужен десяток зим, как минимум.

Я снова кивнула, на этот раз с обреченностью.

— Йана рассказала, что в Абиссе живет великий мастер огненной магии, и если мне повезет попасть к нему в обучение, то есть большой шанс, что я могу управиться с даром и быстрее, и тогда...

— Но мне вряд ли повезет, как тебе, — оборвала я. — Не забывай, что мой дар... несколько *необычен*. Это тебе легко будет найти учителя. Но не мне.

Набелитка старательно подбирала достойный контраргумент, и тут один очень настырный и бойкий старичок начал зазывать нас к своему прилавку.

— Нам ничего не нужно, спасибо, — ответила я рефлекторно, даже не глядя в сторону назойливого купца.

— Ну же, подходите, сударыни, не стесняйтесь! Уверен, даже две столь прекрасные южанки смогут подобрать что-то на свой вкус! У меня найдется все!

Я застыла, в страхе перебирая в голове варианты, что могли нас выдать. Маскировка все еще действовала, поскольку на меня вместо лица подруги смотрело иллюзорное круглое пухлое лицо белокурой северянки.

— Как вы поняли? — ахнула Ада, но запнулась, видимо, тоже сообразив, что аквилантис выдал нас с потрохами.

Продавец довольно заулыбался.

— Да не беспокойтесь, сударыни, — заверил нас норлинг. — Для нас все южане, кто ниже озера Брайтуотер. Так чем я могу вам помочь?

— Ищу подарок, — сказала я, оглядывая разномастные товары.

— Для вашего будущего супруга? — хитренько улыбнулся продавец.

— Что? — я оторопело уставилась на него.

Он указал узловатым пальцем на воротник, где из-под мехов сияло замерзшее пламя. Ада подавила смешок.

— Умение читать клиентов помогает мне в деле, сударыня, — старик самодовольно выпрямился, полностью уверенный в своей правоте. — Дайте угадаю: вы обещаны нашему

молодому хэрсиру¹⁴. Ухун — довольно ценный помолвочный дар, а значит и вы, сударыня, скорее всего, дочь... хм-м... останского маркграфа¹⁵ или барона¹⁶? Одеты вы, как останка, хотя явно скрываете принадлежность к дворянству, но на аквилантисе говорите свободно. И вместе со своей служанкой решили подобрать дар для будущего мужа.

Глядя на излучавшего уверенность продавца, мне не хотелось его расстраивать, что почти все, что он тут выдумал, — ложь. *Почти все* тем не менее. Это может послужить нам хорошим прикрытием. Хотя Ада не слишком была довольна, что ей досталась роль прислуги.

— Удивительно, насколько могут быть проницательны северяне, — улыбнулась я, будто бы подтверждая все его догадки.

Мужчина просиял.

— Благодарю, сударыня! Так чем же такой скромный купец, как я, может помочь вам?

Под тканевым навесом, парусом хлопавшим на ветру, на криво сколоченных деревянных столиках небрежно раскинулся весь его ассортимент — от каких-то странных украшений до иссохших сморщенных плодов, которые, наверное, когда-то были фруктами. Пока взгляд мой пробежал по всем этим завалам, я невольно вспомнила странного старьевщика в Столице. Разумеется, ничего из этого не выглядело привлекательно, и такой мусор вряд ли бы мог заинтересовать не то что хэрсира, но даже простолюдина.

Купец же разливался соловьем так, что Монресам стоило бы у него поучиться в красноречии. Еще бы — чтобы этот хлам нахваливать, да так искренне и убедительно, нужен недюжинный талант.

— А может... — начала я, прервав очередную оду какому-то куску грязной ткани, который продавец назвал изысканным гобеленом, — у вас какой-нибудь алкоголь найдется?

— Разумеется! — «изысканный гобелен» тут же был скомкан и откинут в сторону.

Бесцеремонно копаясь то на одном столе, то на другом и бубня себе что-то под нос, в конце концов старик с победным кличем поднял трофей над головой.

— Вот! — он продемонстрировал нам бутылку из темного стекла, поразительно приличную на вид. Поверх стекла проходила золотистая ромбовидная сетка, а из горлышка торчала красивая резная пробка.

Пока Ада с видом знатока крутила бутылку в руках, торговец заискивающе начал свой очередной рассказ:

— «Закатный бренди» столетней выдержки. Изготовлен в Аль-Маскате и считается одним из лучших крепких алкогольных напитков в Набелите. Поверьте, лучшего подарка вашему жениху вы в этом городе не сыщете! Многие шли на преступления, чтобы насладиться хотя бы одним глотком. Говорят, у него непередаваемый аромат и...

— Откуда же у вас такая редкость? — скептически заметила я.

Продавец на мгновение стушевался, но тут же взял себя в руки.

— Сударыня, какой же купец будет раскрывать свои тайны, — он лукаво подмигнул. — Для вас такая бутылка обойдется всего в пять серебряных. Почти задаром.

— Как же я пойму, что в бутылке действительно бренди а не, например, ослиная моча?

— Даю вам слово честного торговца! — возмущенно выдохнул северянин. — И готов поклясться Старыми Богами и самим Императором, что весь мой товар исключительного качества. О подделке быть не может и речи!

Я хотела было возразить, но Ада вклинилась в наш разговор:

¹⁴ Хэрси́р (др.-сканд. hersir) — древненорвежский наследуемый дворянский титул; (здесь) титул дворян Малых Домов в Нортланде.

¹⁵ Маркграф (от нем. Markgraf) — исторический титул и должностное лицо в Западной Европе VIII–XIX веков, управлявшее пограничным округом — маркой; (здесь) титул главы Малого Дома в Остании.

¹⁶ Барон — (здесь) титул дворян Малых Домов в Остании.

— А бутылка-то подлинная, — она ткнула пальцем на запечатанное горлышко, где переливался какой-то странный символ. Присмотревшись, я поняла, что там изображена небольшая виноградная гроздь. — Это герб Дома Соларин. «Закатный бренди» и многие другие набелитские напитки изготавливают как раз на их землях. А этим знаком они помечают товары своего производства. Их невозможно подделать.

— Подлинная? — с недоумением переспросил торговец, уставившись на Аду.

— Ага, — уверенно кивнула та. — Самой не верится. За такую бутылку можно было бы запросить около сотни золотых...

— Ты уверена? — с сомнением прошептала я, наклонившись к ее уху. — Я не хочу отдавать последние деньги мошеннику.

— Ну, если и подделка, то крайне удачная, — заверила подруга. — Я не раз видела эти бутылки в отцовском погребе, у него достойная коллекция. Одной такой бутылке там было почти пятьсот зим. И там тоже был виноград Соларин... — она задумалась и добавила. — Ну а в крайнем случае Яшмос подавится ослиной мочой.

Я прыснула от смеха.

— Хорошо, — сказал я уже торговцу, который с раскрытым ртом вперился взглядом в драгоценный напиток в руках набелитки. — Пять серебряных, верно?

Видимо, он уже подсчитывал, сколько потерял на этой сделке, но я знала, что, назвав цену, он не посмеет потребовать больше, чтобы не выдать свою неумелую попытку обдурить нас.

Монеты со звоном упали в морщинистые ладони, но от приветливости старика не осталось и следа. Он лишь хмуро пробормотал себе что-то под нос на нортланге и без всякого заискивания указал на выход:

— Благодарю за сделку, сударыня, но уже поздно, да и праздник в самом разгаре... Счастливого вам праздника Остары, — и не дав нам ничего ответить, резко задернул полог лавки.

Оказавшись на улице, где уже успело стемнеть, мы с Адой переглянулись и разразились громким смехом.

— Что ж, поделом ему, — весело сказала Ада. — Ему до пронырства торговцев на миремском базаре еще расти и расти. Мне часто приходилось с ними ругаться, потому и знаю, как нужно себя вести с такими. На любого хитреца найдется управа. Этот теперь будет десять раз проверять свои товары, прежде чем...

От сильного толчка я чуть было не потеряла равновесие, но бутылку чудом удержала.

— Эй! — гневно крикнула я обидчику, оборачиваясь, полная решимости высказать все, что думаю, даже если меня не поймут.

Позади замер мальчишка с моим кошельком в руках. На лице его багровел синяк, и мне потребовалось несколько секунд, чтобы узнать в воришке того самого попрошайку с рыночной улицы.

Мальчик догадался, что я его узнала, и его оцепенение как рукой сняло. Он ринулся в сторону, в переулочек, да так быстро, что я даже не успела окликнуть его.

Разумеется, когда я рванула за ним, его и след простыл.

— Вот же... неблагодарный паршивец, — внутри все закипало.

Мне было не жалко денег, но то, что карманник так ловко обвел меня вокруг пальца, выводило из себя. Как и осознание, что Йана оказалась права.

— Он что... Следил за нами все это время? — спросила обескураженная Ада.

— Похоже на то... — я тоскливо вздохнула.

Приподнятое настроение улетучилось, и мы шли до обозначенного места встречи в мрачном молчании. Однако у моста нас встретила не Йана.

— Кригер? — удивленно спросила набелитка, подходя к высокой фигуре, укутанной в теплый меховой плащ. Даже среди рослых нортлингов орк почти на голову превосходил окружающих.

— Вот и вы, — София вышла из-за спины, недовольно оглядывая нас. — Все в порядке? Йана сказала, что вы вернулись на рынок. С ее стороны было неразумно отпускать вас одних.

— Все в порядке, — отмахнулась я, опасливо поглядывая на орка.

Хоть лицо его и было скрыто повязкой Красного Синдиката, от холодного безразличного взгляда черных глаз всегда было не по себе — по ним невозможно прочесть ни эмоций, ни намерений нелюдя.

— А где она сама? — обеспокоенно спросила Ада.

— Придет позже, — коротко ответил Кригер, поправляя знакомые нам сумки с покупками.

— Для нее Остара далеко не праздничный день, — примирительно сказала София, когда мы прошли мост и миновали жилые кварталы Левобережья. — Как и для многих других эльфов.

— Почему? — поинтересовалась набелитка. — Из-за религии?

— Из-за жертвоприношений, — ответил за Софию орк. — Людишки переняли наши обычаи, но исказили. Как и многое другое.

— И будет лучше, если вы не станете ее расспрашивать об этом, — быстро добавила София, предостерегая от очередных вопросов.

Ада явно расстроилась, а мне было все равно. Пока мы пробирались через рощу к ветроходу, я больше думала о судьбе мальчика и всех тех, кто тоже вынужден прибегать к кражам и попрошайничеству для выживания. И ведь наверняка таких немало. Но Империя ничего не делает. Домá, судя по всему, тоже.

Мне вспоминались слова Луизы Арелан о том, как мало я знаю о мире, который меня окружает. Какое мне должно быть дело до страданий эльфов, если *мои* сородичи страдают? Зачем мне узнавать больше об их истории и культуре, если это никак не поможет людям? Почему я раньше никогда не думала об этом, пока сама не очутилась на их уровне...

За угрюмыми мыслями прошел наш вечер. Каталина, повеселевшая, но все такая же неразговорчивая, уже вернулась и помогала Софии с ужином. Впервые за несколько дней мы ели свежеприготовленную горячую пищу, и пусть она не была изысканной, все равно казалась безвкусной.

Поблагодарив за еду, я взяла бутылку и, поплотнее укутавшись в полушубок, поднялась на верхнюю палубу. Я знала, что никто не станет меня тревожить — за недели нашего путешествия все уже как-то привыкли к моему подавленному состоянию и знали, что лучшее, что они могут для меня сделать, — оставить в покое.

Усевшись рядом с капитанским полуютом, я поджала ноги и стала ждать, когда Яшмос проснется. Наверняка предупреждение о том, чтобы никто не тревожил его сон, если не желает отправиться за Завесу, было преувеличением, но мы не очень-то хотели проверять это.

Недавно выпавший снег покрывал мирно покачивающийся «Северный ветер». Взгляд мой блуждал где-то между белоснежной палубой и темным омутом речной воды, которая, благодаря умельцам-ледорубам и быстрому нескончаемому потоку, была не полностью покрыта ледяной коркой. Заметив мерцание на водной глади, я тут же подняла голову вверх и впервые за все время путешествия увидела чистое звездное небо.

Огни города отражались на речном потоке, отчего отраженное ночное небо будто горело, но сам небосвод был бархатно-черным, усыпанным миллиардами сверкающих звезд во главе с Септимией, бесменно мерцающей в зените.

Мне вспомнились теплые зимние ночи в Мар-де-Сеале, но здесь даже хорошо знакомое звездное небо отличалось. Потребовалось время, чтобы найти созвездия Белого оленя, а затем

Охотника и его Гончих. А вот Лебеда, которого хорошо было видно в эту пору на юге, я так и не увидела.

Чем дальше я была от дома, тем больше привычных вещей оставалось позади. Неужели Ада права и мне придется смириться со своей новой жизнью? Неужели я больше никогда не смогу вернуться домой? Не увижу ни отца, ни брата?

Нет. Это не мой выбор. Не моя судьба. И если Ада готова с радостью принять тот путь, что нам с ней уготовили, я с этим согласиться не готова.

— Ты снова тут сидишь? Яшмос будет недоволен.

Я вздрогнула. В очередной раз Йана бесшумно подошла, ничем не выдав своего присутствия. Даже следов на снегу за ней не было. От ее маскировки ничего не осталось — чуть парящие волосы колыхались, как в воде, а из одежды на ней были излюбленные сотканые из магического света одеяния, от одного взгляда на которые становилось холодно.

— Мне все равно нужно дождаться его — полушубок вернуть. Вот и решила пока... полюбоваться звездами.

— Полюбоваться, значит... — Йана с какой-то странной улыбкой вскинула голову, наблюдая за ночным небом, словно выискивая в нем что-то. — А мне всегда немного некомфортно под их сенью.

— Это потому, что вы живете глубоко в пещерах?

Она покачала головой.

— Потому что каждая звезда — это отголосок души наших предков... — помолчав, она добавила. — По нашим поверьям, когда боги сопровождают душу за Завесу, она освещает нам путь, пока не будет достойна переродиться. Каждая падающая звезда — знак, что душа обрела свою новую жизнь.

— Но звезд же так много, — я с сомнением посмотрела на Йану. — Гораздо больше, чем вас может быть. Откуда...

Я замолчала, чувствуя, что не очень хочу слышать ответ на вопрос, который так и не задала. Когда эльфийка перевела взгляд на меня, в ее глазах не читалось ничего, кроме отрешенной боли.

— А ты думаешь, на кострах всегда сжигали только соломенные чучела?

На миг красные глаза блеснули не то злобой, не то ненавистью, всего на миг, но Йана безжалостно продолжала свой монолог:

— Остара когда-то был одним из семи главных праздников, которые отмечали магические народы. Праздник в честь богини света Аулены, покровительницы эльфов... пока не пришли люди. Сначала они переняли нашу веру, нашу культуру, наши знания, наши достижения... А затем присвоили их себе, исказив до неузнаваемости. Так на ритуальных кострах начали сжигать уже нас.

Слова пеплом отдавались на губах, будто это я своими руками предавала огню ее сородичей. Однако в голосе ее не было жестокости, лишь пугающе спокойное безразличие.

— Для эльфов жизнь и смерть играют несколько иную роль... Хотя мы и бессмертны, рождение новой жизни — божественное благословение, ведь у нас и так редко появляется потомство... А смерть, уж тем более насильственная, всегда трагедия и потеря для каждого. Но люди смотрели на это иначе.

— Я не верю, — вырвалось у меня само собой.

И вновь показалось, что Йана сейчас одним мановением руки лишит меня жизни за такую дерзость.

— В этом мире есть очень много того, во что ты можешь не верить, но истиной от этого оно быть не перестанет, — она сделала тяжелый вдох, явно пытаясь сохранять спокойствие. — Наша история кровава и печальна, и далеко не все готовы прощать вам, людям, деяния ваших предков.

— Тогда... тогда зачем это все? — я стиснула в руках бутылку. — Зачем вы помогаете нам? Почему просто не бросите на произвол судьбы?

— Потому что вы в их глазах не лучше нас. Дай людям волю, и на кострах снова будут не чучела, а маги. Пойми, Камилла, ваши жизни бесконечно ценны. Любая жизнь ценна. Далеко не все магические народы разделяют эту мысль, но это не значит, что не нужно пытаться изменить что-то. Вы — наша надежда на то, что цикл ненависти и вражды будет прерван. За каждую вашу жизнь на кон поставлены наши, а потому цени это. Одна жертва уже была, и она не должна быть напрасной...

Кровь веером ударила из шеи.

Сердце вновь часто забилось, а в груди внезапно перестало хватать воздуха.

— Нет, — резко остановила ее я, стараясь удержать частое прерывистое дыхание. Еще одно ее слово, и кошмарная картина вновь захватит мой разум. — Ничего не говори. Прошу...

Йана с пониманием наблюдала, как я стараюсь выровнять дыхание и успокоиться.

— Ты не обязана любить нас, но хотя бы учись жить по правилам. Если я прошу тебя не делать что-то — не выдавай себя глупостями. Хоть в Абиссе полно тех, кто хранит обиды не только на Великие Дома, но и на темных магов, там все равно безопаснее, чем в Империи...

Казалось, еще чуть-чуть, и стекло лопнет в моих пальцах.

Вдох.

Выдох.

Деревянная дверь каюты с грохотом распахнулась и в проеме показался явно недовольный капитан в одной рубахе. Сварг сонливо потягивался, однако заметив нас, нахмурился еще сильнее.

— Вы что, не могли себе найти место получше для ваших бабских посиделок? Что, теплые каюты для этого не подходят?

Йана закатила глаза и, буркнув себе что-то под нос, юрко скрылась на нижней палубе. Сварг проводил ее взглядом, а затем направил свое недовольство на меня.

— Ну а ты чего опять приперлась? Снова удумала окоченеть?

— Нет, я... шубу хотела вернуть. Спасибо.

— Да могла бы и до утра потянуть. У сваргов кожа что камень, а внутри нас полыхает первородный огонь. Конечно, до *langoret* с их невосприимчивостью к холоду далеко, но зимнюю ночь мог бы и без шубы провести спокойно.

Langoret... Я уже не в первый раз слышу, что Яшмос так называет эльфов. *Длинноухие...* как я поняла из своих пока скудных познаний в общем наречии. Видимо, даже будучи союзниками, особого уважения друг к другу магические расы не питали. И это настораживало, ведь впереди было целое поселение, в котором сотни, а может, и тысячи недолюбливающих друг друга жителей...

— Ты что-то еще хотела? — спросил Яшмос, натягивая отданную ему шубу.

Я замялась, осознав, что так и не придумала слова, с которыми вручу подарок, а потому просто всучила бутылку ему.

— Это тебе, — промямлила я. — За неудобства.

Сварг покрутил бутылку в своих огромных ручищах, не скрывая удивления. Видимо, он знал этот напиток и растерялся. Я впервые увидела, что острый на язык ворчун потерял дар речи.

— Такое лучше подошло бы нашим эльфийским друзьям, — начал он, стараясь звучать, как обычно сварливо, но выходило плохо. — Я-то сварг простой — чем крепче поило, тем лучше, а это... — он поднял на меня маленькие темные глаза, которые сияли благодарностью, которую он так и не смог выразить. — Это дорогой подарок.

— Повезло, — пожала плечами я, стараясь выглядеть непринужденно. — Считай, что это извинение за то, что мы тебе лодку попортили. Но если там вдруг все-таки окажется ослиная моча, то виновата будет Ада.

Яшмос залился громким заразительным смехом.

Глава 3

Я в очередной раз поправил давящий воротник. Как же раздражала эта необходимость соблюдать церемонии, но традиции есть традиции.

Стоящий рядом Бастиан Шевалье торопливо выпрямился и, следуя моему примеру, поправил парадную форму Военно-морской академии. Острый крючковатый нос его стал еще больше походить на клюв хищной птицы, что лишь сильнее подчеркивало его родство с Домом Фальконе. Юноша явно сильно нервничал, но всеми силами старался скрыть волнение, дабы не ударить в грязь лицом перед гостями из Малого Дома.

Я же лишь недовольно выстукивал на рукоятке меча монотонный ритм, чтобы хоть чем-то занять томительное ожидание.

— Волнуетесь, Ваша Светлость? — вдруг спросил он.

— С чего бы?

— Ну, вы не виделись с супругой довольно давно, — он задумался на миг, а затем слегка покраснел. — У меня бы все мысли были заняты только этим, сеньор.

Глядя, как в ворота въезжает карета, я думал лишь о том, что еще немного, и наконец-то можно будет сменить этот узкий камзол на удобную рубаху. Осталось вытерпеть только последнее испытание...

— Валентин! — разнеслось над двором, и из экипажа вылетел ворох изумрудного шелка.

«Ну, началось...» — мрачно подумал я, когда спустя мгновение Ариана, повиснув на моей шее, начала покрывать лицо поцелуями.

— Дорогая, такое поведение неприлично, — сухо напомнил я, одергивая жену.

Та лишь махнула рукой.

— Мы не виделись с тобой полгода, — она легким движением откинула медово-золотистые кудри. — Неужели дорогой супруг не скучал по мне?

Я изобразил улыбку и наклонился к ней.

— Переигрываешь, — одними губами прошептал я, делая вид, что целую ее в щеку.

Ариана все с той же лучезарной улыбкой смотрела на меня влюбленными голубыми глазами, однако только я разглядел в них недовольство.

— Ах, как же прекрасен юношеский пыл, — послышался голос графа Эдуарда, с умилением наблюдавшего, как его дочь берет меня под руку и прижимается к плечу. — Понимаю, как тебе тяжело сдерживать чувства.

Я вздохнул, оглядывая подошедшего мужчину. Он успел еще сильнее раскабанеть и поседеть за то время, что мы не виделись. Старик Бланчи, кажется, единственный, кто не знал о наших размолвках с его дочерью либо же игнорировал их. И только из необходимости сохранять отношения между нашими семьями я поддерживал этот спектакль.

— Рад видеть вас в добром здравии, сеньор, — я почтительно склонил голову, но граф уже приблизился и заключил меня в крепкие объятия.

— Взаимно, сынок, — от чуждой мне отеческой мягкости в голосе меня едва не перевернуло. — Вы с отцом давненько не заглядывали к нам. В этом году у нас расплодились дикие утки и косули, таких удачных охотничьих сезонов я не припомню.

— Увы, долг не терпит отлагательств, — я вздохнул с наигранной досадой. — Все же проблемы провинции сейчас на наших плечах, а герцогу уже нелегко нести эту ношу в одиночку... То пираты, то разбойники, то казначеи. И я даже не знаю, кто из них хуже.

Эдуард рассмеялся, и окружавшая его свита лизоблюдов подхватила его веселье.

— Что же, в этих проблемах есть и нечто хорошее. У меня в кои-то веки появился повод выбираться куда-то дальше усадьбы и охотничьего поместья.

Свита вновь рассмеялась, но я лишь выдавил улыбку.

— И я рад, что вы смогли прибыть так скоро. Многие все еще в дороге, а от Монресов мы даже не получили письма.

Водянистые глаза старика потускнели.

— Бедный граф Люсьен, — скорбно произнес он. — Потеря сына — это такая трагедия...

Внезапная вспышка гнева родилась где-то внизу живота, но я подавил ее. Надеюсь, у Бланчи хватит мозгов не упоминать *того*, кто был к этому причастен.

— Да, ужасно... — сквозь зубы процедил я, и даже Ариана вздрогнула, со страхом покосившись на меня.

— Может, продолжим внутри? На улице такая жара, что, кажется, мне уже скоро станет плохо...

Для убедительности она усиленно помахала веером, хотя весеннее солнце только-только начало набирать силу.

— Конечно, дорогая, — ее уловка сработала, и Эдуард тут же переключил внимание на дочь. — Пусть слуги сопровождают тебя, отдохни с дороги. Я же знаю, как сильно ты не любишь эту тряску в карете... Думаю, я пока пообщаюсь с герцогом, а сейчас не буду мешать молодым наслаждаться временем друг друга, — он весело подмигнул мне.

— Я провожу сеньору Ариану до ее покоев и присоединюсь к вам в приемном зале. Мой адъютант сопроводит вас.

Бастиан, только и ждавший этих слов, встрепенулся и, отдав честь, без запинки отчеканил:

— Для меня это будет большой честью, Ваша Милость. Следуйте за мной.

Эдуард вежливо улыбнулся, но, стоило ему отвернуться от Бастиана, тут же забыл о его существовании.

— Можешь не торопиться, мальчик мой. Я думаю, мы сначала уговорим бутылочку-другую с Эстебаном. Мы не виделись с прошлогодних Весенних Волн. Уж мы-то найдем, о чем поговорить. А у вас дела явно *поважнее* будут.

Я проводил мрачным взглядом Эдуарда, Бастиана и последовавшую за своим сеньором свиту, пока Ариана бойко раздавала приказы служанкам и лакеям по поводу их немногочисленного скарба.

— Ну, дорогой мой супруг, — она взяла меня под руку и потянула. — Что же у тебя произошло за то время, что мы были разлучены? Ты так редко писал мне, что приходилось расспрашивать дядю и брата.

— Избавь меня от этой приторной любезности, прошу, — раздраженно попросил я.

Она знала, как я терпеть не могу всю эту игру на публику, но каждый раз пользовалась моментом, чтобы я изображал из себя любящего мужа. И даже теперь, когда за нами следовала лишь прислуга, мне надо было продолжать играть эту глупую роль.

— Ты сегодня даже более недовольный, чем обычно, — с холодной улыбкой заметила Ариана. — А ведь я только приехала. Раньше мое присутствие начинало тебя выводить только дня через три. Иду на новый рекорд.

— Дело не в тебе, — отмахнулся я.

— Вот как? Рада слышать, — произнесла она вкрадливо. — Надеюсь, в этот приезд ты уделишь мне все возможное свободное время, пока благоприятный период лунного цикла. Мой лекарь посоветовал мне новое средство, набелитское. Поговаривают, благодаря ему жены пашей¹ такие плодовиые...

Я чуть сильнее стиснул ее ладонь. В такие моменты моя неприязнь сменялась жалостью и виной. За все эти годы я так и не смог подарить ей ребенка, из-за чего у девушки, и до этого

¹ Паша́, или баша́ (от тур. paşa), — почетный титул высших чиновников, генералов или губернаторов, (буквально «главный, старший») в Османской империи; (здесь) титул глав Малых Домов в Набелите.

не видевшей никакого другого смысла в своей жизни, кроме как рождение наследников, мысль об этом стала навязчивой, граничащей с одержимостью.

Возможно, проводи мы больше времени вместе, до такого не дошло бы... Но долг перед провинцией, перед делом, ради которого жили мои дед и дядя, был выше этих временных проблем.

— Ты уверена, что это не очередная шарлатанская ерунда? — я не скрывал скепсиса. — В прошлый раз ты чуть не отравила меня арраканским порошком из сушеных насекомых.

— Ну, кто же знал, что у тебя будет аллергия, — Ариана пожалала плечами.

— Послушай, ты не должна... принимать все так близко к сердцу, — аккуратно начал я. — Тебе только двадцать, у нас еще столько времени впереди.

— Это у тебя достаточно времени, — поправила она, прищурившись. — У меня его гораздо меньше... Может, зим пятнадцать, если Старые Боги будут милостивы.

— Ну это же не значит, что нужно травить себя всей этой... этой...

Она звонко рассмеялась, а потом заявила так твердо и уверенно, что я растерялся:

— О, не волнуйся, я не умру. Мне уготовано великое будущее, вот увидишь.

— И как это понимать?

Девушка самодовольно улыбнулась, словно ей была доступна какая-то очевидная, но сокрытая от меня информация.

— Ну? — нетерпеливо потребовал я, и она сдалась.

— Только по секрету. У нас ходили слухи об одной старухе-отшельнице, которая в глухих лесах Бланко¹ живет. Так вот, поговаривали, она будущее видит, и...

Я не сдержал громкого презрительного фырканья.

— Старые Боги, и ты в это поверила?

— Ты не понимаешь, — возразила Ариана, голубые глаза блеснули. — Она про меня такие вещи рассказывала, только глянув на мои руки! Как бы она смогла это, не будь провидицей?

— Это какие, например?

— Она узнала, что я дочь графа, хотя я специально под простолюдинку оделась и не раскрывала имени. Рассказывала, что я не люблю лошадей, потому что в детстве упала с лошади, что предпочитаю лес морю, и еще...

«Вот только для этого можно не быть ясновидящей. Достаточно просто внимательно наблюдать за тобой да заранее все разузнать», — думал я, пока наивная женушка продолжала перечислять все то, что якобы было неоспоримыми аргументами.

— ...А затем она сказала, что видит «восседающую на нефритовом троне, незыблемо возвышающемся над морской пучиной, златовласую королеву и черноволосого мальчика подле нее», — тожественно процитировала Ариана.

— Королеву? Так и сказала? Выходит, она не только обманщица, так еще и еретичка, — съязвил я.

— Глупости, — большие глаза уже блестели, отражая обиду. — Это же пророчество, а там все только красивыми фигурами речи выражают! Очевидно же, что имелась в виду я и наш с тобой сын.

— Ну да, будто она могла сказать что-то другое...

— Хватит, Валентин, — в голосе ее уже пробились плаксивые нотки, предзнаменовавшие очередную ссору. — Ты просто не понимаешь, о чем говоришь. Будь ты там, точно бы поменял свое отношение. Может, если мы заглянем к ней вместе или привезем ее ко двору...

¹ Бланко — графство, владения Дома Бланчи.

— Если я узнаю, что ты притащила эту каргу в мой дом, она сразу же головы лишится, даю тебе слово, — жестко оборвал я. — Хватит с меня всех этих целителей, травников, шаманов и Боги знают кого еще. Ты хоть понимаешь, что ставишь себя под удар?

— Уж лучше я рискну, чем отложу проблему на потом, — выпалила Ариана.

Краем глаза я заметил, что слуги озадаченно переглядываются, явно не готовые к такой смене поведения их сеньоры.

— И так слухи уже успели выйти далеко за пределы стен Каса-де-Вентос. Ты хоть подумал, каково мне выслушивать все эти разговоры о том, что маркиз предпочитает портовых девок законной жене. И это не говоря о... о...

— О чем же? — холодно поинтересовался я. — Раз уж начала, продолжай.

Личико девушки покраснелось не то от гнева, не то от смущения.

— Ну? — вновь потребовал я, с силой стискивая ее предплечье, да так, что Ариана чуть скривилась.

— Это касается гардемарина, что таскается за тобой. Как его...

— Бастиана? — недоуменно уточнил я. — А он-то тут при чем? Отличный подающий надежды будущий офицер, услужливый, трудолюбивый, знатного происхождения к тому же...

— Говорят, вы с ним *очень близки*, — скривилась Ариана, выплюнув обвинение как яд. — Что же, мне стоит в мужское облачиться, чтобы...

Она вздрогнула от отрезвляющей пощечины и теперь смотрела на меня округлившимися глазами. Раньше я не позволял себе такого при посторонних, но и ей не хватало наглости высказываться так на людях.

Склонившись к ее уху, игнорируя ошарашенных слуг, старательно изображающих, что не видят происходящего, я прошипел, с трудом сдерживая гнев:

— Ты сейчас же успокойся. Своими истериками сама себе хуже делаешь. И потом не удивляйся, что о нас всякие *сплетни* ходят. К тому же я не лезу в твои дела и не упрекаю тебя за то, с кем ты проводишь время и кто греет твою постель в мое отсутствие, не так ли?

Ее глаза с ужасом метнулись в сторону, выцепив из толпы лакеев смазливую юношу с медными волосами. Один короткий взгляд, брошенный друг другу, выразил гораздо больше, чем стоило бы показывать. Ариана смутилась и шумно вздохнула, однако просить прощения не спешила, лишь гневно сверлила меня взглядом. Что ж, я уже привык быть причиной всех ее недовольств, пусть на моем счету будет еще одна. Лишь бы рот закрыла и не ухудшала ситуацию еще сильнее.

Мы продолжили путь молча, лишь иногда обмениваясь приветствиями с встречающимися знатными особами. Жена наверняка уже готовила новую порцию упреков, предназначенных мне на вечер, однако меня сейчас заботило другое. То, что обо мне шли такие мерзкие слухи, было не на руку моей репутации. Возможно, хотя бы для вида надо все же чаще проводить с ней время. Видимость благополучия была важнее правды. А если эти слухи дойдут до ушей имперских шпионов, то выводы, которые они сделают, будут куда более верными, чем будет казаться простодушным курицам.

— Валентин, — голос Арианы вывел меня из раздумий.

Мы успели добраться до ее покоев, расположенных в западной части Каса-де-Вентос. Лакеи и служанки немедленно засуетились вокруг нас, расставляя и распаковывая вещи с чрезмерным энтузиазмом и шумом, явно большим, чем требовалось.

Я вопросительно посмотрел на жену.

— Ты... придешь ко мне этой ночью? — спросила она робко, невинно, словно недавней ее истерики и не было.

— Вряд ли. Ты наверняка устала с дороги. Отдыхай.

И с этими словами, провожаемый ее полным боли взглядом, я вышел в коридор. Ноги сами меня несли прочь, подальше от Арианы и всех проблем.

Какая ирония. У меня под началом находился целый флот, я уверенно справлялся со сложнейшими стратегическими задачами, умело разрешал конфликты среди офицеров и экипажа, но вот собственную семейную жизнь привести в порядок никак не удавалось. Еще раз резко дернув ворот, я все-таки сорвал ненавистную пуговицу, позволив себе облегченно вздохнуть полной грудью.

— Встреча, как обычно, прошла с огоньком?

Я приостановился, заметив внизу лестничного пролета Дельмара. От его веселой улыбки в душе вновь вспыхнуло раздражение.

— Как обычно.

Тот отдал честь, когда мы с ним поравнялись, и, не дожидаясь приглашения, неторопливо присоединился ко мне.

— С каждым разом все хуже и хуже, — заметил Дюфор, от которого никогда не скрывалось мое плохое настроение. Старик видел меня насквозь. — Она опять что-то учудила?

— Я боюсь, еще немного, и ее праведные порывы забеременеть сведут меня в могилу. Сегодня она и вовсе заявила, что какая-то шарлатанка нагадала ей сына, вот она травит и себя, и меня. Теперь я хотя бы знаю причину ее одержимости.

Ореховые глаза капитана как-то резко погрустнели.

— Нет существа более безрассудного, чем отчаявшаяся женщина, — мягко сказал Дюфор. — Особенно женщина, которая не может исполнить свой долг. Моя сестра не раз плакала мне, когда не могла дать сеньору Грегору не то что наследника, а просто здорового ребенка. Поверь, спустя годы она тоже шла на такие безумные ухищрения, что, узнай о них в Столице, Орден не оставил бы такое без внимания. Так что не суди сеньору Ариану строго, мальчик мой.

Брови удивленно взметнулись — я забыл, что мой покойный дядя сталкивался со схожей проблемой.

— Был бы Грегор жив, я бы расспросил, как он справлялся с этим.

— Я хорошо знал его, Валентин. Он иногда винил себя в их с Фелицией несчастьях, однако не терял надежды. Они смогли бы преодолеть это вместе, если бы не... — Дельмар скрежетнул зубами, — *инцидент*.

Дюфоры старались лишней раз не упоминать о той трагедии, что унесла жизнь Фелиции и Грегора, однако хранили память об этом, как зеницу ока. Для них то, что было представлено несчастным случаем, казалось спланированным преступлением имперцев. Конечно, открыто никто из членов Дома не решался обвинять власть, опасаясь вызвать ярость Империи. Потому холодная ненависть копилась внутри семьи долгие годы, медленно разъедая остатки гордого рода.

Дельмар души не чаял в родной сестре, но всегда говорил о ней скупой, короткой, сложно не хотел делиться этими эмоциями ни с кем. Так же и отец редко говорил со мной о матери, хотя все еще глубоко хранил свою скорбь. Оттого образ ее постепенно стерся, оставив лишь неясный след. Любопытно, испытывал ли подобное чувство Эстебан?

Бывало, хотелось поговорить с ним обо всем, спросить совета, выяснить, как родители сумели создать такую прочную семью, несмотря на то, что в Столице отца часто не было рядом с нами. Несмотря ни на что, их любовь была настоящей, искренней и страстной — я помню это ясно после стольких зим.

Я был уверен, что и у меня будет так же, но мечты мои разбились о жестокую реальность прибойными волнами. Мой отец женился по любви, и чувства родителей были взаимны. Мне же приходилось мириться с тем выбором, что он сделал за меня. Для меня. Для нашей семьи.

— Предлагаю оставить дела сердечные на потом, — сказал я, вновь отбрасывая мысли об Ариане в сторону. — Лучше поговорим о предстоящем мероприятии.

— Да, сеньор, — капитан тут же востроился и более охотно начал рапорт. — Помимо Бланчи сегодня прибыли Ареланы, Гарсия и Фальконе. Ожидаем приезда Монресов и Ле Роев.

— И имперского эмиссара, — мрачно напомнил я.

Дельмар скривился от моего упоминания. Благодаря нашим шпионам мы заранее знали о визите чинуши из Имперской Столицы, но за прошедшие три недели с моего прибытия в Мар-де-Сеаль никто так и не смог выяснить точный состав делегации. И это было очень подозрительно. Поступающие сведения разнились, словно Империя до последнего не хотела, чтобы мы узнали, кто находится сейчас на борту корабля, что несется вдоль западного побережья.

— Эмиссар — меньшая из наших проблем, — вздохнул Дельмар. — Есть новости и похуже... Империя распорядилась, чтобы эмиссар, а также легат Четырнадцатого Легиона присутствовали на Гранд-Консилиуме.

— Что?! — я остановился, внутри закипала ярость от такой наглости. — Гранд-Консилиум — это совет Домов Веаса.

— Ну вот сам и скажешь это напыщенному канцелярскому индюку, — фыркнул Дюфор.

— Откуда вообще такие сведения?

— Из Столицы. Только сегодня получил весточку от гонца.

— А... от Фальконе новостей нет?

— Никак нет. Его агенты не заметили присутствия сеньориты Камиллы или кого-то, на нее похожего, ни в Остании, ни в Набелите. Однако тут может быть дело в резком ужесточении в полках и когортах со стороны Империи. Комиссары явно проводят какое-то крупное расследование, в том числе в провинциальных легионах. Поступающая информация крайне разрозненная и либо заведомо ложная, чтобы сбить шпионов со следа, либо...

— Либо они сами не знают, что происходит, — предположил я, и Дельмар согласно кивнул.

— В любом случае все наши агенты сейчас соблюдают крайнюю осторожность, чтобы не выдать себя. Да и основные каналы информации перекрыты.

«Они сдавливают клещи сильнее, чем я рассчитывал, — думал я, выслушивая доклад Дюфора. — Может, у них есть весомые козыри? Или, наоборот, хотят блефовать и брать напором, пока мы не успели опомниться и самостоятельно разобраться в ситуации».

Размышления о том, почему среднеземцы, неизменно невозмутимые и убежденные в своей правоте благодаря покровительству закона, вдруг заняли такую агрессивную позицию, привели к подозрению, что им как-то удалось проведать о *наших* планах. Раньше я считал бы подобное маловероятным, однако сейчас... уже сомневался. Значит, и мы обязаны действовать быстрее, не совершая промахов и верно выбрав подходящий момент...

Бастиан стоял по стойке смирно у высоких деревянных дверей приемной вместе с охраной. Заметив нас, он тут же востроился, как ожившая статуя, и отдал честь, приложив кулак к сердцу. Стражники запоздало последовали его примеру и отворили перед нами двери.

Просторная приемная находилась в западной части замка, отчего солнца тут практически не было и царил приятная прохлада, но благодаря большим панорамным окнам с видом на море было достаточно светло. Кабинет меблирован без лишней помпезности, зато стены от пола до потолка были заставлены книжными шкафами.

Помню, раньше, в детстве, тут создавалось приятное ощущение спокойствия и уединения. Я любил проводить здесь время с отцом — из окна открывался чудесный панорамный вид, отчего казалось, что башня находится посреди открытого моря. Так было, пока наши неформальные встречи не начали омрачаться извечными дискуссиями, перерастающими в пререкания.

Слуги заботливо предлагали угощение гостям, расположившимся в глубоких креслах, которые образовывали полукруг возле внушительного рабочего стола отца, а маленький журнальный столик был уставлен различными закусками и напитками. Я мельком окидывал взгля-

дом собравшихся, пока охрана объявляла о нашем с Дельмаром приходе. Здесь уже были Альберто Каррон и его дядя, командор Теодор Каррон, Эдуард Бланчи, недавно прибывший Циско Гарсия, граф Флавио Фальконе, глава Торгового Флота и своего Дома, и граф Раймонд Ривьера. Но более всего я не ожидал увидеть Луизу Арелан и теперь был озадачен, почему она представляет интересы их Дома, а не ее супруг или сын.

Отец же восседал на своем рабочем месте, за его спиной на подставке красовался Виентосиноре. Один только взгляд на меч вгонял в уныние — негоже такому великолепному оружию находиться за стеклом, став тенью своего смертоносного великолепия... Впрочем, каков меч, таков и его владелец.

По правую руку от Эстебана сидел мужчина уже сильно в годах, с таким же обветренным лицом, что и у отца, и пронзительными темно-синими глазами, такими же, как почти у всех Кустодесов. Однако на этом сходство заканчивалось: Эмиль Галлет был худощавый, среднего роста, с жесткими чертами лица, едва заметной бородкой и собранными в хвост светлыми волосами. Он резко контрастировал с роскошью остальных именитых гостей, но ничуть не смущался своей старой потертой морской мантии, которой явно предпочел бы богатое одеяние, отчего дискомфорт рядом с ним испытывали окружающие, а не наоборот. Адмирал Северного флота являл собой олицетворение спокойствия и уверенности. Тем не менее прозвища «Черный» и «Грязный», которыми за глаза именовали флот наемников, казались куда более подходящими.

— Рад видеть вас в добром здравии, адмирал Галлет, — я почтительно склонил голову перед ним, и Эмиль ответил на приветствие вежливым кивком.

— Что же, раз все на месте, затягивать нет смысла, — Эстебан подал знак рукой, и слуги тут же покинули приемную. Как только двери захлопнулись, он продолжил. — Думаю, ни для кого не секрет, почему мы собрались здесь.

— Это уже не секрет даже для простолюдинов, — фыркнул Теодор Каррон, подвигая к себе штоф с вином. — Слухи распространяются лесным пожаром.

— Мы были к этому готовы, — напомнил Дельмар, усаживаясь в одно из свободных кресел и принимая наполненный для него бокал. — Однако все же упустили возможность обсудить это без глаз и ушей Империи.

Я же не торопился притрагиваться к вину — сейчас нужно было сохранять ясность сознания. А потому пока слушал и наблюдал. Особенно за Луизой и Эмилем. Адмирал никогда не вызывал у меня особого доверия. Человек, продающий свою верность за деньги, не был достоин такой привилегии, но наемники Черного флота, которые состояли на контрактной службе, в том числе у Имперской Гвардии, были слишком полезны — их не сковывали нормы морали и законы нашей провинции.

— Чем дальше эта ситуация остается без нашего внимания, тем больше необратимых последствий происходит, — сказал граф Ривьера, нервно потирая руки. — Думаю, сеньор Фальконе согласится со мной.

Раймонд мрачно кивнул.

— Увы, экономических потерь не избежать, — заметил я.

— Как и репутационных, — вздохнул Раймонд Фальконе. — Поговаривают, может дойти и до открытого недовольства...

— Разве организация работы городской стражи и гарнизонных войск лежит не на Первом Клинке? — поинтересовался Эдуард, явно встревоженный мыслью о том, что ему придется уделять внимание такой грязной работе, как подавление крестьянских волнений.

— Альберто пока лишь заместитель в отсутствие сеньора Хана, — напомнил Циско Гарсия, и мне очень не понравилась тень, промелькнувшая при этих словах на лице Эмилио.

— Максимилиана Хана уже давно нет в провинции, — сурово покачал головой Фальконе. — Это не должно служить оправданием для того, кто исполняет столь важные обязанности.

Теодор Каррон уже было хотел вступить за племянника, но я не дал им продолжать распалаться:

— Может, нам стоит спросить виновницу произошедшего?

Луиза, до этого момента непривычно молчаливая, лишь сделала затяжку из своей трубки, явно обдумывая ответ.

— Настоящая виновница произошедшего далеко отсюда, и местоположение ее до сих пор неизвестно, — проскрипела старуха, которая теперь явно наслаждалась реакцией присутствующих на ее дерзкий ответ.

— Вам хватает наглости обвинять мою дочь, *тетушка*? — в голосе Эстебана звенела сталь. — Может, еще будете утверждать, что она и вправду связана с Синдикатом, как поговаривают?

— Вы плохо ее знаете, дражайший *племянник*, — она резким щелчком стряхнула пепел, который тут же осел на ковровый ворс. — Мне довелось пообщаться с ней накануне произошедшего. И я могу сказать наверняка, что она что-то скрывала.

— Сеньора, Камилла — умная благовоспитанная девушка, которая руководствуется принципами чести и справедливости, как и все члены Великого Дома, — голос Альберто дрожал от ярости и праведного гнева. — Не будь вы крови Кустодес, были бы призваны к ответу за такое обвинение!

— Уймись, Альберто, — попросил я, медленно расхаживая по периметру зала. — Сеньора Арелан вряд ли стала бы бросаться такими громкими словами просто так... Это не в ее природе — *делать что-либо без повода*.

Старуха бросила на меня острый взгляд.

— Девочка давно не ребенок. Она уже успела поднять, что одной прямолинейной справедливостью мир не соткан, вот только еще не научилась определять, с кем нужно вести игру, а с кем нет. Вся ваша власть над ней закончилась, как только она вышла за городские ворота. И что мы имеем? — Луиза пригубила бокал и поморщилась. — Думаю, ее обвели вокруг пальца, или запугали, или охмурили... Кто и зачем, для меня остается загадкой, однако силу Дома оценивают по самому слабому его звену. И то, что им оказалась эта глупая девчонка, может многое сказать нашим противникам.

Я бы очень хотел возразить ей, но понимал — в ее словах есть доля правды. Камилла, по своей вине или нет, стала тем катализатором, который разжег медленно тлевший конфликт.

— Кажется, Арно Монрес перед своей... *смертью* обвинял Имперскую Гвардию то ли в измене, то ли в беспределе, — осторожно начал Дельмар, стараясь не выдать больше, чем нам было известно. — Тут есть связь?

Старуха нехотя кивнула.

— Арно был неплохим льстецом, но управленец из него вышел ужасный. Если бы он не преуменьшил масштаб проблемы с разбойниками на вверенных ему землях, скорее всего, заговор получилось бы раскрыть куда раньше.

— Заговор? — Эстебан удивленно вскинул брови и покосился на спокойно выслушивающего Луизу графа Фальконе.

— С целью подорвать деятельность Домов Веаса еще сильнее, очевидно, — раздраженно проскрипела Луиза, недовольно болтая вино в бокале. — Мы провели расследование, которое показало, что, вероятно, все разбои, которые случились в прошлом году, — диверсионные вылазки гвардии.

В комнате воцарилась тишина.

— А почему я слышу об этом только сейчас? — холодно поинтересовался Эстебан, нахмурившись. Пальцы его впелись в подлокотники кресла так, что ткань обивки опасно захрустела. — Надеюсь, вы не предъявили все это имперской канцелярии?

Несмотря на то, что Луиза и Флавио предпочли не отвечать, все было ясно. Послышались удивленные вздохи и негодующее сопение. Я же замер в совершенном шоке, не веря своим ушам.

— Так вот в чем все дело! — ахнул Циско. — Сеньора, вы понимаете, что своим заявлением подставили под удар всех нас?

— Мы сделали то, что должны были, — отрезал граф Фальконе.

— И на что моему племяннику не хватило бы духу, потребуй мы дозволения Великого Дома, — поддакнула старуха.

— Осторожней, — в голосе отца сталью звенела угроза. — Я многое могу стерпеть, но такие выходы подрывают мое доверие к делам Торгового флота. Или вы решили, раз я даровал вам некоторую свободу действий, вы имеете право предъявлять претензии Империи без моего ведома? За каждым таким поступком, хотите вы того или нет, будет стоять мое имя, а я не хочу отвечать за то, о чем был не в курсе.

Оба не нашли что ответить. И если Фальконе все же стушевался, то Луиза сделала лишь пару глотков из бокала, но горделиво поднятого подбородка не опустила.

— С чего вы вообще взяли, что за этим стоит Империя а не, например, какая-нибудь из банд Красного Синдиката? — спросил Гарсия, все еще потрясенный. — Мы многие годы боремся с этими паразитами. Периодически они устраивают разбой на наших землях, и чем этот случай отличается от остальных?

— Мы бы не стали рисковать понапрасну, выдвигая ложные обвинения, сеньор, — произнес Флавио. — Но во многом именно рассказ Камиллы склонил чашу весов в пользу этой версии. Нам точно было известно, что некий отряд был замечен на землях Дома Монрес, и он точно находился там без ведома графа. Свидетелями стали не только помощники Арно, но и целый постоялый двор, когда они заявили туда вместе с экипажем маркизы. Но вот мотивы... мотивы уже оставались областью наших предположений. И как только мы собрали все улики воедино, картина сложилась сама собой.

Лицо Эстебана чуть дрогнуло при этих словах. Неужели ему что-то известно об этом? А впрочем, неважно. От мысли, что Имперская Гвардия так сильно подставилась впервые за столько зим, мной овладевал радостный трепет. Неважно, действительно это была диверсия им нет, — это не были люди Четырнадцатого Легиона, и статут Декларации, гласящий, что гвардейцы не имеют права действовать на землях провинций без согласия Домов, был грубо нарушен... Интересно, какой безрассудный самоуверенный дурак возглавлял этот отряд?

— До того, как дом Камиллы подвергся обыску, а сама она нашла способ покинуть Столицу, я не сомневалась в том, что ей манипулировали или шантажировали, поскольку она оказалась не в том месте не в то время, однако... — Луиза прочистила горло, но продолжила своим скрипучим голосом. — Не могу утверждать, что тут нет и третьей стороны, которая готовится извлечь выгоду из сложившейся ситуации.

При этих словах старуха посмотрела на своего племянника с застывшим в глазах безмолвным обвинением.

— Но если так, мы действительно можем использовать эту ситуацию как свой козырь, — заметил Теодор Каррон. — Гвардия уже давно пользуется своим особым положением на наших землях. Стоило бы поставить этих среднеземских выскочек на место и напомнить, кто истинные хозяева юга.

— Пока местоположение маркизы Камиллы, сеньориты Андо и сеньора Хана остается неизвестным, мы не можем ничего предъявить. Всегда остается вероятность, что они — заложники в руках среднеземцев, — покачал головой Циско.

Я же в глубине души был согласен с командором Карроном — если есть малейший шанс, что гвардейцы нарушили закон, мы вправе потребовать и вынудить Империю пойти на компромисс... А уже это будет победой, пусть и небольшой.

Тут в разговор вклинился Эмиль Галлет:

— Насчет молодой сеньориты и ее фрейлины ничего сказать не могу, — задумчиво протянул он. — Но новости по поводу Первого клинка у меня есть.

— Вот как? — Альберто радостно встрепенулся, заслышав о наставнике. — Вы ведь пересекались с кораблем, на котором прибывает эмиссар, верно?

— Да, несколько дней назад мы заметили их корабль в Сапфировом море, у берегов графства Арелос¹. Нам удалось лично встретиться с имперским представителем.

— Кто назначен эмиссаром? — поинтересовался Эстебан.

— Некто Клестус Кайрос. Предположу, что очередная канцелярская крыса, коими полнятся улочки Потентациума², — махнул рукой адмирал. — Мне удалось выяснить, что с ним помимо личной свиты белых гвардейцев едут представитель Сервитуариума рангом не ниже Третьего Кольца, а также золотой гвардеец.

— Полагаю, для всего Триумвирата попросту места не хватило? — насмешливо фыркнул Эдуард, однако в напряженном ожидании его шутка осталась незамеченной.

— Кто из Золотых Хранителей почтит нас своим присутствием? — осторожно спросил я, и что-то в глубине души тревожно зазвенело.

Присутствие Хранителя Преданности или Правосудия вызовет немало проблем и наверняка...

— Леонард Кустодес.

Названное имя мгновенно прервало поток размышлений, оставив меня в смятении и растерянности. Не только я был поражен — все присутствующие лишились дара речи. Даже воздух, казалось, сгустился от напряженной тишины.

Я посмотрел на Циско и Дельмара с укором, не понимая, почему они скрыли это. Но их потрясенные лица заставили меня усомниться в своих подозрениях. Как же гвардейцы сумели так надежно спрятать эту информацию, что даже Аспир с его шпионами не смог ее раскопать?

— Это шутка? — переспросил Гарсия, его глаза расширились, став двумя белыми пятнами на загорелом лице.

— А я похож на шутника, сеньор Гарсия? — ощерился Эмиль. — Хранитель Чести собственной персоной сопровождает эмиссара, но остается загадкой, почему именно он...

— Неужели они рассчитывают на такую дешевую манипуляцию? — Эдуард озадаченно склонил голову и испуганно глянул в сторону Эстебана, но герцог единственный сохранял невозмутимость.

— Сомневаюсь. Тут что-то другое, — скрипучий голос Луизы выдавал несвойственную ей тревогу. — Хранители Чести редко покидают свой пост ради участия в переговорах. Возможно, есть то, что пока скрыто от нас?

— Они разве не понимают, что его присутствие вызовет недовольство Монреса? — Альберто почти залпом опустошил бокал и звонко стукнул хрусталем по столу. — Что бы там ни нес Арно, его поступок — вот настоящая демонстрация безнаказанной вседозволенности имперцев.

— Может, этого они и добиваются? — предположил граф Ривьера. — Выбить нас из колеи, расшатать, разобщить. Все равно что тряпкой перед разъяренным быком размахивать. Не думаю, что у Люсьена Монреса хватит выдержки встать лицом к лицу с убийцей его сына.

Комната тут же наполнилась негромкими спорами относительно полученной информации, пока рука герцога властно не взлетела вверх, призывая к тишине:

— Ты упомянул, Эмиль, что у тебя есть новости насчет Максимилиана.

¹ Арелос — графство, владения Дома Арелан.

² Потентациум — административный район Имперской Столицы, где заседают сенаторы и министры, располагаются Гильдии, суды, банки и казначейства.

Адмирал Галлет кивнул.

— Можно и так сказать... Его везут в Мар-де-Сеаль на том же корабле.

Я судорожно облегченно выдохнул. Значит, с ним все в порядке.

— Эмиссар не говорил, что потребуют за пленника? Мы сможем выставить условия выгоднее, чтобы...

Но Эмиль не дал договорить.

— Вы неправильно поняли меня, Ваша Светлость. Они везут его *тело*.

Кровь отхлынула от лица. Нет, не может быть. Может, мне послышалось? Может, Эмиль что-то неправильно понял?

— Т-тело? — онемевшие губы с трудом слушались, пока я задавал вопрос, который кроме меня не решались произнести остальные.

Эмиль сделал глубокий, полный искренней скорби вздох.

— Максимилиан Хан был убит при попытке побега из Столицы. Его тело возвращают на родину «в знак добрых намерений и безграничного уважения, несмотря на то, что он был изменником».

— Нет!

Послышался глухой стук. Альберто вскочил с кресла, и оно с грохотом отъехало по паркету. Каррон рывком подпрыгнул к Эмилю и схватил того за грудки с такой яростью в глазах, будто готов был разорвать его голыми руками.

— Следи за словами, наемник! — молодой человек дернул адмирала, и содержимое его бокала тут же расплескалось на стол и сюртук. — Максимилиан Хан — один из величайших мастеров меча в Веасе, благородный и верный! Да как ты вообще смеешь называть его предателем!

Остальные же находились в таком шоке, что никто не решился остановить командира. Его отец поднялся, но словно боялся приблизиться к сыну. Даже Эстебан выглядел растерянным.

— Альберто, — я с силой схватил его предплечье. — Не забывай, что ты говоришь с членом Великого Дома, проявляй соответствующее уважение. Я... Каждый из присутствующих разделяет горе этой потери, однако такие манеры недопустимы... для Первого клинка Дома Кустодес.

Слепой гнев в его взгляде постепенно сменялся осознанием. Пальцы разжались, и Эмиль рухнул в кресло.

— Прошу простить за недостойное поведение, — не смея поднять глаз, пробормотал Каррон, съедаемый чувством вины.

Остальных, казалось, слова эти тоже отрезвили.

— Я распоряжусь о подготовке похорон, — Эстебан пытался говорить твердо, но было очевидно, что новость глубоко потрясла его. — Наследников у него не было, живых родственников, кроме нас, не осталось... Печальная участь для такого человека. Он верой и правдой служил Веасу, идеалам нашей семьи. Да примут его душу Старые Боги.

Все хранили почтительное молчание, отдавая дань памяти усопшему Максимилиану. Когда Эстебан поднял бокал, все последовали его примеру.

Что же, хотя бы одна проблема решена. Осталось только найти и вернуть Камиллу, чтобы развязать себе руки. А Каталина... Эта шлюха хоть и важна, но при необходимости ею можно и пренебречь.

— Мы не будем требовать уплаты Кровавого долга? — холодно спросил Циско. — Я уважаю графа Монреса, но его сын сам навлек на себя такую судьбу. Однако «предательство» — это удобная отговорка для имперцев, чтобы избежать расследования. Я бы не оставил это без последствий, сеньор. Смерть Первого клинка не должна остаться безнаказанной, иначе другие Дома будут считать нас слабыми.

— О, я бы очень хотел глянуть в глаза убийцы мастера Хана, — процедил Каррон.

Адмирал мрачно ухмыльнулся.

— Думаю, в скором времени у вас будет такая возможность, сеньор.

Глава 4

Капитан привык отправляться в путь с восходом солнца. Несмотря на то, что часто небо оказывалось закрытым плотными серыми облаками, мы неизменно стартовали в назначенный час с удивительной точностью.

Но не сегодня.

Я проснулась от того, что не чувствовала привычного движения ветрохода, скользящего по ледяной глади. Лодка стояла.

— Что там опять... — пробормотала я, потирая заспанные глаза.

Ада и Каталина продолжали мирно спать, отчего мне в очередной раз оставалось сетовать на свой чуткий беспокойный сон.

Из-за двери доносились приглушенные тревожные разговоры. Я укуталась поплотнее в теплый плед и неуверенно направилась вверх, осторожно ступая по холодной палубе.

— ...Закрота изнутри.

— Сначала нужно выяснить, что случилось, а затем ломать дверь!

Оказывается, уже был день, а не утро. У капитанской каюты суетились София и Йана.

— Что случилось? — спросила я, подходя ближе.

— Яшмос, — попыталась объяснить София. — Он еще вчера не спустился на ужин, и вот сейчас мы пытаемся достучаться, но безрезультатно.

Подхватив их обеспокоенность, как лихорадку, я опустила перед замочной скважиной в надежде что-то рассмотреть, однако даже привычного теплого света лампы на капитанском столе не было.

— А ну-ка отойди, — пророкотала нависшая сзади тень.

София резким движением отодвинула меня в сторону, и орк одним могучим ударом ноги выбил дверь вместе с запором.

— Кригер! — пискнула Йана, с ужасом глядя, как тот с легкостью оттаскивает дверь в коридор.

— Зато эффективно, — он пожал плечами, а я в очередной раз ужаснулась его силище.

Капитан лежал на своей койке и тяжело дышал. На столе были разбросаны письменные принадлежности, карты, измерительные приборы, бокал с недопитым виски. Чуть дымящийся фитиль свечи был еще теплым. Судя по всему, перед сном капитан корректировал маршрут и, значит, еще недавно был на ногах. Взглянув на карты краем глаза, я не узнала мест и не поняла, где мы сейчас находимся.

Пока мы осматривались, София сначала проверила дыхание Яшмоса, а затем, приложив руку ко лбу, произнесла:

— У него очень сильная лихорадка...

Зеленые искры уже сорвались с кончиков пальцев и, следуя ее движениям, проникали под кожу мелкими каплями. Рывком она расстегнула рубаху и приложила ухо к едва вздымающейся груди.

— Странно... Очень похоже на легочную слизь, но я не чувствую очага воспаления.

— И что это значит? — растерянно спросила я.

— Я не могу лечить то, чего не знаю, — вздохнула София. — Но постараюсь сделать все, что в моих силах. Кажется, у нас еще был запас лекарственных трав, но боюсь, его может не хватить.

— Сомневаюсь, что в этой ледяной пустоши мы найдем хоть что-то полезное... — заметила Йана, присоединившаяся к Софии, и теперь вместе с зелеными искрами над телом сварга танцевали золотисто-белые.

— Если он двинет кони, мы тут застрянем, — заметил орк, и слова, которые никто не решался озвучить, зависли в воздухе гроздьями острых сосуллек, готовых вот-вот упасть на нас.

Кригер аккуратно, под руководством Оре перенес капитана вниз, в небольшую теплую каютку Йаны и Софии. Сервитуария нашла старый мед, какие-то грибы и травы и сварила подобие лекарства, однако и к вечеру Яшмосу не полегчало. Он хрипел, тяжело и прерывисто дышал, и наставница лишь пыталась облегчить его боль. Обе женщины сразу же распорядились, чтобы никто не приближался к больному. Только эпидемии нам и не хватало...

— Разве ты не можешь вылечить его магией? — спросила я, глядя, как в очередной раз София поднимает голову сварга и вливает в него отвар.

— Магия созидания работает немного не так, — мягко объяснила она, сосредоточенно продолжая водить пальцами по его телу, задерживаясь над грудной клеткой. — Мы ищем ключи к пониманию живых организмов, изучаем, как они работают, и на основе этих знаний применяем наши силы. Например, мы можем подтолкнуть тело больного к борьбе с недугом, но только если абсолютно уверены в диагнозе. Иначе получится все равно что неверно подобранная микстура или дозировка лекарства. Если я сейчас выберу неправильное вещество, которое заставит его организм вырабатывать неподходящие ферменты, его состояние лишь усугубится.

София провела рукой еще пару раз и, тяжело вздохнув, опустила рядом на скамью.

— Прости, дорогая. Говорила ведь тебе, что не особо сильная волшебница, — на ее лице, успевшем изрядно постареть за последние два месяца, проступила старческая печаль. — Я не могу определить причину его болезни, но ему осталось недолго — у него повреждены легкие и сердце, а кровь как будто бы сжигает его изнутри...

— Не мог же он всего за пару дней до такого состояния дойти, — я, пораженная, смотрела на умирающего на маленькой койке сварга, казавшегося сейчас таким беспомощным...

— Да, — София задумчиво приложила указательный палец к губам. — Возможно, что эта хворь не имеет отношения к заболеванию. Может, тут что-то другое... Отравление или...

— Думаешь, это мог быть яд?.. — мои глаза с ужасом округлились.

Стук в дверь прервал нас.

— София, я принесла свежую порцию отвара и чистые тряпки, как ты и просила, — послышался голос Каталины.

— Спасибо, девочка моя, — устало отозвалась наставница.

Каталина быстро прошмыгнула в каюту, забрав из рук сервитуарии кадку с водой. Она мельком глянула на Яшмоса, однако меня вниманием не удостоила — все еще продолжала игнорировать мое существование. Кажется, эта тактика начинала приносить плоды.

Как только дверь захлопнулась, я перевела лихорадочный взгляд на Софию. Ее предположение натолкнуло меня на одну мысль, которую надо было как можно быстрее проверить.

— Вам бы помириться с ней, — вздохнула наставница.

— С Каталиной? — я, поглощенная размышлениями, даже не сразу поняла, о чем она.

— Девочке тоже нелегко приходится. Я виновата, что втянула ее. Убедила, что верну в Мар-де-Сеаль после побега из Столицы, — София потерла прикрытые веки. — А в итоге она застряла здесь, с нами.

— Она явно не хочет со мной разговаривать. Ну а заставлять я не собираюсь.

Очевидно, что Каталина затаила на меня обиду, и я даже знала причину, но не было ни сил, ни желания идти на мировую. Если она не хотела понимать, что я пережила в столь короткий срок, зачем пытаться доносить ей это?

Зато было странно видеть, что она внезапно наладила отношения с Софией. Наставница, которую фрейлина раньше на дух не переносила, теперь была единственной, с кем общалась Каталина. Она помогала, чем могла, не страшась даже грязной бытовой работы. И хоть порой от нее вреда было больше, чем пользы, София ценила ее неловкие попытки и, кажется, сама немного растаяла к нерадивой воспитаннице.

— Она переживает. Такие перемены, что грянули в ее жизни, ломают многих, но она пока находит те соломинки, за которые может держаться. Ты все еще остаешься одной из них, Камилла, — серо-зеленые глаза с печалью смотрели прямо на меня. — Поговорите, объясните все как есть. Иначе вы обе останетесь без тех, кому можно будет довериться. Вы обе способны стать опорой друг другу в такие трудные времена. Важно сохранить то, что еще осталось от прошлого.

Я нехотя кивнула, в глубине души понимая, что не готова еще к разговору с подругой. Что бы она ни испытывала, мне надо было перебороть свое горе. Меньше всего я хотела, чтобы она видела меня слабой и сломленной.

Какое-то время мы просто сидели в тишине, пока я не услышала мерное посапывание — София так и уснула, сидя на койке. Она выглядела изможденной и почти такой же болезненной, как и ее пациент. Видимо, магия созидания отнимала у нее все больше сил с каждым применением, однако даже сейчас, когда запас ее магии был почти истощен перерождениями, она все равно творила настоящие чудеса. Интересно, как же она была сильна во времена своих ранних циклов?..

Йана разбудила нас обоих несколько часов спустя.

— На камбузе остался ужин, — сказала эльфийка. — Я пока сменю тебя, Зоффи. Посмотрю, что могу сделать...

Теперь над телом сварга затанцевали белые искры магии преломления.

— Магия света тоже может лечить? — поинтересовалась я у Софии, когда мы уплетали пустую похлебку из остатков овощей и сушеных грибов.

— Преломление — очень могущественная сила, — сказала София. — Почти такая же, как и твой дар. Она не лечит, как магия созидания, но может, например, выявить магические недуги. Может направить внутреннюю энергию души на исцеление, усилить или, наоборот, ослабить организм.

— И в чем разница? — с искренним недоумением спросила я.

София задумалась, ища подходящий пример.

— Срастить кости или, к примеру, отрастить конечности магией преломления не получится, — он вздохнула. — Но, возможно, Йане удастся найти источник болезни Яшмоса, если первопричина была в магическом воздействии.

При этих ее словах суп стал комом в горле. Перед глазами возник яркий образ светловолосого мальчика, кусающего отравленную темной магией грушу. А что если...

— Яшмос... мог подцепить нечто вроде магического истощения?

Наставница задумалась.

— Ну, симптомы, конечно, похожи на те, что обычно испытывают попавшие под проклятие, однако откуда... — она осеклась, поздно спохватившись. — Ох, девочка моя... Нет, ты не можешь...

— Могу, — тихо прохрипела я, в глазах потемнело. — А вдруг я сделала это неосознанно...

Я почувствовала, как шершавые пальцы сжали мои ладони, но не рискнула встретиться с Софией взглядом, боясь увидеть страх и укор.

— Ты не виновата, дорогая, — повторила София негромко, но уверенно. — В этом мире есть тысячи магических недугов. И необязательно их источники — темная магия.

— Однако же девочка правильно мыслит, — Йана, как обычно, призраком вплыла в камбуз.

От ее слов я вздрогнула, чувствуя, как сердце начинает колотиться. И вновь перед глазами вырисовывается то, что я так старательно пыталась забыть...

— Объяснишь? — в голосе Софии сквозило недоумение.

— Яшмос определенно попал под воздействие магии, но как — я понять не могу. Последняя наша остановка была в Хольмскойре, корабль он не покидал. Если бы с ним что-то случилось в городе, он бы понял. Маги всегда остро чувствуют подобные недуги.

Я почувствовала, как София сильнее сжимает мои руки.

— Мы можем что-то сделать?

— Молиться, чтобы Фаррен забрал его душу раньше, чем недуг расколется, — с мрачной обреченностью сказала эльфийка.

И снова... Хоть Йана и не обвинила меня прямым текстом, ее намек был более чем ясен.

— Я пойду, пожалуй, — пробормотала я, совершенно не видя ничего перед собой, и, прежде чем кто-то успел меня окликнуть, выбежала на верхнюю палубу.

Ноги сами несли меня в капитанскую каюту. А в голове только одна мысль — бежать. Спрятаться. Подальше от остальных. Оградить их от сокровища во мне дара...

Внутри все содрогалось. Какой же это дар? Это настоящее проклятие. И что бы ни утверждала Оре, пока все, что я знала о темной магии, оправдывало себя. Эта тьма внутри меня стремится разрушить все, и я никак не могу сдержать ее. Огонь Ады хотя бы можно остановить, если она потеряет над ним контроль, — задуть, залить водой, засыпать землей...

Глухие рыдания снова вырывались наружу, как беззвучная мольба хоть кому-то, кто готов меня услышать. Готова ли я отдать свой дар, чтобы получить шанс вернуть все, как было? Чтобы у отца не было проблем из-за меня? Без колебаний. Готова ли я отдать жизнь за то, чтобы вернуть Яна? Даже не стала бы раздумывать. Кажется, смерть была бы избавлением от такой жизни, где любое мое действие, даже попытка выразить благодарность, может обернуться трагедией.

«Я не должна существовать, — крутилась в голове мысль, как волчок. — И сила эта тоже». Почему так вообще случилось? Одни и те же мысли, сводящие меня с ума уже которую неделю, прокрались в голову подобно диким голодным животным на охоте, готовым урвать кусок побольше.

При мысли о Яне сразу же вспоминался брат и то, что он сделал. Эти пустые, затуманенные глаза убийцы преследовали меня в кошмарах вместе с синеглазыми тварями. В глубине души я понимала, что поступок его, в отличие от ситуации с Арно, был необходимостью, иначе бы и его кровь была на моих руках, как и кровь Яна. Однако злость, ярость и страх теперь были верными спутниками при мысли о нем, и что-то в груди, глубоко под ребрами, начинало медленно тлеть, заставляя чувствовать горечь утраты и боль разочарования. Никогда не думала, что Лео будет для меня чем-то таким...

Империя превратила доброго мальчика в жестокого убийцу, готового выполнить любой приказ. Разве справедливо, что Лео пришлось выбирать между семьей и службой? Почему мир так жесток? Если бы все было иначе...

Мне показалось, что я закрыла глаза лишь на мгновение, но проснулась от того, что все тело сотрясалось от холода. Изо рта вырывались маленькие облачка пара, которые не могли согреть мои озябшие ладони. Несмотря на то, что Кригер с трудом починил дверь, холод проник в каюту, украсив ее изморозью. Внутри ветрохода всегда было достаточно тепло, он как будто излучал его своим корпусом, но не сейчас. И наверняка ответить на этот вопрос мог только Яшмос.

Я тяжело вздохнула. Что бы ни случилось, нужно было спуститься в каюту, чтобы проверить, как он. И помочь Софии. Видимо, я проспала несколько часов, и ей, вероятно, требовалась моя помощь.

Снаружи что-то с треском разбилось о палубу.

— Сказала же, мне от тебя ничего не нужно! — раздался голос Каталины, полный такой злобы, которой я раньше никогда в ее голосе не слышала.

Я было хотела вмешаться, что бы там ни происходило, но что-то на грани бесконечной усталости и смятения остановило меня.

— Я просто хотела принести тебе согреться, вот и все, — прозвучал голос Ады. — Тут холодно, ты же замерзнешь.

— Правда?! А то я не заметила, что мы посреди гребаной снежной пустоши шейд знает где!

— Мы не виноваты в этом, — попыталась оправдаться Ада.

Каталина лишь истерично рассмеялась.

— Да неужели?! Это я, что ли, решила в волшебников поиграть?!

Послышался всхлип.

— Это не было игрой! Мы просто... пытались узнать правду!

— О да, эта правда определенно стоила всего этого? Надеюсь, вы обе довольны!

— Я... я не виновата в том, что родилась...

— ...Чудовищем? — с желчью подсказала Андо. — Ну да, не будь вы чудовищами, нам не пришлось бы бежать из Столицы, бросив все!..

— Я не просила этого! — голос Ады надломился, послышались сдавленные рыдания. — И тоже немало потеряла!

— Да откуда тебе знать про потери! Ты, выросшая в роскоши и достатке, за всю жизнь и пальца о палец не ударившая... Точно такая же, как Камилла — привыкшая, что за твои выходки расплачиваются другие! А такие, как я, обычно разгребают все то дерьмо, что после вас остается! Пока вы воображали себя вершителями судеб и совались в дела Гвардии, я изо всех сил старалась наладить собственную жизнь, ведь у меня нет богатого отца, готового решить за меня все проблемы. Теперь у меня больше ничего нет — ни будущего, ни призвания, ни близкого человека, ни дома... Я... я просто хочу заснуть... проснуться и узнать, что всего этого кошмара вовсе не существовало...

— Думаешь, мне хотелось стать мишенью для имперских головорезов?! Бежать, как преступница, оказаться замешанной в гибели минимум двоих, лишь бы ютиться в вонючих трюмах, пропахших серой и плесенью, и жрать прогорклую дрянь вместо еды?! Не одной тебе, знаешь, пришлось бросить то, что было дорого! — воскликнула Ада и, судя по топоту шагов, исчезла где-то в глубинах нижней палубы, оставив Каталину наедине с ее рыданиями.

Я же прислонилась лбом к холодной стене. Раньше я непременно поспешила бы утешить их обеих, подобрать верные слова примирения... Сейчас же с трудом нашла в себе силы подняться с пола, присыпанного снежной мукой, и выйти наружу.

Каталина заливалась отчаянными слезами, стоя на коленях. Рядом медленно растекалось по снегу темное пятно горячей жидкости из расколотой глиняной кружки. Ветер вторил ее безутешному вою, будто дуэтом оплакивая утраченную жизнь...

Сердце щемило.

— Прости меня, — я упала на колени рядом с ней и крепко обняла дрожащую подругу. — Прости, что снова из-за меня у тебя нет права прожить свою жизнь так, как тебе хочется...

— Я не могу так... — выдавила она из себя сквозь слезы. — Не могу без него... А вдруг... А вдруг с ним что-то случилось? Вдруг из-за нас... его и вовсе убьют...

— Понимаю...

Несмотря на всю бурю эмоций, я все равно задумывалась о том, какая участь ждала Лео. И не его одного... Порой образ безжизненно лежащего в снегу Александра тревожил сердце не меньше мыслей о судьбе родного брата.

Рука неловко поглаживала ее спутанные потускневшие локоны.

— Я... я... думала, что София... И я смогу вернуться... Моя учеба... Мое будущее...

— Понимаю, — повторила я тусклым безжизненным голосом, пока мысли мои были далеко отсюда.

— Почему же все так несправедливо...

Несправедливо.

Да, пожалуй. Справедливость — вот чего я жаждала. Несправедливо, что Империя ополчилась против магии как таковой. Несправедливо, что из-за своих амбиций среднеземцы из поколения в поколение упорно разыскивали каждого, кто обладает хотя бы крохотной частью волшебства. Несправедливость подчиняет своей воле весь мир, заставляет всех плясать под свою дудку, и никто уже не замечает, насколько искусно эта власть сковала всех цепями, которые мы надели добровольно. Если уж я смогла разглядеть эту правду, значит, возможно, прозрели и другие...

Больше Каталина ничего не говорила, лишь горько плакала, словно стремилась выплеснуть все, что копила долгие годы. Когда слезы иссякли, я отвела ее в капитанскую каюту, укутав плащом, где она почти сразу же уснула. И теперь ее измотанность бросалась в глаза еще сильнее — темные тени под глазами, осунувшиеся черты лица, потускневшая кожа, на фоне которой даже ее веснушки казались скорее грязными пятнами... Удивительно, что срыв случился только сейчас.

Оставив заплаканную подругу, я отправилась вниз, где царило мрачное затишье. Из-за закрытой двери комнаты доносились едва различимые хрипы Яшмоса. На камбузе горел неяркий огонек, который то распался, то почти затухал, выдавая Аду с потрохами.

Девушка сидела в дальнем углу кухни, опустив руки в наполненную водой кадку. Жидкость вокруг ее пальцев бурлила и дымилась. Вся верхняя одежда, не считая исподней льняной рубахи, лежала рядом.

— Ты... как? — негромко спросила я, но набелитка все равно вздрогнула от испуга.

Она подняла заплаканное лицо.

— А вот и ты... — она попыталась придать голосу уверенности, но не вышло.

Резво вытащив руки из воды, Ада быстро утерла слезы тыльной стороной ладони.

— Решила помыться, — она кивнула на плавающие на поверхности воды тряпки, которыми мы обычно обтирались, а затем виновато добавила, глядя на исходящий от воды пар. — Только Йане не говори, ладно? Она запретила мне это делать. А вода была холодная...

Я кивнула и молча начала скидывать одежду, также оставшись в нижней рубахе, и уселась рядом с ней. Вода была настолько горячей, что я с шипением рассерженной кошка одернула руку, потирая покрасневшие пальцы. А Ада даже не поморщилась...

— Прости, я плохо контролирую температуру... Но пока это единственное, на что я способна, — начала оправдываться та, отжимая тряпку и протягивая ее мне, и невесело усмехнулась: — И вот ради этого я рискнула своей жизнью...

— Это уже больше, чем ничего, — бесцветным голосом ответила я.

— Мне иногда кажется, что я ближе к *ним*, чем к людям, — начала Ада после недолгого молчания. — И от этого мне только паршивее.

— Не воспринимай слова Каталины близко к сердцу, хорошо? Она очень вспыльчива и не всегда следит за языком... Но и винить ее я не могу. Все мы чего-то лишились.

— Но она права, — с каким-то странным смирением произнесла девушка. — Это наша вина, что она здесь, а не в столице. Я действительно верила, что все будет похоже на веселые приключения с друзьями, как в книгах... Там герои всегда добиваются своих целей и исполняют мечты. Я грезил о славе, хотела доказать свою значимость... — она шмыгнула носом. — Как видишь, получила то, чего желала. Ада Небелит — преступница, беглянка и позор своего Дома.

— Знаешь, всего несколько зим назад я была готова променять все на шанс оказаться на корабле в компании орка, эльфийки и двухсотлетней волшебницы, — вздохнула я, предаваясь воспоминаниям. — Сейчас смешно от того, такой глупой и наивной я была...

Ада немного помолчала, задумавшись над моими словами.

— Самое страшное знаешь, что? Даже будь у меня возможность повернуть события вспять, вновь оказавшись перед выбором... Я снова поступила бы точно так же. Возможно, вела бы себя осторожнее, выбрав менее рискованный путь, но ни за что не отказалась бы от своей решимости узнать правду.

— А я бы отказалась, — призналась я. — Сидела бы тихо и не попадалась на глаза ищейкам. Ари поступил умнее, чем мы обе... — вдруг замолкнув, краем глаза я взглянула на собеседницу.

Все это время я старательно избегала любых упоминаний об Ари, зная, что наша ссора и разлука с ним причинила Аде боль не меньшую, чем смерть Дарена. Она осторожно протирала влажной тряпкой кожу, все так же отрешенно глядя перед собой.

Я даже подумала, что она уже успела смириться, как вдруг ощутила знакомое тепло ее тела. Она прижалась ко мне сзади, вцепившись в рубаху, и до меня донеслись тихие, едва слышные рыдания. Мы сидели так долго, неподвижно, словно застывшие статуи, погруженные в собственные мысли и воспоминания.

Я затаила дыхание, позволяя Аде выплеснуть наружу накопившуюся печаль, давая ей право хотя бы ненадолго показать слабость этому жесткому миру. Сердце щемило и у меня, когда перед глазами вновь всплыло испуганное лицо Александра и его тело, неподвижно лежащее в снегу. Но глаза, несмотря ни на что, оставались сухими, отказываясь потакать слабости и отчаянию, которым не было места.

— Между прочим, я все еще зла на него! — с внезапным негодованием выпалила она. — Он струсил. Мы здесь, а он в Столице, в тепле.

— Я думаю, он боялся того, что может случиться с его родными, — просто сказала я, внезапно осознав, насколько же дальновидным был северянин. А вот мне его решимости не хватило...

— Знаю, — пробурчала Ада, шмыгая носом. — Но это его не оправдывает...

— У тебя ведь... были к нему чувства? — робко спросила я и почувствовала, как она с силой стискивает льняную ткань.

— Какая уж теперь разница, — когда она отстранилась, я ощутила, что рубашка намочла от ее слез. — Надо как-то жить дальше, а не думать о том, чего не исправить.

— ..Или все-таки можем что-то изменить? — мысль, на которую меня натолкнула Каталина, не выходила из головы.

Набелитка посмотрела со странной смесью скепсиса и жалости:

— Мы ведь уже говорили об этом.

— Всегда можно попробовать сбежать, — предложила я. — Когда пойдем, что нам в этом Абиссе делать больше нечего.

— Бежать? Куда? — Ада встревожилась. — Мы вроде как преступницы. Путь домой нам заказан...

— Значит, надо доказать нашу невиновность, доказать всем, что Империя многие столетия обманывала людей. Мы можем изменить все. Разве... разве тебе не хотелось бы отомстить?

Последнее предложение слетело с моих губ прежде, чем я могла его осознать. Но Ада явно не разделяла мой энтузиазм и теперь даже не скрывала своего беспокойства.

— Мсть — жгучее чувство. Я знаю это не понаслышке, — начала она, рука ее невольно скользнула по плечу, где кожу испещряли уродливые узоры застарелого ожога. — Я понимаю, о чем ты. Понимаю, что ты чувствуешь. Мы с Дареном не были близки, как вы с Максимилианом, и я мечтала избавиться от него с самого детства, когда его приставили следить за мной, но его смерть... Это как потеря чего-то, что всегда было с тобой. Ты просто не можешь принять, что его больше нет рядом. И от этого хочется уничтожить все, лишь бы унять эту боль. Но и это проходит. Поверь. Со временем это чувство истлеет, потухнет, как костер без дров. Просто не подпитывай его.

— Легче сказать, чем сделать, — процедила я. — Особенно когда все, на что ты способен, — это разрушение.

— Ты про свою силу?

Я кивнула, скривившись.

— Йана считает, что это я отравила своей магией Яшмоса, — признание далось тяжелее, чем казалось. — Она, конечно, не обвинила меня прямым текстом, но только дурак не понял бы намека.

Миндалевидные глаза расширились.

— О чем это ты? Разве ты на такое способна?

— Способна, — коротко ответила я.

Я хотела рассказать про то видение с Ари из нашего детства, когда я, сама того не желая, наложила на мальчика иссушающее проклятие. Вот только я не была уверена, что Ада поймет это правильно. А если и она от меня отвернется, мне не хватит сил пережить все в одиночку, без нее, без единственной связи с прошлым, за которое я так отчаянно цеплялась.

— Ну, ты же помнишь, что я чуть не убила вас всех той ночью...

— А, ты об этом... — глаза Ады тут же потускнели, стоило ей вспомнить кошмар, в котором по моей воле она тонула, проживая снова и снова. — Тут нет твоей вины — ты не могла контролировать себя. Откуда тебе было знать, что произойдет?

— Ты тоже не могла знать, что случится пожар! — парировала я. — Но ведь продолжаешь винить себя за это.

— Это другое, — набелитка зажмурилась, делая судорожный вдох. — Я *хотела* этого. Искренне хотела отомстить за все те издевки над нами. Я не подумала, что пожар разгорится настолько, и поплатилась за свою глупость. За что и продолжаю винить себя. Ты же не хотела причинять нам боль или желать смерти Яшмосу?

— Нет...

— Тогда отвечай лишь за совершенные ошибки, а не за то, что тебе навязали собственные мысли, — посоветовала подруга уставшим голосом и продолжила отмыывать грязь уже молча.

Судя по всему, разговор задел ее сильнее, чем она хотела показать. «*Не всегда плохие воспоминания появляются из-за магии*» — вспомнила я и вздохнула. Хотелось утешить и приободрить ее, но беседа ушла совсем в другое русло.

Замечание ее лишь подтолкнуло к мысли об истинной природе моих намерений. Я могла сколько угодно убеждать себя, что не желала Ари такой участи, но... Нет, нельзя было признаваться в этом, иначе упаду в бездонную пропасть, из которой уже не смогу выбраться.

Яшмос не пришел в себя ни наутро, к вечеру, ни в один из последующих дней. Его метания и судорожные хрипы наполнили нижнюю палубу, заставляя вздрагивать и просыпаться от каждого очередного приступа. Пока это был верный знак, что сварг хотя бы жив, однако я не могла понять, что пугает меня сильнее — его страдания или тот момент, когда они прекратятся.

Тщетные попытки сна, где меня терзали либо кошмары, либо отдаленный сумрачный шепот, сменялись почти столь же мучительным бодрствованием в гнетущем ожидании. Воздух казался отравленным, истощая нас вместе с капитаном. Корабль словно чувствовал надвигающуюся смерть и сдавался под напором ветров и снегопадов. Тепло медленно и неотвратимо покидало «Северный ветер». Даже на нижней палубе стало холодно, и по утрам мы просыпались под покрытыми инеем пледами, словно под могильными саванами.

Кригер днем где-то пропал, возвращаясь под вечер. Йана и София сменяли друг друга, удерживая магией угасающую жизнь Яшмоса, отчаянно надеясь на чудо. Мы с Адой и Каталиной помогали, чем могли, взяв на себя быт и приготовление целебных настоев. Однако и здесь судьба преподнесла нам неприятный сюрприз.

— Если ситуация не изменится, запасов нам хватит еще на неделю, — заметила София, осматривая провизию. — На две, если будем сильнее экономить.

— Куда уж сильнее, — нахмурилась Каталина. — У нас сейчас итак в рации по ломтю хлеба да по пустой похлебке.

— Девочка права, Зоффи, — заметила Йана, на которой нехватка еды не сказывалась так сильно. — Вопрос тут не столько в ограничениях рациона — вам просто недостаточно сил бороться не только с усталостью, но и со стихией.

— А даже если Яшмос встанет на ноги, мы попросту не доберемся до Фронттира, — спокойно констатировал Кригер, как будто его не пугала перспектива скорой смерти если не от холода, то от голода точно.

— Нужно принимать решение сейчас, — заявила эльфийка.

— Решение? — я недоуменно посмотрела на нее. — Какое еще решение?..

— Отдать его во власть Мортреса, — коротко ответил Кригер, и даже без объяснений было понятно, *что* он имеет в виду.

— Нет, мы не можем так поступить! — возразила Ада. — Как же мы бросим его здесь?..

— Либо умрет он, либо умрем мы все, — орк был, как обычно, лаконичен и непреклонен.

— Нет. Я против, — я встала на сторону подруги.

— А твоего мнения никто и не спрашивал. Пока ваши жизни зависят от нас, решение принимаем мы. Итак? — черные глаза Кригера метнулись сначала к эльфийке, затем к друидке.

Йана коротко кивнула в знак согласия. Оре же долго молчала, явно пытаясь взвесить все сказанное.

— Если к утру ничего не изменится, то поступим так, — промолвила она свое решение.

Я, ошарашенная, сидела и смотрела, как просто они рассуждают о том, жить Яшмосу или нет. *Несправедливо...*

— Хорошо, — орк кивнул и разложил перед нами карту, одну из тех, что я видела на столе капитана. — Я за эти дни исследовал местность и теперь знаю, где мы. Нагорье Сумрачного леса. До Фронттира на ветроходе мы добрались бы за четыре дня, — он провел пальцем вверх и влево по изгибу реки, пока голубая нить не пропала где-то за пределами рисунка. — Пешком этот путь будет сложен и непрост. А вот через Сумрачный лес — другое дело.

— Пешком? Через Моркскогг¹? — ахнула София. — Это же верная смерть!.. Допустим, едой мы сможем разжиться на охоте, но если нас не убьет холод, то варги² точно не оставят в живых.

— Вот тут есть деревня, — он провел пальцем влево, указав куда-то в середину леса. — Вернее, была. Охотничья база. Если местные за пару десятков зим не вымерли, мы можем остановиться там, набраться сил и продолжить путь. А если повезет, сможем отправить весточку на Фронттир с ястребом или вороном.

— Это сильно в стороне, — задумчиво отметила Йана, оценивая предложенный маршрут. — наших запасов хватит только до этой базы. Если там ничего не окажется, то дойти до Фронттира у нас шансов уже не будет.

— Но рискнуть стоит, — София также склонилась над картой. — Даже если местные жители давно покинули эту деревушку, там можно найти хоть какое-то укрытие от непогоды... Ты точно уверен, Кригер?

— Точно, — заверил громила. — Я нашел метки, которыми местные обозначали схроны. Жаль, что сами они оказались пустыми, так бы полакомились свежатинкой, а не вяленой падалью.

— Тогда решено, — София тяжело и скорбно вздохнула. Было видно, как нелегко ей дается это решение.

— Вы вправду сделаете это? — спросила Ада дрожащим голосом.

¹ Моркскогг — «Сумрачный лес».

² Варги (др.-сканд. Vargr) — в скандинавской мифологии огромные волки.

— Да, дитя... Но не волнуйтесь, это бремя будет только на наших плечах. А пока лучше подготовиться к трудному путешествию, которое нас ждет. И молиться Богам, чтобы удача была на нашей стороне...

Кригер и София быстро начали обсуждать, как распределить припасы, чтобы взять с собой все, что можно. Каталина, мрачная и подавленная, молча присоединилась к ним. Ада резко поднялась и вышла из камбуза, так и не смирившись с принятым решением. Я же... не знала, чем себя занять. С одной стороны, я понимала набелитку — убивать Яшмоса, даже ради облегчения его страданий, казалось неправильным. С другой, доводы орка были весомыми — мы действительно оказались в западне на этом судне, рискуя никогда не выбраться.

Не желая мешать другим, я решила провести оставшееся время рядом с капитаном. Ни один человек не заслуживал такой судьбы... *Человек.* Я снова думала о нем так. Но, может, различия между нами действительно не так уж велики? У него две руки, две ноги, голова. Наверняка у него были те, кого он любил и кем дорожил.

Оказавшись в каюте, я поморщилась от запаха болезни, пота и мочи. Гнилостный дух пропитал все вокруг: воздух, стены, вымокшую подстилку. Яшмос продолжал беспокойно метаться, откашливая густую темную жидкость. Приложив руку ко лбу, я почувствовала обжигающий жар. Температура была намного выше, чем у обычного больного человека. Может, у сваргов изначально другая температура тела?

Я приложила тряпку ко лбу, понимая, что это бесполезно. Мне никак не облегчить страдания, на которые я обрекла его по неизвестной мне причине. Мысль, безумная, отчаянная, просияла в голове как озарение. Если это моя магия его отравила, может, я смогу ее вытянуть, как тогда в повозке?

Моя рука легла на едва вздымающуюся грудь, я закрыла глаза и сосредоточилась. Попыталась представить нити магии, о которых говорила София, пронизывающие пространство вокруг. Но сколько бы я ни старалась, ничего не увидела, кроме умирающего в муках сварга.

Бесполезный дар. Как и я сама...

— Вот уж не думал, что человек будет по мне слезы лить, — послышалось сквозь хрипы. Я встрепенулась, не веря своим ушам.

Яшмос смотрел на меня через полуприкрытые глаза. Ему явно было тяжело удерживать себя в сознании, однако это не помешало появиться насмешливой улыбке на изнуренном лице.

— Ты... ты живой...

— Самому не верится, — проворчал тот и тут же зашелся в приступе кашля.

Я быстро вытерла слезы.

— Я... Ты только подожди, я позову Софию, она...

— Не утруждайся, козявка... Судя по тому, что моя душа еще не светит сквозь Завесу, она итак влила в меня достаточно дара... Мои пара-тройка лишних дней не стоят ее жизни...

— Мы вылечим тебя, — я совершенно не прислушивалась к его слабому голосу. — Поставим на ноги, вот увидишь...

— Девочка, я хоть и при смерти, но мозги последние еще при мне... Я же понимаю, что мне недолго осталось.

— Нет. Я... Это все моя вина, — из горла вырывались глухие рыдания. — Это я тебя прокляла...

— Нет тут твоей вины, — сварг поморщился. — Напиток, что ты принесла... Я слишком поздно понял, что с ним что-то не так...

Казалось, вьюга снаружи заморозила меня, превратив в ледяное изваяние. Яшмос, заметив мою реакцию, тут же изменился в лице.

— Кто-то еще отравился?

— Нет, — заверила я его бесцветным голосом. — Просто... Я не знала...

Он пренебрежительно фыркнул.

— Если ты думаешь, будто я хоть на миг решил, что ты это специально, то тогда твоей хитрости имперским инквизиторам поучиться, — он откашлялся. — Иногда в жизни случается дерьмо. Смирись с этим. Люди вон вообще могут от простуды сдохнуть.

— Но я все равно виновата! Если бы я не дала тебе его, ты бы был жив, и цел, и...

— Камилла, — я вздрогнула, когда он сжал мои ладони в своих. Движение это отдалось в памяти тянущей болью, когда не так давно я точно так же сидела у постели больного. — Я благодарен хотя бы за то, что ты облегчила мне последние часы жизни. За последние восемьсот зим я не раз смотрел в глаза Мортресу, но, видимо, теперь мое время пришло. Я не боюсь смерти. Потому что это естественный ход вещей... В отличие от эльфов мы никогда не забываем об этом. Я жалею, что не увижусь больше с моей хранительницей очага.

Одним легким движением Яшмос сорвал цепочку со своей бычьей шеи и протянул мне. В ладонях поблескивал овальный медальон. Раскрыв его створки одним легким нажатием, я увидела обрамленный металлом красный крапчатый камень с довольно точной инталией²³¹ сваргонки с квадратным лицом и грубоватыми чертами, вздернутым носом и пышными заплетенными в косы волосами.

— Отдашь ей это, когда прибудете в Абисс, — попросил он, сгибая мою ладонь в кулак до того, как я успела возразить. — Считаю это моей последней просьбой, девочка. И не плачь по ушедшему, иначе сил на грядущее не останется...

Те же слова, что когда-то сказал мне Ян, ободрали горло изнутри битым стеклом. Хоть слезы я и сдержала, но сил ответить что-то не было, и я просто кивнула.

— Вот и славно. А теперь позови сначала Вепря, а затем вашу друидку. Маги природы-то уж точно знают, как забирать жизнь без страданий. Хоть умру без мучений.

Но звать никого не требовалось — София и Йана уже стояли в дверях.

— Значит, не слышалось... — выдохнула эльфийка, пораженно глядя на сварга.

София же бесцеремонно оттолкнула меня в сторону и принялась осматривать пациента. Эльфийка тут же к ней присоединилась, и я, чтобы не мешать, выскользнула из комнаты.

Кригер и Ада нашлись в капитанской каюте. Орк методично обыскивал ящики стола, вышвыривая вещи прямо на пол, вокруг уже успела образоваться целая груда из мусора, одежды, письменных принадлежностей, каких-то инструментов и скомканных листов.

— Капитан очнулся, — коротко проинформировала я, наблюдая за здоровяком. Тот и бровью не повел, не позволяя себе отвлекаться, а вот Ада просияла.

— Значит, он поправится и мы продолжим путь? — ее голос лучился надеждой.

— Нет, — ответил за меня Кригер. — Он не протянет до утра.

— Но...

— Он прав, Ада, — я скорбно вздохнула. Та непонимающе уставилась на меня. — Он жив только благодаря своему бесконечному упрямству. София... сейчас с ним. Он хотел, чтобы ты тоже пришел, Кригер.

— Нет, — снова ответил он.

Орк на миг замер и достал из шкафчика то, что искал: небольшой шестиугольный цилиндр со странной резьбой — не то руны, не то какие-то письмена. Он поднял на меня глаза и, к удивлению, в них плескалась горечь скорби.

— Это была его последняя просьба. Прояви уважение.

— Я проявлю к нему большее уважение, если не запомню измазанным собственным дерьмом и кровью. Он не был воином, но был умелым моряком и верным товарищем. Этого достаточно, чтобы дать уйти спокойно. Да примет Фаррен его душу за Завесой.

¹ Инталия (от итал. Intaglio — «врезание») — ювелирное изделие или украшение, выполненное в технике углубленного рельефа на драгоценных камнях или на стекле.

Он снова сделал жест, проведя пальцами от лба к подбородку. И уже через миг, совершенно игнорируя наши с Адой недовольные взгляды, подошел к закрытым дверям в дальнем углу комнаты. Он провел рукой по металлическим пластинам и, нащупав что-то, вставил цилиндр в одно из отверстий.

Почти сразу же что-то защелкало, задребезжало, и двери со скрежетом распахнулись, открывая нам еще одно небольшое помещение с искусно выполненными коробами и подведенным к ним множеством труб. Нечто похожее я видела в Лабораториуме Академии, однако для чего это все на борту — оставалась загадкой.

— Что это? — спросила Ада, забыв о своем негодовании.

— Локус управления, — ответил Кригер так, словно это все объясняло.

Сильно сутулясь, он протиснулся в помещение. Широкая спина загораживала почти все, однако я все равно мало представляла, чем он там занят.

— погоди, я, кажется, поняла, — неуверенно начала набелитка, оглядывая помещение. — Это ведь какой-то механизм? Наверде парового?

— Не знаю, это все для меня слишком сложно. У сваргов магия связана с их изобретениями. Они мастера школ огня и земли и, комбинируя их, применяют в своих инженерных приспособах.

— Примерно так же, как делают имперцы?

Орк гоготнул.

— Имперцам до изобретательности сваргов, как углю до алмаза. Увидишь Абисс — поймешь.

— Так... для чего все это? — спросила я.

— Смотри сюда, — орк ткнул пальцем в стену, где скрывались трубы. — Весь корабль пронизан ими, а капитан управлял кораблем с рулевой, которая располагается прямо над локусом. Это вроде называется еще... двигателем. Благодаря ему и тепло было, и скорость сохранялась даже без попутного ветра.

— Так полозя то же как-то с помощью всего этого управлялись? — ошарашенно спросила я, и орк кивнул.

Поверить в услышанное было даже труднее, чем в существование магии — ее хотя бы люди когда-то знали, но про такие чудеса я нигде не читала...

— Вот только когда капитан захворал, он больше не мог магией механизм поддерживать, а без магии это просто груда металла и дерева.

— Тогда зачем мы тут?

— Вот за этим, — орк показал на небольшой огонек, трепыхающийся за стеклом в середине конструкции, которую Кригер назвал двигателем. — Это пульсар, сердце корабля.

Ада протиснулась и присмотрелась к спрятанному за толстым стеклом маналиту.

— Солнечный камень? Это же бесполезный маналит. Его некоторые используют вместо масляных ламп, но он же быстро иссякает.

— Ну если его просто на солнце подпитывать — да. Но магия огня берет свое начало от солнца, а потому пиромант может подпитывать пульсар, пока маны хватит.

Кригер резким движением ударил в стекло, и оно с треском осыпалось осколками. Стоящая рядом Ада взвизгнула и, подобно испуганной кошке, в один прыжок оказалась у входа в локус рядом со мной.

— Без этой штуки, — громила не без труда протиснул пальцы и вытащил камень из корпуса, — мы вмиг окажемся на морозе. Белизну не стоит недооценивать. Надо использовать все, что поможет нам выжить.

— Думаешь, Яшмос из-за этого хотел с тобой увидеться? — спросила я, отходя в сторону и пропуская Кригера вперед.

Тот размял затекшую шею, но вопрос мой проигнорировал.

— Вот, держи, *blegiansigtet*, — орк протянул Аде пульсар. Камень, до этого едва мерцавший, тут же налился светом. — Храни его как зеницу ока. От этого зависят наши жизни. Поняла?

Она растерянно кивнула.

— И что мне с ним делать?

— Просто держи поближе к телу. Он будет поглощать твою ману, поэтому следи, чтобы не истощил тебя. А то еще в обморок грохнешься, упаси Великая Мать.

— П-поняла...

— Кстати, кто-то из вас умеет обращаться с оружием? — спросил он требовательно, внимательно изучая нас взглядом.

Мы с Адой тревожно переглянулись.

— Ну, я немного охотилась с копьем и луком в угодах близ Мирема, — призналась набелитка.

Орк кивнул.

— Это лучше, чем ничего. А ты? — его взгляд скользнул на меня.

Я виновато понурила голову.

— Ну, Ян когда-то пытался показать мне основы владения мечом, но я была совсем маленькой и мне это показалось неинтересным, но...

— Значит нет, — коротко констатировал он, вызвав у меня волну негодования.

— Если надо, я смогу! — возразила я, глядя без страха прямо ему в глаза. Тот прищурился. — Ты говоришь так, словно я обуза! Если от меня потребуется помощь в обороне, я могла бы...

— Нет. Если ты не держала в руках ничего тяжелее серебряного ножа, куда тебе настоящее оружие-то давать. Ты скорее себе навредишь, чем противнику. Именно это тебя обузой сделает, а не то, что ты чего-то не умеешь.

— Ты бы мог показать мне пару приемов, раз уж у нас выдалось немного свободного времени...

— Хватит пытаться брать на себя больше, чем можешь, — рыкнул орк, и я в страхе отступила. — Учись быть полезной тем, что умеешь сейчас. Это важнее. Ну а если не хочешь быть обузой... — он подошел к столу и открыл стоящий рядом ящик с личными вещами Яшмоса, игнорируя очередной протест Ады, — можешь научиться обращаться с этим.

Я едва поймала странного вида пистолет. Он оказался неожиданно легким, в отличие от тех, что видела раньше. Но оружие было слишком большим для моей руки, держать его было неудобно. Я повертела его, рассматривая.

— И что это?

— Игнеон, разновидность магострела. Наподобие ваших пистолетов, только многозарядный. И вместо пороха может использовать ману. Он точнее и мощнее. Я хотел его предложить рыжей, но та наотрез отказалась. Порох и все необходимое найдешь там же, — он кивнул на стол.

— И как управляться с этой штукой?

— Направляешь на цель и жмешь на курок, — хмыкнул Кригер. — В нем десять патронов. Умела бы своей магией управлять, использовала бы ее вместо патронов, а так... — он тяжело вздохнул. — Если повезет, тебе им и не придется пользоваться. Потом покажу, как его перезаряжать, но патронов мало. купишь уже в городе. Если, конечно, мы не сдохнем по пути.

С этими словами орк скрылся снаружи за плотной стеной снега. Я смотрела ему вслед со смесью злости и стыда. Я понимала, что Кригер прав. На его плечах лежала огромная ответственность за всех нас. Но смириться с тем, что меня не воспринимают всерьез, я не могла. Даже Каталина в его глазах была лучше меня...

Гнев захлестнул меня волной, я крепко сжала гладкую рукоять деревянного оружия, готовая запустить ее вслед удаляющемуся орку, но Ада вовремя перехватила мою руку. Она все так же сжимала пульсар, лишь с тихим смирением глядя поверх моей головы. От этой ее покорности становилось тошно.

Я выдернула руку из ее ладони, но злость на Кригера все еще полыхала лесным пожаром. — Вот вы где... — София показала в дверях, выплыв из-за снежной завесы подобно призраку. Да и вид у нее был соответствующий.

— Вы... Яшмос, он... — встревоженно выдохнула Ада, но воздуха не хватило, и она не смогла договорить.

София коротко кивнула. Стиснув кулаки, подрагивающие явно не от холода, она попыталась взять себя в руки, но взволнованный голос выдал ее.

— Фаррен принял его душу и сопроводит во владения Мортреса за Завесу, — коротко сказала она как можно более ровным тоном. — Хорошо, что мы успели прежде, чем душа успела расколоться. Это была бы настоящая трагедия.

Я не в первый раз слышала эту фразу про душу, однако думала, что это нечто вроде религиозного эвфемизма, как про богов. Вряд ли же они взаправду куда-то кого-то сопровождают? Да и куда? После смерти всех ждет одно лишь забвение.

— Тот бренди! — вдруг спохватилась я и под непонимающие взгляды Ады и Софии ринулась к столу.

После того, как тут порывлся Кригер, царящий вокруг беспорядок не давал шанса найти хоть что-то, однако вскоре темное стекло мелькнуло в дальнем углу.

— Яшмос сказал, что с ним что-то было не так, — попыталась объяснить я, протягивая находку Софии.

Ей хватило одного внимательного взгляда, чтобы не на шутку перепугаться. Она выхватила бутылку, покрутила в руках, откупорила и опасно пригнулась.

— Откуда это у него?

— Это мой подарок, — сказала я с горечью. — Купила его на базаре в Хольмскойре.

Наставнице потребовалось несколько секунд, чтобы осознать мои слова, Ада же продолжала непонимающе смотреть то на меня, то на Софию, то на бутылку.

— Так это все-таки не «Закатный бренди» был? — глаза Ады расширились от ужаса. — Но бутылка была настоящей, неужели такая хорошая подделка оказалась?

— Нет, он настоящий, — тяжело вздохнула София. — О Боги, надеюсь, никто больше эту дрянь не пил. Это еще называют «Последний вечер мага». Когда-то давно адепты Ордена вывели из сока алой небулы, растущей на восточных берегах Хартвельда, экстракт. Для обычных людей безвреден, а вот у магов он вызывал реакцию. Помнишь, я тебе рассказывала, что сервитуарии ищут среди детей тех, в ком есть магический отголосок?

Я кивнула в молчаливом ужасе.

— Так они нас вот *этим* опаивали? Как же никто не умер? Маги же нужны Империи живыми.

— О, дорогая, прошли долгие десятилетия проб и ошибок, прежде чем были найдены доза и пропорции, которые давали бы нужный эффект, — голос Софии звенел могильным холодом. — А эти напитки Дом Соларин изготавливал даже до времен единой Империи. Магов не любили и опасались много раньше начала Священных Войн и поскольку знали, что они скрывают себя, использовали любые способы, чтобы обезопаситься. Обычно придворным магам поручалось выяснить, есть ли среди гостей и их свиты кто-то с магическим даром...

— Так вот откуда пошла традиция разделять с гостями одну чашу с вином, — прошептала Ада, глядя на бутылку с таким ужасом, словно София держала в руках ядовитую змею.

— Скорее всего, — кивнула та. — Этот бренди явно еще усиливали проклятием, чтобы наверняка...

— То есть они использовали магию для уничтожения... магов?

— Так всегда было, — вздохнула София. — Ты удивляешься придворным волшебникам, но не удивляешься боевым магам? Ты же читала ту книгу, неужели не поняла, о чем писал легат?

Я виновато закусила губу. Впрочем, поражаться тому, что София прознала про это, уже было глупо.

— В любом случае... Теперь понятно, что случилось с Яшмосом, — женщина виновато посмотрела на меня. — Прости, что позволила себе усомниться.

Я скрестила руки на груди, однако извинения, хоть и искренние, не тронули меня, не скинули камня с шеи. Ибо сама себя простить так и не смогла. Порой бездействие же куда лучше попытки что-то изменить...

— Мне, видимо, тоже надо извиниться.

Внезапное появление Йаны уже не удивило. Эльфийка впервые на моей памяти выглядела так паршиво. Задумавшись, я не могла вспомнить, когда в последний раз видела ее спящей... Йана же, откашлявшись, продолжила. Взгляд ее скользнул по бутылке в руках Оре.

— Порой человеческая изобретательность пугает и поражает... Я даже не знала, что в Империи изготавливают нечто подобное. Попадись такое мне, скорее всего, я бы поделила участь Яшмоса.

А вот извинения Йаны меня не только не утешили, но даже чем-то разозлили. Она разозгла во мне и без того раздражающие на части сомнения и будто бы даже не понимала этого. Однако... Я вспомнила ту историю про непростые отношения с людьми. Возможно, ей так же непросто принять свою неправоту и изменить точку зрения, как и мне...

Я коротко кивнула, и эльфийка облегченно выдохнула. Уставшее лицо сразу даже как-то повеселело. Может, она правда переживала?..

— Мы отправляемся в путь завтра, — сказала София. — Сейчас вам обоим лучше отдохнуть, внизу все еще тепло и...

— Нет! — Ада замотала головой, делая шаг назад. — Я не смогу... спать рядом с *телом*. Даже если оно будет в соседней каюте.

Женщины переглянулись, но отнеслись с пониманием к ее просьбе. Я тоже не горела желанием спускаться — боясь, что в кошмарах меня будет преследовать еще одна тень. Потому решено было всем устроиться в капитанской каюте, предварительно заделав все щели и разведя костер прямо на полу.

— Все равно его придется сжечь, чтобы не оставлять следов, — объяснил Кригер, видя мое недовольство таким варварским отношением к судну. — Люди не должны заполучить технологии сваргов.

Сюда же перетаскили все вещи. С каждым подъемом по высокой узкой лестнице на верхнюю палубу усталость начинала брать свое. Напоследок, когда трюм опустел, я заглянула в каютку, где так и остался лежать капитан ветрохода.

Я не знала, чего ожидать, когда огонек свечи силится разогнать плотный полумрак. Никогда раньше мне не доводилось наблюдать трупы вблизи, но тело Яшмоса совсем не походило на описания из книг. Вместо восковой кожи я увидела навеки застывшее каменное изваяние с умиротворенным выражением. Это напоминало скорее статую на надгробии, какими украшали некоторые могилы в некрополе в Каса-де-Вентос, а не еще недавно живое существо.

Пересилив брезгливость и страх, я провела пальцами по щеке и волосам и тут же в страхе отдернула руку. Нет, мне не показалось. Волосы, кожа... все превратилось в камень. Лишь одежда осталась обычной и даже еще не успела просохнуть от пота и выделений.

Это... *ненормально*. С людьми такого не происходит... «Но Яшмос и не был *человеком*», — в который раз напомнила я себе.

Странное ощущение. Только после его смерти я поняла, как *сильно* мы различаемся. Такие разные на ментальном и даже физиологическом уровнях создания никогда не смогут до конца понять и принять друг друга. Никакие попытки сближения не помогут.

Мысль эта навевала на меня меланхолию и чувство глубокого одиночества. Я не верила в богов, но надеялась, что, где бы ни оказался сейчас капитан, он обрел покой.

Глава 5

Чем отчетливее становилась линия горизонта, пока «Алая чертовка» неумолимо рассекала волны Сапфирового моря, тем больше я жалел о том, что согласился на эту авантюру.

А эта невыносимая жара... И ведь был только конец первого месяца весны. Когда мы отплывали из Столицы, залив Регилан едва начал освобождаться ото льда после необычно суровой зимы. Всегда ли в Веасе так жарко было?..

Пот струился по шее за воротник плотной рубахи, заставляя ее неприятно липнуть к телу.

— Леонард, вы уверены, что не хотите, чтобы я уступил вам место? — в очередной раз спросил капитан Д'Ариас. — Вы же Кустодес, неужели совершенно не хочется встать за штурвал?

В своей темной форме Северного флота Мартино чувствовал себя совершенно комфортно на солнцепеке и не упустил очередную возможность поддеть меня. Он уже раскусил мою нелюбовь к морским путешествиям и находил ее крайне смешной.

— Только если вы не прочь искупаться за бортом, — мрачно ответил я. — Холодная водичка точно освежит вашу голову, капитан.

Мартино Д'Ариаса это лишь позабавило.

— Неужели вы так расстроены из-за вчерашнего поражения? Ну подумаешь, не всем везет в карты. Видимо, на этот раз Фортуна выбрала кого-то другого. Как и позавчера, и на прошлой неделе...

— Не забываетесь, Мартино. Если дорожите своей головой, поумерьте ваше чувство юмора.

Д'Ариас почтительно склонил голову, но в его глазах все еще мелькали насмешливые искорки.

— Прошу прощения, господин. Мы скоро прибудем в порт Мар-де-Сеалья, — он задумчиво посмотрел на безоблачное лазурное небо. — Думаю, ближе к полудню. Вам, наверное, не терпится увидеть родные места? Побродить по знакомым улочкам...

Я неопределенно повел плечами. По правде говоря, меня охватывало странное беспокойство по мере того, как наше трехнедельное путешествие подходило к концу. Я не знал, чего ожидать от этого визита, и предвкушения точно не было среди моих чувств. Тревога и неловкость — да. Радостное волнение — нет.

— Я слишком давно там не был, — ответил я сдержанно, стараясь выглядеть равнодушным, как человек, который отрекся от семьи и дома. — Думаю, за эти годы город мог сильно измениться.

— Мар-де-Сеаль и изменения — вещи столь же несовместимые, как сервитуарий и бордель, — фыркнул капитан. — Мне кажется, если бы не сила стихии, город не изменил бы своего облика и за тысячи зим. Хотя, конечно, пара новых игорных заведений и борделей сделали его чуть более привлекательным. Хотите, покажу вам свои любимые местечки? Тамошние девки по темпераменту и мастерству не уступают столичным мастерицам.

— Звучит заманчиво, — бросил я рассеянно, почти не вслушиваясь в болтовню капитана. Взгляд мой был прикован к горизонту. — Пожалуй, я сообщу господину Клестусу и брату Валериану о том, что мы скоро прибудем.

— Как вам будет угодно, — Д'Ариас поклонился и начал раздавать приказы команде.

На палубе кипела жизнь, пробуждая смутные воспоминания, когда я пытался пройти испытание морем. Наблюдая за Мартино, я вновь убедился, что сделал правильный выбор, отказавшись от тщетных и опасных попыток получить право управлять кораблем и предпочтя меч штурвалу.

Этому следовало предаваться всей душой, подобно Валентину или даже отцу, который, отслужив полжизни в имперских легионах, становился совершенно другим человеком, стоило ему покинуть причал. А Мартино, разменявший пятый десяток, держался на вечно качающейся палубе с твердостью, которой мне не хватало.

В себе этого чувства я так и не нашел. Хвала Императору, морское путешествие мне далось легче, чем я опасался. И с «проклятием Морской Ведьмы» почти совладал, сохранив лицо перед моряками, свитой эмиссара и гвардейцами в моем подчинении. Единственный, кто стал свидетелем моего позора, был Мартино. Он застал меня, скорчившегося над бортом в очередном приступе тошноты, во время ночного обхода на первой неделе плавания. Капитан пообещал сохранить увиденное в секрете, но насмешек я не избежал.

Он, однако, не был человеком, ищущим выгоды или стремящимся угодить, и его подшучивания носили скорее дружеский характер, чем злорадный. Он даже помог мне наладить отношения с командой. Простым морякам, многие из которых были низкого или даже безродного происхождения, доставляло удовольствие играть в кости или карты с самим Золотым Хранителем, а еще больше — выигрывать у него.

Не сказать, что такая компания была мне под стать, но она помогла скрасить долгие дни в открытом море и вспомнить далекие времена, когда я еще не был ни преторианцем, ни даже лейтенантом. Никогда прежде я так остро не ощущал, как мое звание отдалило меня от тех, с кем я должен был идти плечом к плечу. «Возможно, тактика Мегелана и правда имеет смысл», — думал я в такие моменты.

На нижней палубе, где выделили каюты для пассажиров, матросы и гвардейцы проверяли пожитки, готовясь к скорой высадке на берег. На меня никто не обратил внимания, и я, лавируя, пробрался к каюте эмиссара в кормовой части.

— Войдите, — раздалось за дверью, стоило мне ударить костяшкой пальца по дереву.

Клестус Кайрос, который обычно позволял себе поспать подольше из-за бесконечной морской болезни, уже был на ногах. После визита Эмиля Галлета неделю назад Кайрос почти не выходил из своих покоев, погрузившись в бесконечные канцелярские дела. О чем они говорили с адмиралом Северного флота, оставалось для меня загадкой, но я достаточно долго общался с высшими офицерами, чтобы понимать: *такие* люди не встречаются просто так.

Неужели Империя сумела привлечь на свою сторону троюродного кузена герцога? Это был бы сильный союзник, ведь в таком случае Имперская Гвардия получила бы доступ к большому числу военных кораблей, независимых от Кустодесов, и Веас больше не имел бы преимущества на море.

Клестус посмотрел на меня холодными глазами, и от одного этого пронизывающего взгляда поверх очков в тонкой оправе меня переделернуло. В который раз.

— Чем обязан, господин Кустодес? — спросил он учтиво, откладывая свиток, который изучал до моего прихода.

— Капитан Д'Ариас сообщил, что мы в скором времени будем на месте, — доложил я.

— Прекрасно, — мужчина вздохнул с явным облегчением. — Признаться, думал, до конца плавания не доживу, оставив в этом вашем море все внутренности. Как вам удалось обойтись без отваров брата Валериана?

Я не стал признаваться, что тайком выпрашивал у сервитуария порцию чуть больше, чем требовалось Клестусу, оставляя излишки себе.

— Леонард, нас сегодня ждет насыщенный день, а вы выглядите не очень хорошо, — заметил эмиссар, не дожидаясь моего ответа. — Неужели волнуетесь перед возвращением домой?

Если хоть кто-то еще раз поднимет эту тему, я без зазрения совести выскажу кулаком все, что думаю о переживаниях по поводу «возвращения».

— Меня беспокоит другое, эмиссар, — начал я осторожно, не зная, как точно выразить опасения. — Я понимаю, зачем вы меня пригласили, но боюсь, герцог может неправильно понять мое присутствие.

— Вы посланник Императора, как и я, — мужчина не сводил с меня пристального взгляда. — Что подумает герцог, маркиз или кто-то другой, не имеет значения.

— Я уже говорил вам и Трибуналу, что отправка меня в Веас лишь раззадорит веасийцев, а не усмирит их пыл. Вы же знаете, сколь непросты отношения между Домами, особенно учитывая инцидент с виконтом и судьбу Максимилиана Хана, которого здесь почитают как великого героя... — я тяжело вздохнул. — Я понимаю, если бы моя миссия ограничивалась вашей безопасностью. Но прямое участие в столь... *деликатных* политических делах явно выходит за рамки моей компетенции как гвардейца.

Клестус некоторое время задумчиво вертел в руках золотую брошь имперского дипломата.

— Пути Императора неисповедимы, господин Кустодес, — начал он, растягивая слова. — Не нам с вами судить, что входит в нашу компетенцию, а что нет. Мы оба здесь лишь для того, чтобы исполнить роли, доверенные нам Его Святейшеством. Воспринимайте это как задание, если вам так будет легче. Поэтому давайте просто выполнять то, что от нас требуется, и не задавать лишних вопросов.

Я невольно опустил глаза, не выдержав его взгляда, крючьями впивающегося в кожу. Клестус Кайрос вызывал у меня отвращение и страх, и мысль о том, что мне придется служить этому имперцу еще несколько месяцев, угнетала не меньше, чем возвращение домой предателем в глазах веасийцев.

— Если у вас больше нет важных новостей для меня, Леонард, прикажите моим слугам начать приготовления. Я должен выглядеть достойно на сегодняшней встрече с Его Высочеством герцогом. А вы можете приступить к своим обязанностям командира моей личной охраны.

— Как пожелаете, эмиссар, — я вежливо склонил голову.

— И не забудьте уведомить нашего уважаемого сервитуария, — добавил Клестус, уже потеряв ко мне интерес и возвращаясь к пергаменту. — Он, наверное, совсем потерял счет времени в своем подполье.

Еще раз кивнув, я с нескрываемой радостью закрыл дверь. Теперь мне предстояло спуститься на самую нижнюю палубу, где в полумраке и сырости временно обосновался брат Валериан со своими немногословными помощниками. Но вовсе не встреча с угрюмым и чопорным сервитуарием заставляла желудок скручиваться узлом. И даже не качка.

Валериана я застал за тихой беседой с его подчиненными и коротко доложил о том, что шестнадцать дней плавания подходят к концу.

— Уже? Как быстро летит время, — с искренним удивлением заметил старик.

Я ни разу не видел его за пределами выделенной специально для него каюты. Только неофиты¹, его ученики, были связующим звеном между ним и внешним миром. Они выполняли его поручения, приносили еду, питье и передавали указания. Неудивительно, что на них лежало столько хлопот — никто из команды не осмеливался спускаться сюда из суеверий. «Это не к добру, — шептали они, думая, что их никто не слышит. — Мертвых должно либо сжигать, либо возвращать Морской Ведьме».

Я не разделял предрассудков, но каждый раз, когда мой взгляд падал на тело Максимилиана Хана, которое лежало на специальном столе, окруженном свечами, меня охватывал необъяснимый страх. Если бы не рана на шее, аккуратно зашитая тонкими стежками, можно

¹ Неофит (от др.-греч. «недавно насаженный») — новый приверженец какой-нибудь религии, учения, общественного движения; (здесь) начинающий служитель Ордена Сервитуариум.

было бы подумать, что он просто спит. За два месяца на его теле не появилось ни малейшего признака разложения. Только бледная кожа и неподвижная грудь выдавали в нем мертвеца.

Навязчивая идея о Чистоте, которая выражалась не только в тщательном уходе за здоровьем и внешнем видом, но и в стремлении скрыть любые признаки старости или болезней, проявлялась у среднеземцев и в особом отношении к умершим. В Беасе, Нортланде и Арракане тела сжигали из-за нехватки пахотных земель. В Остании мертвых хоронили в деревянных гробах, а в Набелите мумифицировали и помещали в специальные склепы, что уже было жутко.

Но имперцы пошли дальше. Они создавали эликсиры и мази на основе маналитических трав, которые позволяли телу сохранять практически неизменный вид на протяжении долгого времени. Среднеземские семейные усыпальницы всегда были полны, и раз в несколько зим имперцы обращались к Ордену за дорогостоящими услугами бальзамирования. Выдающиеся личности и герои, погибшие еще до начала Священных войн, до сих пор покоились в своих стеклянных саркофагах под родовыми поместьями, не тронутые разложением. Однако из-за высокой стоимости этой процедуры патрициям иногда приходилось выбирать, кто из умерших родственников больше достоин оставаться непогребенным.

Сервитуарии были обязаны сохранять важных для истории людей, даже если династия утратила богатство, и находчивые среднеземцы научились извлекать выгоду из этого. Набожные останские паломники были готовы платить немалые суммы, чтобы увидеть мощи своих «святых», а патриции с радостью открывали им доступ в семейные склепы.

Для неграмотного простонародья это казалось настоящим чудом, хотя на самом деле это были плоды многовековых исследований ученых мужей. Однако деньги, как известно, не пахнут. Некоторые некогда влиятельные династии из числа Священных тридцати девяти жили только за счет подобных махинаций. На подобную безнравственность закрывали глаза до тех пор, пока налоги поступали регулярно и вовремя.

Теперь, наблюдая, как моего бывшего наставника, облаченного в имперский погребальный наряд, неофиты осторожно укладывают в закрытый гроб, я чувствовал смесь горечи, сожаления, смятения и... стыда.

«Нет, — напомнил я себе в очередной раз. — Хватит об этом думать. Я поступил правильно, как подобает гвардейцу и гражданину Империи».

Однако иногда разум, неустанно твердивший о правильности моего поступка, сдавался уколам совести. Я мог бы не делать этого. Сбежать с сестрой, узнать правду обо всем случившемся и о том, почему она оказалась замешана в такой опасной истории, быть рядом, защитить ее... И стать предателем. Снова. Но потом голос разума заглушал эти мысли, запирая их глубоко внутри. Хранитель Чести не имеет права на сомнения и сожаления.

Убедившись, что сервитуарий и неофиты приступили к приготовлениям, я спешно покинул палубу и сосредоточился на том, ради чего и находился тут, — на раздаче приказов. Я удостоверился, что свита эмиссара занимается его вещами, а отряд личной охраны из двух десятков преторианцев Первого Легиона проверил снаряжение и облачился в форму Белой гвардии.

Я последовал их примеру, сменив рубашку на доспехи и облегченную белую с золотом форму, предназначенную для жарких регионов. Но когда мы с Клестусом поднялись на верхнюю палубу, чтобы наблюдать прибытие в порт, почувствовал, как металл доспехов нагревается и обжигает кожу. В этот момент я позавидовал преторианцам с их кожаной пластинчатой броней, которая, казалось, совсем не доставляла им дискомфорта.

Как всегда, погруженный в мысли о предстоящей организации охраны эмиссара и сервитуария в замке, а также о патрулях и проверках, я старался не думать о личных переживаниях. Но когда город с его скалистыми берегами, красными крышами и белыми стенами начал вырисовываться на горизонте, мое волнение все же взяло верх.

Сердце радостно забилося, как птица, жаждущая вырваться из клетки. Я даже поймал себя на том, что хочу, чтобы встреча с отцом и братом прошла гладко, чтобы они обрадовались моему приезду и, возможно, даже обняли меня в приватной обстановке... Но тут же отогнал эти мысли. Нужно было смотреть на вещи реалистично.

— И все же вам не терпится попасть домой, Леонард, — капитан «Алой чертовки» приблизился почти бесшумно и теперь стоял рядом, задумчиво глядя вдаль.

— Почему вы так решили? — спросил я, пытаясь скрыть смущение.

— По вашим глазам, — усмехнулся он. — Я вижу такой взгляд у своих ребят каждый раз, когда мы возвращаемся домой после долгого отсутствия. Никто не знает, куда нас, «грязных», занесет на этот раз: кого наймут для сопровождения, кого нужно будет доставить или что перевезти... Некоторые не видели жен и детей уже пять зим. Но у всех всегда именно такой взгляд, как у вас сейчас.

Я был поражен его наблюдательностью.

— Возможно, в ваших словах есть доля правды.

— *«Сколь ни стараешься быть глухим к зову, сердце твое всегда тянется к дому»*, — пропел Мартино строчки из песни. — Особенно когда твой дом — город, который воспевают в балладах менестрели. Он просто создан для этого... Я успел соскучиться по Мар-де-Сеалю, хотя был там всего зиму назад.

— Мне казалось, вы родственник Ареланов, — заметил я.

Хоть это и было лишь моим предположением, но Мартино кивнул в подтверждение.

— Я действительно из графства Арелос, но Мар-де-Сеаль для меня стал почти родным. Этот город подарил мне множество воспоминаний — как приятных, так и не очень. А еще кучу долгов из-за проигранных денег в кости.

— По вам не скажешь. До этого вы показывали исключительное мастерство в азартных играх. Кажется, о таких людях говорят «любимчики Фортуны»?

— О-о-о, — протянул веасиец и хохотнул. — Поверьте, я сталкивался с такими шулерами и опытными игроками, что они без труда отбирали у меня полугодовое жалованье. О вас и говорить нечего... Но все же никто не смог превзойти ту, в честь которой назван этот корабль.

Он любовно похлопал по борту из вишневого дерева, а потом пояснил, заметив мое недоумение:

— Три года назад судьба свела меня здесь с самой Богиней Удачи. Такой ловкости рук и ума я больше нигде не видел. Ее чарующая улыбка заставляла забыть обо всем... Только за нее я готов отдать все свои деньги... Она обыграла меня в карты вчистую. И я точно знаю, что она не мошенничала, потому что обыгрывала нас даже с моими краплеными картами. Тогда я решил рискнуть и отыграться. Я сделал ставку — все проигранное в тот вечер и ее поцелуй взамен на этот корвет.

Сердце екнуло.

— А потом?.. — спросил я осторожно.

— Она обыграла нас как детей, впервые взявших карты в руки. Шансов у нас не было, — он ухмыльнулся. — Но сказала, что корабль ей ни к чему. Мол, просто назовите его в ее честь, а то «Буревестник» звучит слишком мрачно для такого красавца. Она предложила «Алые волны», но я остановился на «Алой чертовке». Это больше подходило ей.

Да... ей оно действительно подходит как нельзя лучше.

— Я все еще надеюсь встретить ее снова и уговорить Богиню Удачи подарить мне хотя бы один поцелуй, — Д'Ариас закрыл глаза, и на его лице появилось такое мерзкое блаженное выражение, что я с трудом удержался, чтобы не ударить его. — Эх, увидеть бы еще разок ее улыбку...

— Да... — тихо сказал я и вздохнул.

Капитан, сам того не ведая, за один разговор задел сразу две мои уязвимые точки. Я не сомневался, о ком шла речь. Каталина успела приобрести некоторую известность даже в Столице. А после того, как я представил ее своим знакомым, которые, несомненно, способствовали ее быстрому зачислению в Коллегию, возле нее быстро сформировался круг почитателей, восхищавшихся ее талантом и красотой.

Я не задумывался над тем, с кем и как она проводила время — это было не мое дело. Да и сам не отличался верностью, поэтому не мог требовать этого от нее, зная, как для нее важна свобода. Но когда до меня доходили сплетни, особенно от подчиненных Александера, или кто-то с восхищением говорил о ней, во мне просыпалось яростное чувство, готовое разорвать каждого, кто осмелился бы упомянуть ее имя.

Мне не хотелось думать, что это ревность, ведь изначально мы договорились о свободных отношениях без обязательств. Однако не заметил, как наши встречи стали для меня чем-то значимым. Ловушка, в которую я сам себя загнал, не давала мне покоя. Я постоянно думал о том, где она и что с ней.

Отчасти я надеялся встретить ее здесь, ведь она завершила, что София после побега отправит ее в Мар-де-Сеаль. Я не понимал, какую роль играла в этом сервитуария, Каталина не хотела говорить о произошедшем с Камиллой, а я не стал настаивать. Просто сделал так, как она просила. Теперь жалел об этом. Император не проявлял к ней особого интереса, поэтому я не мог узнать из донесений, нашлась ли она. И то, что я не получил от нее никаких вестей, только усиливало тревогу.

Город неумолимо приближался, и капитан уверенно вел корабль к бухте, направляясь к городскому порту, а не на причал Каса-де-Вентос. Это было его решение, и я не стал спорить. Скала по правому борту возвышалась величественно, словно незыблемый страж, высокомерно глядящий на нас сверху вниз. Даже сейчас я испытывал благоговейный трепет, едва заметив стены замка, который выглядел таким же древним, как и его скалистый трон.

Сам же город показался мне меньше, чем я помнил. Возможно, это было связано с тем, что мы заходили с моря. Я старался не мешать матросам, которые под руководством Д'Ариаса слаженно выполняли свою работу. Вскоре корвет²⁵ замедлил ход, и на причале уже появились портовые рабочие, готовые помочь пришвартовать судно.

Клестус терпеливо ждал, пока швартовщики подготовят сходни, выслушивая причитания Валериана. Он лишь слегка поправил очки в тонкой оправе, показывая свое недовольство таким обществом, но его сухое морщинистое лицо оставалось невозмутимым.

Бросив взгляд на причал, я вдруг ощутил мгновение растерянности, однако сделанный шаг с корабля принес единственное чувство — облегчение от того, что земля под ногами теперь не качалась. «Больше ни ногой на палубу, — мысленно поклялся я, наслаждаясь соленым воздухом. — Что угодно, пусть Клестус выкручивается сам, лучше возвращаться верхом через Веас...»

Тем временем эмиссар тихо совещался с сервитуарием, тогда как капитан беседовал с таможенниками и судовыми агентами, предъявляя необходимые для швартовки указы и разрешения. Их разговор звучал мирно, однако между капитаном и портовыми управителями чувствовались скрытое напряжение и какое-то недопонимание.

— Странно, — обеспокоенно протянул Мартино, осматриваясь.

— Какие-то проблемы? — поинтересовался я, подходя ближе.

Эмиссар тоже заметил встревоженного Мартино и неспешно встал рядом, не говоря ни слова, отчего капитан только сильнее занервничал. Д'Ариас не выносил эмиссара примерно так же, как и я.

¹ Корвет — трехмачтовый военный корабль.

— Не уверен, но... — он со страхом покосился на Клестуса. — Я определенно отправлял сообщение с морским вороном²⁶¹ о нашем прибытии через два-три дня. Адмирал Галлет также должен был уведомить о том, что мы находимся примерно в семи днях пути от Мар-де-Сеалья... Однако я не вижу эскорта для вас и вашей свиты, господин...

— Не могли же они забыть, — нахмурился Валериан.

— О, нет, я думаю, они прекрасно *помнят* о нашем прибытии, — на лице эмиссара появилась неприятная усмешка.

Неужели он ожидал такое? Даже я не предполагал, что Валентин и Эстебан осмелятся выказать столь явное неуважение... Зачем им этот спектакль, если он только ухудшит и без того непростую ситуацию?

— Это оскорбительно, — заметил старший преторианец из своей декурии. — Как они смеют...

— Не стоит распаляться из-за такой мелочи, — в голосе имперца не было ни капли злости, только странная, неуместная уверенность. — Леонард, сможете раздобыть для нас лошадей? Для меня, вас, а также, думаю, шестерых ваших подчиненных. Я уверен, что все это недоумение. Поэтому предлагаю не терять время и отправиться в замок самостоятельно.

Все удивленно уставились на эмиссара — обычно люди его статуса не утруждают себя верховой ездой, предпочитая кареты или паланкины. Максимум — выезды на прогулку или охоту.

Однако я не стал возражать и, покинув причал, без труда нашел конюшего. Под расписку и пару золотых монет смог взять лучших лошадей, которых он мог предложить. Он был удивлен моим хорошим знанием веасийского языка и, вероятно, принял за иноземца в моих белозолотых имперских доспехах. Его глаза округлились еще больше, когда Клестус с шестью преторианцами подошел к нам. Валериан, его неофиты, прислуга и другая охрана остались на корабле, ожидая новостей.

Конюший подозвал помощников, и те быстро подготовили для почетных клиентов лошадей — простых, но крепких гнедых. Я было подумал, что стоило выбрать что-то более изысканное для среднеземца, но Клестуса не смутили ни потрепанный вид кобылы, ни скромная упряжь. Он для своего возраста ловко, со сноровкой опытного ездока запрыгнул в седло. Мы последовали его примеру, и вскоре лошади понесли нас по узким улочкам, извилистым, как горные реки.

Здания вокруг казались однообразными, но постепенно яркие воспоминания всплывали в моей памяти, как масляная пленка на воде. Я впервые попал в город вместе с Валом, Альберто и Арно, мне тогда было около десяти зим. Они хотели посетить трактир и посмотреть на девушек, притворившись простолюдинами, но нас раскрыли. Жаль, не помню, что нас выдало.

Вспоминалось, как меня с Валом и Альберто выгнали из борделя, потому что владелец решил, будто золотой, который мы предложили за лучшую девицу, был поддельным. Тогда мне было уже тринадцать.

И как впервые вывел Каталину в город на выступление бродячих артистов, о котором она так мечтала.

Как однажды мы с Максимилианом и Андре Гарсией, одним из его учеников, пошли выпить. Накануне Андре вызвал меня на смертельную дуэль, но Хан, случайно оказавшийся рядом, разнял нас за мгновение до того, как мы нанесли друг другу удары. Забавно, что я до сих пор храню в памяти этот момент. Однако причину, по которой Гарсия так разозлился на меня, я так и не смог вспомнить.

¹ Морской ворон — (здесь) разновидность ворон, способных к дальним перелетам над морем, обитают на островах и побережьях. Часто используются флотом как почтовые птицы.

Если бы не столь внезапные изменения в планах, мы бы неспешно сопровождали экипаж Клестуса, и я смог бы насладиться ностальгией. Однако эмиссар задал резвый галоп, и нам оставалось лишь следить за дорогой, выбирая малолюдные переулки. Стоило признать — в седле Кайрус держался весьма достойно, несмотря на сложный подъем и необъезженную лошадь.

Когда мы проскакали через деревянные мосты, соединявшие город и отвесную скалу, он изящно пришпорил свою кобылу, оставив за собой пылевой шлейф, который накрыл вышедших встречать нас солдат.

— Передайте Его Высочеству, что прибыл Клестус Кайрос, — голос эмиссара был спокойным и властным, пока он смотрел сверху вниз на пытающихся откашляться мужчин.

Его внезапное появление во дворе уже привлекло внимание, и я начал ощущать любопытные взгляды зрителей.

— О, эмиссар?

Из тени яруса вышел молодой мужчина в форме Дома Кустодес — в темно-синем камзоле с золотыми вставками. На его поясе висели шпага и кинжал, а новенькие лычки на плечах он явно демонстрировал с гордостью.

— Мы вас не ждали. Почему вы не отправили гонца? Мы бы встретили вас более торжественно...

— Если вы не поняли, что нас нужно встречать, даже из послания капитана Д'Ариаса, то, вероятно, весточка от гонца тоже могла не дойти до ваших ушей, — эмиссар ловко спрыгнул на землю и с нарочитой небрежностью отряхнул свою богато украшенную тунику.

Мы последовали за ним и встали рядом. На мгновение его взгляд задержался на мне, но затем он быстро отвел глаза, словно я был пустым местом.

— С кем имею честь разговаривать? — уточнил Клестус.

— Андре Гарсия, командир замкового гарнизона, — ответил мужчина с вежливым поклоном.

Хотя я умело сохранял на лице непроницаемое выражение, внутри что-то сжалось. Так это Андре... Я совершенно его не узнал. В моей памяти он остался худощавым юношей с вытянутым угловатым лицом, характерным для всех Гарсия. Однако годы и тренировки превратили Андре в молодого мужчину с широкими плечами, крепкой фигурой и хорошей осанкой. Его медные волосы, которые раньше он любил заплетать в хвост, подражая мне, теперь были коротко подстрижены. Угревая сыпь, покрывавшая его с ног до головы, тоже исчезла, оставив лишь едва заметные следы, без которых отбоя от воздыхательниц у него точно не было бы. Лицо, впрочем, так и осталось «лошадиным», что вполне соответствовало гербу их рода.

— Господин Гарсия, к сожалению, нам с моей свитой пришлось разделить, чтобы добраться сюда и сообщить о грубейшей ошибке, — вкрадчиво начал Кайрус.

— Мы понимаем, — ответил Андре, то ли не уловив яда в голосе имперца, то ли решив не реагировать. — Однако ваше неожиданное появление стало для нас сюрпризом, и...

— Мои люди ждут в порту сопровождения в замок, — перебил его Клестус, вызвав у Андре вспышку гнева. — Пожалуйста, направьте гарнизон выделить сопровождение и крытую повозку для представителей Сервитуариума, а также для *груза*.

Казалось, вся выдержка новоиспеченного командира вот-вот испарится, как роса в летний день, и он взорвется от возмущения. Он не нашел слов, чтобы ответить на такое неуважение к памяти прославленного мастера меча. Вместо пререканий Гарсия повернулся к стражникам, которые наконец откашлялись, и произнес несколько отрывистых приказов. Солдаты, отдав честь, поспешно удалились.

— Ваши спутники, свита и багаж будут в кратчайшие сроки доставлены в крепость, — холодно произнес Андре, лишившись последних следов учтивости. — Его Высочество герцог ожидает вас и ваших... сопровождающих.

— Ожидает, значит? А я-то думал, что наш визит стал для него *неожиданностью*, — с насмешкой заметил Клестус, заставив командира гарнизона помрачнеть еще сильнее. Он лишь махнул рукой в сторону главного входа.

Я остро чувствовал на себе следующие за нами пристальные взгляды и прекрасно понимал, что интерес был вызван не только моей персоной, и глубоко вздохнул, собираясь с мыслями. «Я же знал, что меня здесь ждет», — с горечью размышлял, стараясь не замечать, с какой злобой и отвращением смотрели люди нам вслед, пока Андре вел нас по коридорам.

Сейчас не осталось ни теплых воспоминаний, ни ностальгии. Я раз за разом прокручивал в голове возможные сценарии, стараясь подготовиться к любой провокации. И был уверен, что они не заставят себя ждать...

Мы остановились перед массивными дверями, и стража, отступив в стороны, распахнула их, открывая перед нами роскошный Тронный зал.

— Имперский эмиссар Клестус Кайрос, — громко произнес глашатай, и его слова эхом разнеслись по залу. — А также Хранитель Чести Леонард Кустодес.

Наверное, если бы не решительно вошедший эмиссар, мне, вероятно, пришлось бы собрать всю свою волю, чтобы переступить порог. В итоге, изображая спокойствие, я тенью последовал за имперцем.

Огромное помещение с витражными окнами аж до потолка и полированным полом из синего малахита, напоминавшим морскую гладь, всегда производило впечатление своим убранством. За окнами виднелись Вечноцветущий сад и лазурный морской горизонт.

На удивление зал не был пуст, хотя, конечно, тут не было и десятой доли тех, кто мог бы вместиться. То тут, то там мелькали знакомые лица графов и виконтов из Малых Домов. пока мы шагали напрямик к возвышению с Морским Троном, искусно выполненным из нефрита и гранита.

Некоторых я узнал благодаря недавнему императорскому приему, других — лишь по смутным воспоминаниям и гербовым цветам. Промелькнули лица коменданта Родерика Гарсии и мажордома Гюстава Ривьеры, заметно постаревших и осунувшихся. К своему удивлению, увидел Луизу Арелан рядом с сыном и мужем.

Эдуард Бланчи, заметно прибавивший в весе, стоял в окружении многочисленных сыновей и племянников, которые, как мне было известно, занимали большинство придворных должностей. Миловидная девушка с золотистыми волосами, вероятно, была его дочерью и моей невесткой.

Я замечал, как кто-то наклонялся к уху соседа, как губы кривились в усмешках, как дворяне перешептывались. Стук сердца заглушал все звуки, пока я приближался к человеку на троне и тем, кто стоял у его подножия на широких ступенях.

Внизу слева обособленно располагалась военная верхушка Четырнадцатого Легиона: легат, префекты трех когорт Белой гвардии и маршалы полков Серой. Я заранее изучил досье каждого из них, но мог лишь догадываться, кто есть кто. Правда, легата Горация Агорикса легко узнать по высокомерному взгляду. Он явно считал себя не менее важным, чем сам герцог, хотя в своих начищенных до блеска, но слегка расширенных доспехах и шлеме с пышным плюмажем походил скорее на напыщенного индюка.

Справа я увидел Эмиля Галлета, который с безразличием и скукой наблюдал за процессией. Альберто Каррон, на церемониальном облачении Первого клинка, которое когда-то носил Максимилиан, стоял на второй ступени возвышения слева от герцога.

Сначала я подумал, что мужчина с черными волосами, собранными в длинный хвост, и сухим острым лицом — это Эстебан, который каким-то чудом помолодел зим на двадцать. Но тут же отогнал глупую мысль — просто Валентин был точной копией отца. Только взгляд его был тверже, жестче и более озлобленным, чем у Каррона.

Тогда я поднял глаза на человека, который наблюдал за нами с места правителя провинции. Увидев отца спустя годы разлуки, я почувствовал тянущую боль. Худощавый старик с поседевшими волосами все еще сохранял былую статью и солдатскую выправку, но, несмотря на гордый вид и спокойный взгляд потускневших синих глаз, так сильно отличавших его от яростного Валентина, я понимал — передо мной уже не тот человек, на которого я равнялся долгие годы.

Не доходя ярдов²⁷¹ десять, эмиссар остановился, поднял руку, и мы, повинувшись сигналу, встали за ним. Перешептывания тут же стихли.

— Ваше Высочество, — Клестус почтительно поклонился. Мне показалось, или в голосе его внезапно прорезались гнусавые нотки столичного акцента? — Я рад предстать перед вами как верный слуга Его Святейшества Императора. По Его воле я прибыл сюда, дабы нести волю и слово Его.

Эстебан не соизволил подняться, чтобы поприветствовать дипломата должным образом. Неужели они с Валентином правда затеяли опасную игру?

— Рад приветствовать вас в своем доме, эмиссар, — герцог говорил ровным тоном, но слова проникали в самую душу, вызывая трепет. Я всегда поражался этому его навыку, но так и не смог развить его в себе. — Надеюсь, ваше путешествие было легким, а море — благосклонным к вам?

— Несомненно. Благодарю за проявленное беспокойство, герцог, — Клестус вновь склонил голову. — Однако цель моего и свиты визита весьма тягостна. До имперских стен дошли тревожные новости, и Император обеспокоен не только событиями на юге, но и тем, что происходит у подножия Его обители. Особенно Его печалит, что Великие Дома, Его верные союзники, вместе с которыми Он строит процветающее будущее для всего рода людского, отдаляются от Имперских Истин. Интриги, заговоры, ложь, подозрения, но больше всего — отсутствие единства даже среди ваших подданных.

— Печально слышать такое, эмиссар. Я полагал, что подобные речи — удел Ордена, а не столь важных лиц, как имперские политики.

В толпе раздался смешок. Клестус невозмутимо продолжил:

— История учит нас на своих ошибках, и события уже привели к обострению отношений с Веасом. В Потенциуме обеспокоены тем, что Малые Дома обвинили Имперскую Гвардию в неправомерных действиях. Это не говоря уже о слухах, которые распространяются даже за пределами Масерий... Его Святейшество помнит о былых трагедиях и хочет предотвратить конфликт между Веасом и Империей, пока ситуация не стала непоправимой. Поэтому он принял несколько важных решений для урегулирования интересов всех сторон. И я здесь, чтобы быть беспристрастным посланником.

Эстебан изобразил на лице изумление.

«Ох, начинается», — подумал я, наблюдая за словесной дуэлью, в которой победит тот, кто лучше сыграет на публику.

— Раз так, прошу вас озвучить волю нашего правителя, — сухо сказал герцог, явно уступая в мастерстве притворства.

— В таком случае я имею честь обратиться к вам, — эмиссар, поправив очки, достал из-за пазухи три указа, запечатанных темно-красным воском с оттисками.

Он высоко поднял их над головой, чтобы все могли увидеть нетронутые печати, и затем сорвал темно-красный сургуч с одного из свитков:

— Сим указом оглашаю: по воле Императора я, эмиссар Клестус Кайрос, должен находиться при герцоге, присутствовать на всех собраниях, включая Консилиум и Гранд-Консилиум, до тех пор, пока не будут выяснены обстоятельства конфликта и не будут заключены

¹ Ярд — единица измерения длины, равная 0,9144 м.

условия, которые вновь приведут Великий Дом Кустодес и Малые Дома провинции Веас, чьи интересы представляет герцог, к сотрудничеству с Империей на основе взаимного доверия и взаимной выгоды. Для выполнения этой задачи Клестусу Кайросу предоставлены особые дипломатические полномочия, позволяющие ему действовать и говорить от имени Императора и Триумвирата, принимать решения и выдвигать условия, не требующие согласования с Потенциумом или Сенатом²⁸¹.

Я внимательно наблюдал за реакцией присутствующих. Сразу стало ясно, кто был осведомлен о новости заранее, и можно было сделать выводы о наличии шпионской сети. Эстебан коротко кивнул, сосредоточенно глядя на имперского министра. Валентин обменялся быстрым взглядом с Карроном, который едва заметно кивнул в ответ.

Представители Фальконе и Гарсия не проявили особого удивления, как и Эмиль Галлет. Луиза и Эдуард выразили некоторое недоумение, как будто ожидали услышать что-то иное. Остальные представители Малых Домов явно были шокированы и недовольны полномочиями, которые Император даровал своему слуге, одним лишь приказом поставив его выше веасийского дворянства.

Клестус, подобно актеру на сцене, наслаждался паузой, давая всем возможность осознать услышанное. Когда легкий ропот, прокатившийся по толпе, утих, он развернул второй свиток:

— По приказу Императора Веасу будут представлены к обсуждению условия, которые удовлетворят обе стороны конфликта. Эти условия будут обнародованы лишь в присутствии правителей всех благородных династий или их законных представителей. Изменения коснутся не только экономических аспектов нашего сотрудничества, но и некоторых административных и военных реформ, за соблюдением которых эмиссар назначен строго следить вместе с действующим легатом, закрепленным в провинции легиона. Пока все условия не будут приняты и исполнены, эмиссар, а также Золотой Хранитель, представляющий ставку командования Имперской Гвардии, обязаны оставаться в провинции, чтобы гарантировать честное и добросовестное исполнение сделки всеми сторонами конфликта.

А эта новость вызвала открытое возмущение почти у всех присутствующих. Только Эстебан и Эмиль смогли сохранить спокойствие.

— Что?! — воскликнул Валентин, делая шаг вперед. Его синие глаза горели гневом, как будто он собирался испепелить Клестуса одним взглядом.

В зале разразился настоящий шторм негодования, благо до открытых оскорблений дело не дошло. Преторианцы, не теряя бдительности, сделали полшага вперед и приняли боевую стойку, положив руки на короткие мечи. Они были готовы защищать эмиссара от разъяренной толпы.

Гораций, напротив, выглядел вполне довольным. Он горделиво выпрямился и снисходительно посмотрел на Валентина. Жаль, что недалекий ум не позволил ему понять *истинный* смысл слов Клестуса, включая и то, как они могли повлиять на него самого.

Эстебан поднял руку, и этого жеста было достаточно, чтобы зал мгновенно затих. Он тяжело поднялся с кресла, опираясь на подлокотники, и, хотя чуть пошатнулся, сохранил невозмутимость и уверенность. Альберто тут же подал ему... трость.

— Столько важных новостей, и вы только что прибыли, эмиссар. Сложно представить, что нас ждет. Похоже, впереди времена больших перемен...

— Перемены — это путь прогресса, а прогресс есть путь Имперских Истин, — отчеканил эмиссар, пока Эстебан медленно приближался к нему.

¹ Сенат — (здесь) совещательный орган из отобранных министров (сенаторов), которые отчитываются перед канцлерами Триумвирата, выносят на обсуждение законы или проблемы, решение по которым принимают канцлеры. Интересы Великих и Малых Домов в сенате представляют уполномоченные гильдии.

Я смотрел, как отец, хромая, спускается с подиума, останавливаясь на каждой ступени, чтобы переставить свою негнущуюся ногу. Камилла рассказывала мне, что Эстебан сломал ногу несколько зим назад. Но сейчас, несмотря на твердость его характера, он не мог быть тем воплощением силы, каким должен быть герцог в глазах своего народа, союзников и врагов. Он не мог стоять плечом к плечу со своей командой на палубе корабля. Он даже оружие держать не мог... Неудивительно, что Валентин пользуется таким признанием у веасийцев по сравнению с немощным отцом.

Стук трости стих, и теперь Эстебан стоял рядом с Клестусом. Имперец был настолько низким, что ему приходилось поднимать голову, чтобы смотреть герцогу в глаза. На меня отец даже не взглянул.

— В таком случае предлагаю оговорить некоторые вопросы подробнее за закрытыми дверями, господин Кайрос, — холодно произнес Эстебан.

— С превеликим удовольствием. Как только ваши люди доставят брата Ордена Серви-туариум, мы сможем начать обсуждение в приватной обстановке, — ответил Клестус.

Герцог подозвал сына и Первого клинка.

— Маркиз, сопроводите эмиссара и Хранителя Чести в приемный кабинет, — объявил герцог. — Сеньор Каррон, поручаю вам встретить наших гостей и немедленно провести их к...

— Господин, учитывая последние новости, я бы тоже хотел присутствовать на совещании, — Гораций нахально влез в беседу. Отец на мгновение закатил глаза, но быстро взял себя в руки. — В свете моих новых полномочий я считаю важным быть в курсе всех обсуждений на подобных встречах.

Эстебан явно собирался возразить, но Клестус, к удивлению всех присутствующих, опередил его:

— Господин Агорикс, — мягко начал эмиссар, поправляя очки. — Ваше рвение похвально, но сейчас вам лучше сосредоточиться на подготовке к Гранд-Консилиуму и ознакомиться с документами, которые вам должны были передать. Уверяю вас, что обсуждение будет посвящено крайне скучным вопросам для такой занятой персоны, как вы.

— Но...

— Ничего существенного без вашего ведома и присутствия обсуждаться не будет, *legat*, — повторил Клестус вкрадчиво, сделав акцент на последнем слове.

Опешивший среднеземец, почувствовав угрозу и раздражение в голосе эмиссара, растерянно кивнул и, поклонившись каждому из присутствующих, намеренно проигнорировав Валентина, вместе с подчиненными покинул зал.

— Прошу за мной, — жестом указал Валентин, и мы направились к выходу.

Всю дорогу эмиссар шел с неуместной улыбкой. Я то и дело оборачивался, но его застывшая довольная маска оставалась неизменной. Валентин, как нарочно, вел нас по узким коридорам, указывая, куда свернуть и на какой этаж подняться. Его поведение было подчеркнуто язвительным, словно я не провел достаточно времени в этих стенах, чтобы знать все их закоулки и переходы.

В очередной раз, когда Вал снисходительно объявил о повороте налево, мое терпение иссякло. Когда мы поравнялись, я вдруг со смущением осознал, что стал выше него.

— Я помню дорогу, — вырвалось у меня, но я тут же пожалел о сказанном: именно этого брат и добивался.

— Значит, не забыл? А я думал, *господин Кустодес*, что за прошедшие годы ваша память о родном доме совсем угасла. За восемь-то зим, наверное, многое позабылось.

Я нахмурился. Конечно, ожидал, что они с отцом будут недовольны и злы, но если я объясню все свои поступки, они поймут, что мной двигала исключительно преданность Империи и долг перед Императором, а не желание навредить нашей семье...

— Ты что... обижен на меня, Вал? — я понизил голос и перешел на веасийский, чтобы разговор остался между нами.

— Дело не в обиде, Леонард, — Валентин тоже понизил тон, но его агрессия никуда не делась. — Просто в важный для нашей семьи момент ты поставил свои личные амбиции выше, чем помощь отцу в укреплении наших прав. Мне казалось, ты достаточно умен, чтобы понять: мы всегда были и остаемся в уязвимом положении. Показав, кому ты предан, ты подорвал наш авторитет в глазах дворян, которые и так не питали к нам уважения и доверия.

— Я сделал то, что советовал мне отец — прислушался к себе и сделал выбор. Я остался там, где был нужнее. С чего я должен оправдываться за это?

— Ты был нужен отцу. Ты был нужен... мне, — эти слова дались брату с явным трудом. — И кем ты стал за столько зим? Отказ от нас стоил того, чтобы стать палачом Империи? А теперь ты настолько утратил свое достоинство, что подтираешь задницу этому старому гаденьшу?

Я осторожно посмотрел на Клестуса, но он выглядел все так же невозмутимо довольным. Оставалось надеяться, что его знание веасийского не позволило ему разобрать слова маркиза.

— Если тебя лишили возможности выбирать, это не значит, что я должен принять такую же участь, — выпалил я, метя в самую больную точку. И попал в цель.

Слова сделали свое дело — он умолк, но его взгляд, полный унижения и ненависти, был слишком красноречив. Мне оставалось лишь подавить злость на эту несправедливость. Да, я поступил эгоистично. Да, я отказался от семьи, однако, что бы кто ни говорил, Вал оставался моим братом. Я верил, что мы сможем помириться, но теперь это казалось тщетной надеждой. Для них я был мертв. Даже хуже — я был пустым местом. О мертвых хотя бы горюют...

Отцовская приемная оставалась неизменной, словно я был здесь вчера. Письменный стол и большой круглый стол для деловых встреч стояли на своих местах. Теперь фамильный меч покоился на постаменте, а не за спиной его владельца. Пока слуги подавали Валентину и Клестусу вино, мы с преторианцами, следуя привычке, обошли комнату, внимательно проверяя стены и окна. Золотые гвардейцы делали это каждый раз, когда Триумvirат собирался на совещания. Внимательный взгляд сразу заметил неровности на деревянных панелях одной из стен и слегка сдвинутую картину, но при более тщательном осмотре ничего подозрительного не обнаружилось.

Примерно через полчаса напряженного молчания в зал вошли Эстебан и Валериан. Запыхавшийся сервитуарий быстро осушил предложенный ему бокал вина и попросил у прислуги свежий платок. Пот лился с него ручьями, а темные орденские одеяния промокли насквозь, словно он попал под проливной дождь.

Когда все расселись за столом, а преторианцы заняли свои места по периметру кабинета, Клестус прокашлялся и заговорил непривычно приветливым тоном, несмотря на мрачные взгляды Эстебана и Валентина.

— Господин Кустодес, теперь, когда формальности не требуются, могу я обращаться к вам по имени? — его голос неожиданно стал менее гнусавым. — Здесь слишком много представителей вашей фамилии.

— Как вам будет угодно, господин Кайрос, — Эстебан не нашел его усмешку забавной.

— Прошу вас, просто Клестус, — он поправил очки и сложил пальцы в замок. — Итак, Эстебан, до начала Гранд-Консилиума я должен вас проинформировать о нескольких нюансах, чтобы ускорить согласование некоторых решений со Столицей.

— Разве вы не заявляли, что принимаете все решения единолично?

— Речь идет о решениях моего Ордена, господин, — вмешался Валериан. — Все остальные решения эмиссар вправе принимать самостоятельно, но мне необходимо дождаться ответа из Цитадели.

Эстебан заметно напрягся при этих словах.

— И что сервитуариям нужно от нашей семьи?

— Это как раз один из вопросов, которые мы обсудим сегодня. Для начала ознакомьтесь с этим, — он передал герцогу бумаги с печатями.

Несколько минут стояла напряженная тишина, пока Эстебан изучал документы. Валентин косо поглядывал на бумагу, и его недовольство усиливалось.

— Как это понимать? — резко спросил он, обращаясь к имперским представителям.

— Что вас беспокоит, маркиз? — спокойно ответил один из них.

— *Все*. Вмешательство в нашу внутреннюю политику, влияние на флот через гвардию...

И вы хотите аннулировать мой брак с Арианой Бланчи?

— Времена сейчас сложные, — начал Валериан. — За последние четыре года ваша супруга так и не понесла. В этом году ей исполнится двадцать один, и тогда она получит наследство, которым вы будете вправе распоряжаться, что усложнит процесс расторжения брака в будущем.

— А по какому поводу Орден не устраивает выбор партии для моего сына? — поинтересовался Эстебан, продолжая читать документы.

— Хотя бы потому, что вы не получили нашего одобрения, герцог. Вы проигнорировали рекомендации Ордена, который не просто так следит за браками высокородных. И не только из-за вопросов близкого кровосмешения. При подборе кандидаток мы учитываем всю родословную: заболевания и физические особенности, выявленные несколько поколений назад, внешность, телосложение, даже особенности крови — все это влияет на возможность родить здорового наследника. Это генетика, наука, господин, а не просто прихоть.

— Вы хотите сказать, что моя жена чем-то больна?

— Нет, господин Валентин, необязательно. Но ваши организмы могут быть несовместимы для продолжения рода, — пояснил Валериан. — Она вполне могла бы родить от другого мужчины. Я не собираюсь читать вам лекцию о преемственности, но сохранение наследственности древних родов — одна из наших главных задач, и я знаю, о чем говорю.

— И все же она моя жена. Наш брак был консумирован. Вы понимаете, какие последствия могут быть, если я отправлю ее по приказу Империи?

— Вы ведь знаете, как решаются такие *вопросы*, — с ухмылкой произнес Клестус. — Жизнь так коротка и непредсказуема...

Валентин сжал зубы так сильно, что, казалось, мог бы перекусить стальной прут, но ничего не сказал.

— Допустим, с этим условием я могу согласиться, — начал Эстебан, пресекая возмущение сына. — Но здесь указано, что брак предназначен для двух Кустодесов. О ком идет речь?

Его взгляд впервые остановился на мне, и я замер, чувствуя себя как в детстве, когда отец отчитывал меня за очередной проступок.

— Мы имеем в виду вас, герцог, — ответил Валериан.

— Меня? — Эстебан опешил. — Я уже староват для подобного, вам не кажется?

— Вы неоднократно получали предложения о браке за время своего правления, но всегда отказывались. Сейчас ваш Дом в *шатком* положении, и просить вас никто не будет.

— Шатком?

— Посудите сами. У вас остался только один наследник мужского пола. Леонард присягнул на верность Империи, и Трибунал не допустит повторения вашей ситуации и очередного ухода высокопоставленного офицера Белой гвардии. А о судьбе вашей дочери и говорить не приходится.

— Она у вас? — прямо спросил Валентин, на что герцог раздраженно цыкнул.

— Мы не будем скрывать, что местоположение госпожи Камиллы на данный момент неизвестно. Однако, как только ее поймают, она будет предана справедливому суду как преступница.

Валентин усмехнулся.

— Вы собираетесь кормить нас сказками про сотрудничество с Синдикатом? Вы понимаете, насколько это нелепо звучит? Никто не поверит, что девушка, тем более из столь знатной семьи, связалась с бандитами...

Но Эстебан жестом остановил сына, явно не желая, чтобы тот сказал что-то лишнее.

— Империя хочет, чтобы у меня остались еще наследники, верно?

Валериан кивнул, и герцог продолжил:

— Это может показаться немного... деликатным, но скоро мне исполнится пятьдесят. Вы должны понимать некоторые... *особенности*, связанные с возрастом.

— О, не волнуйтесь об этом, — заверил его сервитуарий. — Не вы первый дворянин, решивший вступить в брак в столь почтенном возрасте, и не вы последний. Для вас подберут лучшие средства. В списке кандидаток будут молодые дамы, чтобы увеличить шансы на зачатие и обеспечить нормальное протекание беременности. По нашим оценкам, если все сложится удачно, новая супруга сможет подарить вам двух или трех наследников, а может быть, и больше... Пол детей в данном случае не имеет значения. Мы составили список наиболее подходящих кандидатур, и должен признать, он довольно внушительный, — Валериан развернул еще один лист пергамента. — Ясмينا Набелит, Нанако Курои, Самира Санкх, Виенна Регенфар, Каталина Андо...

— Каталина?! Вы серьезно? — возмущенно выдохнул Валентин. — Эта шлю...

Я стиснул кулаки, но Эстебан вновь остановил сына, взглянув на него с явным неодобрением. Да, Валентину действительно стоило бы научиться держать себя в руках — он явно не привык примиряться с тем, что ему не по нраву, и готов был отстаивать свою позицию до конца. Неплохое качество для военного, но уж точно не для политика.

— Как вы смело критикуете юную госпожу, — заметил Кайрос, который явно считал предложение брака с Андо лишь забавной насмешкой.

— Моя воспитанница — весьма необычный выбор, вам не кажется? — спокойно поинтересовался герцог, и в его взгляде промелькнуло что-то непривычно-осторожное.

— Отчего же? Насколько нам известно, госпожа Андо имеет благородное происхождение, хотя доказательств этому мы так и не нашли.

— Она незаконнорожденная дочь контр-адмирала Лорана Рошфорта, который приходился двоюродным племянником графу Франсуа Ле Рою, — ответил герцог, но я уловил едва заметное колебание в его голосе.

Если бы я не знал своего отца так хорошо, то не заподозрил бы, что он лжет.

— Как жаль, что контр-адмирал умер и не может подтвердить ваши слова, — Клестус вздохнул с притворным сожалением. — А его жена и сыновья могли бы знать о существовании их *родственницы*. Весьма удобно... Впрочем, кто я такой, чтобы ставить под сомнение слова герцога.

— Брак с Каталиной Андо в случае вашей кончины станет безопасным вариантом, если семья вашей будущей супруги решит оспорить права на наследование вашего старшего сына, — пожал плечами Валериан. — Ведь такое уже случалось и не раз. Никто не упустит шанс поставить своего наследника во главе провинции.

Эстебан задумчиво кивнул, пытаясь понять, какие цели преследуют имперцы.

— Однако, как я понимаю, Каталина Андо исчезла вместе с моей дочерью?

— С чего вы так решили? — Клестус ответил с такой уверенностью и безразличием, что это вызвало сомнения не только у Эстебана, но и у меня.

— То есть вы знаете, где она? — уточнил Валентин, который, как и я, не смог распознать ложь в словах эмиссара.

— Я не имею права разглашать такую информацию, маркиз. Вы должны это понимать. Однако в последний раз ее видели перед побегом госпожи Камиллы из Столицы.

— Равно как и сервитуарию, Софию Оре, — вмешался Валериан. — Наш Орден чрезвычайно обеспокоен ее судьбой. Если она пострадала из-за своей опрометчивости, пытаясь помочь воспитаннице, Сервитуариум потребует от вас, герцог, возмещения стоимости ее жизни, как сестры Ордена. А если вам известно что-то еще, мы требуем раскрыть эту информацию. Что вы можете сказать о том, где она сейчас находится?

— У нас есть встречный вопрос, — Эстебан начал нервно постукивать пальцами по столу. — Что Империя может сообщить о смерти Максимилиана Хана?

Я опасался, что этот вопрос будет поднят, и был готов к этому. Валентин не сводил с меня взгляда, но я не дрогнул.

— Он погиб в стычке с гвардейцами, когда пытался пересечь городскую стену вместе с преступниками. Прежде чем его сразил Хранитель Чести, он успел убить пятнадцать гвардейцев и ранить двадцать три.

— Полагаю, и доказательства этому у вас найдутся? — язвительно спросил Валентин.

— Вам они нужны? — прямо поинтересовался Клестус.

— Да, если мы захотим требовать право Кровавой Платы, — выпалил он, заставив всех замолчать.

— Право Кровавой Платы по регламенту предъявляется только при убийстве члена Великого Дома или патриция, — напомнил эмиссар, прищурившись. — Максимилиан Хан, хотя и был из Кустодесов, не принадлежал к Великому Дому. Если желаете, мы можем направить документы на выплату компенсации за его смерть, и...

— Вы считаете, что жизнь величайшего мечника стоит нескольких сотен золотых? — с отвращением произнес Валентин. — Он должен быть отомщен за клевету и бесчестную смерть!

Я сжал челюсти. Неужели Валентин так жаждет моей гибели?

— Я понимаю ваше горе, маркиз, но мы можем предложить только тело для достойного погребения по вашим традициям и компенсацию согласно 14-й статье 5-го параграфа Декларации, — ответил Клестус. — Если согласны, я направлю запрос в Потентациум сегодня же.

— Нет, — решительно заявил Валентин, продолжая смотреть на меня с ненавистью.

Эмиссар снял очки и убрал их во внутренний карман.

— А теперь давайте поговорим начистоту... — он поднял тяжелый взгляд. — Постарайтесь прийти к согласию с Малыми Домами, Эстебан. Это ваша обязанность как герцога. То, что ваши подданные выдвигают Империи такие серьезные обвинения, как сделали Ареланы и Ле Рои, может свидетельствовать, что вы теряете хватку.

Удивительно было не то, что эмиссар критиковал герцога, а то, с каким спокойствием Эстебан выслушивал его слова. Даже Валентин был так ошеломлен, что его ярость утихла.

— Я вас понял, Клестус, — тихо сказал Эстебан. — Мы сделаем все возможное, чтобы удовлетворить требования Империи.

— Пожалуйста, ознакомьтесь с документами еще раз, — Клестус снова стал довольным. — Желательно, чтобы к Гранд-Консилиуму большинство вопросов было решено и вы могли озвучить свой ответ публично. Кстати, когда он состоится?

— Примерно через неделю. Мы все еще ждем прибытия Дома Монрес, — с грустью ответил Эстебан.

— Что ж, нам будет чем заняться, — подытожил эмиссар и поднялся из-за стола.

Глава 6

Никогда еще шесть дней не казались мне такими бесконечно долгими.

Мы отправились ранним утром, а может, это была еще ночь... Сложно сказать. Но алое зарево пожара разогнало сумерки, когда ветроход охватило багрянцем пламени. Ада под чутким руководством Йаны и Софии поддерживала огонь, не давая тому проиграть схватку со стихией. Доверенный Кригером маналит теперь висел у нее на шее в небольшом наспех сшитом мешочке. Пульсар будто напитывался жаром, исходящим от корабля, сердцем которого был многие годы.

Когда огонь таки смог растопить толстую ледяную корку, которая сковывала реку, и ветроход начал медленно погружаться в черную воду, мы двинулись к силуэту лесного массива. Кригер не соврал — стоило нам только углубиться в чащу, как показалось, что даже свет померк вокруг. Ветер завывал диким зверем, острые снежинки норовили обжечь оголенные участки кожи. Передвигаться с тяжелой сумкой на плечах, да еще и не отставать от группы, было изматывающе тяжело, и это вынуждало делать частые привалы.

Пульсар значительно упрощал наш путь — он будто создавал невидимый, излучающий тепло барьер вокруг нас, растапливая часть сугробов и озаряя черные заснеженные стволы светом, которого, казалось, тут никто никогда не знал. Снегопад, попадая в него, обращался морозящими каплями, а ветер казался не таким холодным, но все равно всем было очень сложно. В такие моменты я поглядывала на Йану с легкой завистью — она невесомо ступала по снегу, практически не проваливаясь в него.

Кригер уверенно ориентировался среди искривленных стволов деревьев, ведя нас вперед. А когда понимал, что мы отклонились от маршрута из-за непроходимых бурелома или оврагов, всегда выводил обратно на тропу, словно бы ведомый каким-то внутренним компасом. Йана и София внимательно следили за лесом, занимались выбором места для привала и обустройством лагеря. Пока нам везло — хищники, незримое присутствие которых ощущала даже я, не рисковали подходить к нам, опасаясь огня.

А потому пока самые успешные попытки прикончить нас были у самой природы. Не считая непрекращающегося бурана, несколько раз, когда мы выбирали укромное место под раскидистыми еловыми лапами, мы чуть не оказывались в западне, когда деревья норовили скинуть свои снежные шапки прямо на наши головы. Но благодаря магии все обходилось.

София взяла охоту на себя. Как только мы скидывали вещи, разводили костер и клали пульсар в огненную колыбель, Оре исчезала в зеленой дымке, и лисица с сероватым тусклым мехом быстро скрывалась среди кустарников и подлеска, а спустя пару часов возвращалась со скромной добычей: тощие белки и зайцы, иногда болезненного вида вороны и сороки. Пару раз приходилось довольствоваться какими-то грызунами, похожими на гигантских крыс... которых, впрочем, Каталина, переборов брезгливость и приступы тошноты, научилась вполне сносно свежевать и готовить.

На Андо лежали все заботы по быту на привалах — она растапливала воду, мыла котелки и походную посуду, как могла готовила еду и вызывалась сидеть на карауле, чтобы у остальных была возможность набраться сил. Она даже научилась готовить отвары под руководством Оре, и София была непомерно горда своей воспитанницей.

Пару раз, когда девушка думала, что все мы спим, я слышала, как она развлекала себя пением под аккомпанемент завывающего ветра. Она пела о теплых краях, голубом небе и синем море, о прекрасных дамах и доблестных рыцарях, о веселых гуляньях и праздниках... Обо всем том, чего ей так не хватало.

Труднее всего приходилось Аде, хоть она и стойко держалась. Но именно ее силы помогали нам продвигаться в чащу, и как только они кончались, мы делали вынужденный привал.

Йана магией поддерживала ее выносливость и старалась делать так, чтобы она восстанавливалась быстрее. София изготавливала специальные бодрящие согревающие отвары, а также отдавала набелитке самые сочные куски мяса. Ада, конечно, пыталась тактично отказываться, чувствуя неловкость от такой заботы, но голод заставлял ее отбросить благородство, и она жадно обгладывала все косточки, не оставляя ничего. Иногда она уставала так сильно, что, стоило нам разбить лагерь, ее сразу же одолевал сон. Приходилось тормошить ее, игнорируя протесты, чтобы заставить поужинать.

Все были при деле. Одна только я продолжала себя чувствовать балластом. Я не могла колдовать, да и моя магия точно не принесла бы никому пользы в отличие от колдовства Йаны. Я не была сильной, как Кригер, который тащил на себе большую часть нашей снеди. Не могла, как Ада, защитить нас от буйства зимы, что пыталась сломить нас. Не могла добывать пропитание, как София.

Оставалось лишь помогать Каталине, выполняя ее просьбы и стараясь лишний раз не мешать. От мыслей, что я незаметно для себя оказалась на побегушках у фрейлины, хотелось возмутиться, ведь я была куда выше по статусу. Но София правильно сказала мне однажды — тут ни титулы, ни происхождение не играют никакой роли. И от чувства собственной беспомощности меня одолевали поочередно гнев, апатия и смирение.

И все бы ничего, если бы не постоянная усталость. Я совершенно не привыкла к какой-либо физической нагрузке, и даже с легким, как заверил меня Кригер, заплечным мешком, даже с учетом того, что снега было всего по колено, а не в мой собственный рост, каждый шаг вперед был испытанием. В лесу я долго засыпала, а потом то и дело просыпалась от любого шороха. Сны были яркими, но обрывочными, и казалось, иногда я проваливалась в сон прямо на ходу. Но я не имела права жаловаться, каждый раз напоминая себе одно и то же: сильными не рождаются.

Семейный девиз, в котором я так долго не видела смысла, стал для меня опорой в это трудное время, последним напоминанием о том, кто я и к какому великому и древнему роду принадлежу, поскольку разум уже начал играть со мной злые шутки. Мне слышались голоса, иногда чудилось, что среди деревьев я вижу чьи-то силуэты. Но я продолжала убеждать себя, что все это плод истощенного недосыпками, голодом и душевными терзаниями сознания. Все, о чем я молила, — чтобы хотя бы не было сновидений.

И вот сейчас, когда я смогла уснуть, провалившись в бескрайнюю тьму, я видела сон. Мир вокруг контурами вырисовывался из темноты, но был лишен красок. Так перед глазами моими появилась картина побоища — все вокруг, вплоть до бесцветной линии горизонта, было завалено трупами. Гниющими и еще сохранившими отчаяние на застывших лицах, нагими и в искореженных доспехах, с поломанным копьями и проржавевшими мечами. И только кровь алым месивом под ногами сохранила свой цвет и железистый запах. Вскинув голову наверх, вместо привычного неба я увидела черный туман, а в вышине кружили молчаливые вороны...

Этот сон сильно отличался от тех, что я видела раньше. Слишком реальны были ощущения, настолько, что даже тошнота начинала подкатывать. Я пошатнулась, но тут же напомнила себе, что это лишь очередной из моих кошмаров. Мне просто надо проснуться и...

— Тебя одолевают сомнения? — разнеслось эхом над полем боя, и я обернулась.

На горе из трупов сидела хрупкая девушка в тяжелых черных доспехах, явно не подходящих ей по размеру. Рука сжимала огромный двуручный меч, острие которого пронзило голову мертвеца у подножия ее своеобразного трона. Грязные черные волосы, небрежно заплетенные в косы, ниспадали до земли, а серая кожа и темные круги под глазами ронили незнакомку с окружающими покойниками. Живой ее делали только глаза — красные, как два тлеющих уголька, они смотрели прямо на меня с неким подобием любопытства, не сочетающегося с ее бесстрастным выражением.

— Это действительно очень странный сон...

— Уверена, что сон? — на потрескавшихся губах мелькнуло подобие улыбки. — Ты молила, чтобы тебя услышали. И вот ты здесь, в моих владениях.

«Так, это уже ненормально. Нужно проснуться...» — лихорадочно думала я, схватившись за голову. Этот сон пугал меня...

— Если хочешь, я отпущу тебя и ты очнешься в своем мире, в своей жалкой жизни, которую сама для себя определила. Но ты ведь жаждешь не этого?

— Кто ты?.. — сорвалось с дрожащих губ, пока тело сковывал страх.

— Я Марена. В вашем народе подобных мне называют Старыми Богами.

Боги?.. Вот только этого мне и не хватало для полного счастья. Похоже, я окончательно лишилась рассудка или...

— Я что, умерла? — спросила я на удивление спокойным тоном, совершенно не соответствующим смятению внутри.

— Ну, ты же стоишь предо мной, а не лежишь рядом с ними, — она кивком указала на тела. — Сюда попадают те, кто проявил трусость, предательство, бесчестие или умер в бесславном бою.

— То есть это что-то вроде... загробного мира?

Тлеющие угли продолжали внимательно изучать меня.

— Наверное, в восприятии смертных это будет самым близким по смыслу определением, — заключила она. — Однако Посмертие — крайне обобщенное понятие, ибо истинность мироздания вне вашего понимания. Равно как и нас, богов, вы склонны наделять качествами вам привычными и понятными.

Я неуверенно посмотрела на нее. Наверное, не будь я настолько уставшей, я бы попыталась вникнуть в сказанное, но сейчас было не до этого.

— Хорошо, если все это не плод моего воображения, то тогда... почему я здесь? Что нужно от меня богине... смерти?

— Я не богиня смерти, — она встала, и латы неприятно заскрежетали. С мерзким хрустом она начала спускаться, и черепа под ее закованными в броню тяжелыми сапогами лопались, как перезрелые яблоки. — Смерть — вотчина Мортреса. Я богиня преданных и забытых, — она вскинула на плечо огромный клинок, чуть ли не в полтора раза больше нее, с такой легкостью, будто он ничего не весил. — Ко мне зывают те, кто ищет справедливости и возмездия.

Возмездие... Слова эхом отдавались в голове, и в сердце вспыхнул непривычный мне жадный трепет. А что, если все это правда?..

Я облизала пересохшие губы, пока Марена приближалась. Месиво под ее ногами неприятно хлюпало, а длинные косы скрылись где-то в кровавой жиже. Когда она встала напротив, то оказалась даже ниже меня.

— В легендах говорилось, что боги могли даровать свою милость людям... — осторожно произнесла я. — Но, думаю, не только людям.

Один из воронов, что кружил бесшумно, сел на клинок. Ярко-красные глаза птицы полыхали тем же огнем, что и у Марены.

— Избранники богов действительно были, — подтвердила богиня. — Это те, кто следует нашим принципам, воплощение наших идей в физическом теле... Не каждый достоин этого.

— Тогда, может, я могла бы заключить сделку?

— *Сделку?* — Марена замерла, а затем залилась смехом, напоминающим звон стали о сталь. — Что же, наверное, только ты одна можешь дойти до такой дерзости, как предлагать *сделку* богу.

— Почему? — нахмурилась я.

— Нам молятся. Нас просят. Перед нами трепещут и годами доказывают, что *заслужили* нашу благосклонность, — еще несколько воронов с горящими глазами уселись на меч, не сводя

с меня пристального взгляда. — Сделку предлагают тем, кого считают равным себе... Ни одна душа еще не была настолько наглой, чтобы поставить себя наравне с богами.

И она снова залилась стальным смехом. Я могла лишь гадать — разгневал ее мой вопрос или развеселил.

— Скажи же, для чего тебе сила кроме той, которой ты уже обладаешь? — спросила Марена, когда смех ее перестал разноситься над телами.

Я сжала кулаки.

— Мой дар — это мое проклятие. Я не знаю, смогу ли с ним совладать и найдется ли тот, кто научит меня этому. Все, что есть у меня, — отчаяние, страх, сомнение... и желание отомстить.

— Кому же ты хочешь мстить? И за что?

Отлетевшая на пол голова Арно Монреса...

Брызнувшая на снег кровь из шеи Яна...

Окаменевшее тело, лежащее на деревянной койке...

— За близкого человека, которому пришлось пожертвовать собой, чтобы я жила, — от мыслей о Яне грудь снова сковала тянущая боль, но глаза остались сухими. Я твердо посмотрела на Марену. — За мою мать, которую похитили только потому, что она была рождена с магическим даром... За тех, кого ломают и перекраивают под ложные идеалы. Я хочу избавиться от тех, кто смеет преследовать и уродовать людей, угрожать их семьям и близким из страха перед силой, которую не понимают. Отомстить за тех, кого убивают просто потому, что они отличаются от других. Я готова отдать все, что у меня осталось, ради справедливости, если это поможет изменить хоть что-то.

Марена долго обдумывала мои слова, прежде чем нарушить молчание.

— Твоя цель может нарушить хрупкий баланс, в котором находится этот прогнивший мир. Однако я разделяю ее... Но сначала ты должна доказать мне, что достойна стать моей избранницей, — меч тяжело рухнул с плеча, заставив воронов вспорхнуть с их насеста. — Возможно, тебе придется пожертвовать многим ради этого. Но если ты готова к таким испытаниям, то, когда встретишься лицом к лицу с предательством, должна будешь поступить решительно. Несмотря ни на что.

Вороны, повинувшись взмаху ее руки, метнулись ко мне, все так же не издавая ни звука. Я не слышала даже хлопанья крыльев, когда они кружили вокруг, больно царапая кожу на руках, шее, лице. Я закричала на них в надежде отпугнуть, но из горла не вылетело и хрипа.

— Я присмотрю за тобой...

Одна из птиц со всей силой клюнула меня в лоб и, казалось, одним ударом раскроила мне череп.

Я подскочила с резким надсадным выкриком, который заглушил ветер. Грудь резко вздымалась, как после бега. По телу все еще пробегали искры боли, а на языке ощущался мерзкий вкус железа и гнили. Рукой я нащупала место, куда всего мгновение назад вонзился острый клюв, но на коже ничего не было.

— Опять кошмар? — спросила Ада, наблюдавшая за мной с безмятежной усталостью.

— Да... Похоже на то... — я зажмурилась, стараясь отогнать от себя образ загробного мира и его повелительницы. — Слишком яркий и детальный был. Долго не могла вырваться.

— Ты ерзала во сне, — заметила набелитка. — Я уже думала будить тебя, но ты сама проснулась.

Я неопределенно кивнула. Руки отчего-то болели. Присмотревшись, поняла, что забыла натянуть перчатки, и теперь окоченевшие пальцы отказывались слушаться. Я попыталась достать из-за шивороты замерзшее пламя, которое порой выручало в такие моменты. Стоило взять камень в руки, как я ощущала струящееся тепло, но сейчас даже пуговицу расстегнуть не получалось.

— Хочешь, я помогу? — вдруг предложила Ада, когда я с недовольным шипением поднесла покрасневшие ладони к костру.

Она подвинулась ближе, усталость ее тут же как рукой сняло. Девушка сложила руки в молитвенном жесте, и вскоре под моим ошеломленным взглядом от костра потянулись огненные завихрения и мягко окутали их подобием покрова.

Но стоило ей поднести объятые пламенем руки к моим, я резко одернула их в страхе.

— Не бойся, он не жжется, — заверила она, осторожно прикасаясь к коже.

Огонь действительно не обжигал, а я практически сразу почувствовала, как онемение отступает, а кровь вновь приливает к пальцам.

— Ты поразительна... — с искренним восхищением выдохнула я, довольно сжимая и разжимая кулак. — Когда ты успела этому научиться?

— Это все пульсар, — попыталась объяснить девушка, когда огонь вокруг ее рук развеялся, оставив лишь легкие искры. — Когда Кригер дал мне его, я будто начала *ощущать* все по-другому... Йана говорит, что пульсар — один из лучших катализаторов для огненной магии, но все равно мои успехи не перестают ее поражать. Якобы у меня талант... За столь короткое время почти никто не начинает чувствовать свой элемент. Хотя, думаю, мне просто везет, — поспешно добавила она, явно заметив выражение моего лица.

Я искренне радовалась достижениям подруги, но и не завидовать не получалось. Я пыталась подавлять это паскудное чувство, но чем больше ее успехов наблюдала, тем сложнее становилось с ним бороться.

— Это не везение, — я постаралась скрыть свои эмоции. — Просто ты не отрицаешь своей сути и пытаешься с ней ужиться. Ну и Йана может тебя наставить в случае чего.

— Ну, она хоть и владеет стихийной магией, все равно отдает предпочтение преломлению... Да и создавать стихию из ничего, оказывается, считается высшей ступенью магического мастерства. Так что пока я могу только управлять.

Она потянула палец к огню, словно хотела погладить его, как питомца. Пламя тут же откликнулось на ее движение, начав весело обвиваться спиралью вокруг пальца.

— А вот ее брат, как она утверждает, в совершенстве владеет всей доступной магией, кроме темной. И потратил он на это многие-многие столетия еще до ее рождения.

Я нахмурилась, пытаюсь припомнить. Йана несколько раз упоминала о нем вскользь, но, казалось, особо не хотела говорить о брате, словно побаивалась его.

— Как думаешь, какой он? — задумчиво спросила Ада. — Такой же красавец, как и его сестрица?

Мое воображение тут же нарисовало мужскую версию Йаны с такими же длинными светлыми волосами и утонченным телом, исписанным узорами... И такими же предпочтениями в одежде. Щеки и лоб немедленно вспыхнули от смущения.

— Даже не знаю... По преданиям, все представители эльфийского народа прекрасны. Так что, думаю, да... А ты что же, намереваешься эльфа обворожить? — усмехнулась я.

— Ну, если он такой же лапочка, как Йана, почему нет? — она игриво улыбнулась, явно радуясь, что смена темы помогла разрядить атмосферу.

Несколько минут мы просто сидели, заворуженно уставившись на потрескивающие в огне дрова. Солнечный камень, лежавший в золе, переливался золотыми прожилками.

— Когда-нибудь все это закончится, вот увидишь, — сказала набелилка, стараясь подбодрить меня. — Невозможно же вечно жить в полосе невезения. Я сделаю все, чтобы наша новая жизнь пришла тебе по душе.

— Ты чего вдруг? — я удивленно посмотрела на подругу.

— Не ты одна много думаешь о произошедшем, — вздохнула она, стискивая пальцы. И снова непроизвольно начала крутить перстень. — Я действительно виновата и перед тобой, и перед Каталиной, и даже перед Ари... Если бы не мой эгоизм, всего бы этого не случилось.

Я чувствую огромную ответственность и вину за это, а потому, — она подняла голову, и я прочитала на лице Ады решимость, которой не видела уже давно. — А потому, если надо, буду защищать тебя, приложу все силы, чтобы стать великим магом, и никто не сможет причинить вред моим близким. Но пока этого не произошло... просто верь в лучшее, ладно?

Слова ее поразили меня до глубины души. Так вот как она видит все это.

— Если у меня не останется веры хотя бы в такие мелочи, то я, наверное, скоро попросту сойду с ума, — вздохнула я.

Ада хотела улыбнуться, как вдруг...

— Пригнись!

Кригер резко подскочил, будто не спал. Даже не понимая, к кому из нас он обращается, я без раздумий последовала приказу, рухнув в снег и накрыв голову руками. И тут же позади тяжело, с жалобным завыванием, нечто рухнуло. Извернувшись, я глянула через плечо, чтобы посмотреть, что происходит.

Огромная туша, покрытая темным мехом, распласталась буквально в паре метров от меня с копьём в боку. А в полумраке меж деревьев злобно сверкали лиловые глаза...

Резким движением меня подняли на ноги, как тряпичную куклу, и подтолкнули ближе к огню.

— Варги, — рыкнул Кригер, заслоняя нас с Адой и перепуганной до смерти Каталиной. — Подкрались с подветренной стороны, я их не почувал...

Йана уже стояла рядом с ним, протягивая еще одно сотканное светом копьё. Второе она дала Аде. Софии, как назло, в лагере не было — та еще не вернулась с охоты.

— Держитесь позади, — сказала эльфийка, и даже голос ее резко изменился, став серьезным и твердым. В одной руке появился меч с изогнутым лезвием, а в другой уже сияли белые искры. — Ада, пульсар на тебе! Если огонь потухнет еще сильнее, они окружают нас, и тогда уже ничего не спасет.

Я достала из-за пазухи пистолет. Руки дрожали, пальцы не слушались, и я чуть было не выронила игнеон. Мы встали плотным кольцом вокруг костра.

Варги тем временем не собирались давать своей добыче возможность отбиться. Двое гигантских, размером с лошадь, волков начали топтаться вокруг нас. Их мягкие лапы, больше похожие на кошачьи, плавно переступали по снегу, но почему-то не проваливались в сугроб. Острые уши были прижаты, а оскал огромных острых зубов пугал не меньше, чем клокочущий в их глотках утробный рык.

Я наблюдала за происходящим так, словно весь мир остановился, а время замедлило свой ход. Один из зверей внезапно прыгнул, но Кригер отреагировал мгновенно. Сделал быстрый выпад, и варг оказался насажен на копьё с такой силой, что наконечник пронзил его гортань, выходя из затылка. Еще одно быстрое движение вбок, и копьё разорвало шею, окропив все вокруг алыми брызгами и кусочками плоти. Зверь даже не успел издать звука, как его тело, все еще пульсируя горячей кровью, рухнуло на землю и, несколько раз дернув лапами, замерло навсегда.

Йана сражалась с неменьшей воинственностью. Глядя на изящную и утонченную эльфийку, я никогда не подумала бы, что она способна так яростно и безжалостно обращаться с клинком. Два варга, вероятно, решили, что она станет легкой добычей, но Йана, подняв руку, озарила все вокруг ослепительной вспышкой. Глаза того, кто собирался укусить ее, мгновенно вытекли, заставив зверя завять от невыносимой боли.

Однако долго страдать ему не пришлось — резкий удар рассек шею, окрасив пепельную кожу и серебристые волосы эльфийки в багряный цвет. Второй зверь попытался завершить начатое, но Йана ловко увернулась в самый последний момент, и его пасть лязгнула всего в

нескольких дюймах²⁹¹ от ее шеи. Этого хватило, чтобы вонзить меч прямо ему в голову, и поверженная тварь рухнула рядом с тушей своего сородича.

Эльфийка не пыталась вытащить меч, который намертво застрял в черепе: сложив пальцы, как танцовщица, она сделала несколько быстрых пассов руками. На кончиках ее пальцев заискрился золотой свет. Она что-то быстро и беззвучно шептала, и вскоре на пути у двух варгов, показавшихся из-за деревьев, встали две тени, смутно напоминавшие самих зверей.

Я не поверила своим глазам — это были... шейды. Настоящие. Тени душ, призраки, демоны... Как их только не называли. Но я даже не думала, что такое и правда возможно. Повинуясь жесту ее пальцев, теневые существа, словно марионетки, с яростью набросились на волков, вступив с ними в ожесточенный, но короткий бой. Даже издалека было видно, как тени напугали зверей, и это дало нам преимущество.

Тем временем Кригер отчаянно отбивался. Хитрые противники пытались окружить и отделить его от нас, явно признавая в нем сильного вожака. Однако орк не давал им шанса. Одного из них, который хотел ускользнуть и напасть на нас, он схватил за шею и после недолгой борьбы свернул ее голыми руками. Но тут же был подло атакован сзади — варг вцепился в его плечо с такой силой, что Кригер поморщился от боли.

Он пытался стряхнуть зверя, но тот, почувствовав вкус крови, лишь усилил хватку, одновременно разрывая орка острыми когтями. Кригер чудом извернулся и, схватив волка за челюсти обеими руками, начал медленно разжимать их. Как только зубы перестали впиваться в плоть, орк мощным движением разодрал пасть зверя так, что нижняя челюсть осталась у него в руке.

Каталина, наблюдая за всем этим, даже уже не дрожала — просто стояла в оцепенении, в брызгах и ошметках еще теплой плоти. Казалось, она даже не дышала, а глаза ее остекленели от ужаса. Я не знала, куда целиться, ведь горящие глаза то появлялись, то исчезали в темноте. Ада, несмотря на дрожь, крепко сжимала копьё, ее пальцы побелели от напряжения.

Пока Йана и Кригер были заняты боем, один из волков вышел к нам, скаля зубы и рыча. Набелитка направила острие на зверя, но в его глазах, необычайно разумных, мелькнуло нечто вроде злорадной насмешки. Волк приближался медленно, как будто знал, что добыча уже никуда от него не денется. Эльфийка закричала и попыталась броситься на помощь, создавая новый клинок на ходу, но другой варг напрыгнул на нее, чудом не повалив на землю, и старался полоснуть когтями, не давая нам прийти на подмогу.

Мое сердце колотилось, паника и страх затмили разум, пока зверь приближался. Я с трудом подняла дрожащую руку и положила палец на курок, но пистолет не слушался. «Ну же, нажми», — сказала я себе, стиснув зубы. Вкус крови во рту отрезвил меня — я прокусила щеку, и боль вернула меня к реальности.

Три выстрела прогремели, перекрывая вьюгу. Два из них попали в цель, но волка они не сразили. Серый мех на его плече потемнел от крови. Варг, явно не ожидавший такого, был в ярости. Он издал громогласный рык, чем-то напоминающий истошный человеческий крик, а затем ринулся прямо на нас.

Я схватила Каталину за руку и повалила в последний миг, не дав лапе расплосовать ее лицо. Ада успела увернуться и даже сделала выпад, вонзив копьё в уже раненое плечо. Волк взвыл от боли, но его злоба не утихла. Он дернулся с такой силой, что оружие вырвалось из рук Ады, отбросив ее ближе к костру. Девушка поняла, что отступать некуда, и лихорадочно искала оружие, пока волк безуспешно пытался вытащить застрявшее в плоти древко. В конце концов волк прекратил попытки и посмотрел на набелитку горящими глазами. Он оскалил окровавленную пасть и ринулся к ней со злорадным торжеством.

¹ Дюйм — мера длины, равная 2,54 см.

Та в ужасе вскинула руки, готовясь к атаке, но внезапно костер за ее спиной вспыхнул и взметнулся к небу огненным столбом, заставив варга, охваченного страхом перед ярким заревом, остановиться и отступить. Не только он — все на мгновение замерли, наблюдая, как пламя, возникшее из ниоткуда, стремительно разрастается.

Я оттащила Каталину в безопасное место, защищая от летящих искр. Набелитка, осознав, что огонь подчиняется ее воле, направила его на волков. Раздался неприятный запах жженой шерсти и горелой плоти, и меня скрутило — то ли от голода, то ли от тошноты. Волки, которые еще могли передвигаться, скулили, поджимая хвосты, и пытались сбросить с себя обжигающий огонь.

— Давай сюда, — горячо шептала я Каталине, стараясь привести подругу в чувство.

Она повернула ко мне невидящий взгляд, но послушно отползла. Хотя Ада пыталась направить пламя магией только на животных, оно начало распространяться и на наши вещи, охватывая дрова, припасы, спальные мешки и другие вещи. В лагере начался пожар.

Несмотря на лютый холод, я была вынуждена снять полушубок, когда поняла, что меховой воротник начал гореть. Я осознала, что если не попытаюсь остановить огонь, мы останемся без всего в зимнем лесу, и наш исход будет предрешен...

Однако Кригер и Йана успели воспользоваться ситуацией, добив раненых животных и поспешив к нам на помощь. Хотя на земле все еще лежали тела, охваченные пламенем, варги, которых теперь было хорошо видно за деревьями, не собирались отступать. Оставались еще две особи, которые выжидали подходящего момента для атаки и вскоре его нашли.

Как только костер окончательно погас, они бросились к нам, не давая времени на передышку. Один из них нацелился на шею Кригера, но орк успел защитить себя рукой, однако, потеряв равновесие, упал в сугроб, продолжая бороться с тварью.

Йана, помогая обессиленной Аде, едва успела сделать порез на морде варга, как из леса с громким тьявканьем выскочила знакомая нам лисица. В два прыжка она взобралась на спину волка и вцепилась ему в загривок. Снова раздался пронзительный вой, разносящийся над лагерьем. Варг крутился, пытаясь сбросить с себя лисицу, но та крепко держалась за его шкуру, царапая когтями до самой плоти.

Короткий, но ожесточенный бой закончился, когда лиса, значительно ослабив противника, ловко спрыгнула в сугроб. Кригер, одержавший победу в рукопашной схватке, поспешил оттащить от нас готового сражаться до конца зверя. Перехватив клинок эльфийки, он одним ударом отсек ему голову.

Все затихло.

Даже ветер, казалось, умерил свой зловещий вой. Я оглядывала остатки нашей стоянки. Часть вещей я не успела спасти, и мы остались без запаса теплой одежды и сушеных трав. Тюфяки тоже пострадали от огня, но в целом наши потери оказались не такими катастрофическими, как могло бы быть.

— Все в порядке? — хрипло спросила София, уже успевшая вернуть себе человеческий облик.

Она выглядела устрашающе: изможденная, с диким взглядом и окровавленным лицом. София с отвращением сплюнула комок шерсти, вырванный с плотью, и вытерла рот рукавом, только сильнее размазывая кровь.

— Кажется, да... — выдохнула Йана, тяжело дыша.

Эльфийка держалась за предплечье, на ее голени виднелись глубокие следы от укусов. Кригер выглядел еще хуже: его правая рука была полностью залита кровью, и он явно не мог ею пошевелить. На боку сквозь разодранную одежду проступало кровавое пятно, а ногу он волок за собой.

София метнулась к нему, но он отрицательно покачал головой.

— Им помощи лучше, — пробормотал он.

Наставница не стала спорить и подбежала к нам. Осмотрев Каталину, она решила, что у нее сильный шок, и посоветовала оставить ее в покое. Затем она быстро проверила меня и, убедившись, что кроме небольших ожогов серьезных травм нет, переключилась на Аду и Йану. Когда зеленые искры начали затягивать их раны, эльфийка с облегчением выдохнула, чувствуя, как боль отступает.

София тем временем обратилась к дрожащей Аде. Девушка сидела потрясенная и, казалось, шокированная.

— П-простите... — вдруг всхлипнула она.

— Что случилось? Болит что-то? — встрепенулась София, пристально глядя на нее, но Ада лишь покачала головой. Я заметила, что она сжимает что-то в руках, и мое сердце сжалось от дурного предчувствия.

Она сидела у потухшего костра. Раскрыв ладонь, показала потрескавшийся, медленно тускнеющий пульсар. Все молча уставились на нее, понимая, что это означает.

— Моя магия не проходит через него, — снова всхлипнула Ада. — Раньше, как только я брала его, он наполнялся моей силой, а теперь это... это как пытаться удержать воду в сите...

— Дитя... — выдохнула София, и в ее глазах отразилась тревога.

— П-простите, это моя вина, — всхлипнула она снова.

— Ты спасла нас, — серьезно сказала Йана, без тени иронии или насмешки. — Если бы не тот огонь, мы вряд ли смогли бы отбиться от такой огромной стаи. Их было слишком много...

— Это мне следует извиняться, — вздохнула Оре. — Я чувствовала их каждый раз, когда уходила в лес. Они следовали за нами, но, видимо, пульсар сдерживал их. Сумеречные варги всегда боялись огня.

— Но этот привал ничем не отличался от других, — заметила я. — Почему варги напали именно сегодня?

— Варги умны, — ответил орк. — Очень умны и хитры. Они изучали нас, знали, что мы истощены дорогой, и выбрали самый слабый момент для атаки.

Меня передернуло от нахлынувшей вины и злости.

— Что же нам теперь делать? Без пульсара мы не сможем пойти.

— Мы недалеко. Если пойдем налегке, оставив все лишнее, — сказал орк после некоторого раздумья, — в течение дня доберемся. Возьмем только самое необходимое.

Все обреченно кивнули. Эльфийка быстро пришла в себя, и они с Софией развели огонь и сделали укрытие от снега, чтобы сохранить тепло. Без маналита это стало критически важным. Ада отпаивала Каталину бодрящей настойкой, помогая девушке прийти в себя после потрясения. Я, как обычно, старалась не мешаться под ногами, выполняя поручения.

Пока они разбирали вещи, выбрасывали поврежденные огнем предметы и оттащивали волчьи трупы в отдельную кучу, я наблюдала за Кригером. Сначала мне показалось, что он просто гладит свои раны здоровой рукой, но потом заметила, что они заживают.

— Ты не говорил, что умеешь использовать магию созидания, — удивилась я, протягивая ему бинты, пропитанные целебной настойкой, которые София приготовила из остатков трав.

— Это не магия, — коротко ответил он. — Это искусство управления телом. Каждый из нашего народа владеет этим с рождения. Это как дышать или ходить. Такие раны мне легко исцелить самому.

— То есть бинты тебе не нужны? — уточнила я и усмехнулась, когда Кригер все же взял ткань и приложил к ранам.

— Я не понимаю, почему они так яростно сражались, — сказала я, глядя в лес. — Обычные звери, увидев сопротивление, не бьются насмерть... как люди. Их инстинкт выживания сильнее этого.

— Причины могут быть разные, — задумчиво ответил Кригер. Он прислушался к чему-то и напрягся, как охотничий пес. — Голод, потеря территории в стычке с другой стаей или...

Он поднялся, слегка покачнувшись, но я все равно была поражена его выдержкой. После всего, что произошло, у него остались силы не только стоять на ногах, но и передвигаться.

Кригер махнул мне рукой, призывая следовать за ним.

— У тебя при себе игнеон? — спросил орк, и я утвердительно кивнула. — Держи его наготове.

— Что ты...

— Делай, как я говорю, — сказал он с такой серьезностью, что я не решилась возразить.

Мы удалялись от лагеря все глубже в лес, и я старалась не отставать от Кригера, опасаясь нападения из темноты. Он, подобно кораблю, разрешающему водную гладь, шел через глубокий сугроб, оставляя за собой тропинку. Когда свет костра почти исчез среди деревьев, Кригер внезапно остановился, и я врезалась в него.

Я начала возмущаться, но орк проигнорировал мои слова.

— Как я и думал... — в его голосе звучала глубокая печаль.

Выглянув из-за его плеча, я попыталась разглядеть то, на что он смотрел, но в сумраке леса ничего не было видно. Однако я услышала писк и тоненькое поскуливание.

— Это... это что...

— Да, — он тяжело вздохнул. — Это щенки сумрачных варгов.

Кригер наклонился к огромным корням, и к писку добавилось раздраженное рычание. Он сделал какой-то жест, а затем, вспомнив о чем-то, добавил:

— Прости. Я забываю, что люди видят в темноте не так хорошо, как орки, эльфы или сварги. Подожди немного, твои глаза скоро привыкнут к полумраку.

Он оказался прав: мои глаза действительно быстро адаптировались к темноте, и я разглядела силуэты, которые сильно отличались от обычных щенков не только размерами, но и формой. Сначала я заметила маленькие глазки, переливающиеся от лилового к зеленому. Затем увидела очертания непропорционально больших голов с торчащими острыми ушками, большие лапы с намеком на когти и длинные пушистые хвосты.

— Что, варги бывают разные? — неожиданно спросила я. — В книгах их всегда изображают однотонными — белыми или серыми, поэтому я даже не думала, что они могут быть разными по окрасу.

— Конечно, — ответил он. — Вот эти, которых ты видишь... хотя ты их пока не видишь... В общем, у них бурый окрас с разноцветными пятнами, чтобы прятаться в подлеске. Сумрачные леса так называются из-за густой растительности, которая почти не пропускает свет. Есть варги, которые живут на снежных равнинах, — они белоснежные с красными глазами, без пигмента, чтобы не ослепнуть от снега. А горные варги серые с черными полосками, чтобы сливаться с камнями. Они самые опасные среди своих сородичей. Ты никогда не заметишь их, пока они не покажут себя. Обычно это последнее, что ты видишь в своей жизни.

Мне пришлось поверить ему на слово, потому что кроме темных силуэтов с зеленоватыми глазами я так ничего и не разглядела. Но насчитала шесть щенков.

— И что нам с ними делать? Оставить их здесь просто так мы не можем.

— Не можем, — согласился орк.

— Я не уверена, что у нас хватит припасов, чтобы их выкормить, да и потом...

— Нам придется их убить, — спокойно произнес Кригер.

— Убить? — растерялась я. Хотя в его голосе не было равнодушия, от того, что он не оставлял места для возражений, становилось еще паршивее. — Как можно, они же совсем маленькие! Как можно быть столь жестоким и бессердечным? Чем они это заслужили?..

— Это не жестокость, а милосердие, — невозмутимо ответил Кригер. — Когда матриарх варгов вступила в битву, это был знак крайней безысходности стаи. Вероятно, они просто не могли выходить потомство. Может, лес им был незнаком, может, в этот сезон не хватало дичи. Кто знает. Но факт остается фактом — они не выживут. Если их найдет другая стая, загрызут

сразу же, как учуют. Или ты думаешь, что оставить их на верную гибель от холода и голода милосерднее?

Я колебалась. Ну вот опять. Снова несправедливость. Умом я понимала, что мы были вынуждены защищаться от их родичей, когда на кону стояло наше выживание. Но, глядя на щенков, не подозревающих о своей участи, глаза наполнялись слезами.

— Кроме того... Даже если Великая Мать каким-то чудом сможет защитить их, — продолжил орк, обращаясь ко мне, — нам это выйдет боком.

— Почему?

— Варги — существа крайне разумные, — повторил Кригер. — Многие говорят, что у них есть душа, и я склонен верить в это.

— И что это означает?

— У них отличная память. Они запоминают тех, кто причинил им вред, и, как одержимые, ищут своих обидчиков, пока живут. Любой из этих щенков, когда вырастет и соберет свою стаю, почувствовав запах одного из нас, будет преследовать нас, пока не отомстит за матриарха.

Я судорожно выдохнула. Да... я читала об этом в книгах. В северных легендах рассказывалось, как варги, верные спутники воинов-северян, после смерти своих хозяев мстили за них. Но теперь эти легенды стали пугающей реальностью...

Я вытерла слезы тыльной стороной ладони. Рука крепко сжала игнеон.

— Хочешь сама это сделать? — спросил орк, вероятно, неправильно истолковав мой жест. Я яростно замотала головой и передала ему пистолет, как нечто отвратительное.

Кригер спокойно проверил оружие.

— Разве... разве их не испугает выстрел и они не разбегутся? — спросила я с надеждой в голосе.

— Нет, — покачал головой мужчина. — Думаю, им всего несколько недель от роду. Они еще глухие и подслеповатые. Ориентируются только на обоняние. Иначе бы они удрали, как только мы приблизились.

— Почему же тогда они нас не почуяли?

— Почуяли. Просто мы в волчьей крови, запах их стаи перемешался с нашим. Потому надо действовать, пока они не поняли, что мы не их родня.

Он прицелился в одного из волчат. Щенок скалился, понимая, что что-то не так, но старался выглядеть храбрым перед братьями и сестрами.

Когда орк нажал на курок, я заметила, что он колебался. Затем он тяжело вздохнул, пробормотал что-то и...

Выстрел.

Второй.

Третий...

Я отвернулась, зажмурившись и закрыв уши. Не из-за громких выстрелов, а чтобы не слышать жалобный предсмертный визг.

«Так надо», — повторяла я себе.

Еще два оглушительных выстрела.

«Это милосердие...» — твердила я, пока слезы текли по щекам.

Когда затих последний выстрел, Кригер быстро отвернулся и протянул мне игнеон.

— Идем, — хрипло сказал он и пошел вперед, не дожидаясь меня.

Я сжимала дрожащий пистолет, борясь с желанием выбросить его в лес и больше никогда не брать в руки оружие. Но шорох из кустов заставил меня вздрогнуть и направить игнеон на источник звука.

Из-за колючих веток на меня смотрели лилово-голубые огоньки. Мое сердце сжалось. *Еще один...*

Щенок варга, отбившийся от стаи, рыча, смотрел на меня. В его маленьких глазках читалась ненависть, что можно было встретить у человека, не у зверя. «Он не успокоится, пока не найдет меня и не отомстит...» — вспомнила я слова Кригера. Но глядя на последнего оставшегося в живых щенка, я не могла нажать на курок.

«Прости... — думала я, опуская пистолет. Если Кригер прав, то теперь у меня появился смертельный враг, который запомнит это и не простит. Зато он будет жить. — Постарайся выжить, малыш...»

— Чего ты там копаешься? — окликнул меня орк, не оборачиваясь.

— Иду, — ответила я, бросив на щенка последний взгляд, полный сожаления.

Глава 7

Первый день второго месяца весенней поры обещал быть прекрасным и солнечным, он знаменовал начало праздника Весенних Волн — одного из главных торжеств Веаса. Считалось, что с приходом второго месяца море успокаивалось, зимние штормы отступали перед весенним солнцем, а теплые течения возвращались к берегам, предвещая начало нереста. Это позволяло рыбакам спокойно заниматься своим делом вдоль побережья, не уходя далеко в открытое море.

Праздник обновления, праздник весны. Семьи отмечали успешно пережитые осень и зиму. Гуляния продолжались всю неделю: песни, танцы, выступления бродячих артистов, соревнования менестрелей, крепкие зимние вина и красавицы, сменившие теплые наряды на легкие. Я любил этот праздник. До этого дня.

Когда я увидел, как тело Максимилиана выносят из замка и процессия медленно движется к костру, где через несколько минут должен вспыхнуть погребальный огонь, мне показалось странным и нелепым, что в городе, украшенном гирляндами и цветами, люди пьют, едят и веселятся. Более того, это выглядело оскорбительным по отношению к памяти о Хане.

Я стоял у основания деревянного помоста рядом с отцом, Альберто и Андре. В некрополе собралось немало людей — настолько, что многим пришлось встать у замковых ворот. Даже на похоронах матери было меньше. В связи с предстоящим Гранд-Консилиумом в Мар-де-Сеаль прибыли главы Малых Домов с сопровождающими их семьями. Отличный шанс встретить всю элиту Веаса в одном месте. Наверняка многие займутся сплетнями и интригами, продолжая свое праздное существование, пока мы с Эстебаном будем изо всех сил пытаться сохранить нашу провинцию.

Будь моя воля, я бы не позвал сюда и половину из присутствующих. Особенно *его*... Я бросил взгляд на Лео, и меня снова передернуло от отвращения. Отец предупреждал, что жизнь в Столице меняет человека, но не до такой же степени. Его взгляд и поведение кричали о стремлении подражать высокомерным имперцам, быть *достойным гражданином*. Он даже не потрудился надеть алые траурные одежды, гордо щеголяя в доспехах золотого гвардейца.

Впрочем, Леонард был не единственным, кто решил пренебречь нашими традициями, — этот эмиссар, сервитуарий и его подчиненные, высшие офицеры Четырнадцатого Легиона, тоже нарушили их.

Когда мимо меня пронесли гроб Хана и поставили на помост, я бросил короткий взгляд на наставника. Мне казалось противоестественным то, что сделали с его телом братья Ордена. Сначала я даже усомнился в его смерти, но теперь все будет так, как должно быть... Жаль только, что Максимилиана никогда не будет рядом.

Вместе с телом на костер по традиции отправлялась памятная вещь или оружие, а в глазницы вставляли драгоценные камни — марион и темпесис, чтобы душа могла найти путь в морских пучинах. Согласно поверьям, те, кто не мог этого сделать, оставались между жизнью и смертью во владениях Морской Ведьмы и обрекались на вечные муки.

Я никогда не был так религиозен, как отец, который после смерти матери под влиянием Софии Оре нашел утешение в вере в Старых Богов. Это помогало ему жить дальше, хотя я считал это иррациональным. Но теперь начал понимать, как люди приходят к вере. Никакие усилия Империи исправить человеческую природу не помогут: никому не хватит одного лишь рассудка, чтобы справиться с теми испытаниями, что посылает судьба.

Эстебан взял факел из жаровни рядом и поднял его, привлекая внимание собравшихся. Он обладал харизмой, которая заставляла всех повиноваться ему, будто он делал это только силой мысли.

— Сегодня нас собрал печальный повод, — начал Эстебан, обводя присутствующих взглядом. Казалось, что даже ветер и море притихли, прислушиваясь к его словам. — Я надеялся больше не стоять здесь, поднимая огонь, который должен отправить в последний путь тех, кого судьба разлучает с нами, как шторм разделяет корабли в океане. Жизнь иногда преподносит неожиданные сюрпризы. На этом кладбище лежат мои предки. Я похоронил отца, когда мне исполнилось шестнадцать. Потом брата, его супругу и наследника, который не увидел свет. Следом похоронил возлюбленную супругу... — при этих словах Эстебан остановился, и его взгляд затуманился от горя. — Теперь я хороню здесь одного из величайших мастеров меча, мудрого наставника, верного подданного и дорогого друга.

Слова его пробирали изнутри, подымая внутри горечь скорби, а вместе с ней и ярость. Я снова посмотрел на брата и имперского наглеца рядом с ним. Клестус Кайрос не пытался выглядеть участливым, а лицо Леонарда было непроницаемой маской, скрывающей как злорадство, так и безразличие, и скорбь... Нет. Этот ублюдок, готовый пресмыкаться перед имперцами, не имеет права на скорбь.

— Смерть Максимилиана Хана стала для нас не только трагедией, но и полной неожиданностью, — продолжал Эстебан. — Несмотря на свой преклонный возраст, он продолжал служить нам верой и правдой. Это ужасная участь, но не каждый достоин смерти при выполнении своего долга и своей клятвы, которой Максимилиан оставался верен до последнего вздоха. Даже в последние мгновения жизни он проявил свою верность и преданность — те качества, которые Дом Кустодес ценит превыше всего.

Мне показалось, что при этих словах лицо Лео дрогнуло.

— Пусть же Максимилиан Хан, член Дома Кустодес, останется в нашей памяти как вечное напоминание о том, что наша сила заключается в самоотверженной стойкости, способности соблюдать присягу и действовать ради защиты нашего дома!

С этими словами Альберто поднял шпагу вверх, и я сразу понял, чего он добивается. Подражая ему, я вскинул свой клинок, и солнечные лучи отразились от его поверхности, заставив его засиять подобно волшебным мечам из легенд. Один за другим, без единого слова меча и рапиры поднялись из толпы. Я узнал каждого из них — Андрэ, Марсель, Стефано, Патрик, Этьен... Все те, кто когда-то учился у Хана.

Многие присутствующие с удивлением смотрели на своих соседей, которые внезапно начинали поднимать оружие, один за другим. Даже Эстебан выглядел ошеломленным, увидев перед собой целый лес лезвий, устремленных в небо. Он тоже понимал, что это значит, и в его глазах мелькнуло недовольство, когда наши взгляды встретились. Но я продолжал смотреть твердо, ожидая завершения погребальной церемонии.

Когда огонь начал охватывать помост, сначала поглощая сухие ветки и траву, затем промасленные тюфяки с сеном и наконец тело, мы все одновременно подняли наши кинжалы и даги¹, проводя ими вверх по лезвиям. Над скалой раздались резкие металлические звуки, посыпались искры. Так мы выражали свое уважение к павшему в бою достойному противнику.

Эстебан строго запретил нам демонстрировать недовольство смертью Хана, чтобы эмиссар и другие представители империи не увидели нашей непокорности. Все должно было пройти безупречно, и даже слова, хоть и тронули мое сердце, были заранее отрететированы. Но Альберто нашел способ меня удивить. Я жалел лишь о том, что не додумался до такого изящного акта неповиновения сам.

Теперь, глядя на недоумение эмиссара, я не жалел, что нарушил планы отца. Мы должны показать имперцам, что, несмотря на их юридическую власть, до наших сердец и традиций им не дотянуться.

¹ Дага (исп. daga «палаш, кинжал») — кинжал для левой руки при фехтовании шпагой, получивший широкое распространение в Европе в XV—XVII веках.

Интересно, что чувствовал Лео, наблюдая за происходящим? В отличие от эmissара, он все же был *его учеником*... Я ожидал увидеть в нем такое же негодование, как у его «хозяина», но обратил внимание, как сильно тот сжимает свои клинки. «Неужели... он до последнего сопротивлялся, чтобы не отдать честь Хану вместе с нами?» — промелькнуло у меня. Казалось, что это подействовало на него сильнее, чем на Клестуса и гвардейцев на похоронах. Могло ли быть так, что он сожалел о том, что своими руками отнял жизнь у наставника, которого уважал больше отца?

Нет, просто показалось. Я пытаюсь наделить его чертами, которые были в нем до отбытия в столицу. За несколько дней после их приезда мы несколько раз пересекались, в основном по вопросам службы. Он интересовался планировкой крыла для Клестуса, рассказывал о патрулях преторианцев и просил замковый гарнизон быть в курсе, постоянно вынюхивал сведения, несомненно, для эmissара. Он вел себя как имперец, говорил и думал как имперец. Чем больше мы общались, тем яснее я понимал, как мало в нем осталось от моего брата.

После того раза, когда мы попытались поговорить, он больше не заводил беседу о личном, будто презирал. Ну еще бы: какое дело до семьи тому, кто думает только о себе... Я пробовал донести до Лео, как важно, чтобы после обязательной службы он вернулся, но брат, видимо, решил, что это просто наша с отцом прихоть.

Имперцы легко обещали ему величие и богатую жизнь. Зачем выбирать дом, где от тебя ждут непосильного труда, если можно сидеть в Столице, развлекаться и защищать интересы патрициев?

Я моргнул. Огонь выгорел и оставил на том месте, где только что лежал Максимилиан, лишь горстку пепла да два камня, не тронутые жаром. Вот и все. Все, что осталось от него...

Подошедшая Ариана незаметно встала рядом, положив руку мне на локоть — жест поддержки, которую ожидали от благочестивой супруги. Но мне лишь захотелось отстраниться — ее пальцы были холодными.

Когда церемония завершилась, часть гостей начала покидать некрополь, другие подходили к могиле, где должна быть захоронена урна с прахом Хана, — выразить признание и сказать на прощание несколько слов, к нам подошел Клестус Кайрос, а за ним следовал золотой гвардеец.

— Какая проникновенная речь, герцог, — заметил Клестус. — Я впервые вижу веасийские похороны и должен сказать, они впечатляют.

— Благодарю, господин Кайрос, — ответил Эстебан, не отрывая взгляда от урны.

— А жест, который сделал маркиз и некоторые другие дворяне, — продолжал эmissар, словно размышляя вслух. — Это тоже традиция?

Прежде чем я успел вставить язвительную реплику, Ариана мягко, но уверенно сказала:

— Это часть дуэльного кодекса, господин эmissар. *Respeto antes de la muerte*. Честь перед смертью.

Мне пришлось выдавить из себя улыбку, демонстрируя гордость за знания жены в области дуэльных традиций, но, накрыв ее ладонь своей, я предупреждающе сжал пальцы. Ариана даже бровью не повела.

— Удивлен, госпожа, — цепкие глаза эmissара усталились на нее с хищным любопытством, — что вы так хорошо в этом разбираетесь. Обычно... хм, слабый пол не проявляет интереса к оружейному мастерству.

Ариана либо не замечала его опасного внимания, либо намеренно игнорировала мое предупреждение.

— Мой супруг — большой знаток дуэльного кодекса, — она слегка сжала мой локоть в ответ, и ее голос прозвучал сладко, но для моего уха — ядовито. — Правда, в последнее время он *больше времени уделяет* корабельным журналам, чем рыцарским трактатам. *Обязанности* вице-адмирала отнимают все его время, даже отрывают от семьи.

Меня охватила ярость. Она выставила меня равнодушным службистом перед этим столичным выскочкой. Нужно было срочно вмешаться в разговор и показать, что нам сейчас некогда играть в его игры.

— Прошу прощения за мою супругу, — язвительно произнес я, — женщины порой слишком остро реагируют на недостаток мужского внимания. У каждого из нас свой долг: у нее — перед семьей, у меня — перед страной. А долг превыше всего.

— Как... любопытно, — улыбка Клестуса не предвещала ничего хорошего. Судя по всему, у имперца зрел какой-то план. — Тяжело, должно быть, совмещать обязанности супруга и офицера...

О, Боги, надеюсь, наступит день, когда я смогу вмазать по этой довольной роже...

— Если вас интересуют особенности нашей культуры, — процедил я, надеясь сменой темы уйти от ненужных расспросов, — могли бы спросить это у Хранителя Чести. Он *прекрасно знает*, что это значит.

— Вот как? Леонард, объясните мне, пожалуйста.

— Это знак уважения к проигравшему оппоненту на дуэли насмерть, — коротко ответил Леонард.

— Вот как... Жаль конечно, что веасийцы выказывают почтение *предателю и убийце*...

Я опешил, даже Ариана едва слышно ахнула. Да как ему хватило наглости говорить такое прямо у могилы Хана...

— Чего вы хотели, эмиссар? — со вздохом спросил Эстебан, решив, наконец, удостоить имперца взглядом.

— Я понимаю, у вас горе, однако, как сказали недавно, долг превыше всего, — стекла очков зловеще блеснули. — Люсьен Монрес и его старший сын наконец-то прибыли, значит, Гранд-Консилиум вот-вот начнется, я прав?

— Сейчас у нас важный для региона праздник — Весенние Волны. По нашим обычаям, подобные дела не принято решать в это время, иначе весь год пройдет в заботах... — Эстебан сухо улыбнулся. — Традиции, как вы видите, очень чтятся на юге. Нет, я, разумеется, могу нарушить их и созвать совет хоть завтра, но не думаю, что Малым Домам понравится, что я действую по указке... *кхм, чужеземца*.

Должен признать, отец отлично справлялся с подобными играми. Вероятно, это был результат его службы в гвардии — он, несомненно, имел богатый опыт общения с чинушами, что позволяло ему понимать, на какие аспекты можно давить, а на какие нет. Главное, чтобы эта гибкость не была истолкована как слабость.

— Вот как, — задумчиво протянул дипломат. — Вы, безусловно, правы. Уважение к традициям — это основа Имперских Истин... Неразумно разрушать основу, на которой стоит здание. Если, конечно, это не *основание картонного домика*. Поэтому... я хотел бы получить расписки и учетные книги с записями о военных расходах за последние два года.

— Эти документы засекречены, — я оскалился, чувствуя, как Ариана вновь сжимает мой локоть, пытаюсь удержать меня.

— Что может быть секретного в цифрах, которые вы ежегодно отправляете в гильдии Потентациума? — усмехнулся Клестус. — Если, разумеется, нет каких-то... *неучтенных* моментов.

— Поясните?

— Мне поручено выяснить, почему произошла ситуация с разбойниками в прошлом году. Почему Великий Дом, который вкладывает столько средств в независимую от Империи военную структуру, не может сам за себя постоять?

— Мы ловим этих негодяев уже много столетий, но *крыс*, знаете ли, очень сложно истребить. Они имеют свойство *размножаться*, — процедил я в ответ.

— Может, стоит сосредоточиться на поиске *крысиного гнезда*? Вместо того чтобы тратить время на новые яды и полчища крысоловов, которые все равно не справляются со своей задачей?

— Возможно, стоит обратить внимание не на веасийскую армаду, а на Четырнадцатый Легион? — возразил я, всеми силами умиряя гнев. — Почему гвардия рассматривает запросы о помощи по несколько недель, прежде чем дать ответ?

— Не беспокойтесь, Империя проведет расследование с обеих сторон, — заверил меня Клестус.

— Но, полагаю, виновные будут найдены только у нас?

Эстебан бросил на меня взгляд, снова намекая, чтобы я держал язык за зубами. Как же это все надоело... Когда я стану герцогом, никто не будет указывать мне, что говорить, а что нет. Если он готов терпеть такие насмешки — это его дело. Но я не собираюсь мириться с таким отношением к представителю Великого Дома.

— Виновные будут найдены и наказаны независимо от стороны, маркиз. Я вас уверяю, — вкрадчиво произнес Клестус, но его улыбка померкла.

Ну что ж, запишу это своей первой победой.

Эмиссар откланялся и быстро направился в замок. Лео молча последовал за ним, не произнеся ни слова, пока к нему не обратились.

— Не оставишь нас ненадолго, дорогая невестка? — учтиво спросил Эстебан, глядя вслед имперскому посланцу.

— Как пожелаете, Ваше Высочество, — она присела в реверансе.

Герцог дождался ее ухода и только после этого снова посмотрел на меня.

— Если ты продолжишь быть таким напористым, добром это не кончится, — хмуро заметил Эстебан.

— А если ты продолжишь быть таким мягкотелым, тебя размажут, как земляного червя. Отец устало потер переносицу.

— Я уже говорил тебе — это всего лишь слова, Валентин. Сами по себе они не могут причинить вред. Это может сделать только тот, кто их произносит. Это как фехтование, дуэль. Учись предугадывать действия противника, чтобы быть готовым к его выпадку, и тогда он никогда не достигнет тебя.

— Те, у кого не хватает смелости или силы взять в руки меч, только и могут орудовать *колкими* фразами, — вспыхнул я. — Одними словами ничего изменить, если за ними не стоят решительные действия.

— Порой одно-единственное слово может нанести больше ущерба, чем целая армия, — мрачно сказал Эстебан. — Учись быть осторожным и учтивым, даже когда не хочется. *Особенно*, когда общаешься с тем, кто тебе неприятен. Это важнее, чем владение шпагой.

— Будь я герцогом, я бы не позволил никому обращаться с тобой так, — я гневно сжал кулаки. — Ты же из Великого Дома, как можно позволять этому имперцу вытирать о тебя ноги каждый раз!..

Но отец лишь печально покачал головой.

— Ох, если бы не твоя прямолинейность... Я бы уже давно ушел в отставку. Возможно, нянчил бы внуков, — он посмотрел на Ариану, словно и в ней тоже была доля вины. — Но, видимо, мне придется нянчить своих детей...

— Ты серьезно собираешься принять это нелепое условие о браке?

— Пока это самое невинное из того, что нам предлагают. Нужно идти на уступки, чтобы нам тоже шли навстречу.

Я сжал кулаки от гнева.

— Ты ведь не собираешься отсылать Ариану?..

— Если ты так и будешь игнорировать жену в пользу в пользу своего *времяпрепровождения* в компании сослуживцев... — герцог многозначительно посмотрел на меня.

— Это просто грязные слухи, — я вспыхнул. Как мог отец хотя бы на мгновение допустить подобное?

— Уж лучше бы их не было. Потому что иначе даже последний дурак поймет, что ты собираешь армию втайне от Имперской Гвардии, — Эстебан стиснул трость. — Ты думаешь, что он запросил отчеты просто так?

Я замолчал, не найдя слов. Где же я допустил ошибку? Мои действия были направлены на то, чтобы не обращаться лишней раз за помощью к легиону, и для этого я пытался ловко обходить ужесточающие законы о личных и городских гарнизонах...

Внезапно я почувствовал, как отец положил руку мне на плечо. Этот простой жест, призванный показать, что он готов разделить мою ношу, вызвал лишь смятение.

— Вал...

Я поднял взгляд на встревоженного отца.

— Твое назначение вице-адмиралом и те нововведения, которые ты внедрил в наш флот и гарнизоны, действительно раскрывают твой талант. Ты снизил уровень преступности в городах и переловил достаточно пиратов, чтобы оставить след в истории. Однако вокруг тебя не всегда будут только подчиненные, вынужденные повиноваться твоим приказам. Идея собрать Гранд-Консилиум была твоей. Это *твое решение*, как будущего герцога. Ты потерпел неудачу, не успев созвать его до вмешательства Империи. Я сделал все возможное, чтобы отложить совет. Используй это, чтобы доказать всем, что ты способен стать правителем, который приведет нашу провинцию к процветанию. Покажи, что ты не только военный, но и слуга своего народа, мудрый, терпеливый и готовый выслушать и помочь. Докажи мне, что ты достоин чести занять это место, когда придет время. Сейчас нам нужно найти способ поскорее избавиться от имперцев и сосредоточить все силы на поисках твоей сестры. Если мы с тобой не будем едины во мнениях, то и Малые Дома никогда объединить не сможем.

— Понимаю, — с трудом выдавил я.

— Тогда проверь все отчеты. Каждую строчку, прежде чем он их увидит, — отец удалился, оставив меня наедине с тяжелыми мыслями.

— Вы закончили? — Ариана появилась неожиданно и снова попыталась взять меня за руку, но я резко отдернул ее.

— Зачем ты это сказала? — зашипел я вполголоса. — Про корабельные журналы и семью? Ты понимаешь, как это выглядит?

— Я просто констатировала факт, — она подняла голову с вызовом, и в ее голубых глазах не было и тени раскаяния. — Или ты предпочитаешь, чтобы твоя супруга на публике молчала, как тяжелое украшение на твоей шее?

— Пойдем, — бросил я и направился к замку.

Пока я был в мыслях о том, сколько из-за ее болтовни о моей «занятости» мне прибавилось работы на этот вечер, жена шла рядом. Я не видел ее лица, но кожей ощущал ее высокомерие и недовольство. Попытки публично приструнить и пристыдить меня нужны были только чтобы вновь поднять тему, которая беспокоила ее всю последнюю неделю — что наш брак на грани разрыва.

Она ворвалась ко мне в тот же вечер, когда прибыл эмиссар, и разразилась истерикой, утверждая, что не хочет быть «кобылой», которую можно покупать и продавать по своему усмотрению, и что развод станет для нее и всей ее семьи настоящим позором.

— Ты же понимаешь, что ни один уважающий себя мужчина не возьмет использованный *пустоцвет* в жены! — орала она так, что, наверное, весь замок ее слышал.

Я же в тот момент думал только об одном: как быстро она смогла узнать то, что обсуждалось за закрытыми дверями? Никому невыгодно было разглашать информацию раньше времени во избежание подобных эксцессов.

— Никто ничего не будет расторгать, — раздраженно сказал я, устав успокаивать ее.

Она внезапно замерла и даже перестала плакать. Ее голубые глаза расширились от ужаса.

— Значит, меня ждет... — прошептала она почти театрально, прикрывая рот рукой.

— Упаси Старые Боги, нет, конечно! — я был сыт по горло этими истериками. Я поднялся с кресла, не желая больше терпеть ее присутствие. — Ты моя жена. Никто не причинит тебе вреда, не отошлет и не расторгнет наш брак. Клянусь тебе.

— Ты говоришь это, потому что я тебе дорога? — спросила она, сузив покрасневшие от слез глаза. — Или потому что тебе дороги наши земли?

— Не задавай вопросов, на которые не хочешь услышать ответ, — мрачно пригрозил я.

С тех пор, кроме официальных мероприятий, на которых она должна была присутствовать, Ариана ни разу со мной не заговорила. Вероятно, она считала это наказанием, хотя для меня это стало настоящим облегчением.

Наконец-то, избавившись от необходимости угождать ей, я смог сосредоточиться на других делах. Но сейчас гнев не давал мне ясно мыслить, а ее молчание только усиливало раздражение. И когда я вошел в свои покои, чтобы найти часть отчетов, и она последовала за мной, я хлопнул дверью с такой силой, что хрустальная люстра задрожала.

— Ты хоть понимаешь, что натворила? — я с ходу набросился на нее. Вся накопившаяся ярость, которую я сдерживал на похоронах, наконец вырвалась наружу. — Этот имперский шакал теперь будет копать в десять раз усерднее из-за твоего глупого спектакля!

— Я намекнула, что тебя никогда нет дома! — парировала она, снимая траурную накидку. — Или это тоже тайна? Ты должен быть рядом! Я не собираюсь сидеть сложа руки и смотреть, как ты своим безрассудством лишаешь *нас* будущего. Лишаешь *меня* будущего!..

— Не смей, — рыкнул я. — указывать мне, где мне быть! Пока я пытаюсь удержать эту провинцию от развала, твоя главная забота — не мешаться под ногами.

— Моя забота — будущее *твоего* Дома! — взвизгнула она. — Но ты, как и твой брат, думаешь только о себе! Один предал семью ради имперских побрякушек, а другой готов похоронить ее в бумагах и приказах! Может, тебе стоит примерить белый плащ? Ты бы прекрасно вписался в ряды холеных столичных эгоистов!

Имя Лео, брошенное ею в пылу ссоры, стало искрой, попавшей на пороховую бочку.

— Не сравнивай меня с ним! — я шагнул к ней. — Он *предатель*. Он убил Арно Монреса. Убил Максимилиана! У него на руках кровь, а у меня — ответственность, которую ты, кажется, вообще не в состоянии осознать!

— Да неужели? — язвительно выплюнула она. — О, поверь мне, моя ответственность не меньше твоей. И каждый день мне напоминают, что я до сих пор не смогла справиться с единственной задачей, ради которой я живу... Поэтому, чтобы ты знал, я намерена *любой ценой* сохранить свое положение, хочешь ты того или нет!

Я насмешливо фыркнул. Неужели в ее глазах угроза измены способна меня отрезвить и передумать?

— Да мне плевать, лишь бы ты не мешалась. Поверь, есть проблемы куда серьезнее. Неужели ты не понимаешь?

— О, я-то как раз понимаю все очень хорошо, Валентин, — она скрестила руки на груди, злобно сверкнув глазами. — Хоть ты и считаешь меня дурой, но я-то вижу, как трещит по швам твой Великий Дом. Сестра исчезла, брат стал врагом. Остался только ты. А если у твоего отца появится новая жена, что даст другого наследника, более *покладистого*, кто знает... Может, сервитуарии сумеют воспитать его лучше, чем тебя...

Я схватил ее за щеки с такой силой, что она в страхе вцепилась в мою руку, пытаюсь ослабить хватку. Еще одно ее слово, и я уже не смогу сдержаться. Плевать. Жену всегда можно найти. У Эдуарда еще две дочери, им нужно подождать пару зим до брачного возраста... Или, возможно, стоит обратить внимание на Ривьеру или Фальконе? С торговцами всегда можно договориться о выгодной сделке...

Никто *никогда* не сможет лишить меня титула герцога. Я пожертвовал всем ради этого, у меня не было выбора. Меня привезли сюда, когда я уже был готов стать кадетом, и я должен был доказать всем, чего стою. Меня заставляли жить в доме, который мне не нравился, учить язык, который я не понимал, заниматься морским делом, которое меня раздражало... Но я *должен* был это делать. Я должен был стать лучшим, чтобы не быть слабым. Сильными не рождаются.

— Ва... ле... н... тин... — едва прошептала она.

Я даже не заметил, как она оказалась на цыпочках. Ее лицо покраснело от напряжения, в глазах застыл дикий страх, а ногти впивались в мою руку, оставляя на коже красные следы. Кажется, еще мгновение, и я действительно мог вывихнуть ей челюсть. Пальцы разжались, и она рухнула на ковер.

— Возможно, это мне нужна жена, которая будет более *покладистой* и будет знать, что можно говорить мужу, а что нет, — произнес я, глядя на нее сверху вниз с презрительной усмешкой. — Еще раз посмеешь сунуть нос в мои дела, придется тебе прятать свое прелестное личико под вуалью. Я *ясно* выразился?

Она дрожала, уставившись на меня с оторопью, лицо отражало сомнения, страх и отрицание. Ее напускная храбрость рассыпалась о камень в моем голосе. Потребовалась минута, чтобы она смогла взять себя в руки. Она встала, отряхнулась и, подняв голову, посмотрела мне в глаза со всей возможной невозмутимостью:

— Дорогой супруг, если этот разговор окончен, могу ли я уйти?

— Да хоть на все четыре стороны, — я вздохнул, наливая себе бокал вина, надеясь, что алкоголь успокоит разгоряченную голову.

— Как вам будет угодно, — она отвесила реверанс и выбежала из моих покоев.

Я остался один с пульсирующей болью в висках и осознанием, что мне предстоит провести весь день за проверкой проклятых отчетов, и все это из-за нее. Не в силах сдержать порыв, я с силой толкнул стол. Чернильница подскочила, оставив темные пятна на лакированной поверхности, похожие на капли крови.

Нет, работа — единственное, что оставалось. Единственное, что имело смысл. Гнев сейчас не помощник...

После намека Клестуса о том, что Великий Дом юга в очень скорое время может впасть в немилость Императора, мне приходилось действовать куда осторожнее. С Дельмаром и Циско мы практически не встречались из опасений быть подслушанными.

Я попытался связаться с Аспиrom Фальконе, но, несмотря на его извинения, не получил конкретных новостей. Были лишь смутные слухи с севера, и я не представлял, что могла забыть Камилла в такой дали.

Предполагалось, что она могла отправиться вместе со своей подругой Адой Набелит в Мирем, но на восточном направлении была тишина. В Арденмуре, столице Остании и одном из двух крупных морских портов региона, не было замечено ни Камиллы, ни Софии, ни Каталины. Казалось, они исчезли бесследно.

Оставался еще Арракан, но я сразу исключил это направление: люди запада скорее с радостью передали бы ее имперцам — с Кустодесами у них давняя вражда. Кроме того, преодолеть опасный горный массив Солнечной гряды для четырех неподготовленных женщин было бы фатально.

Пока у нас было в запасе семь, нет, уже шесть дней, и нужно было сосредоточиться на грамотной стратегии. Эмиссар и его ручной золотой гвардеец играли в грозных инспекторов,

обещая проверки высшим чинам Белой и Серой гвардии, но я был уверен, что это для вида. Если эмиссар начал запрашивать наши отчетные бумаги, значит, вскоре доберется и до нас. И нужно, чтобы Веас предстал на Гранд-Консилиуме единым сплоченным механизмом. А до этого было ой как далеко...

Больше всего проблем с Монресами. Сеньор Люсьен был в куда худшем состоянии, чем я представлял. Старший сын Артур, недовольный, что отец все еще продолжает скорбеть по Арно, объяснил, что потеря любимого сына стала для него сильным ударом. А когда граф увидел Леонарда на одном из приемов в прошедшие дни, он чуть ли не с кулаками на него набросился, совершенно позабыв и о своем статусе, и о статусе Лео. Обезумевшего старика еле успокоили, а виновник с насмешливой ухмылкой наблюдал, как Артур пытается удержать отца от опрометчивого решения.

С тех пор граф Монрес смотрел на Лео с такой сильной ненавистью, будто хотел убить его взглядом. Более того, он категорически отказывался вести переговоры на условиях Империи, как и Арно, убежденный в том, что Империя хочет уничтожить их семью, и требовал голову Леонарда за голову сына.

Узнав о том, что наш брак на грани разрыва, Ареланы решили воспользоваться ситуацией. Рамиро предложил рассмотреть своих внучек в нам жены, чтобы забыть все разногласия между нашими Домами. А если Эстебан согласится хотя бы на один из таких браков, то открыто поддержит их семью и прекратит конфликты с северными и южными графствами, а также пойдет на уступки другим семьям. Например, Карронам, у которых были давнишние споры о территориях Дома Вейкорд, разделенных между Ареланами, Карронами и Ле Роями в уплату долгов. Несправедливо разделенных, по убеждениям Карронов.

Фальконе выдвигали невыполнимые условия для Торгового флота и требовали уплаты огромных издержек. Им было все равно, кто грабил земли прошлой зимой — Красный Синдикат или Империя, их интересовали только деньги. Как и всегда, впрочем...

Ле Рой и Ривьера держались очень осмотрительно, в первую очередь стараясь раздобыть максимум информации до начала обсуждений. Я был уверен, что они захотят получить больше мест в нашем флоте: обе семьи не имели прямого выхода к морю и всегда искали свою выгоду иным путем.

Ривьера создали сеть речного сообщения, которая охватывала почти все графства и даже выходила за пределы Веаса. Однако, несмотря на то что их корабли строились по собственным проектам, им все равно требовались плотники, верфи и древесина. Поэтому они тесно сотрудничали с Фальконе, Ареланами и Монресами и, вероятно, захотят более лояльного ценообразования от соседей.

Лишь мотивы Ле Роев оставались загадкой. Граф Франсуа никогда не вступал в открытые конфликты. Его родственники занимали выгодные позиции: их дочери удачно выходили замуж, они имели хорошие места при дворе и высокие должности как в военной армаде, так и в торговых картелях. Именно это и делало этот Дом наиболее опасным: никогда не знаешь, чего ожидать от человека, который молчит и наблюдает, как гриф за добычей.

Эти закулисные интриги утомляли меня сильнее, чем любая самая изматывающая воинская подготовка. Лучше бы уделял ей время, чем всей этой возне с бумагами... Но Дельмар строго следил за тем, чтобы я продолжал заниматься учетными книгами, прежде чем передать их эмиссару.

Вместе с Циско и Дельмаром мы провели целый день, проверяя все записи, чтобы убедиться, что не оставили следов, которые могли бы вывести эмиссара на наш заговор.

— Контр-адмирал Теодор Каррон рассказывал, что к нему недавно приходили преторианцы, — сказал Циско, потирая усталые от долгого чтения глаза. — Во главе с Его Крысейшеством.

Клестус, или, как мы его называли между собой, Его Крысейшество, получил это прозвище не только из-за вечного любопытства и желания совать нос куда не следует. Его внешность тоже была весьма характерной: худощавый, с вытянутым сухим лицом и бегающими глазами за стеклами очков, с этой своей гнусной улыбкой...

— И что понадобилось Его Крысейшеству от наших? — спросил я, отрываясь от очередной унылой отчетной книги.

— Похоже, адмирал Арелан не умеет держать язык за зубами, — устало ответил Циско, бросая стопку бумаг на стол. — Или просто не понимает, что даже малейшая деталь может быть использована против нас. Он рассказал, что кораблей в Западном Флоте больше, чем указано в бумагах. Точнее, объяснил, для чего нужны дополнительные припасы.

Я тяжело вздохнул. Вот что бывает, когда на высоких должностях нет своих людей. После того как Эстебан стал герцогом, он, чтобы задобрить недовольные Малые Дома, раздавал адмиральские звания, не заботясь о компетентности. С тех пор, как я стал вице-адмиралом, я начал назначать на должности тех, кому доверял, кто разделял интересы нашей страны, а не действовал только ради выгоды.

— Теперь понятно, с чего такое любопытство, — раздраженно заметил Дельмар. — Однако по бумагам все чисто. Как всегда — излишки списаны на брак, боевые потери или хищение пиратами.

— Может, скажем Кайросу, что мы отправляем в полтора раза больше провизии, потому что у Габриэля выросли аппетиты? — с сарказмом предложил Циско.

— А ты видел его живот? — хохотнул Дюфор. — Я не удивлюсь, если он объедает всю дивизию³¹!

Я прыснул от смеха. Габриэль Арелан, хоть и был славным малым и отличным капитаном в молодости, с годами стал менее осторожным и перестал обращать внимание на внешние угрозы. На палубу он не ступал уже много зим, предпочитая вести дела в штабе Западного Флота в Эль-Пуэрто. Конечно, он даже не подозревал о реальной обстановке во флоте и не знал, что можно говорить, а что нет.

Ситуация осложнялась тем, что только генерал-адмирал, которым становился каждый герцог, имел право воздействовать на всех высокопоставленных офицеров. И пока я — маркиз и вице-адмирал, подобные Габриэлю остаются выше меня по званию. Единственный способ воздействовать на таких — через подчиненных. Но пока безуспешно.

— Знаешь, Валентин, — сказал Дюфор, когда мы шли по замку несколько часов спустя. В руках он держал те самые отчеты. — Не нравится мне, что Империя становится все наглее. Но еще больше не нравится, что Эстебан позволяет ей это так спокойно.

— Согласен, — я задумчиво кивнул.

— Грегор никогда бы не допустил, чтобы среднеземец пришел сюда и диктовал свои правила, как нам жить, как думать и вести дела, — на лице старого моряка отразилось разочарование, от которого мне стало неуютно.

Мне всегда было неловко перед подчиненными из-за некоторых решений и поступков отца, когда он вел себя нелогично или игнорировал просьбы других. Это часто становилось причиной наших ссор, в том числе на Консилиумах. Иногда мне казалось, что я волна, которая пытается пробиться сквозь вековую скалу, но разбивается о незыблемую закоряченность, рассыпаясь множеством мелких капель. Снова. И снова. И снова...

Но может, стоит обрушить шквал на кого-то другого?

— Отец сказал сегодня, что все это мой шанс показать, чего я стою, как наследник, — протянул я. — Он считает, что мне нужно быть мягче, и отчасти я с ним согласен.

¹ Дивизия — (здесь) боевое формирование флота из трех эскадр. Каждой дивизией командует адмирал (первая дивизия), вице-адмирал (вторая дивизия) и контр-адмирал (третья дивизия).

— Умение проявлять терпение — важное качество, — кивнул Дюфор. — Однако я всегда говорил: компромиссы можно предлагать союзникам, врагам — только условия.

— Поэтому я подумал, что стоит поговорить с Клестусом лично, — сказал я. — Если надавить на него, он проявит свои слабости. А если узнаем, на что можно надавить, мы сможем его контролировать.

— Думаешь навязать ему наши условия? — Дюфор задумчиво почесал подбородок.

— Посмотри на него. Он уверен в себе, только когда за его спиной пяток гвардейцев во главе с моим братом. Без их поддержки его уверенность быстро исчезнет, если показать твердость веасийского характера и наших намерений.

— Это может сработать, — Дюфор восхищенно взглянул на меня. — Обычно имперские министры трусливы без своих хозяев из Столицы.

— И это отличный шанс — под давлением мы не оставим ему возможности подбирать свои аккуратные острые слова. Застигнутый врасплох, он проговорится и даст нам преимущество на Консилиуме.

— Воистину, ты подлинный наследник Грегора, — почтительно склонил голову Дюфор. — Только в его глазах я видел такую ярость и стремление вернуть былое величие, чтобы с нами снова считались. Жаль, что Эстебан этого в тебе не видит.

— Это неважно, — отмахнулся я, воодушевленный идеей. — Главное, чтобы союзники это видели и помнили. Так или иначе я стану герцогом, и тогда никто не посмеет сказать, что Веас слаб.

У нас еще было время, но я понимал, что каждая минута бездействия работает против нас. Нужно было действовать немедленно, тем более что мы имели предлог в виде этих отчетов.

На пути к восточному крылу, где размещались наши гости, я заметил в высоком стрельчатом окне черный силуэт на фоне лунного света. По очертаниям мгновенно понял, кто это. Леонард стоял, упираясь лбом в холодное стекло, а в его опущенной руке тускло поблескивала серебром фляга. Я хотел пройти мимо, проигнорировать, но злость от ссоры с Арианой, усталость от отчетов и вид Леонарда — «Хранителя Чести» в таком жалком состоянии — заставили меня остановиться.

— Не знал, что гвардейцам разрешено нести караул в таком виде, — прозвучал мой голос, холодный и ровный. — Или в Столице дисциплина — такая же условность, как и принципы?

Лео медленно обернулся. Лунный свет падал на его лицо, и я увидел усталость, которой не было днем. От него пахло перегаром.

— Я не на посту, — глухо ответил он.

— Как удобно, — я усмехнулся, делая шаг ближе. — Решил устроить выходной в честь праздника?

Лео мрачно смотрел на меня непонимающим взглядом.

— Вал, я... я просто...

— Не волнуйся, я понимаю... Убил наставника, предал семью, теперь можно и выходной взять. Отдохнуть от праведных трудов. Хан оценил бы твоё *усердие*.

Он сжал флягу так, что металл хрустнул.

— Не говори о нем. Не тебе судить...

— А кому? — я вскинул брови. — Тем, кому остался верен, — имперцам? Или, может, этому крысеньшу Клестусу? Он-то уж точно знает цену верности. Только неясно, продается она на вес или поштучно?

Лео резко оттолкнулся от окна. Его движения были чуть замедленными, но глаза вспыхнули тем самым огнем, который я помнил с детства, когда он бросался в драку, даже будучи неправ.

— Ты ничего не понимаешь, Вал. Ты здесь, в своем замке, со своими бумагами и кораблями... Ты понятия не имеешь, какие *там*, в Столице, правила игры.

— Правила игры? — я фыркнул. — Это то, как ты их называешь? Убийство Арно Монреса — это ход? Убийство Хана — гамбит? Отлично сыграно, брат. Шах и мат нашей семье. Поздравляю с победой.

Лео недовольно цыкнул.

— Арно был сам виноват в своей участи.

— Да, — не стал я спорить. — Своей опрометчивостью он обрек на беды всех нас... Но там были сотни гвардейцев, и с этим легко справился бы кто-то другой. Но именно ты вызвался стать его палачом.

— Он... оскорблял честь Его Святейшества...

Я невесело хмыкнул.

— Я-то думал, что Хранитель Чести действует по строгому регламенту, а не устраивает самосуд... Почему же с Камиллой ты так же не поступил? Она ведь тоже преступница по словам твоих хозяев.

Он смотрел на меня, и вдруг я увидел в его взгляде не злость, а что-то похожее на отчаяние. Тот же взгляд, что был у мальчишки, которого застали за проступком.

— Я... пытался дать ей время для побега... Как и Максимилиан. Он знал, на что идет. Я тоже... Но выбора не было. Иначе было бы две смерти вместо одной.

Надо же, этот ублюдок, оказывается, все-таки терзается угрызениями совести.

— Выбор есть всегда, — отрезал я. Проходя мимо, я нарочно задел его плечом. — Просто твой выбор — всегда в пользу собственной шкуры.

— Ты не понимаешь, я медлил, как мог... И был готов к *последствиям*... Я даже убил одного из гвардейцев... И только милостью и волей Императора Трибунал не вынес приговор...

В памяти отдалось воспоминание, когда Лео, будучи зим на десять младше, смотрел на меня с той же мольбой в глазах, что и сейчас. Когда искал у меня защиты от гнева отца после очередного проступка. А я, как подобает старшему брату, вставал на его сторону. Но теперь... это походило на очередную попытку вызвать жалость и найти оправдание своим действиям.

— Если это так... — я подошел ближе к нему и поднял глаза, чтобы заглянуть прямо ему в лицо. Непривычно, что он смотрит на меня сверху вниз, а не наоборот. — Жертва Максимилиана была напрасной. Ты обрек нашу сестру на смерть или что *похуже*. Она же слабая хрупкая девушка, кто защитит ее? Подружка набелитка, точно такая же перепуганная девчонка? София Оре? Или эта шлюха Андо?

При упоминании имени Каталины лицо Лео исказилось буквально за мгновение.

— Не говори так о ней!..

Я недоуменно уставился на него. О, Боги, так он что, влюбился в нее? Впрочем, Каталина же за ним постоянно таскалась, пока Лео не уехал и не решил остаться в Столице. А потом девчонка начала искать утешение в объятиях каждого встречного. Забавная ирония судьбы...

— Я сказал, как есть, — усмехнулся я, наблюдая, как его задевают мои слова о Каталине. — Это тебе подтвердит, наверное... *каждый* обитатель Каса-де-Вентос и половина Мар-де-Сеалья. Но даже при этом она была *очень полезна* и сделала больше для Дома, чем ты. Забавно, наверное, чувствовать себя ниже этой потаскухи...

Он резко схватил меня за грудки, словно собирался ударить. Фляга звонко стукнулась о каменный пол.

— Ты... не имеешь права... Она же росла вместе с нами, вместе с Камиллой, — прорычал Лео. — Она воспитанница отца...

— Как показывает практика, из отца вышел не лучший воспитатель, — вздохнул я. Забавно. Похоже, Каталину он так и не раскусил, поддавшись ее чарам. — Однако давай смотреть правде в глаза: она шлюха, а ты предатель. Честь и верность для вас обоих лишь пустой звук. Не удивлен, что вы сошлись — оба думаете только о себе...

— Ты можешь ненавидеть меня за мои поступки, можешь злиться за мой выбор, — ощерился он, — однако я не нарушил ни одного обета, данного Императору. Ты не смеешь называть меня предателем!

— Этим ты успокаиваешь себя перед сном? — я схватил его за запястье и с силой оттолкнул. — Для меня ты уже давно переступил черту, став лжецом и палачом, прячущим зверства под маской добродетели. У тебя всегда есть повод оправдать собственную гордыню, жажду власти и признания окружающих, дабы утвердить свое превосходство и доказать свою «верность». И ты стал таким в тот момент, когда принял этот белоснежный доспех и отринул все то, чему нас учили отец и Максимилиан Хан.

Лео растерянно смотрел на меня, не в силах ответить.

— Ты думаешь, я не понимаю, почему ты здесь? Думаешь, мы так просто поверили про «важное поручение от гвардии»? — я с удовольствием заметил панику на его лице. — Ты напоминаешь нам с отцом о том, что Империя может сделать с каждым из нас. Она может превратить даже хорошего человека в куклу, которая будет говорить и думать, как ей прикажут. Уверен, Император или кто бы это ни придумал, рассчитывал на наше смятение, на потерю бдительности и последующие за этим ошибки. Но *мы* Кустодесы. Мы не рождаемся сильными, нас закаляют испытания, перед которыми *мы* не сдаемся. В самые трудные моменты мы должны выбирать то, что *правильно*.

Лео продолжал смотреть на меня пустыми глазами. Возможно, мне следовало проявить мягкость и жалость к брату. Но теперь передо мной стоял незнакомый, чужой и опасный мужчина, а не мальчик, которого я знал.

— Приятного отдыха, *Золотой Хранитель*, — бросил я через плечо, чувствуя собственное превосходство. — Меня ждут дела. Ну а раз вы не на посту, можете поискать себе кого-то, кто развлечет этим вечером. Каталины тут, конечно нет, но, я думаю, найти себе девицу на ночь не составит труда. Постарайтесь в *вашем состоянии* не уронить честь Империи, споткнувшись на пути в спальню.

Я не оглядывался, чувствуя, как его взгляд обжигает мою спину. Хорошо. Пусть видит, каким он стал. Пусть терзается. Разговор с Лео выбил меня из колеи, оставив неприятное послевкусие. Я действительно был зол на него за то, что ему не хватило воли перед соблазнами Империи. Интересы Дома всегда должны быть выше личных амбиций, как и долг перед провинцией. Жаль, что отец не смог ему это объяснить. «Но даже Камилла, выросшая в жестких условиях под отцовским надзором, за полгода в Столице умудрилась попасть в неприятности, отвернувшись от всего, чему ее учили», — мелькнуло у меня, но я тут же отогнал эту мысль.

На подходе к восточному крылу двое преторианцев преградили мне путь. Я поднял на них изумленный взгляд.

— Прощу прощения? — выдохнул я обескураженно.

— Господин Клеустус занят, — твердо сказал один из них.

— Вы знаете, с кем говорите? — я был настолько ошарашен, что даже слова подбирал с трудом. — Я маркиз Валентин Кустодес. Если я захочу побеседовать с *господином Клеустусом*, я могу сюда хоть посреди ночи прийти.

— Сейчас слишком позднее время для приема посетителей, — заметил второй, все так же глядя на меня без капли почтения.

— Да мне плевать. У меня важное и срочное дело к нему. Если вы сейчас же не отойдете, завтра ваши головы будут у меня.

Они переглянулись, словно сомневаясь в серьезности моей угрозы, затем неохотно расступились.

— Просим прощения, маркиз. Мы просто выполняем приказ, — сказал первый преторианец, однако никакого раскаяния я в нем не услышал. — Нам велено не впускать никого... сейчас. Понимаем, что дела государственной важности не терпят отлагательств, но... — они

одновременно как-то неприятно усмехнулись. — Убедительно просим, хотя бы постучаться, прежде чем заходить в его покои.

— Сам разберусь, — процедил я, оставляя нахальных преторианцев позади.

Внутри меня бушевали гнев и раздражение, которые я безуспешно пытался подавить. Это был *мой* дом, кто дал этим имперцам право вести себя так, будто они тут хозяева, а не я? Я постучал в дверь с большей силой, чем намеревался.

— Господин Кайрос, прошу прощения за поздний визит, но мне нужна ваша аудиенция, — произнес я громко, перебарывая гнев и унижение от необходимости быть таким вежливым.

Сначала последовала тишина, хотя было слышно, что в комнате кто-то есть. Затем спустя минуту дверь распахнулась, и из покоев эмиссара выбежал юноша, которого мажордом Ривьера взял на обучение пару зим назад. Это был тот самый мальчишка, который в детстве бегал вместе с Камиллой и Каталиной. Как же его звали... Рори. Рори Руссель.

Парень бросил на меня испуганный и стыдливый взгляд, его щеки, покрытые оспинами, пылали багрянцем.

— С-сеньор... — пролепетал он, опустив глаза в пол. — П-прошу прощения за мой непристойный в-внешний вид...

Он быстро нацепил на себя рубашку, застегивая не на те пуговицы, и, пока я в растерянности не успел что-либо ответить, поспешно удалился.

Я очень тяжело вдохнул, ища в себе остатки терпения. Мне нужно доказать отцу, что я могу держать себя в руках и вести переговоры. Все только ради этого...

— Могу я войти, эмиссар? — спросил я со всей возможной учтивостью.

— О, господин Валентин? — донесся из комнаты голос. — Какие гости в такое позднее время! Сначала мажордом присылает мне своего бастарда¹, а теперь и сам маркиз почтил визитом...

Закрыв за собой дверь, я на мгновение поднял глаза к потолку, мысленно моля Старых Богов о выдержке. Клестус небрежно растянулся на кровати без толики смущения, даже не попытался придать себе подобающий вид.

— Простите за наготу, маркиз, — его приторная улыбка усилила раздражение. — Не ожидал столь позднего визита.

— Я принес отчеты, — процедил я сквозь зубы.

— И все? Или вы хотите обсудить что-то еще? — он приподнялся на подушках, пронзая меня взглядом. — Сомневаюсь, что вы пришли сюда только для того, чтобы лично передать мне эти бумажки. Если только... — его скользкий взгляд вызвал у меня волну отвращения, и я с трудом удержался от удара. — Сразу скажу, что вы, к сожалению, немного староваты на мой вкус...

Он, очевидно, наслаждался моей реакцией не меньше, чем юношей, с которым только что развлекался.

— Я пришел поговорить о вас и ваших намерениях, — резко оборвал я его.

Удивление мелькнуло в его глазах, но быстро сменилось самодовольной усмешкой.

— Я всего лишь верный слуга Империи, и все мои действия направлены на исполнение воли Его Святейшества во благо светлого будущего.

— Тогда почему имперцы постоянно пытаются изменить законы в свою пользу? Или Его Святейшество полагает, что веасийцы смиряются с таким положением?

— Вы говорите так, будто это касается только вашей провинции, — ответил Клестус с подчеркнутой осторожностью. — Это касается и других регионов, если возникают непредвиденные... *трудности*. Но ведь никогда прежде древний и уважаемый род, подобный вашему, не был даже *заподозрен* в предательстве или правонарушениях на таком уровне.

¹ Бастард (от англ., нем. Bastard) — внебрачный или незаконнорожденный ребенок.

— А как же Набелит? Вы тоже применяете к ним подобные ограничения? Или перечить падишаху³³ в преддверии пахотного сезона не входит в ваши планы?

Среднеземец явно не хотел продолжать разговор и желал поскорее закончить его. Значит, я двигался в верном направлении.

— Конечно, ситуация с падишахом Рушаном не должна вас волновать, — начал он. — Однако могу заверить, что причастность его дочери к преступной деятельности также бросает тень на имя его Дома. Но почему-то с набелитами вопрос решился куда быстрее, чем с веасийцами. Учитывая некоторые *тревожные слухи*, дошедшие до нас, мы были вынуждены вмешаться, чтобы предотвратить возможные проблемы.

— Слухи? — я напрягся. — О чем вы говорите?

— Например, о том, что вы как-то *слишком вяло* ловите бандитов из Синдиката, а суда веасийцев *слишком часто* оказываются в их руках.

В последний год пираты действительно стали чаще ускользать от наших патрулей. Возможно, они каким-то образом завладевали нашими кораблями — угоняли или перекупали в других регионах.

Я не мог понять причину, но даже при усиленных по совету Максимилиана патрулях эти мерзавцы находили способ улизнуть. Мыслей о намеренной утечке информации я старался не допускать — никто из морских офицеров никогда не пошел бы на такую низость. Но Кайрос явно намекал на это. И подозрения всегда падали на Великий Дом, который отчитывался обо всех проступках перед Империей.

Клестус продолжил:

— Я пообщался с морскими офицерами, и данные разнятся, особенно между Западным и Восточным Флотами. Империя считает такие расхождения *очень* опасными и подозрительными, поэтому я здесь.

— Если Империя считает, что благородные Дома могут сотрудничать с преступниками, может, стоит проверить и другие регионы? — ответил я, чувствуя, как холодеют пальцы.

Откуда простой чинуша мог знать такие детали и так быстро разобраться в военной структуре?..

— Хотите кого-то обвинить? — встрепнулся эмиссар. — Кого вы подозреваете?

— Например, Дом Десай, — я самодовольно улыбнулся, используя подготовленный козырь.

Благодаря информации, которую Каталина добывала с таким *усердием*, мы узнали, что Камиши, будущий глава Дома, уже несколько зим занимается торговлей валаптиса в Столице. Агентурная сеть Аспира подтвердила это, предоставив ценные накладные, которые могли бы уничтожить репутацию арраканского Дома.

— Десай? — Клестус наигранно хохотнул. — Когда пиратам понадобятся лекарства, тогда и поговорим об этом.

— У меня есть доказательства, которые я могу предоставить. А можете ли вы предоставить доказательства своих обвинений против нашего Дома?

Клестус продолжал смотреть на меня спокойно, хотя его смятение становилось все более явным.

— Дом Десай всегда был верен Империи и сыграл важную роль в подавлении восстания. Скажу вам по секрету: Десай оказывают прямую поддержку императорской семье. Арраканцы об этом не знают, но их вклад неопеним и заменить их никто не сможет. А вот корабельщиков и матросов при необходимости всегда можно обучить.

¹ Падиша́х (от перс. pādīšāh — «защитник-властитель») — высший монархический титул правителя в ряде стран Ближнего и Среднего Востока; (здесь) титул главы Великого Дома в Набелите и правителя провинции.

— Вы говорите о «всеобщем процветании», но почему игнорируете наши нужды? Почему продолжаете вводить все более строгие правила и законы? Почему мы получаем так мало за продажу наших кораблей? Почему Морская Гильдия не стремится снизить налоги на стоянку в портах других регионов и торговые расходы? Почему вы не разрешаете нам защищать свои земли, если мы справляемся с этим так же хорошо, как ваша прославленная Имперская Гвардия?

Клестус как-то внезапно отбросил свое щегольство и стал настолько серьезным, что казалось, передо мной сидит совершенно другой человек. Его взгляд теперь пробирал до костей.

— Вы, наверное, считаете, что наше государство устроено так же, как ваш флот, — начал он ледяным тоном. — Но Империя — это сложный механизм, в котором мы все играем свою роль. Я, вы, ваш отец, брат, сестра, каждый граф, лорд, тан, патриций и все прочие... Если какая-то деталь начинает сбоить, ее лучше починить заранее, чтобы не нарушить работу всего механизма. А если деталь безнадежно испорчена, ее приходится *менять*. Вы не можете видеть всю картину целиком, находясь здесь. Но Император и Триумвират видят ее ясно. Если думаете, что ваш Дом чем-то не угодил Империи, вы ошибаетесь. Но вы почему-то забываете, что Веас имеет огромный внешний долг перед Империей, и он не уменьшается.

— Мы же продаем корабли и платим все налоги, которые с каждым годом растут, — возразил я. — Мы ищем способы улучшить наше положение. Торговые картели могут приносить доход и пополнять казну, если гильдии не будут их ограничивать. Мы могли бы предоставлять больше кораблей, если бы у нас было больше средств для оплаты труда корабельщиков, плотников и лесорубов.

— И поэтому вместо того, чтобы платить больше корабельщикам, плотникам, лесорубам, вы вкладываете средства в вооружение и подготовку солдат?

Я замолчал, осознав, что не смогу опровергнуть этот аргумент. Он был прав. Если я совру, попытаюсь оправдаться или перевести разговор на другую тему, все, ради чего решил на встречу, окажется напрасным. Однако я не ожидал, что эмиссар окажется не так прост. Он был хитрее, умнее и, очевидно, знал, как действовать без чьей-либо указки. Он сильно отличался от всех чиновников, с которыми мне приходилось иметь дело.

— Знаете, что отличает вас от вашего брата? — внезапно спросил Клестус. — И не в вашу пользу?

Я удивленно посмотрел на него, не понимая, к чему этот неожиданный вопрос. Второй раз за день меня сравнивали с Лео, и мне это отнюдь не было по нраву.

— И что же?

— До того, как приблизиться к вершине пищевой цепочки, которую сейчас представляет Имперская Гвардия, он прошел путь от самых низов. Многие не поняли его поступка, когда он отказался от места в Белой гвардии сразу же после выпуска из Кадетского корпуса. Посчитали это глупостью, слабостью. Но на самом деле это сделало Леонарда лишь сильнее. Потому что он научился подчиняться даже тем, кто по происхождению был гораздо ниже него. Он знает, кому перечить можно и где отстаивать свое мнение, а когда лучше промолчать и остаться в стороне. Ваш отец тоже научился во время своей службы различать, с кем нужно дружить, а с кем не надо ссориться. Вы же, получив столь высокую должность вице-адмирала почти сразу же, как стали совершеннолетним, были лишены подобного... *опыта*. Жаль, что вы берете пример не с них, а с Дельмара Дюфора, который так и не смирился со смертью предыдущего герцога...

— Дельмар Дюфор наряду с Максимианом Ханом — один из моих наставников, который направляет меня на нелегком пути, — я гордо выпрямился. — Он показал мне, что значат честь и достоинство в Веасе. Именно благодаря ему, а не отцу или назначению, я стал уважаемым офицером. Поэтому я доверяю его советам больше, чем вашим.

— И поэтому сейчас вы стоите здесь, в моих покоях, вместо того, чтобы пытаться договариваться со своими вассалами? Или вы настолько растеряли ваше достоинство, что пришли угрожать этому старому гаденьшу?34¹

Я замер. Спина покрылась липким холодным потом, внутри все свернулось узлом. Он ведь... не должен знать наш язык...

Клестус, наслаждаясь своим превосходством, вновь натянул маску с елейной улыбкой, за которой, как я уже увидел, скрывался коварный и опасный человек.

— Доброй ночи, господин Кустодес, — кивнул он в сторону двери, давая понять, что наш разговор окончен.

Я вышел, чувствуя во рту горький привкус унижения и поражения. Нет, этот эмиссар не так прост, как хочет казаться. Да кто он такой, Морская Ведьма его побери?..

— Как все прошло? — спросил Дельмар, поджидавший у лестницы, но, заметив мою отрешенность, с беспокойством посмотрел на меня. — Все в порядке, Валентин? Что этот имперец тебе такое сказал, что на тебе лица нет?

— Мне нужно, чтобы вы выяснили все, что сможете, о Клестусе Кайросе, — резко перебил я его. — Я хочу знать о нем все.

¹ Произносится на веасийском.

Глава 8

Мы добрались до деревушки спустя несколько долгих часов после того, как покинули поляну, на которой было ожесточенное побоище со стаей варгов. Последние мили³⁵¹ без защиты пульсара дались нам особенно тяжело, но идти с почти пустыми сумками было значительно проще.

Йана, которая каким-то магическим образом всегда знала, какое время суток, сообщила, что сейчас раннее утро, и вдруг Каталина с диким криком попятилась, уставившись на что-то перед собой.

— Ч-чудовище! — запинаясь, воскликнула она, указывая пальцем.

Приглядевшись, я заметила огромный выглядывающий из-за деревьев темный силуэт странной формы с застывшим оскалом.

Однако София и Кригер вздохнули с облегчением, а Йана улыбнулась.

— Обережные столбы... Наконец-то, — сказал орк, и я впервые услышала, как дрогнул его уверенный голос. Похоже, даже он сомневался в успехе нашего похода.

— И обновленные, — радостно подтвердила София. — Выходит, деревня и правда не заброшена.

— Значит, мы спасены? — с робкой надеждой в голосе поинтересовалась Каталина и чуть не расплакалась, когда Оре кивнула в ответ.

— А что это за обереги такие? — спросила Ада, когда мы подошли к странным столбам.

Это были вкопанные в землю и подпертые камнями стволы срубленных деревьев, с вырезанными на них мордами животных, что скалились и злобно смотрели на путников. На некоторых я заметила руны, похожие на те, что мы видели в книге о катализаторах. Но вот темные пятна, впитавшиеся в камень и кору, вызывали тревогу.

— Это своего рода тотемы, которые устанавливают жители отдаленных деревень, — объяснила София. — Так у Старых Богов просят защиты.

— От нападения зверей?

— И от непогоды тоже. Не заметили, как ветер стих, когда мы пересекли эту черту?

И правда. Еще недавно выюга, почувствовав, что солнечный камень больше не преграждает ей путь, начала завывать с удвоенной силой. Но теперь утихла, а снегопад почти прекратился. Ужасные шесть дней пути теперь казались дурным сном.

— Это... это ведь не кровь, правда? — с опаской спросила Каталина, глядя на те пятна, которые привлекли и мое внимание.

— Кровь, — вздохнула Оре. — Животная, разумеется. Некоторые обряды могут показаться... странными, но это традиции. Это своего рода договор между людьми, ищущими милости, и богами, которые эту милость даруют. И этот договор соблюдается тысячелетиями, что устраивает обе стороны.

— Почему же маги не могут сделать то же самое? — спросила Ада, которую обережный ствол ничуть не пугал. Она с любопытством разглядывала его детали.

— Сила магов неограничена, особенно когда речь идет о младших народах, чья жизнь ограничена началом и концом, — ответила Йана вместо Софии. — Чтобы хотя бы уверенно управлять своей силой, нужно много времени, ну а чтобы развивать ее и превосходить свои возможности, требуется не одна человеческая жизнь. Поэтому, в отличие от эльфов, которые проводили такие ритуалы в основном из уважения к богам, для младших народов это вопрос выживания.

— А что, эльфы бессмертны? — удивилась я.

¹ Милиа — путевая мера для измерения расстояния, равная 1,609 км.

— Нет, конечно, — усмехнулась Йана. — По меркам людей и других младших народов мы действительно живем долго, но и наши дни не бесконечны. Когда запас маны иссякает, мы просто... засыпаем. Наши тела не разлагаются, мы не стареем, только... — она вдруг замолчала, ее передернуло, будто вспомнив что-то неприятное. — Только если нас не проклинают...

— Ого, как интересно! Это как делают друиды, которые продлевают свою жизнь за счет магической энергии? — восхищенно спросила Ада, не заметив перемены настроения Йаны.

Йана и София незамедлительно принялись объяснять набелитке разницу между омоложением «даром долгой жизни» и эльфийской регенерацией. Они явно радовались возможности отвлекаться от гнетущих мыслей и разрядить обстановку.

Я же, мрачно наблюдая за ними, шла чуть позади. Каталине эти разговоры тоже успели наскучить за два месяца. Она забавно корчилась и вздрагивала то от страха при любом шорохе, то от раздражения. Кригер, как обычно, был немногословен, не обращая внимания на болтовню, но мне показалось, что он погружен в свои мысли сильнее обычного.

Возможно, я спросила бы, что его так тревожит, но не могла забыть историю со щенками. Я боролась с отвращением и злостью, смешанными с осознанием, что его действия были продиктованы не жестокостью, а прагматичностью и, возможно, непонятым мне состраданием. Это пугало, но вызывало уважение. Интересно, что ему пришлось пережить, чтобы так стойко принимать даже самые тяжелые решения?

От размышлений меня отвлекли запахи дыма, навоза и свежесдобитого хлеба, которые напомнили о людском быте.

— Ну, вот и пришли, — произнес орк, когда за редкими деревьями показались занесенные снегом крыши с печными трубами. Вскоре до нас донеслись звуки деревенской жизни: мычание коров, детский гомон, лай собак, женские крики и мужской смех.

Я едва не разрыдалась от счастья. Только сейчас я поверила, что мы чудом спаслись.

— Эй, подожди! — воскликнула Каталина, когда Кригер уверенно направился к одному из домов. — Ты же... как ты выйдешь к местным...

Она обвела рукой вокруг своего лица, намекая на пугающий вид орка, но он лишь отмахнулся.

— Здешние и так торгуют с Синдикатом и Абиссом. Думаю, у меня не настолько страшная рожа, чтобы они испугались.

Андо покраснела от возмущения, но промолчала. Тем временем деревенские жители начали выходить из домов, глядя на нас без страха, но с удивлением.

Один из них, вероятно, староста, обратился к Йане и Кригеру на норланге, и те объяснили ситуацию. После короткого рассказа у всех присутствующих глаза расширились от удивления. Дети с восхищением смотрели на нас, а женщины прикрывали рты руками и качали головами.

Староста присвистнул:

— Так вы, стал быть, те еще везунчики! — он говорил на ломаном аквилантисе. — Сами Боги за вами присматривали, стал быть, а! Идем-идем, девчули, щас мы все сделаем-с!

Он отвел нас на окраину деревни к заброшенному дому с покосившимися стенами. Внутри оказалась единственная комната с печью и двумя низкими лавками. Меня поразило, что пол был поднят примерно футов на пять.

— Вот-тесь, располагайтесь, девчули, — сказал староста так, словно нас завели в покои самого ярла, а не в обшарпанную лачугу. — Щас мы печку растопим, тепло будет, шо на югах. Тюфяков спальных мы вам тоже надем-с. Попрошу хозаюшку свою, шоб поискала соломы неотсыревшей да шкур шерстяных, шо поменьше вредителями изгрызоны. Баньку щас мы тож вам организуем-с, вы, поди, давно не мылис, чумадые какие! Ну ничо-о-ось, щас мы все сделаем-с. Для гостей дорогих ничо не жалко!

Бойкий дедок продолжал тараторить и суетиться, помогая Кригеру раскладывать наши вещи. Из подпола он достал дрова и начал хлопотать.

— И как мы все здесь поместимся? — горячо прошептала Каталина мне на ухо.

— Если тебе так понравилось спать на улице — сделаем-с, — фыркнула я, подражая старосте.

Ада, стоявшая рядом, не выдержала и рассмеялась.

— Один Кригер тут и то не уместится, — заметила Каталина. — Да и Йана тоже немаленькая.

— Да брось, после всего, что было, это почти как дворец моего отца в Миреме, — отмахнулась Ада, потягиваясь, когда из печи потянуло теплом, и тут же начала снимать верхнюю одежду.

— Ты видела, какая здесь грязь? — возмутилась Каталина, понизив голос еще сильнее. — Просто кошмар... Я даже дышать не могу. У Яшмоса на корабле всегда было чисто.

— Ну тогда займемся этим, — улыбнулась девушка с каким-то непоколебимым оптимизмом, под напором которого Андо сдалась.

В подполе София нашла пару метелок, и Каталина со вздохом, стараясь скрыть брезгливость, принялась за уборку. Я решила не мешать и вызвалась пойти за продуктами к ужину. Староста говорил, что у них есть лавка, хотя я не понимала, зачем она здесь нужна — обычно в таких деревнях люди жили общинами, поддерживая друг друга и обменивались всем необходимым. Деньги появлялись у них только после продажи урожая в городе, но у своих не брали... Вряд ли на севере деревни как-то сильно отличались от наших.

Йана вызвалась пойти со мной.

— Вдруг тебе переводчик понадобится, — резонно заметила она.

Я укуталась в меховую одежду и затянула шарф, но после тепла печи холод пробирал будто сильнее, чем в лесной чаще. Йана же выглядела очень довольной. Надев шерстяные штаны и рубашку, чтобы не смущать местных, она весело шла по вычищенной тропинке.

— Ты, смотрю, очень рада, что мы выбрались...

— Конечно, кто не будет рад после такого отчаянного шага, что предложил Кригер? — ответила она. — Я привыкла полагаться на него, но в этот раз... Боги, похоже, действительно не оставили нас. Я до последнего не была уверена, что у нас получится.

— Не очень вдохновляет слышать такое, — с кислым видом сказала я.

— Но все же обошлось, — беззаботно заметила она. — И имперские ищейки больше не доберутся до нас.

— А могли бы?

— За нами следили, но я не знала, кто именно, — призналась Йана виновато. — Потому и надо было сохранять осторожность. Это могли быть люди Хеби, Черная гвардия или кто-то другой... Но теперь это в прошлом. Главное, связаться с Фронтиром и дожидаться Гемоса.

— Кто такой этот Гемос? — спросила я. Имя упоминалось несколько раз, но без подробностей.

— Он следопыт. Знает весь север, от Первого до Седьмого оплотов Фронтира и горы Дальнего Рубежа, как свои пять пальцев. Он даже перевозит людей через Белизну, хотя на такое решаются немногие.

— А он... — начала я, пытаюсь понять, как завести разговор о его расе.

Йана не сразу уловила намек в моем тоне.

— Он сварг. Вернее, дворф.

— Дворф? — переспросила я. — Я думала, это просто так сваргов люди называют...

— Да, но сварги переняли этот искаженный перевод и используют как... В общем, для обозначения потомства межрасовых союзов, — Йана почему-то старательно избегала продолжения этой темы. — Вообще, Яшмос и Гемос — редкие исключения для их народа. Сварги — сплоченные и гордые, и редко покидают свои общины. Особенно теперь, когда их почти не осталось...

— Не осталось?

— Это долгая и печальная история, — вновь уклончиво ответила эльфийка. — Давай не будем омрачать ею этот хороший день, договорились?

День действительно был замечательным. Даже солнце пробивалось сквозь хмурые тучи. Радовало, что нам не пришлось долго мерзнуть — деревня состояла из десятка небольших домов, и вскоре мы нашли маленькую хибарку с вывеской — лавку.

Внутри она была не сильно просторней нашей и вся оказалась завалена вещами хозяина и его «товарами», отчего сильно пахло затхлым. Жилая часть отличалась только небольшим прилавком посреди комнаты. На стенах висели хозяйственные принадлежности, сушеные травы, колбасы, мясо, в углу стояла бочка с солониной.

Среди вещей были и диковинные предметы, и простенькие украшения, очевидно, не местные, но сваленные в ящик так небрежно, что у меня пропало желание искать что-то интересное. А вот в соседнем коробе лежали сморщенная картошка, пожухшая свекла и морковь, маленькие луковицы и странные корнеплоды, которых я раньше не видела.

Это было лучше, чем ничего. Но хозяина нигде не было видно.

— Извините, — начала Йана неуверенно, как вдруг с печи раздались шорох и ворчание. Через мгновение оттуда спрыгнул заспанный старичок, помятый и сморщенный, как овощи на его прилавке.

— *Och vem bestamde sig for att vacka mig sa tidigt? Du igen, Gretel*¹? — недовольно спросил он, протирая глаза. Увидев нас, он замер. — Ба! Неужто к нам гости? Да еще и эльфийка... Простите, ради всех Старших, за беспорядок.

Он сразу как-то приосанился, заправил рубаху в штаны и попытался пригладить растрепанные волосы. Йана весело улыбнулась ему.

— Чего это в такую рань ко мне пожаловали?

— Мы только что с дороги, — осторожно начала я, стараясь говорить медленно, хотя хозяин лавки говорил на аквилантисе лучше старосты. — Нам бы овощей и, может, немного мяса...

— А чего ж вы без посуды? — сразу же возмутился дедок. — За продуктами, что ль, никогда не ходили?

Он нырнул под прилавок и исчез в куче хлама, что-то бормоча себе под нос. Затем победоносно достал довольно большую плетеную корзину.

— Корзина под возврат, учтите! — важно произнес торговец и начал быстро наполнять ее овощами. — Вот картошечка, морковочка, лучочка немного, топинамбур еще с осени остался... На сколько человек вам нужно-то?

— Никогда не слышала о топинамбуре.

— Ну и откуда же ты, голубушка? Может, и фенхель никогда не пробовала? — он рассмеялся. — Та-а-к, вот вам немножечко чеснока, с ним все вкуснее будет. И могу дать вам кусочек козьего сыра, но только немного, у меня больше нет. Вот так хохма, конечно, — коза подохла, а сыр остался!

Он снова рассмеялся, продолжая быстро бегать по комнате, хватая то из мешка, то из связок сушеных трав.

— Возьмите молока у Гретель, она скоро свою буренку доить будет. А свежий хлеб лучше попросить у Торви — у нее восемь ребятишек, хлеба всегда с запасом делает... Мяска лучше бы, конечно, свежего. Чего солониной-то давиться, верно? Надо моего внука дожидаться, а пока могу предложить копченую утку, она тоже хороша. И сала в похлебку, как я мог забыть-то... На скольких, говоришь, обед готовить будешь, хозяйюшка?

¹ И кто там решил в такую рань меня поднять? Опять ты, Гретель?

На моем лице расцвела невольная улыбка — этот старичок напомнил мне нашу кухарку. Когда мы с Лео и Каталиной были маленькими и бегали по замку, она всегда оставляла нам небольшие угощения: хлеб с сыром, вяленое мясо или сладкую выпечку. На душе вдруг стало тепло. В Столице я забыла, что люди могут быть добрыми просто так, а не только если ты из благородного рода.

— Нам, наверное, еще нужна кухонная утварь. Мы остановились в хижине на окраине, и для семерых там посуды не найдется...

— Ох, что ж вы сразу не сказали, что вас семеро! Наверняка там еще и молодцы, которые едят за троих!

Он добавил в корзину еще овощей и завернутое в полотенце мясо. В итоге перед нами стояли полная корзина и небольшой чугунный котелок с ложками, ножами и поварешкой.

— Нда-а-а, — протянул хозяин, задумчиво почесывая бороду. — Как же вы это донесете... Вы ж барышни хрупкие, а я и не подумал.

— О, это не проблема, — заверила его Йана и под восхищенный взгляд старика легко подняла корзину одной рукой.

— Ах, вот это женщина! — выдохнул он, глядя на эльфийку чуть ли не влюбленными глазами. — Таковую бы да в хозяйство... Цены бы не было!

— Спасибо, а еще вот... возьмите, — я порылась в поясной сумке, с трудом нашла золотую монету и осторожно положила ее на прилавок. — Хотела бы поблагодарить вас за доброту...

— Ой, да брось, хозяйшка, мне же только в ра... — он осекся и с испугом посмотрел на монету, потом на меня и на Йану. — У меня что, проблемы какие-то? Я еду продаю, всякую утварь. Никуда не хожу, ничего не знаю.

Старик явно чувствовал себя некомфортно из-за моего жеста. Я ожидала благодарности и улыбки на его морщинистом лице, но не испуга.

— Да нет же, я просто... — растерялась я от его реакции.

— Чужого мне никогда не нужно было, честно свой хлеб отрабатываю! — заявил он, решительно отступая от монеты, как от прокаженной.

— Н-но... — попыталась я возразить, но Йана быстро взяла монету с прилавка.

— *Hon ville inte ha nagot sadant, forlat... Du forstar, hon ar inte lokal*³⁷, — быстро извинилась эльфийка.

— *Jag forstar forstas, men jag vill inte slappa in olycka i huset med den kejsrerliga ornen!*³⁸ — ответил старичок, недовольно поглядывая на меня. — Внучка́ я к вам со свежатиной отправлю, как вернется из лесу. Хорошего дня!

И он вытолкнул нас за дверь, так что нас обдало снежным вихрем.

— Что я сделала не так? — расстроенная его реакцией, спросила я у Йаны.

— Мы слишком далеко от Империи, — вздохнула она. — И слишком близко к землям, где живут нелюди. Имперцы и все, что с ними связано, здесь не в почете. А если кто-то и приходит сюда с юга, местные не хотят, чтобы их тайны раскрыли.

— Разве мы не в Нортланде? — нахмурилась я. — Это имперские владения.

— Им это скажи, — она кивнула в сторону домов. — Они и гвардейцев-то в глаза не видели никогда. За всю жизнь, может, пару раз выбирались в ближайший городок, который ненамного больше этого поселения. Империя о них не знает, не помогает, так с чего бы им считать себя ее частью?

— Но ведь это деньги! На этот золотой старик мог бы не только дом отремонтировать, но и новые товары завезти, и скотину купить...

¹ Ничего такого она не хотела, простите. Видите же, что не местная.

¹ Видеть-то вижу, но несчастий в дом с имперским орлом впускать не хочу!

— А еще его за этот золотой прирежут, как только он с ним на людях появится, — Йана снова вздохнула и покачала головой. — Я, пожалуй, сама за всем остальным схожу, чтобы не было проблем. Местные и так не доверяют чужакам. Нас спасает только то, что Кригер работает на Синдикат, а они с ним сотрудничают...

Расстроенная, я направилась обратно к нашему временному пристанищу. Дом заметно преобразился под заботливой женской рукой: внутри стало тепло и уютно. В углу комнаты лежали шкуры и спальные тюфяки, принесенные старостой, а в печи потрескивал огонь. На ней уже расстелили три спальных места, где, судя по всему, предстояло провести ночь мне с Каталиной и Адой. Самих девушек, как и Софии, нигде не было видно.

— В баню они пошли, — сказал орк, ставя котелок с водой на огонь. — Думаю, там всем места не хватит. Можешь подождать их здесь.

— Я лучше проветрюсь, — ответила я, не в силах скрыть свое расстройство. Кригер удивленно вскинул брови, но не стал останавливать.

Мне не хотелось оставаться наедине с ним, опасаясь, что разговор о произошедшем с варгами неизбежен. Я еще не определилась, зла ли я на него или нет, и все эти чувства хотелось выплеснуть. Раньше я легко спрятала бы их внутри, но теперь, наедине со своими мыслями, осознавала, как сильно меня выедаёт эта желчь...

Нужно было чем-то занять себя. Мы больше не беспокоились о выживании, а когда Гемос сможет прибыть, неизвестно. Ноги сами привели меня к одному из бережных столбов на краю деревни, за которыми лес казался еще мрачнее. Обостренный после тяжелого пешего перехода слух уловил треск, и я обернулась, осознав свою незащищенность — пистолет с последним патроном остался в хижине.

Не раздумывая, схватила первую попавшуюся палку и направила ее на невидимого врага. Звуки стихли, словно кто-то выжидал, наблюдая за мной, — я ощущала пристальный взгляд всем телом. Дыхание замерло, пока я вслушивалась, но больше ничего не услышала, кроме ветра и скрипа деревьев.

— А ты чего уставился? — буркнула я, глядя на бережный столб. Вырезанное на нем животное будто насмехалось над моей пугливостью.

Раздраженная, я со злостью ударила палкой по одной из нависших надо мной веток, но дерево не стерпело такого обращения, и ветка больно хлестнула меня по лицу, от чего я повалилась в сугроб. Лицо горело, но злость исчезла, сменившись простой мыслью. Вот оно. Вот чем я займусь.

Встав и отряхнувшись от снега, я подняла свое недооружие. Я ведь хотела доказать, что могу быть полезной, верно? Но без практики ничего не получится... Правда, моя затея теперь казалась до ужаса глупой. Хорошо, хоть никто этого не увидит.

Я попыталась вспомнить, как проходили занятия в оружейном дворе Каса-де-Вентос. Ян сначала выполнял физические упражнения, затем отрабатывал отдельные приемы, а потом устраивал спарринги... И я никогда не видела тренировку целиком, считая ее скучной, а мои знания были отрывочными. Но это все, что у меня было.

Размахнувшись, я ударила сугроб. Снег разлетелся. Это оказалось легко, и накопленное раздражение действительно стало утихать. Еще удар... и еще... Я попыталась ударить плашмя, вспоминая изящные финты учеников Яна. Все это было абсурдно, глупо, нелепо... но даже так я чувствовала себя лучше. Пускай это и выглядело детской игрой, но вскоре тело начало ныть, рука дрожала, а промокшая от пота одежда неприятно липла к коже.

Отдышавшись, уставшая, но полная решимости, я направилась обратно к деревеньке. Появление цели придало смысл моим действиям, и я почувствовала прилив смелости. В бане я наткнулась на Йану и Софию, которые удивились моему внезапному появлению.

— А мы думали, куда ты пропала, — сказала Йана, когда я, придумывая на ходу, рассказала, что решила посмотреть, как живут местные. Софию пришлось заверить, что я не уходила далеко и держалась поблизости от построек.

Если бы не Оре, я бы никогда не догадалась, как здесь моются. Здесь не было ни ванны, ни купели, ни даже привычного мыла, как в имперских или веасийских банях. Вместо этого стояли лавки и тазы с водой, а марево пара было настолько густым, что, казалось, нас собираются варить живьем.

Жар исходил от раскаленных камней, которые периодически поливали водой для поддержания температуры. В качестве мыла использовался какой-то странный раствор, которым натирали тело и волосы. Но грязь и соли вместе с застарелой кожей сходили сами собой. Проведя по телу рукой с тряпкой, я сразу заметила эффект.

— Оказывается, пар отмывает не хуже горячей ванны, — удивилась я, чувствуя себя необыкновенно легко после банных процедур.

— Нам повезло, что у местных есть отдельная баня. Обычно моются прямо в печах, как у нас дома, — усмехнулась Оре. — Зимой купаются в реках или озерах, если погода позволяет.

— Еще раз убеждаюсь, что Нортланд не для меня, — поморщилась я, не представляя, как можно использовать печь одновременно для приготовления еды, обогрева жилища и мытья. Дикость, не иначе...

— Мне тоже не по нраву такой способ. Лучше купален в Абиссе ничего нет, — призналась Йана, мечтательно закрывая глаза. — Но все равно это приятнее, чем ходить грязной... Еще немного, и от меня начало бы разить, как от стаи гримартексов³⁹¹.

Мы с Софией засмеялись, хотя я не знала, кто такие гримартексы и почему от них должно так жутко вонять.

День прошел удивительно спокойно. София и Каталина приготовили отличный обед, и я впервые поняла, как мало нужно для счастья — сытная еда и тепло. Единственное, что омрачало настроение, — это наше бегство от привычной жизни.

— Кто там? — настороженно спросила София, подходя к двери, по которой кто-то постучал.

— Я к вам, это, от старика своего. Он просил вам свежей дичи передать, — раздался низкий мужской голос из-за двери.

Йана кивнула в ответ на вопросительный взгляд наставницы, и Оре открыла замок.

На улице, где уже стемнело, стоял невысокий мужчина в меховой накидке с капюшоном, так сильно скрывающим лицо, что была видна только длинная черная борода, облепленная снегом.

Прежде чем войти, незнакомец встряхнулся, как пес. Закрыв дверь, он откинул капюшон, открыв нам свое лицо — красное, обветренное, с потрескавшейся от мороза кожей. Жесткие волосы были собраны в неухоженный пучок на макушке. В руках он держал двух упитанных тетеревов, а за плечом висел необычный арбалет.

Только мужчина собрался что-то сказать, как Йана бросилась ему на шею.

— Гемос! — радостно взвизгнула она.

Он замер, словно увидел мираж. Осторожно, почти с нежностью, будто боясь разбить фарфоровую куклу, он отстранил ее от себя.

— Йана? Ты ли это?

— Я! — она широко улыбалась, демонстрируя свои мелкие жемчужные зубы, щеки ее распалились.

— Но я думал, что вы будете на Фронтире...

— Планы изменились, — коротко ответил Кригер, кивнув в знак приветствия.

¹ Гримартэкссы — огромные ящероподобные звери, напоминающие медведей.

— Давно не виделись, — София тоже улыбнулась. — Присаживайся, ужин уже готов.

— Зоффи! — Гемос обнял сервитуарию, пока Йана спешно искала дополнительную миску для супа. — Ты все так же прекрасна, как когда мы виделись в последний раз... Сколько прошло? Зим двадцать?

— А ты все такой же льстец, — усмехнулась она. — На добавку все равно не рассчитывай, знаю я тебя! Дай тебе волю — весь котелок вылижешь.

— Ну так еще бы — твоя стряпня определенно того стоит, — хмыкнул Гемос. Он снял шубу из разных шкур и, потирая руки, сел у очага, приняв миску с рагу от Йаны.

Глядя на то, как эльфийка устраивается рядом со ним, гораздо ближе, чем обычно сидят просто знакомые, я почувствовала странное смущение. Но Гемос вызывал интерес — он сильно отличался от Яшмоса. Внешне был таким же: невысокий, крепкий, с широкими плечами, но его кожа выглядела почти нормальной, человеческой, без медного блеска, как у Яшмоса.

— Так тот старик... он и вправду ваш дед? — спросила я осторожно.

— Скорее, правда, это я его дед... — ответил Гемос с набитым ртом. Он поедал рагу с такой жадностью, словно никогда прежде и вовсе еды не видел. — Ну или пра-пра-прадед... В общем, мать моя была из этих краев. Отец из Абисса. Но родичей своих по материнской линии я стараюсь навещать регулярно, хоть порой человеческая жизнь мне кажется короткой. Но старик молодцом, держится. Еще и меня, поди, переживет.

— Вы сварг? — удивленно спросила Ада. Правда, сложно было понять, что ее поражало больше: происхождение Гемоса или его манеры.

— Полукровка, — коротко и нехотя ответил сварг.

— Гемос — один из лучших следопытов в «Сапфировом Оке»! — горделиво пояснила Йана Каталине и Аде.

— Раз уж мы заговорили об этом, — начала я, воспользовавшись моментом. — Теперь, когда мы в безопасности, может, расскажете, что это за организация и почему вы помогаете магам?

Гемос нахмурился, отложил ложку и покосился на Йану:

— Так вы...

— Не было времени, — виновато призналась она. — Нужно было оторваться от имперцев и потом не умереть от холода и голода.

— Ладно, об этом поговорим позже, — дворф внезапно посуровел. — С тех пор, как люди победили нас в так называемых Священных войнах, наша организация старается спасти как можно больше магов, чтобы они не попали в руки Черных Солнц.

— Черных Солнц?..

— Теперь их называют Черной гвардией, — Гемос махнул рукой. — Вам повезло, если вы не сталкивались с их творениями...

— К сожалению, не повезло, — вздохнула Йана. — Мы наделали много шума, когда убегали...

— Так это из-за вас гвардейцев сейчас пруд пруди? Теперь без лишней осторожности никуда не сунешься, — Гемос недовольно посмотрел на эльфийку. — Тебе прошлого раза не хватило? На кой вы так глубоко залезли, если нам запретили рисковать?

— Ты не понимаешь! — возмутилась Йана с фанатичным блеском в глазах. — На этот раз все по-другому. Четыре стиха из семи уже сбылись! Это наш шанс...

— Лучше объясни, Зоффи, — устало сказал Гемос. — Она уже не раз твердила, что «все иначе», но в последний момент что-то всегда идет не так.

София тяжело вздохнула.

— На этот раз я согласна с Йаной. Если все так, мы сделали правильную ставку, и я уверена в этом. Война наконец-то закончится и придет новая Эпоха, как и завещали Древние.

Она указала рукой на меня, и дворф сразу же изменился в лице. Под его пристальным взглядом мне стало не по себе, я поежилась и подтянула ноги.

— Кто-нибудь объяснит, о чем идет речь? — вмешалась Ада, переводя взгляд с Софии на Гемоса и Йану, так же ничего не понимая, как и я.

Гемос некоторое время молчал, глядя на двух женщин, а затем тяжело вздохнул.

— Хорошо... Если Зофферль так говорит, я поверю. А теперь расскажите девочкам все, как есть.

— Давным-давно, в Эпоху Зари семеро Древних сделали пророчество, — начала Йана с воодушевлением. — Семь стихов, записанных в потоке, которые невозможно изменить. Они незыблемы, как сам поток и само время. Мудрецы тысячелетиями пытались понять их значение, приписывая им разные события и интерпретации, стараясь понять, в какой последовательности эти пророчества должны сбываться, пока не началась Первая Священная Война, знаменующая смену Эпохи.

— Это был первый сбывшийся стих, — вздохнула София. — Я не буду его пересказывать, смысл заключался в том, что люди в своей гордыне попытаются обуздать силу, которая даст им мощь противостоять тем, кто был рожден самой магией — магическим народам.

Я слушала, затаив дыхание, опасаясь пропустить хоть слово.

— После того как люди утвердились у власти и на Хартвельде появились первые человеческие государства, началась Эпоха Звезд, — продолжил уже Гемос. — Многие жили рядом с людьми. Иногда мирно, иногда нет. Однако те, кто хотел изучить тайны нашего мира глубже, чем позволяли даже старшие народы, узнали о пророчестве. Но самое страшное произошло, когда астрологи, как их называли, неверно его истолковали. Они сообщили императору, что однажды родится маг, который прервет его род, и этот заклинатель будет равен ему по силе. Тогда император решил обрести могущество любой ценой. История умалчивает, как он этого добился, но говорят, что он мог использовать любую магию без ограничений, что было доступно только старшим народам. Но даже это его не остановило — он решил перестраховаться. Так пятьсот зим назад началась Вторая Священная Война.

— Какой абсурд! — возмутилась Каталина. Она была вынуждена слушать все это и выглядела не менее испуганной и ошеломленной, чем мы с Адой. — Император не мог быть магом. Это противоречит его собственным Имперским Истинам. Маги пользовались своей силой безнаказанно, и тогда он изобрел оружие, способное подавлять магию врагов. Так он доказал, что наука превосходит магию. Он был гениальным изобретателем, но ни в коем случае не колдуном... — ее голос звучал растерянно и неуверенно.

— Гениальность в изобретательстве вовсе не исключает магических способностей, — мрачно произнесла эльфийка. — Способность к магии не всегда передается по наследству, но есть исключения. Особенно это касается темного дара.

— Значит, нами... все это время правила *династия темных магов*? — с ужасом спросила я, едва сдерживая дрожь. Все внутри меня сопротивлялось, не желая принимать эту реальность, как яд.

— Да, — мрачно подтвердила София. — Род Аквиллес уже не тот, что раньше, но они прилагают все усилия, чтобы передать темный дар детям. Для этого они смешивают кровь с другими темными магами, независимо от происхождения, чтобы увеличить шанс на рождение сильного потомства. И вот наконец появился тот, кто провозгласил себя не просто императором, а Императором.

— Тогда сбылось второе из пророчеств, которое говорило, что маг, обретший великое могущество, омоет мир кровью, низвергнет во тьму тех, кто был у его истоков, нарушит баланс и приведет мир на край гибели, и над ним воцарятся алые сумерки, — вмешалась Йана. — Так Эпоха Звезд сменилась Эпохой Заката, которая длится до сих пор.

— Еще был стих, который гласил, что в одно поколение родятся маги с уникальными дарами и необычными магическими талантами, — София внимательно посмотрела на меня. — Я рассказывала тебе его незадолго до побега. Помнишь?

Я пыталась вспомнить тот далекий день два месяца назад, когда София произнесла эти непонятные тогда слова...

— Да... да, что-то такое было... Про «горорожденного» и «тьму в руках ведущего»?

Женщина кивнула.

— Теперь у нас есть те, кто соответствует описанию магов из пророчества. У нас уже были маги огня, но таких, как Ада, я еще не встречала, — София повернулась к Гемосу. — Девочка всего месяц назад узнала о своих силах, но уже смогла обуздать пульсар и создать огненный барьер, представляешь!

Тот удивленно присвистнул и теперь смотрел на Аду с восхищением.

— И, возможно, сейчас сбудется четвертый из стихов пророчества, который имперские оракулы неверно истолковали, — осторожно добавила София.

— Он уже сбывается! — с негодованием воскликнула Йана и начала нараспев:

— *«Третий от крови древнего рода*

Познает юдоль земного народа,

С колен он поднимется, оборвав рок судьбы,

И разрушит он узы старой вражды.

Тиран-узурпатор падет, и след его канет во мрак,

Ибо встретит он равного, чей дух не угас.

И силой великой, как небесным мечом, герой овладеет,

Ибо судьбу предначертанную в звездах узреет».

— Ты, кажется, слишком торопишь события, — с сомнением произнес Гемос, нахмурившись. — Император как сидел на своем троне пятьсот зим назад, так и продолжает сидеть.

— Подожди... — вмешалась я, стараясь не упустить ни одного слова. — Ты говоришь так, словно тот Император, что начал Священные войны, тот, кто их завершил, и тот, кто правит сейчас... *это один и тот же человек?* Разве это возможно?

— Даже для человека-мага вроде меня прожить двести зим — великое достижение, — напомнила София. — Но императорский род очень загадочен, и мы не можем представить, каких высот они достигли с помощью темной магии...

— В последний раз, когда мы пытались это выяснить, это чуть не привело к гибели моего народа, — в зеленых глазах Гемоса читалась бесконечная скорбь.

— Как это... — Ада в ужасе прошептала, едва слышно.

— Сто восемьдесят зим назад мы отправили к нему убийц, и впервые им удалось подбаться так близко, но... их ждала неудача. Лишь одному из них удалось спастись, и это стало нашей ошибкой.

Я почувствовала под ногтями пыль вперемешку с деревянной трухой — настолько сильно впиалась пальцами в деревянный пол от охватившего меня страха.

— В его теле была магически созданная болезнь, которая медленно и незаметно разрушала душу и лишала разума, — мрачно продолжал Гемос. — Мы слишком поздно заметили неладное... Живые существа превращались в пустые оболочки, движимые лишь базовыми инстинктами, и если их не убивали милосердным ударом клинка, они умирали от истощения.

В моем сознании всплыла та груша, которую я когда-то подарила Ари, и его истощенное лицо... *Иссушение*. «Ни один человек не должен обладать силой, способной стереть с лица земли целый народ одним проклятием», — с ужасом думала я.

— С тех пор мы больше не решались на активные действия. Нам запретили вторгаться на земли Империи, потому что мы столкнулись с ожесточенным сопротивлением гвардейцев,

— закончил Гемос. — Потери имперцев несравнимы с нашими. На место каждого убитого гвардейца сразу же приходят новые, не уступающие им ни в силе, ни в подготовке. А с высокородными, особенно с Великими Домами, мы стараемся не связываться. Простых людей легче приспособить к жизни, мозгов у них нет — промыты пропагандой сервитуариев. Они легче адаптируются и принимают реальность нашего мира.

Все замолчали, давая нам время переварить услышанное. Я подозревала, что София не раскрыла мне всей правды, но это... Это звучало слишком безумно, чтобы быть выдумкой. Да и зачем им врать? Но мы им явно нужны для чего-то.

— А как звучат остальные пророчества? — спросила Ада бесцветным голосом, уставившись в одну точку.

— Переводы разнятся, как и версии о том, в какой последовательности сбудутся оставшиеся три стиха. Но там упоминаются ключевые события: «та, что придет из-за Завесы», «жизнь, рожденная вопреки» и «разрушенная башня». Пока эти события не произошли, но все сводится к тому, что мир изменится. Эпоха Заката завершится, и от того, о ком это пророчество, будет зависеть, наступит Эпоха Тьмы или Рассвета, — ответила Йана.

— Что это за Эпохи? — спросила я, вспомнив, что уже где-то слышала об этом. Может, в тех десятках книг в Либрариуме? Но сейчас это было смутным, как предрассветный туман. — И почему они важны?

— Это вехи в истории мира. Эпоха Зари принесла свет магии из-за Завесы. Эпоха Расцвета ознаменовала ее распространение, связав магию с Хартвельдом. После долгих войн между людьми с Эльданара и магическими народами началась Эпоха Звезд — время постижения тайн мира и управления магией. Это было золотое время для магов...

— А потом?

— Потом началась Эпоха Заката, которая принесла упадок из-за нарушения баланса между магией и миром. С каждым годом рождается все меньше магов, а сильные волшебники почти исчезли. Даже боги нас не слышат. Если это не остановить, свет магии иссякнет и мир погрузится в вечную тьму, что станет концом всего.

— То есть... это все из-за Империи? — уточнила Каталина, настолько бледная, что зеленые глаза казались изумрудами на мраморной статуе. — Из-за их истребления... магов и народов?

— Младшие народы не всегда понимают последствия своих решений, — голос Йаны звучал скорбным эхом. — Когда твой срок короток, невозможно осознать, какие далекие последствия могут быть у твоих решений. Поэтому важно вернуть все на свои места, и пророчество — наш путь сквозь неизвестность.

— Вы собираетесь сделать из спасенных магов солдат? — спросила я, вдруг поняв, куда клонит эльфийка.

— Долгое время это было нашей целью, — нехотя призналась София. — Сначала мы пытались поднять восстание, но это не сработало. Затем «Око» дало спасенным выбор. Кто-то стал воином и участвует в повстанческой деятельности, а кто-то выбрал мирную жизнь среди магических народов на Хартвельде и Архипелаге... Сейчас мы просто спасаем тех, кого можем.

Меня раздирали сомнения и нежелание принимать такую правду. Даже после всего, что я узнала, разум цеплялся за привычные вещи, чтобы окончательно не кануть в небытие безумия. Все эти пророчества — чушь. Никто не знает будущего, его создают наши выборы, а не истолкованные наугад стихи.

Я посмотрела на Аду. Путь предначертанного спасителя больше подходил ей. Но если Император — темный маг, то избранной считают меня?.. Нет. Это не для меня. У меня свои цели и жизнь, и я сама решу, как ей распорядиться. Я решила, что больше никто не будет определять мое будущее.

Эта мысль придала мне смелости. Пусть София, Йана и другие из «Сапфирового Ока» грезят о своих избранных, меня это не касается. Все, что мне нужно, — это возмездие, чтобы жить без страха, сомнений и сожалений. Я буду свободна от этих оков...

— Может, не стоит ничего менять? — тихо сказала я. — Империя принесла людям желанные мир и согласие. Мы живем обычной жизнью, заводим семьи, устраиваем склоки и решаем проблемы. Да, восстания и борьба с разбойниками случались, но в целом жизнь была спокойной многие сотни зим... Я понимаю, что имперцы должны понести наказание за свои злодеяния, но, может быть, не стоит пытаться вернуть прошлое, следуя какому-то пророчеству?

Гемос недовольно фыркнул, его глаза блеснули раздражением.

— Для вас это просто легенды, а для нас — вчерашний день, — сказал он тихо, но твердо. Его взгляд стал мрачным, и я поняла, что задела его за живое. — Есть те, кто помнит, как люди пришли на наши земли, как учились магии и поклонялись нам, как богам.

— Вы проиграли, когда перестали быть частью этого мира, — в тон ему ответила я. — Для нас вы, все вы... — обвела взглядом эльфийку, орка и дворфа, — всего лишь сказки. Почему бы не думать о будущем ваших народов, вместо того чтобы гоняться за недостижимой мечтой, обещанной каким-то провидцем? Разве живущие сейчас должны расплачиваться за ошибки наших предков?

— Она говорит, как твой брат, — Гемос сплюнул на пол. Я заметила, что упоминание брата задело Йану, но она только выругалась на незнакомом языке.

Атмосфера в комнате накалилась. Кригер, который до этого молча слушал, примирительно поднял руку:

— Я не принадлежу к «Оку», поэтому могу сказать, что в твоих словах есть доля правды, — начал он. — На Архипелаге Черного Пламени, откуда я родом, мы не беспокоимся о вражде с Империей. Там живут младшие народы, многие из которых за всю жизнь даже не видели людей. Нам не хватает сильных магов, способных справиться с магическими штормами и аномалиями. Жить там опасно, но... — его черные глаза внимательно посмотрели на меня. — Трудно признать поражение, когда знаешь, что мог сделать больше для победы. Даже в Синдикате нет единства: одни поддерживают повстанцев, другие помогают беженцам. Но каждый может сделать свой выбор и внести свой вклад. Главное — сделать это самостоятельно, а не под давлением.

Повисла тишина, долгая и гнетущая.

— Предлагаю пока отложить эти рассуждения, Гемос, — мягко сказала София, пытаясь взглядом умерить пыл своего товарища. — У них будет время в Абиссе увидеть все своими глазами и сделать выводы. Кригер прав. Всеу свое время...

— Как хочешь, Зоффи, — пожал плечами тот, хотя его взгляд по-прежнему был неодобрительным. — Раз уж мы заговорили об этом, можете подождать меня здесь. Мне нужно три дня, чтобы добраться до Фронттира и подготовить транспорт. Я бы мог предложить вам пойти со мной, но, думаю, еще один переход будет слишком тяжелым для вас. Набирайтесь сил и готовьтесь к дороге. Через неделю, когда я вернусь, мы отправимся в путь.

— А сколько нам добираться до Абисса? — спросила Каталина.

— Десять дней по прямой через Белизну. Через горы можно быстрее, но это опаснее. Лучше чуть дольше, зато безопаснее, а?

— И еще нам нужно выучить язык, — добавила София. — В Абиссе мало кто говорит на аквилантисе, а ваше знание общего наречия пока оставляет желать лучшего.

Постепенно разговор переключился на более легкие темы, и атмосфера в комнате стала более расслабленной. Только мы с Адой продолжали сидеть молча. Набелитка больше не приоткрылась к еде, ее взгляд был пустым, а мысли, казалось, витали где-то далеко. Я тоже была погружена в свои мысли, голова разрывалась от полученной информации, и нежелание сми-

ряться с такой «правдой» лишь сильнее распаляло злость, которая снова жаждала вырваться наружу.

Чтобы хоть немного успокоиться, я под взглядами остальных молча встала и направилась к печи в надежде наконец-то нормально выспаться и обдумать все на свежую голову. «Только бы в этот раз без сновидений...» — лишь успела подумать я перед тем, как, едва коснувшись подушки, практически мгновенно заснуть.

Глава 9

Мне снился дом.

Я смотрела на сад, что возвышался надо мной огромной зеленой стеной, пытаюсь понять: это я стала меньше... или мир вокруг стал огромным? Но воздух, такой родной и приятный, щекотал ноздри, не давая терзаться пустяками. Я словно очнулась от страшного сна, и все, что произошло со мной, было лишь ночным кошмаром...

— Ну же, догоняй! — раздался звонкий голос Каталины. Среди стройных рядов фруктовых деревьев мелькнуло красное платье. — Ты же «водишь», чего стоишь на месте?

— Не догонишь, не догонишь! — послышался дразнящий голос Лео, но его самого я не видела. — Ножки короткие, чтобы за мной угнаться!

— Стойте! — плаксиво крикнула я и, придерживая подол платья, бросилась в сад.

— Сюда! — засмеялась Андо откуда-то справа, и я рванулась на звук ее голоса.

Медные волосы Каталины были уже близко, и я была готова «засалить» ее, но она ловко увернулась и исчезла из виду.

— Ну же!

Теперь я побежала на голос Лео, не разбирая дороги. Однако чем дальше я углублялась в сад, тем меньше он становился мне знаком...

— Братик? — встревоженно позвала я, остановившись и оглядываясь по сторонам. — Каталина?..

Но вокруг не было никого, слышны были лишь мягкий шепот листьев и жужжание насекомых... Я почувствовала, как страх охватывает меня.

— Я... я потерялась? — всхлинула я, прижавшись к стволу ближайшего дерева, надеясь, что кто-то найдет меня и выведет обратно к замку...

— Не бойся, невольная избраница Марены, все мы потеряны. Главное — найти верный путь обратно, — раздался чарующий голос позади, и я обернулась.

Из-за деревьев вышла обнаженная женщина, окруженная свитой из животных и птиц. Высокая, с пышными формами и золотистой кожей, украшенной витиеватыми татуировками. Длинные волосы цвета молодой зелени с желтой проседью осени струились за ней, а с каждым ее шагом на земле распускались цветы. Большие изумрудные глаза смотрели на меня с печалью и материнской теплотой.

Я замерла, завороженная ее красотой, но вдруг осознала, что все это лишь сон. Воспоминание, в которое незнакомка так нагло вторглась...

— Кто ты? — спросила я, и мой голос перестал быть детским. Мир перестал быть огромным. Взглянув на свои руки, я поняла, что снова стала взрослой.

— Меня знают под разными именами, — начала она меланхолично. — Я Елена, Перводанная мира сего, Великая Мать, богиня природы и жизни.

— Ты та, к кому обращается моя наставница София? — осенило меня внезапно, и она кивнула с легкой улыбкой. — Получается, я в твоих владениях?

— Можно сказать и так. Это сад душ, цветущий вокруг Великого Древа, — она сделала широкий жест, и я увидела светящееся дерево там, где, по идее, должен находиться Каса-де-Вентос. — Здесь души готовятся к перерождению после забвения бога смерти Мортреса.

— Это место имеет отношение к Посмертию, где обитает Марена?

Ее улыбка стала снисходительной.

— Все, что ты здесь видишь, — лишь отражение видения смертных. Их молитвы и вера придали этому миру форму... И нам, богам, тоже.

— Она говорила что-то похожее, — пробормотала я, вспоминая слова богини забытых. — Но почему я здесь? Марена откликнулась на мой зов, хотя я не обращалась к ней напрямую, но... Ты вряд ли получала мои молитвы.

— Не получала. Но за тебя молились другие. Поэтому ты здесь, — она подошла ближе, источая аромат луговых трав и глубокое спокойствие. — Дитя, ты уверена, что путь Марены тебе подходит? Жизнь ее последователей обычно коротка и полна страданий и крови.

Я нахмурилась, не понимая, к чему она клонит.

— Почему это должно тебя волновать?

— Потому что Марена вручит тебе оружие, чтобы утопить мир в крови твоими руками. Тысячи смертей не дадут твоей израненной душе покоя, которого ты ищешь. Ты не первая сильная душа, отчаянием которой она пользуется, и не последняя. Я просто хочу уберечь тебя от этой печальной судьбы.

— Я ищу возмездия, а не покоя, — ответила я твердо. — И не собираюсь упускать ни одной возможности, чтобы восстановить справедливость.

— Справедливости можно добиваться разными путями, — сказала она мягко. — Ты способна не только на жестокость, но и на милосердие. Я видела это в том заснеженном лесу.

Я удивленно посмотрела на нее, и вдруг меня осенило. Внутри все сжалось от гнетущего чувства вины.

— Я до сих пор не уверена, что это был правильный поступок. Тот щенок... я обрекла его на ужасную смерть. Он вряд ли сможет выжить один.

— Твой компаньон принял трудное решение, но я не виню его за это — жизнь и смерть всегда идут рука об руку. Однако, оставив щенку жизнь, ты подарила ему шанс. Постарайся не забывать об этом, каким бы путем ни пошла. И речь идет не только о Марене. Будут и другие, кто захочет твоего расположения, и за все в этой жизни придется платить. Особенно если в ней замешаны боги и их вечные игры. Я прошу только не спешить связывать себя клятвами, которые потом придется исполнять. Взамен я дарю тебе того, кто будет напоминать о важном решении, которое ты приняла той ночью.

— Это сделка?

Она рассмеялась, и в звонком смехе ее слышалось журчание горных ручьев.

— Считай это даром от меня. Ты можешь принять его или отвергнуть. Выбор за тобой.

Елена казалась слишком доброй, слишком заботливой, слишком правильной... Почти такой же, какой я знала Софию. Что-то внутри меня подсказывало, что, как и ее последовательница, богиня не говорит мне всей правды. Она скрывает нечто важное, из-за чего, по ее мнению, я могу встать не на тот путь, что ей нужен...

Меня слишком часто обманывали и обводили вокруг пальца, чтобы я могла безоговорочно верить сладким речам. Но это же игра. Игра богов. Нужно научиться играть по их правилам, чтобы быть на шаг впереди.

— Можно задать вопрос?

— Разумеется, дитя, если я смогу ответить на него.

— Ты упомянула других богов. Значит ли это, что ты не последняя, кто попытается проникнуть в мои сны?

Она вздохнула.

— К сожалению, это так. Теперь ты далеко от земель Империи, наполненных безбожием, где молитвы наших последователей не достигают нас, а наши голоса не слышны им. Каждый бог стремится заполучить проводника нашей силы и воли в этот мир. Сильные души, такие как твоя, — большая редкость и желанная добыча. Поскольку ты уже втянута в эти игры, хочу, чтобы ты была готова к тому, что ждет тебя в скором времени.

Я кивнула.

— Хорошо, пусть будет так. Однако, когда я увижу всю картину целиком и если мой выбор падет на сторону тех, кто тебе неуютен, знай — я выберу то, что считаю правильным.

— Если это будет только твой выбор, так тому и быть...

Она развела руками, и меня окутал теплый ветерок с успокаивающим цветочным ароматом. Мои глаза закрылись, и я погрузилась во тьму... чтобы проснуться.

Я снова чувствовала себя уставшей, невыспавшейся, но сил на извечное раздражение уже не осталось. Рядом посапывала Ада, а крепко спящая Каталина вновь пыталась обнять меня во сне. С трудом я освободилась из ее объятий и аккуратно опустилась на пол.

Гемос и Йана отсутствовали, что вызвало у меня смутные подозрения о том, *как* они проводят время. Мысль о настолько неподходящей паре вызвала смятение, и дело не только в принадлежности разным народам: что Йана нашла в этой деревенщине, оставалось загадкой. По нему же сразу видно, что он в темноте женщину с ночным горшком перепутает... От этих мыслей аж передернуло.

София спала на лежанке под потолком, а Кригер растянулся на полу от стены до стены. Как обычно, трудно было понять, спит он или просто лежит с закрытыми глазами. Я старалась не шуметь, хотя мой урчащий от голода живот грозил разбудить всех.

Остатки еще теплого рагу на завтрак приподняли настроение, и, захватив с собой немного копченой утки, я оделась и выскользнула из хижины.

Наверное, я начала привыкать к холоду или же осторожные столбы действительно делали свое дело. Даже без дополнительных слоев одежды, которые могли бы сковывать движения, я чувствовала себя вполне комфортно. Уже светало, из печных труб поднимался дым, а из хлебов раздавалось недовольное мычание и блеяние.

Я уверенно шла вперед, надеясь, что за ночь протоптанную мной тропинку не успело сильно занести снегом. Вскоре я оказалась на той самой опушке, где стоял скалящийся деревянный тотем. В корнях дерева, которое стало моим врагом на время пребывания здесь, лежало мое тренировочное оружие.

Раз уж нам предстояло ждать Гемоса неделю, не стоило терять времени. Выхватив палку, я начала размахивать ею, представляя, что передо мной настоящий противник. Это было нелегко, но я воображала, как мои удары поражают живот, руки, бедра и шею противника.

Брызнувшая веером кровь из горла...

Я отогнала эти мысли, заметив, что мне это дается уже спокойнее. Вероятно, воспоминания, если видеть их каждый день, какими бы ужасными они ни были, перестают вызывать те же эмоции, притупляя чувства. Но я не знала, хорошо это или плохо. Месяц назад думала, что никогда не смирюсь со смертью Яна, и каждый раз мое сердце будет отзываться болью при мысли об этом. Но теперь ощущала лишь непривычную апатию, хотя боль никуда не исчезла.

Я не знала, сколько времени прошло, прежде чем, изрядно запыхавшись, расчистила от снега корни и уселась на них, чтобы отдышаться. Возможно, так и должно быть. Если я устаю, значит, прилагаю усилия и тренировка не проходит даром, правильно? Но как же мне тогда...

Позади раздался резкий хруст, такой же, как вчера, когда я приходила сюда. Но в этот раз звук был гораздо отчетливее и ближе.

— Кто здесь?! — крикнула я, стараясь придать своему голосу уверенности, которой на самом деле не было.

Очередной хруст сопровождали звуки быстрого движения, но я так и не заметила, кто их издавал. Я выставила палку вперед, готовая отразить атаку, если потребуется, но... Вдруг под кустом орешника я заметила силуэт. Вероятно, это был какой-то мелкий зверек, искавший под снегом пищу. От сердца тут же отлегло.

— Ага, попался! — я усмехнулась, раздвигая палкой тонкие стволы, и замерла, когда на меня с укором уставились лилово-голубые глаза.

Я застыла на месте, глядя на щенка варга. А он смотрел на меня. Взгляд его казался таким осознанным, будто он знал, кто я, и намеренно ждал меня здесь.

— Это ведь ты, верно? — тихо произнесла я, разглядывая щенка.

Он был необычно тощим, мех местами сбился в клочья, на лапах виднелись проплешины и раны... Но он, не издав ни звука, продолжал смотреть мне прямо в глаза совершенно непоколебимо.

— Что же мне с тобой делать, дружок?.. Ты, похоже, шел за нами все это время? — я присела рядом, но щенок опасливо попятился, оскалив острые зубы, а остатки шерсти встали дыбом. Он явно храбрился, точно так же, как и я.

Я хотела протянуть руку, но вспомнила, что это не собачка из нашей псарни, а дикое животное, чьи намерения невозможно предугадать. Вдруг он укусит меня или заразит чем-то... Пока я размышляла, маленький варг успокоился, перестал щериться, но продолжал смотреть на меня с настороженностью и недоверием. Точнее, не на меня, а на поясную сумку. Я поняла — он учуял мясо. Кригер говорил, что у варгов очень острое обоняние.

— Вот, возьми, — сказала я виновато, доставая кусок утки. С руки кормить я не стала и положила мясо перед собой.

Щенок, хотя его глаза жадно загорелись, а из пасти потекла слюна, все еще не решался подойти, глядя на меня с каким-то укором.

— Что не так? — нахмурилась я. — Ты же явно голоден, почему ты так смотришь на меня?

Он прижал уши и хвост, взглянув на бережный столб. Я покосилась с сомнением на него, затем на щенка. Неужто эти деревяшки и правда работают?..

Я шагнула вперед, оставаясь на безопасном расстоянии, чтобы в случае нападения быстро отступить, и бросила утку в сторону волчонка. Словно по команде, он выскочил из кустов и набросился на утку с такой яростью, что я испугалась, как бы он не подавился.

— Полегче, малыш! — сказала я, наблюдая, как его зубы легко раскусывают жестковатую копченость. — Иначе этот завтрак станет для тебя последним... Это будет глупой смертью.

А щенок уже сидел, довольно облизываясь, но все так же требовательно поглядывая на сумку.

— Что, еще хочешь? — спросила я, и он нетерпеливо переступил с лапы на лапу.

В итоге пришлось отдать все, что я припасла для себя, и просто наблюдать, как он с аппетитным хрустом уплетает утку. Это было странно — он будто понимал меня, хотя трудно было поверить, что такие умные звери действительно существуют.

Мне вдруг вспомнился сон и «дар» от богини Елены. Может, она имела в виду этого щенка? Как напоминание о моем милосердии... Если так, то это странный дар — я не могла взять с собой варга, и он, по словам Кригера, мог позже попытаться убить меня. Но это все когда-нибудь потом. Сейчас, глядя на щенка, который из последних сил цеплялся за жизнь, я не могла его бросить.

— Давай так, малыш, — сказала я, когда варг, поев, снова спрятался в кусты и начал вылизывать свои ранки на лапах. — Я постараюсь сделать для тебя все, что смогу, пока я здесь. И местным про тебя не скажу. Но когда я уеду, тебе придется покинуть эти места и найти себе новый дом, ладно? Деревенские с тобой нянчиться, как я, точно не станут. Ну а если наши пути снова пересекутся, когда ты подрастешь, я обещаю, что ты сможешь отомстить мне за своих родителей, братьев и сестер. Но учти — я тоже могу стать сильнее к тому времени. И бой будет честным — победит тот, кто выживет. Поддаваться тебе я не стану.

Варг внимательно смотрел на меня, пока я говорила. Сначала мне показалось странным, что я разговариваю с волком, как с человеком, но он медленно моргнул, чуть качнув ушами, словно принимая мои условия.

На следующий день я принесла ему утиную ногу, которую спрятала с ужина, и утром собрала все кости. Щенок, не веря своему счастью, даже посмотрел на меня с подозрением, словно искал подвох.

— Да тебе это все, тебе, — заверила я его, и щенок тут же принялся за пир.

Однако позже выяснилось, что я поступила опрометчиво, дав ему все сразу — щенок переел и его начало тошнить. С тех пор я стала давать ему еду порциями: сначала — когда приходила на поляну для своих «тренировок», и второй раз — уже перед тем, как вернуться, ближе к полудню.

За короткое время варг преобразился: на его боках чуть добавилось мяса, а шкура стала более гладкой и потеряла клочковатость. Я даже смогла разглядеть необычный узор на его сером мехе — витиеватый, крапчатый, словно кто-то специально раскрасил его кистью.

Варг, казалось, даже подрос немного. Этот малыш оказался не только смышленным, но и с характером — независимым и, возможно, даже немного саркастичным, если это применимо к животным. Каждый раз, когда я случайно ударяла себя, или палка выскальзывала из рук, или я била мимо своего импровизированного манекена, из-под орешника доносилось странное твяканье, напоминающее смешок. «Дожили, даже волки смеются надо мной», — думала я, пока кормила его перед уходом.

Но однажды, когда я, как обычно, раскладывала кусочки мяса за пределы невидимой границы, почувствовала, как что-то мокрое коснулось моей руки. Варг впервые подошел так близко да еще и решился на такое проявление чувств... если не привязанности, то, надеюсь, благодарности.

— Все-таки решил попробовать подружиться, малыш? — усмехнулась я и протянула ему палец, измазанный жиром. Он обнюхал его и осторожно лизнул, щекоча кожу шершавым языком. — Может, тогда подберем тебе имя? Меня вот зовут Камилла. А ты у нас будешь...

Я задумчиво наклонила голову вбок, и варг повторил движение с забавной нелепостью. В памяти всплыла история из книг о северных героях.

— Как насчет Норберта? — предложила я. — Это имя чародея из легенд, который мстил за убитую семью. Сперва он стремился только к кровавому возмездию, но со временем завоевал уважение нортлингов, помогая крестьянам и защищая их, и его сердце смягчилось. В итоге он смог простить своих обидчиков, а его имя с тех пор означает «тот, кто приносит свет и ясность».

Волчонок внимательно выслушал мою историю и одобрительно вильнул хвостом.

Хоть я твердила себе не привязываться к щенку, ведь рано или поздно нам придется расстаться, как только я дала ему имя, поняла, что это будет нелегко. Теперь мысль о предстоящей разлуке печалила.

Дни тянулись медленно, наполненные праздной ленью, а Гемос все не возвращался. София уже все подготовила к путешествию, чтобы, как только появится транспорт, мы могли сразу отправиться в путь. Мы либо учили язык, который Каталина осваивала быстрее всех, либо помогали местным жителям, чтобы отблагодарить их за доброту.

— Белизна учит помогать ближним, — объяснила Гретель, одна из селянок, когда Ада спросила, почему они так спокойно приняли нас. — Иначе здесь не выжить.

Местные жители оказались охочи до разговоров: они любили слушать истории, ибо чужеземцев здесь видели редко. Единственной их связью с внешним миром были наемники Синдиката, такие как Кригер, и Гемос, который привозил им разные безделушки, чтобы порадовать детей и женщин.

Два раза в год небольшая группа из деревни отправлялась в Эйрстад или Скальтун — города на западном побережье Нортланда, до которых не меньше месяца пути. Они везли выделанные шкуры, рога и редкие травы в начале и конце охотничьего сезона, когда дороги были

проходимы. В городе они закупали то необходимое, что не могли произвести сами. Так они жили не годами, а целыми поколениями...

Им не было дела до Имперской Столицы и нашего происхождения, но они с искренним восхищением слушали рассказы о далеком имперском городе, его величественных стенах, каналах и грандиозном дворце. Их также впечатляли истории о Мар-де-Сеале с его вечным, как они выразились, летом и садами, плодоносящими круглый год фруктами, о которых они даже не слышали ни разу.

Истории Ады о Миреме, раскинувшейся на берегу озера столице Набелита, тоже заставляли их внимательно слушать, чтобы не упустить ни единого слова: о песчаниковых башнях и цветной мозаике на фасадах, о фонтанах, пышных садах и пузатых стеклянных куполах... Даже мне было интересно — Ада так живо описывала улочки, что я словно ходила по ним вместе с ней, ощущая запахи специй и привкус дорожной пыли, который у нее ассоциировался с родным городом.

Однако после таких вечерних бесед на меня всегда находила тоска. Я думала о Вале и отце: в порядке ли они, живы ли? Знают ли они уже о Яне и как сильно расстроились, услышав о его смерти от руки Лео? Как перенес эту новость Альберто, который был сильно привязан к наставнику? Мне бы было достаточно знать, что у них все хорошо, что их жизнь идет своим чередом и они не беспокоятся обо мне, но я понимала, что никакая магия не сможет перенести меня на другой конец континента или передать им мое послание.

В один из вечеров, когда я долго смотрела на догорающий огонь в очаге, ко мне подседа Ада.

— Знаешь, я уже начинаю понемногу привыкать к этому, — сказала она, наливая себе горячий чай.

— К холоду или тяжелому труду? — уточнила я.

— И к тому, и к другому, — улыбнулась она, поднося чашку к губам и вдыхая аромат трав. — Никогда бы не подумала, что физическая работа так изматывает. Когда, то есть... если я вернусь домой, больше не буду упрекать слуг за то, что они делают все медленно и не могут выполнить мой каприз мгновенно.

Я потянулась, чувствуя, как ноют мышцы. Помимо моей утренней вылазки в лес мы помогали таскать воду и убирать в хлеву, и, как ни странно, Ада была права.

— Все равно в Абиссе, скорее всего, будет не до этого, — протянула я. — Нас ждет долгое обучение... Что ты думаешь о том, что рассказали София, Гемос и Йана?

— Кроме того, что они звучали как религиозные фанатики? — фыркнула Ада. — Честно говоря, я не верю в это. Я смирилась, что многие из сказок оказываются реальностью, но пророчества и видения... Никто не может заглядывать так далеко вперед.

Она задумчиво посмотрела на потолок, а затем покосилась на меня. В ее глазах блеснул огонь, хотя наверняка это был отблеск очага.

— А ты что думаешь?

Я покачала головой.

— Думаю, это как с религией — им просто нужно во что-то верить, чтобы их цель имела смысл. Мне не нравится, когда такие пытаются изменить мир. История знает немало подобных случаев, и всегда это заканчивалось жестокостью и войной, в которой страдали невинные. Вспомни хотя бы арранца Сейро Теширо, который уверовал, что избран богами, и утопил мир в крови «неверных». Я боюсь, что «Око» может пойти по тому же пути рано или поздно.

— Иногда мне кажется, что Император был прав насчет веры, — вздохнула Ада. — Я тоже боюсь, что фанатизм «Ока» не приведет ни к чему хорошему. Но больше всего боюсь, что меня заставят встать на их сторону... А я бы хотела держаться подальше от всех этих «предназначений», «избранных» и всего прочего.

— Не так давно кто-то говорил, что хочет быть великим героем, творить добро и нести справедливость, — насмешливо поддела я ее, за что тут же получила болезненный толчок в бок.

— Помогать — это одно, а быть уверенным в благих намерениях и прочей ерунде — совсем другое, — с важным видом заявила она. — Я не хочу, чтобы мои действия диктовались чужими убеждениями, особенно теми, которые сама не разделяю.

В который раз надо было отдать должное твердости характера Ады. Она была гораздо сильнее меня, не только в магии, но и духом. Несмотря на все испытания, не теряла веры и была готова отстаивать свою точку зрения... Удивительная девушка, к которой нельзя не проникнуться уважением. Именно такие подходили на роль спасителей мира. Но уж точно не я, хотя София и Йана, кажется, думали иначе.

На следующее утро, когда я пришла в лес, даже Норберт, радостно выскочивший из куста, заметил мою подавленность и непонимающе уставился на меня.

— Прости, малыш, — вздохнула я, поставив перед ним миску с молоком, которое удалось стащить этим утром. — Сегодня у меня совсем нет настроения для игр.

Норберт недовольно посмотрел на меня, а я все же взяла палку. Сегодня я чувствовала бессмысленность всех своих действий крайне остро.

— Кажется, так ты ничего не добьешься, — внезапно раздался голос позади, и я от неожиданности запнулась, упав в сугроб, а Норберт юркнул в свое укрытие.

Отплевывая снег и иголки, я увидела стоящего поодаль Кригера. Огромный орк каким-то образом так незаметно подошел, и я даже не услышала его шагов... Я обругала себя за беспечность — будь это кто-то другой — враг, например, — я была бы легкой добычей.

— Что ты имеешь в виду? — осторожно спросила я, поднимаясь и отряхиваясь.

— Тренировки твои. Я какое-то время за тобой наблюдал. Пару раз. Было интересно, куда ты с утра пораньше каждый день уходишь.

Я насупилась.

— И почему ты считаешь, что это бесполезно?

— Потому что, если хочешь чего-то добиться, надо сразу все делать правильно. Просто махание палкой вокруг этой сосны не поможет тебе развить ни навыки, ни выносливость, ни ловкость.

— Если я что-то делаю неправильно, почему ты не предложил помощь? — в моем голосе зазвенела обида. — Я же говорила, что могу всему научиться, если будет достаточно времени.

— Потому что ты слабая. Нет, не так, — он вдруг осекся, осознав, что выбрал неудачные слова. — Ты хилая.

— Еще лучше... — мрачно пробормотала я.

— Но это правда. Посмотри на себя. Ты маленькая. Худая. Мышц нет. Гибкости тоже.

— Ты решил меня окончательно добить? — едко поинтересовалась я, скрестив руки на груди.

Орк задумчиво почесал голову, явно не понимая, что сказал не так.

— Я не говорю, что у тебя ничего не получится. Но для того, чтобы держать в руках оружие, в этих руках должна быть сила, — он подошел к дереву, оторвал ветку, оценивающе покрутил ее, а затем с силой провел ладонью вниз, удаляя мелкие веточки и сучки. — Вот. Возьми и держи вытянутой рукой.

Как только я взяла ветку, сразу ойкнула — ее вес оказался слишком большим, и кончик «меча» рухнул в сугроб.

— Издеваешься? Я никогда не смогу это удержать! Настоящий меч гораздо легче.

— Сражаются не только мечом, — возразил Кригер. — Но рука не должна дрогнуть. Кроме того, тебе нужно будет наносить удары, способные ранить противника, а в реальном

бою — пробивать доспехи. И при этом не забывать двигаться, потому что противник не будет стоять на месте.

— Все равно палкой никого не убьешь!.. — я все еще злилась на его резкие, но точные слова, обличающие мою слабость.

— Уверена? — с насмешкой спросил он и, вытащив ближайшую сухую ветку из снега, принял боевую стойку.

Кригер закрыл глаза, сделал два глубоких вдоха и с силой ударил по небольшому деревцу перед собой. Палка даже не треснула, но дерево пошатнулось и наклонилось, не упав только потому, что зацепилась ветвями за своих соседей.

Он повернулся ко мне с довольной ухмылкой.

— Эй! Ты же говорил, что не маг! — воскликнула я, когда пришла в себя от удивления.

То, что я увидела, глубоко поразило меня. Я чувствовала, что Кригер опасен, но не до такой же степени...

— Это и не магия. Это боевое искусство нашего народа. Любой предмет в наших руках может стать смертоносным оружием, если мы умеем управлять своим телом. Точно так же, как я могу залечивать свои раны, могу управлять и мышцами, чтобы направить их силу наружу и нанести удар. Ветка осталась простой веткой, я ничего с ней не сделал.

В доказательство он легко надломил ее и отбросил в сторону.

Я с грустью посмотрела на палку. Значит, все было бесполезно. Я тратила время, убеждая себя, что мои тренировки имеют смысл... Как глупо. Я вдруг почувствовала, как Кригер взял меня за запястье и поднял руку параллельно земле.

— Держи так, — сказал он. — Выпрями спину и поставь ноги вот так, чтобы сохранять равновесие. Это важно. Да, правильно. Теперь держи. Когда рука устанет, поменяй ее. Продолжай, пока не устанешь окончательно.

Это не соответствовало моим представлениям о тренировках по фехтованию, но я не стала спорить. После занятия руки болели, пальцы дрожали, а спина ныла.

— Завтра будет больше, но тело привыкнет. Вот увидишь.

На следующий день тело действительно болело, но ветка уже не казалась такой тяжелой. Кригер долго объяснял, какие упражнения лучше всего подойдут и чему следует уделить внимание, заставил зачем-то бегать по глубокому снегу, а потом продемонстрировал несколько боевых стоек, объяснив, как правильно удерживать баланс и наносить удары, используя не только руки, но и ноги, и корпус. Кригер долго объяснял, какие тренировки лучше всего подходят и на чем стоит делать упор.

— В Абиссе обязательно найди учителя по фехтованию, — наставлял меня Кригер, когда мы сидели после очередной тренировки на облюбованных мною удобных корнях. — И по стрельбе тоже. Игнеон, который остался от капитана, отнеси в лавку. Думаю, его нужно подогнать под твою руку, все-таки он под сваргскую ладонь сделан.

— А ты что, с нами не поедешь? — спросила я, осознав его слова.

Он покачал головой.

— Я же должен был вас Гемосу передать. И моя работа тут окончена. Теперь я займусь поисками ближайшей базы Синдиката. А там уже как Змей прикажет, туда и отправлюсь...

Эта новость неожиданно навеяла печаль. Кригер, который казался мне самым пугающим из новых знакомых, оказался неожиданно человечным. Хотя его поступки выглядели жестокими, они были продиктованы жизненным опытом, который сделал его таким...

— Знаешь, Ян... то есть Максимилиан, — начала я, — хотел научить меня фехтовать, когда мне исполнилось двенадцать. Он говорил, что женщине полезно уметь постоять за себя. Но я его не послушала. Я была уверена, что он всегда будет рядом, чтобы защитить... Теперь жалею об этом. Возможно, если бы я тогда не была глупой и упрямой, у меня остались бы навыки, которые он мог бы мне дать, как память...

— Ты и сейчас глупая и упрямая, — хмыкнул орк, указывая на палку в моих руках. — Но это хорошо. С такими качествами ты далеко пойдешь. Упрямству твоему позавидовал бы сам Отец Упокоенных.

— Отец Упокоенных? — переспросила я.

— Так наш народ называет бога смерти, которого другие знают как Мортреса, — пояснил орк. — Мы не называем вещи просто так, а стараемся увидеть их... суть. Поэтому у нас нет имен — их нужно заслужить.

— А Великая Мать — это, получается, Елена?

Он кивнул.

— А как зовут Марену?

— Воронья Повелительница, — он почти что выплюнул эти слова. — Богиня забытых...

— Почему «Воронья»?

— Сразу видно, что ты никогда поля боя не видела, — вздохнул Кригер. — Потому что вороны едят тех, кто остался лежать на поле боя после битвы, кого не похоронили должным образом, обрекая на самую страшную участь — забвение.

— Разве сама смерть не страшнее?

— Ты правильно сказала Гемосу той ночью — война была проиграна, когда люди забыли о нас... Настоящая смерть приходит только тогда, когда не остается никого, кто о тебе помнит, — сказал орк с глубокой тоской. — У нас есть традиция: мы перенимаем имена великих воителей, ученых или вождей, чтобы они продолжали жить. Для нас это своего рода... бессмертие. Пока не найдем достойного, чтобы передать имя, нас называют нашей *сутью*.

— Поэтому тебя зовут Кригер? Это же означает «воин» на общем наречии.

— Меня так зовет только Йана. Змей называет меня Вепрь. До того меня звали Здоровяк или Громила, а на Архипелаге — *Rapu-huarahi*, что значит «Ищущий путь».

Я задумалась.

— Что вообще за Архипелаг такой? Я не знала, что есть иные земли, кроме Хартвельда...

— Думаю, ваш народ должен знать об этом. Ведь это оттуда вы пришли.

— Архипелаг Черного Пламени — это Эльданар? — ахнула я. — Но ведь материк должен быть уже затоплен...

— Он очень пытается, но мы ему мешаем, — усмехнулся орк. — Маги, обитающие там, сражаются со стихиями и дикой природной магией, которая терзает эту несчастную землю. А остальным приходится выживать, как получится. Извергающиеся вулканы и пепел, оседающий как дождь, скрытое за черным дымом солнце, штормы и бури, кипящая вода, измененные маной звери... Все это закаляет и заставляет приспособливаться. Иначе ждет гибель.

— Звучит... страшно, — призналась я. — Как там вообще можно жить?

— На северной и восточной заставах Архипелага еще сносно. Там много беженцев с Хартвельда, которые помогают магическим народам с обустройством. Центральной власти нет, каждый выживает как может. Разве что Данерелом, крупнейшим городом на всем Архипелаге, управляет совет во главе с бывшей правящей династией ил'хаши¹, а больше нигде такого нет... Племена орокеа обитают на юге, ими руководят вожди и матроны. Магию у нас практикуют только женщины. Не спрашивай, почему, я и сам не знаю. Мы практически не покидаем своих островов, на которых живем поколениями. Иногда воюем между собой. Орокеа... ну, или орки, по-вашему, редко покидают общины, потому что изгнанников обратно никто не примет.

Мне вспомнилась сцена, которую я увидела, случайно использовав дар во время побега из Столицы... Обжигаяще горячий песок. Обугленные руины жилищ. Почерневшие тела, от которых осталась лишь зола...

¹ Ил'хаши — темные эльфы.

— Почему же... ты тогда решил покинуть свою семью?

— Потому что был молод, глуп и влюблен, — неохотно признался орк. — Мне приглянулась фавнирка с западных островов. Влюбился в нее без памяти. Я был сыном вождя, и когда объявил, что покидаю племя, отец был потрясен. Меня уговаривали остаться, но я не отступился, несмотря на предупреждения. Жизнь фавниров короче нашей, но я все равно решил рискнуть. Мы прожили вместе сорок зим. Я сам похоронил ее, потом долго скитался, надеясь найти свое место, и решил вернуться, чтобы попытаться заслужить искупление, потому что не хотел оставаться один... Но когда вернулся, просить прощения было уже не у кого, — он сжал кулаки. — Не знаю, что там произошло. Возможно, была битва с соседним племенем. Может быть, это сделала стихия. Но никого в живых не осталось.

Орк вытащил из-под одежды огромный зазубренный клык размером с мою ладонь и показал его мне. Пожелтевшая кость была испещрена мелкими засечками — вероятно, какими-то словами на незнакомом мне языке.

— Это зуб акулы, которую когда-то убил мой отец, — объяснил Кригер с глубокой печалью. — Он пожертвовал своей рукой, чтобы накормить все племя. Я попытался записать имена всех, кого смог вспомнить. Но время стерло из памяти имена и лица многих моих соплеменников. Я похоронил их всех, но, возможно, некоторые достались Вороньей Повелительнице... — орк тяжело вздохнул. — Иногда я завидую эльфам с их безупречной памятью. Прошло уже восемьдесят зим, а я так и не сумел простить себе свой эгоизм.

— Восемьдесят?! Сколько же тебе...

— Всего сто пятьдесят семь, неужели так плохо сохранился? — попытался он отшутиться, но тоска и печаль все равно взяли верх. — Может, будь я с ними в трудный час, их участь была бы иной...

Он замолчал и некоторое время задумчиво рассматривал акулий зуб, погруженный в свои мысли.

— А как вы познакомились с Йаной?

— Я много где пытался пристроиться. Работал на галерах, в порту, был наемником. Потом попал к Змею, который оценил мои навыки и взял в команду. Синдикат давно занимается перевозкой людей на Архипелаг и сотрудничает с «Оком». Мы с Йаной встретились на одном из заданий. Перевозили мальчика-арраканца. Ну и как-то сработались. Она тоже всякого дерьма в жизни повидала, хотя это и незаметно.

— Получается... люди лишили вас дома и заставили жить в таких условиях? — тоскливо спросила я. — Вы, должно быть, злитесь на имперцев, как и Гемос?

— Старшие народы забывают, что сами когда-то пришли на эти земли и решили обосноваться на Архипелаге. Они хотели изучать новую для них дикую магию, ведь люди смогли преодолеть магические штормы, разделявшие континенты. А они не смогли. Потом за ними пошли и младшие народы. Так и живут теперь бок о бок.

— Но Архипелаг же разрушается. Разве не поэтому они хотят вернуть себе Хартвельд?

— Младшим народам сейчас не до этого. Их беспокоит собственное выживание. Они не хотят покидать земли, где живут тысячи зим. Это их дом. Если море не поглотило эти земли за столько тысячелетий, значит, они простоят еще столько же. Но... — он вдруг задумчиво уставился вдаль, — есть легенда, что за Гранью моря скрываются земли, куда не ступала нога разумного существа. Там мана льется рекой, и боги ходят там по земле, как смертные. Земля обетованная... Многие мечтают об этом, но пока никто не достиг успеха — стихия забирает всех, кто пытается ее преодолеть. Говорят, что только когда душа Кааса Тодэ вновь родится, обретет плоть и кровь, он соберет смельчаков и откроет путь к этим землям.

— У нас есть похожая история про самонадеянного аристократа, который собрал огромный флот, но так и не вернулся.

— Вы просто забыли, как это делается, — хмыкнул Кригер, поднимая глаза к небу. — Кааса Тодэ до сих пор почитают как великого мореплвателя даже магические народы. Его подвиг никто не смог повторить. Видимо, боги благоволили ему, когда вели к берегам Хартвельда.

Я удивленно посмотрела на орка. От него я точно не ожидала таких слов. Каас Тодэ, или Первый Страж, по легендам, основал род Кустодесов. Правда, историки не пришли к единому мнению, что такое «Каас Тодэ» — имя, прозвище или какой-то титул. Старший сын Кааса Тодэ Леон продолжил дело отца и помогал людям переселяться с Эльданара на Хартвельд. Его почитали во всех провинциях, хотя многие пытались умалить его заслуги. Но чтобы нелюди так отзывались о человеке... Наверное, он и вправду был великим.

— Что-то мы засиделись, — сказал Кригер, со вздохом пряча драгоценный зуб. — Завтра продолжим. Гемос, думаю, со дня на день должен... Эй!

Внезапно он выругался и вскочил, ища что-то глазами. Мое сердце упало. Норберту не понравилось, что всем моим вниманием сегодня завладел бронзовокожий гигант, и он решил укусить того за палец.

Малыш бесстрашно смотрел ему в глаза, пока орк с изумлением разглядывал его.

— Кригер, прошу, не делай с ним ничего...

— Что это... варг? — на его лице впервые отразились удивление и растерянность. — Только не говори, что...

— Я его не притаскивала, он сам пришел, — быстро оправдалась я.

— Там был еще один? Ты его не пристрелила?

— Нет, я... не смогла.

— О, Боги... Ты понимаешь, что будет с деревней, если рядом с ними окажется варг! Если он не уничтожит всю дичь, то, без сомнения, начнет терроризировать местных.

— Норберт этого не сделает. Мы с ним договорились...

— Норберт?! — казалось, Кригер не мог выглядеть еще более удивленным, но он смог. — Ты ему что, и имя дала?..

— Ну да, надо же было к нему как-то обращаться. Он действительно довольно смысленный и понимает меня.

Кригер переводил взгляд с меня на щенка и обратно...

— Ты либо безумна, либо отважна... — начал он неуверенно, все еще отказываясь верить своим глазам. — Ты же понимаешь, что не сможешь взять его с собой? И что он, вероятно, загрызет тебя, когда станет крупнее?

— Понимаю. Мы договорились: я его немного подкармливаю, а потом, когда мы уйдем, он будет сам охотиться в лесу. Он уже достаточно большой, посмотри, как он вырос за неделю.

— Да... — Кригер присел на корточки и внимательно осмотрел щенка. Волчонок все так же гордо, без страха, глядел на орка. — Видимо, сама Великая Мать оберегает тебя, малыш...

Он вздохнул.

— Я никому не скажу. Но учти — если он не уйдет отсюда, я лично от него избавлюсь. Я не позволю местным пострадать из-за твоей слабости.

Варг недовольно зарычал, будто оскорбился, что в его честности сомневаются. Кригер усмехнулся.

— А он с характером... Эх, будь ты северянкой и сведи судьба вас при других обстоятельствах... Он мог бы стать тебе верным другом.

Так мы провели еще два дня. Я пыталась принимать нелепые позы, удерживая тренировочный «меч», а Кригер пытался найти общий язык с Норбертом. Возможно, орк чувствовал вину перед щенком за то, что случилось с другими волчатами, и старался загладить ее.

Норберт оставался настороженным и доверял Кригеру еще меньше, чем мне. Вероятно, если бы у него не было этого качества, он не выжил бы той ночью. Но видя, как щенок про-

должает кусать палец Кригера каждый раз, когда тот пытается погладить его густую шерсть, я радовалась, что тогда не сделала страшный выбор и не выстрелила.

Однако момент расставания приближался. Гемос появился утром, когда мы с Кригером собирались в лес. Его появление всех нас встрепонуло.

— Погода не позволила приехать раньше, — ворчал он, объясняя причину задержки. — Я ехал через Белизну, и не хотелось лишний раз нагружать тюров, учитывая предстоящий путь. Поэтому я переждал пару дней на Фронтире, пока снежная пустыня не успокоится.

— А что такое тюры? — спросила Ада, помогая Софии собирать вещи.

— Вот сейчас и познакомлю вас, — хмыкнул Гемос, взял несколько тюков и вышел на улицу.

Когда мы увидели его упряжь, я невольно вздохнула. Это был небольшой домик на полозьях, который тянули два необычных животных — огромные быки с густой белой кучерявой шерстью и лосиными рогами на головах.

Гемос с гордостью провел рукой по боку одного из быков.

— Кто хочет погладить моих красавцев?

— Спасибо, воздержусь, — я отступила, когда один из тюров повернул голову и недовольно фыркнул, обдав меня неприятным запахом.

Каталина, напротив, с энтузиазмом чесала одну из громадин, и бычок довольно похрюкивал.

— Они могут долго идти без еды и воды, очень сильны и миролюбивы, — рассказывал Гемос Аде. — И особого ухода не требуют. Прямо как я.

Он залился грубоватым смехом.

Подтащив вещи ко входу, я заглянула внутрь. Хозяин постарался навести порядок, но запах затхлости и немытого тела остался. В помещении висели различные походные принадлежности, в углу стояла железная печь, заполненная дровами, которая занимала почти треть пространства. На полу лежал огромный спальник.

— Спим все вместе, — сообщил нам Гемос. — Если что, там есть перегородка, если вам так будет удобнее.

Я сглотнула, представив, как мы будем тесниться в этой лачуге. Особенно учитывая, что рядом будет храпеть этот дворф.

— Ты сам построил эту повозку? — спросила я, поставив мешок с провизией у печи.

— Сани часто используют для путешествий по Белизне. Я лишь доработал их под себя. Вам повезло — вы будете весь путь внутри. Если Химмель окажется благосклонен, мы преодолеем ветра и доберемся дней за восемь.

Пока мы заносили вещи, свободное место исчезло окончательно.

— Как мы тут вшестером поместимся? — удивилась я.

— Вшестером? — Гемос недовольно посмотрел на Софию. — Ты разве не сказала им? Наставница застыла и быстро покачала головой. Гемос закатил глаза.

— Ох, Зоффрель, когда же ты научишься прощаться...

— София?.. — я не могла поверить своим ушам.

— Простите, я... я не хотела вам об этом говорить, — она опустила взгляд, избегая смотреть на нас. — Я не еду с вами. Дальше вами будет заниматься Йана...

— Нет! — я бросилась к ней, схватив за руку. — София, как же... как я буду без тебя?

— О, дитя, — она по-матерински нежно провела по моей щеке, утирая уже навернувшиеся слезы. — Ты сильно выросла, но ведь знала, что я не смогу быть с тобой всегда...

— Я не хочу... я не готова, — всхлипывая, я упала в ее объятия.

Вся боль, злость и недовольство на сестру Оре, за то, что она скрывала правду, исчезли перед страхом потерять ее навсегда.

— Ну же, госпожа! Что за слезы, — попыталась она меня успокоить. — Вы же дочь Великого Дома... Не забывайте об этом, где бы ни были.

— Без тебя я не смогу там одна...

Я спрятала лицо в ее меховом воротнике, чувствуя, как она мягко обнимает меня, и мои рыдания усилились.

— Ты не будешь одна, Камилла, — тихо произнесла она, поглаживая меня по голове, как в детстве, когда хотела успокоить. — У тебя будут друзья. Там будут другие спасенные люди. Вы будете поддерживать друг друга, и...

— Они не ты! — всхлипнула я снова.

— Ох, вот почему я всегда был против этой идеи с сервитуариями... — вздохнул Гемос, на что Йана недовольно посмотрела на него.

София мягко отстранила меня.

— Камилла, девочка моя, — она посмотрела на меня с трудом сдерживая чувства, ее глаза блестели. — «Сильными не рождаются», помнишь? Взрослая жизнь — череда встреч и расставаний. Но прелесть в том, что судьба снова сводит людей, когда нужно. В нужное время и в нужном месте. Вот увидишь, мы еще встретимся.

— Обещаешь?..

— Обещаю, — кивнула она и поцеловала меня в лоб. — Ты так похожа на свою мать... Будь сильной и решительной, как она. Я постараюсь отправить весточку Эстебану, что с тобой все в порядке.

— С-спасибо тебе... И прости меня. За все гадости, что говорила, за то, что заставляла переживать, или из-за проблем, которые были из-за меня.

— Брось, — улыбнулась София тепло. — Это в прошлом.

На мгновение у меня возникло неприятное чувство, что она точно так же прощалась с другой воспитанницей или воспитанником. И возможно, ей еще предстоит простаться с кем-то еще... Это не делало расставание менее болезненным, лишь оставило горький привкус на губах.

Ада и Каталина тоже подошли.

— Я плохо вас знала, София, — прошептала Ада. — Но только благодаря вам я жива. Если бы не вы... я бы точно была в руках имперцев. И благодарна всем Богам за то, что судьба свела меня Камиллой и с вами.

— Я тоже рада, что у Камиллы есть такой верный друг, как ты, — кивнула София. — Буду молиться, чтобы трудности не сломили и не разлучили вас...

Последней к Софии подошла Каталина. Они долго смотрели друг на друга, не находя слов. Много зим пререканий, язвительности и брани были нормой, но за два месяца их отношения изменились так сильно, что они не знали, как теперь быть.

А потом Каталина просто бросилась к ней и крепко обняла наставницу.

— Ты молодец, — сказала София, отстранившись. — Я была несправедлива к тебе. Прости меня, если сможешь.

— Как и вы меня, — робко ответила Каталина. — Вы дали мне так много, а я не ценила... Только сейчас начала это понимать.

— Не оставляй ее, ладно? Вы были вместе с самого детства. Сейчас ты все, что осталось у Камиллы. Впереди много трудностей, но вместе будет легче.

С этими словами она отошла к Кригеру, быстро утирая рукой мокрые дорожки на впалых щеках.

Глава 10

Еще одна особенность Веаса, о которой я позабыл и которая теперь меня раздражала, — это поздние закаты и ранние восходы. Солнце слишком долго висело на небе, словно издеваясь, безжалостно давя влажным удушьем, лишая возможности почувствовать вечернюю прохладу на разгоряченной коже. Утром же оно поднималось слишком рано, отнимая драгоценные часы отдыха, которых мне и так не хватало.

Свет нового дня снова ударил в лицо, вырывая из объятий сна. Сон, мгновением назад бывший таким ярким, растворился дымкой, стоило открыть глаза и увидеть потолок. «Это из-за этих стен... — устало подумал я. — Они так на меня действуют... Слишком много воспоминаний».

И это действительно так. Как бы я ни старался, мысли, словно назойливые мухи в жаркий день, облепливали неприятным беспокойством, неприятно копошась в голове. И даже моя миссия не помогла отвлечься от тягостных воспоминаний...

Ариана, лежа рядом, сладко потянулась и перевернулась.

— Ты снова рано встаешь? — мягко спросила она сквозь сон.

— Что ты здесь делаешь? — ошарашенно спросил я, глядя, как она, морщась от солнечных лучей, устраивается поудобнее.

— Ты забыл? — спросила она с безмятежной улыбкой. — Вчера ты не был настолько пьян...

— Нет, я не об этом. Почему ты *еще здесь*? Мы же договаривались, что ты уйдешь заранее, чтобы нас не заметили.

— Да? Неужели Хранитель Чести боится гнева своего брата? — лукаво спросила она.

— Нет, — нахмурился я. — Но лишние скандалы нам сейчас точно ни к чему.

Она приоткрыла один глаз.

— Прости. Мне было так хорошо ночью, что хотелось остаться, и вот я задремала...

Я раздраженно цыкнул и закрыл глаза. Возможно, Валентин не зря считал ее лишь красивой дурочкой. Хотя в постели она была не так уж и плоха.

Все началось несколько дней назад, после похорон Хана... Я пытался поговорить с Валом, объяснить ему, что тоже скорблю, что я ему не враг, что стараюсь поступать правильно в своем положении, когда мне не доверяют ни веасийцы, ни имперцы. Но вместо этого чувствовал, что говорю с более категоричной версией отца. Он всегда был упрямым и вспыльчивым, но все его плохие черты с годами словно становились острее. Мы и раньше могли спорить, не всегда соглашались, но я знал, что на Вала можно положиться. Он был моей опорой, которую сам же разрушил.

Я злился на него, на себя, на отца, на всех... Не будь я тогда на взводе, честь и уважение к Валентину не позволили бы мне так поступить с братом. Но в ту ночь, когда Ариана проскользнула в мои покои, мне было все равно. Возможно, в глубине души я даже злорадствовал, особенно после его упоминания о Каталине, натолкнувшего на *некоторые* мысли...

Как он там сказал? Найти себе девицу на ночь мне не составит труда? Я усмехнулся. Да, несомненно, он был прав... Пожалуй, мы с ней сошлись на этом — на желании отомстить Валентину. И на нашей общей неприязни к кораблям.

Ариана потянулась ко мне, обняла за шею, призывая остаться, но я мягко отстранился, вызвав недовольное выражение на ее миленьком личике.

— А ты сама не боишься, что тебя увидят выходящей из моих покоев? Ведь это не я могу быть уличен в супружеской неверности.

— Нет, — она сердито посмотрела на меня, вздохнула и встала с кровати. — Это же Дом Ветров. Ветер гуляет меж стен, и если следовать за ним, можно найти тайные тропы, скрытые от посторонних глаз...

Она, вероятно, стремилась создать образ загадочной и таинственной особы, но, откровенно говоря, я был не в настроении для игр в столь ранний час.

— Это что, какая-то загадка?..

Мой вопрос вызвал у нее недоумение.

— Ты же прожил здесь столько зим. Хочешь сказать, что не знаешь?..

— Не знаю... о чем? — спросил я, искренне не понимая, что имеет в виду девушка.

Она быстро накинула платье из тонкого зеленого шелка, подошла к дальней стене комнаты и нажала на одну из панелей деревянной облицовки. Стена отворилась, открывая за собой проход.

Я с изумлением смотрел на потайную дверь, а в голове крутилось множество вопросов... Как я мог не заметить этого, когда мы с преторианцами осматривали помещения? Почему я только сейчас, спустя столько зим, узнаю о существовании тайных проходов в замке? И знали об этом отец или кто-то еще?..

Я медленно подошел к довольной Ариане. Из полумрака каменного коридора повеяло прохладой сквозняка, и по телу пробежали мурашки.

— Так ты... *так* каждый раз уходила?

— Разумеется. Если я буду бродить по коридорам ночью, меня могут увидеть. Я же не настолько глупа.

Пусть Ариана и дальше так думает, мне это только на руку — она была бесценным источником информации. Ее муж явно не уделял ей должного внимания, и для нее я был не только любовником, но и собеседником. В основном она болтала о пустяках, и мне оставалось лишь поддакивать время от времени, особо не вникая. У меня был достаточно богатый опыт — женщины ценили, когда их слушали, и я мгновенно становился в их глазах чутким и внимательным. Но, за исключением Каталины, я не встречал ни одной женщины, с которой можно было бы приятно проводить время не только в постели, но и за беседой.

Ариана Бланчи, теперь уже Кустодес, представляла для меня особый интерес. В отчаянной попытке удержать свое положение она призналась, что готова переспать с любимым, кто согласится зачать ей ребенка. «Какая разница, кто это будет — Валентин, ты или даже сам герцог. Главное, чтобы ребенок был похож на моего супруга», — объяснила она, когда я осторожно поинтересовался, с чего вдруг я оказался объектом ее внимания. Ее одержимость, хоть и пугала, но была понятна.

А вот безразличие Вала вызывало вопросы и наводило на определенные мысли. Конечно, всегда оставалась вероятность, что мой брат просто предпочитает *мужское* общество женскому, и я не собирался его осуждать — сам перепробовал многое. Но в сочетании со слухами о том, что Веасия тайно наращивает флот и, возможно, сухопутную армию, жалобы Арианы на то, что супруг постоянно пропадает в командировках и на советах, приобретали иной смысл.

И именно в мелочах, неважных для молодой сеньоры, которые она выдавала без раздумий, заключалась вся ценность. Она не замечала в них важных деталей, которые помогли бы сложить полную картину. Клестус также находил их весьма значимыми, когда я докладывал ему о том, где и как долго пропал Вал, с кем встречался и кому уделял свое время.

За шесть ночей мы собрали больше сведений, чем из всех безусловно чистых флотских отчетов. Мы с Клестусом уже не сомневались, что Южный и Восточный флоты армады вступили в заговор и готовятся к перевороту. Валентин и его союзники умело заменяли морских офицеров сначала на уровне кораблей, затем эскадр¹ и, наконец, дивизий. Однако Западный

¹ Эскадра — боевое формирование в веасийском флоте, включающее в себя 15-20 кораблей.

флот, где преобладали представители семей Ле Рой, Арелан и Фальконе, пока оставался вне их влияния. То же самое касалось Северного флота, как заверил меня Кайрос, и я не стал задавать вопросов.

В этой ситуации роль Бланчи становилась очевидной. Их земли были самыми плодородными в Веасе, и только они могли обеспечить провизией многократно увеличивающийся флот. Разорвать союз, скрепленный браком, будет непросто, но, судя по всему, Империя давно заподозрила что-то неладное и специально выдвинула условие о разрыве, найдя тому вполне законное обоснование. Все складывалось благоприятно, но...

Оставались неясными мотивы. Против Империи Валентин не осмелится выступить, но если у него будет военная мощь, он легко подавит недовольные Дома, и новыми графами станут бывшие адмиралы и командоры, которые получили шанс на флоте.

Такое изменение баланса сил может повлиять на всю экономику, лишив остальные провинции кораблей и конвоев... Но я не мог делать предположений. Я был военным, и мои догадки касались только этого аспекта. Я был единственным веасийцем, который мог спокойно объяснить Клестусу нюансы наших внутренних взаимоотношений, которые обычно оставались за пределами интересов имперцев, пока не затрагивали их лично.

Так я размышлял, глядя на потайной проход, а Ариана уже привела себя в порядок.

— Сегодня вечером я тоже зайду, как только провожу всех гостей, — промурлыкала она, поцеловав меня.

— Гости? — переспросил я, думая о том, что нужно срочно передать эмиссару информацию о секретных проходах в стенах, чтобы его тайны не были подслушаны.

— Сегодня последний день Весенних Волн, — рассмеялась она. — Будет большое застолье, в этом году в Мар-де-Сеале собралось много гостей.

— Ах, да, день семьи, — буркнул я. — Вряд ли меня там будут рады видеть...

Ариана поняла мой намек и сникла.

— То, как к тебе относятся, — ужасная несправедливость, — сказала она с искренней печалью. — Не должно быть так, чтобы брат ненавидел брата только за то, что их пути разошлись. Не представляю, чтобы мои братья из-за этого так обозлились друг на друга, а ведь некоторые из них тоже в Гвардии.

— Тут все немного сложнее, — я не был готов к такому разговору, особенно с ней. — Кустодес находятся в шатком положении, мне нужно было быть здесь, но я не хотел жить в тени брата.

«И отца...» — закончил я про себя, вновь испытал разочарование.

— Это слова Валентина, а не твои, — заметила Ариана пронизательно. — Сеньорита Камилла тоже считала, что вас нельзя осуждать, и пыталась объяснить это ему. Но Валентин... такой, какой есть. Упертый и принципиальный.

Я удивленно посмотрел на нее.

— Ты была в хороших отношениях с Камиллой?

Как только я задал этот вопрос, понял, насколько он глуп. Ариана, всего на четыре года старше Камиллы, была же ее невесткой и почти названной сестрой.

— Разумеется, — она улыбнулась. — Мне нужно было с кем-то проводить время, пока *мой любимый муж* в отъезде. В этом замке особо нечем себя занять, неудивительно, что они с сеньоритой Каталиной мечтали отсюда поскорее вырваться... Между прочим, это они показали мне эти проходы.

— Тогда это многое объясняет, — усмехнулся я. — Эти двое знали замок и окрестности, как свои пять пальцев.

Интересно, почему они никогда не рассказывали мне о них? Наверное, думали, что я не должен об этом знать... Мысль об этом неприятно кольнула.

— На самом деле я тебе даже немного завидую, — сказала она. — Не нужно будет сидеть в обеденном зале и притворяться, что приятно общаться с Гарсия и Ле Роями. Одни говорят только о своих лошадях, вторые — о том, как и кому их выгоднее продать.

Я усмехнулся. В детстве эта часть семейных застолий благополучно проходила мимо меня.

— Хорошо, что я могу найти себе более интересную компанию.

Ариана лишь пожала плечами, демонстрируя явное безразличие к дальнейшему разговору. С лукавой усмешкой она быстро подошла к двери и скрылась за массивной плотной створкой. Шов между камнями был едва заметен, и если бы я не узнал о его существовании, то ни за что не обнаружил бы зазор в каменной кладке.

Любопытство взяло верх, и я прислушался. Шагов Арианы почти не было слышно, а шум, доносившийся из глубины древней постройки, напоминал эхо моря или другие звуки, которыми была наполнена эта древняя крепость.

Хотелось разузнать побольше, но сегодня было намечено важное совещание с легионерами. Легат, конечно, не сразу понял, что проверки грозят не только веасийцам, но и им. В отличие от Валентина, Гораций не позаботился о подготовке документов, даже не удосужился спрятать часть информации от имперских комиссаров или внести некоторые изменения в бумаги.

Эмиссар нашел эту ситуацию забавной. Судьба офицеров, погрязших в бюрократии и взяточничестве, была предрешена, но предстояло разыграть эту сцену до вынесения официальных вердиктов. Я решил, что, как только отделаюсь от Агорикса, обязательно исследую тайные ходы и доложу Кайросу обо всем, что узнаю. Ведь он наверняка попросит меня сделать это, так почему бы не ускорить события?

Утро началось, как обычно: обход, доклад преторианцев о ночных происшествиях и обязательные тренировки. Многие белые гвардейцы воспринимали эту поездку как возможность отдохнуть от столичной дисциплины, но я, пусть и не был декурионом, не собирался давать поблажек. Хотя бы себе. Ежедневные занятия стали привычкой, от которой я не собирался отказываться. А потому старался выбрать время так, чтобы избежать встреч с другими солдатами и лишнего внимания зевак. Раннее утро идеально подходило для этого.

Но сегодня меня ждал неприятный сюрприз. На уединенной площадке, где меня никто не мог потревожить, я увидел Эстебана с тренировочным двуручным мечом в руках. Несмотря на то, что солнце только начало подниматься над горизонтом, он уже был весь в поту. Движения отца были лишены прежней грации из-за перелома — большая нога заметно затрудняла процесс, хотя силы в нем не поубавилось.

Эстебан сделал очередной выпад, но нога дрогнула, и он пошатнулся, опершись на меч, чтобы не упасть. В этот момент его взгляд встретился с моим.

— Извините, я не хотел вас отвлекать, герцог, — сказал я с формальной вежливостью.

— Ты не отвлекаешь, Леонард, — ответил он, стараясь отдышаться то ли от боли, то ли от усталости.

«Он впервые обратился ко мне по имени», — внезапно осознал я, и это вызвало у меня смущение. Эстебан избегал оставаться со мной наедине или разговаривал с равнодушной учтивостью, как с любым другим гостем. В отличие от Валентина, который открыто выражал свой гнев, показное безразличие Эстебана задевало меня гораздо сильнее.

— Не думал, что кто-то готов уделить время мечу в такую рань, — заметил я, глядя на отца.

Эстебан выпрямился и вздохнул.

— Это просто способ выпустить пар, — с иронией выдохнул он. — Все эти жалобы и лицемерные разговоры выводят из себя. Как представляю, что сегодня придется сидеть с ними за одним столом и улыбаться... — он вздрогнул от отвращения. — Зато тут никто не увидит

моих позорных попыток держать меч в руках. С такой ногой я уже ни на что не способен. Даже стоять трудно...

— Выпускать пар можно иначе, — заметил я.

— Избивать слуг, как это делают некоторые дворяне? Или на охоте? — он невесело хмыкнул. — Одной мне уже хватило...

Мой взгляд невольно скользнул к его негнущейся ноге, когда он, стараясь сохранить достоинство, проковылял к свободной скамье.

— Почему вы не пригласили столичных лекарей? Уверен, они бы справились с такой травмой.

— София Оре сделала все возможное. Если бы не ее... *помощь*, все могло бы быть гораздо хуже. Перелом был сложным, но она сохранила мне ногу, за что я ей очень благодарен.

— Не знал, что она такой опытный лекарь, — нахмурился я.

Насколько мне известно, сервитуарии носят кольца на руках, и каждый из перстней на каждом из пальцев мог выдать о слугителе все: его опыт, знания, достижения, навыки, допуск к засекреченным материалам и ранг в Ордене. София Оре носила только одно кольцо, как любой из аколитов⁴²¹, получивших право обучать. Когда она успела изучить медицину?

Эстебан пожал плечами, ничего не ответив. Повисло неловкое молчание, и я, не зная, продолжать ли разговор, решил заняться тренировкой, чувствуя, что отец следит за каждым моим движением.

— Я заметил, что ты изменил стиль фехтования, — сказал Эстебан, кивая на Алиду и Валору. — Это имперские гладиусы⁴³¹, верно?

Я кивнул, вытирая пот со лба.

— В Серой гвардии я пользовался шпагой. Пришлось сменить оружие, когда стал белым гвардейцем, у них другое обмундирование.

Эстебан задумчиво кивнул.

— Я так и не смог привыкнуть к имперским «зубочисткам», предпочитая двуручный меч. Так нас учил предыдущий Первый клинок, Раймонд, отец Максимилиана... Его тренировки не раз спасли мою шкуру.

— Как и мою... — тихо сказал я, сжимая клинки. Я сомневался, стоит ли заводить разговор, как с Валентином, но страх, что и отец отвернется, не выслушав, раздирал меня. — Отец, я...

— Я понимаю, — перебил меня Эстебан. Глубокие синие глаза смотрели прямо на меня твердо, без ненависти, без неприязни, которую я замечал в каждом местном после своего возвращения. — Хотя я и разочарован твоим выбором, я могу понять, почему ты его сделал.

Я застыл, ошеломленно глядя на отца.

— Понимаешь?..

— Все это, — он обвел взглядом высокие каменные стены, — не должно было произойти. Я старался не быть дерьмовым отцом, каким был для меня Эрнест. Но, похоже, у меня не получилось.

— Не получилось, — согласился я, все еще не веря своим ушам.

— Я мечтал о лучшей жизни для себя, а не о той, к которой меня готовили. Когда отец умер, Грегор легко занял его место, подражая во всем. И меня от этого воротило настолько, что я был готов бежать куда угодно, лишь бы не оставаться рядом... — Эстебан замолчал. — Надежда на то, что мои дети избегнут подобной участи, угасла в тот день, когда Трибунал позволил мне покинуть службу и принять титул герцога. В тот день... все изменилось. Я поклялся

¹ Аколит — первоначально малый чин духовенства, помощник епископа или пресвитера, а впоследствии церковнослужитель-мирянин в Римско-католической церкви; (здесь) низший чин в иерархии Ордена, представители которых допускаются только до работы учителями в аристократических семьях.

¹ Гладиус, или гладий (лат. *gladius*) — древнеримский короткий обоюдоострый колющий солдатский меч до 60 см длиной.

сделать все ради семьи, но, глядя на вас с Валентином, не понимаю, что пошло не так и почему ты не захотел вернуться домой.

— Это место никогда не было мне домом, — неохотно признался я, боясь произносить эти слова. — Я никогда не чувствовал себя здесь своим. Только в Столице я ощущаю себя на своем месте.

Эстебан поморщился.

— Мне жаль, если это так, — он вертел двуруч в руке, задумчиво разглядывая поврежденное лезвие.

— Более того... — продолжил я, внимательно следя за реакцией отца на то, что я собирался сказать. — Я бы не смог вернуться, зная, *что* ты совершил и как себя ведешь здесь, где никто не знает, на что ты был способен раньше.

Эстебан напрягся, услышав это.

— Так ты... *знаешь*?

Я коротко кивнул.

— Изучил хроники Арраканского восстания и узнал много нового. Как тебя называли? Пепельным демоном?

— Повелителем пепла, — поправил Эстебан с горечью в голосе, и его лицо помрачнело. — Это была война, Лео. У нас был приказ, и мы его выполняли.

— Сжигать деревни заживо, а затем развеивать пепел над другими поселениями, чтобы они сдавались без боя, было твоей личной инициативой, — сказал я, глядя на отца с брезгливым отвращением. — И довольно эффективной тактикой.

— Ты не понимаешь, с чем мы столкнулись, — на мгновение его глаза потускнели, отражая в глубинах зрачков забытый ужас. — Арраканцы перешли черту, решив использовать против Империи то, чего они не понимали. Их победа не стоила бы таких непоправимых последствий.

— Я знаю, что они использовали маналиты и магические артефакты, — перебил я его оправдания. — Это было опрометчиво и глупо, угрожало уничтожить все, что Император с таким трудом создавал годами, но... Я знаю, *кто* сражался на их стороне. Я видел... *их*.

Лицо Эстебана, мертвенно-бледное, постепенно меняло выражение: от недоверия к ужасу, а затем к отчаянию. Я продолжил:

— В первый раз я столкнулся с *ними* на границе с Набелитом, когда служил в Девятом Легионе. Мы участвовали в приграничной стычке вместе с небольшим отрядом из Семнадцатого. После этого я... я решил, что должен остаться в строю. Мы обязаны истребить *это* на наших землях и защитить людей от этой... *нечисти*.

Я боялся назвать то, с чем столкнулся, по имени. Иногда хотелось верить, что глаза подвели меня, а разум сыграл злую шутку. Даже говорить об этом было крайне опасно. Если меня не сочтут сумасшедшим, то за разглашение тайн и нарушение присяги могли лишиться головы.

Однако отрешенное выражение ужаса на лице отца говорило само за себя.

— Понятно, — задумчиво произнес он, похоже, сделав неутешительные выводы. — Если ты осведомлен об этом, бесполезно уговаривать тебя оставить службу и вернуться домой.

— Ты действительно на это надеялся?

— Да, — признался отец. — Даже без титула ты остаешься моим сыном, моей кровью. Пока ты заложник Империи, я не осмелюсь предпринять что-либо... Жаль, что Валентин этого не понимает.

— Он не в курсе? — осторожно спросил я. — Ну... об *этом*.

Отец покачал головой.

— Я сомневался, что он станет слушать и поверит мне... Если бы я сам не столкнулся с этой *напастью*, посчитал бы безумцем того, кто рассказал бы мне об этом.

— Возможно, знай он правду, он стал бы более сдержанным?

— Я больше опасуюсь, что он увидит в этом возможность... И тогда нас ждет участь, подобная Амашиито.

Эстебан поднялся со скамьи и медленно подошел ко мне, глядя оценивающе. Он жадно пытался отыскать во мне что-то, что было ему нужно, но, судя по разочарованию на сухом морщинистом лице, не нашел.

— Я понимаю, зачем ты здесь, Лео, — тихо начал он. — Почему именно тебя, а не кого-то другого из Золотых гвардейцев они притащили сюда.

— Я здесь потому, что выполняю приказ, который мне поручили Трибунал и Император, — резко ответил я.

Но мужчина лишь невесело усмехнулся.

— Валентин убежден, что ты шпионишь в пользу Империи, собирая информацию против нас. Альберто же видит в тебе того, кто должен разобщить и показать, что при желании нас можно поставить на колени.

Пока я не услышал ничего нового.

— С ними ты не согласен? — спросил я, нахмурившись. Я был готов к недовольству, но вместо этого увидел лишь... печаль.

— Это послание. Живое напоминание мне о том, что может произойти... И о том, что уже когда-то произошло, — Эстебан утопил лицо в ладонях.

Я в растерянности ждал, пока он продолжит. Когда он снова посмотрел на меня, я удивился: никогда не видел его таким потерянным.

— Я должен был стать залогом мира. Угодить всем — и Империи, и Малым Домам. Я позволял Фальконе и Ареланам забирать Торговый флот, который они так хотели. Обещал Каррону и Гарсии укрепление наших позиций. Дюфорам дал возможность утопать в своем желании мести, Бланчи заполучили место при дворе... Я говорил им все, что они хотели услышать. Но к чему это привело...

— Ты и нам говорил только то, что мы хотели услышать?

Эстебан стыдливо отвел взгляд.

— Я надеялся, что, показав себя заботливым и понимающим отцом, справедливым и милосердным правителем, который прислушивается к желаниям каждого, смогу добиться того, к чему стремились Эрнест и Грегор, без кровопролития и жестокости. Но что в итоге? Мои подданные считают меня безвольной марионеткой Империи. Империя считает меня слабаком, который потакает капризам аристократов. А моя семья, ради которой я пошел на все, ненавидит меня и презирает за попытки уберечь от беды.

— Почему же тогда ты позволяешь Валу настраивать всех против имперцев? — возмутился я, не в силах видеть отца таким. — Почему бы тебе просто не взять все в свои руки и не подавить любое неповиновение?

— Потому что за ним стоят люди, — он мрачно посмотрел на меня. — Я поздно понял, что Валентин успел завоевать достаточное признание среди веасийцев. Они видят в нем Грегора и того, кто продолжит дело Эрнеста. Не титул делает правителем, а уважение последователей. В глазах аристократов он правитель Веаса, а не я. Слишком поздно пытаться отстранить его и держать рядом. Остается только направить и научить терпению, чтобы он не совершил непоправимых ошибок... — Эстебан замолчал, будто бы сомневаясь. — Я думал, что и тебя удастся образумить.

— Меня? — я был ошеломлен, глядя на отца. — Как? Теми сухими письмами, которые ты мне отправлял?

— Ты же сомневался в своем выборе, не так ли? И до сих пор сомневаешься. Тебя мучает чувство долга, и ты пытаешься доказать свою преданность... вот только кому? Империи, для которой ты всего лишь удобная фигура на шахматной доске?

Мои глаза забежали. Где я умудрился так подставиться?

— Откуда ты знаешь? Это только твои догадки...

— Неужели ты думаешь, что за тобой не следили, пока ты был в Столице?

Я лишь с несколькими людьми делился своими переживаниями. Мои сослуживцы, которых я считал друзьями, не имели к этому отношения. Но кто же тогда? Камилла? Или...

Сердце рухнуло в пятки ледяным осколком.

— Ты... ты использовал Каталину? — выдохнул я, пораженный догадкой.

Он равнодушно пожал плечами.

— Ну, она должна была быть полезна. Она всегда была моими глазами и ушами там, где для меня не было доступа. Благодаря ее *навыкам* я избавился от многих ненадежных людей в окружении, которые могли представлять угрозу для Дома Кустодес.

Мечи глухо упали на землю. Я схватил Эстебана за грудки камзола.

— Как ты мог так поступить с ней?! — почти закричал я. — Она человек, а не вещь, чтобы ты распоряжался ею по своему усмотрению!

— Все ради безопасности семьи, — спокойно ответил он, не реагируя на мой гнев, чем взбесил меня лишь сильнее. — Если ради этого нужно подложить женщину кому-то в постель, я сделаю это столько раз, сколько потребуется.

Кулак рассек воздух прежде, чем я успел это осознать. Возможно, я слишком сильно ударил, а, может быть, отец просто не ожидал такой реакции, но удар сбил его с ног, и Эстебан тяжело рухнул на песок. Однако даже это не вывело его из себя — он лишь провел тыльной стороной ладони по губе, стирая кровь. Пока я пытался успокоиться, тяжело дыша, он с трудом поднялся и стряхнул грязь с одежды.

— Ну что, выпустил пар? — его голос остался невозмутимым.

— Ты это заслужил, — прошипел я сквозь зубы.

Он лишь усмехнулся.

— Возможно.

С этими словами герцог, оставив тренировочный меч, взял трость и неторопливо удалился, оставив меня наедине с бушующим гневом.

Я уже давно не был так разъярен. В каждый удар по манекену я вкладывал всю свою злость, пока лезвие не рассекло кожу, обнажая внутреннюю набивку. Этот мерзавец... за что он так с Каталиной? Все ее осторожные разговоры о том, как она хотела покинуть Мар-де-Сеаль, как искала свое место и хотела сбежать от Кустодесов, приобрели новый смысл. Она столько раз пыталась предупредить меня о своей роли по приказу Эстебана, а я, глупец, ничего не понимал.

Это точно началось после моего отъезда, ей тогда было лишь двенадцать. Мы еще поддерживали с ней общение те два года, что я служил в Кадетском корпусе, а после... Чувство вины накатывало едкими волнами. Я в который раз вспомнил, как поступил с ней тогда, перед отъездом в Столицу.

Мне не следовало быть таким жестоким. Я долгие годы не мог себе этого простить. Но мысль о том, что я своей жестокостью мог подтолкнуть ее на этот путь, теперь терзала меня каждый раз, стоило вспомнить улыбку, предназначенную только для меня...

А что, если... и отец *что-то* сделал с ней? Что если он *воспользовался* ей?..

Очередной удар мечом, и голова манекена отлетела в сторону.

Нет, я не прощу ему этого. Эстебан мог казаться добрым, но я знал, каким его помнили сослуживцы. Жестоким. Беспощадным. Покорным воле Императора. Именно так он заслужил уважение в рядах гвардии, не оставляя места сомнениям в своей преданности. Я верил, что смогу стать таким же, но теперь меня тошнило от мысли, что я пытался равняться на этого человека.

Все разговоры о чести и долге, которыми он пичкал меня с детства, теперь казались пустыми и фальшивыми. У меня был шанс сбежать от этого, но Вал и Камилла... Мне искренне жаль их обоих.

Встреча с отцом испортила мне настроение так сильно, что дурное расположение духа отразилось на моих обязанностях. Двоих преторианцев, стоявших на страже покоев Клестуса, я отчитал за неподобающий вид только потому, что один из них был в мятой после ночной смены униформе. Белые гвардейцы смотрели на меня с удивлением, но возразить не посмели.

Даже Клестус был поражен моим поведением.

— Все в порядке, Леонард? — осторожно спросил он после того, как я доложил последние новости. Информацию о тайных ходах намеренно утаил.

— Прошу прощения, эмиссар, — я попытался скрыть эмоции за маской невозмутимости, но безуспешно. — Просто... Личное. Простите. Это не должно влиять на мою работу.

Клестус внимательно посмотрел на меня.

— Возьмите-ка сегодня выходной, Леонард, — сказал он наконец. — Завтра состоится Консилиум, важный день. За эти десять дней мы проделали огромную работу, и вы внесли в нее не меньше вклада, чем я и Валериан. Тем более что у веасийцев сегодня праздник, последний день Весенних Волн...

— Я не имею к этому никакого отношения... — начал я, но Кайрос мягко положил руку мне на плечо.

— Отдохните, — повторил он, — я справлюсь со всеми делами сам. Завтра вы будете нужны мне со свежей и незамутненной головой... Так что пейте, но в меру.

Я с подозрением смотрел на эмиссара, ожидая подвоха. До этого он не проявлял ни капли сочувствия, и его сейчас озабоченный взгляд только усиливал мои опасения.

Имперец, видимо, понял это и вздохнул.

— Я знаю, вам сейчас нелегко. Я не чудовище и все понимаю. Тем более, что уравновешенный и рассудительный вы мне нужнее. Можете считать это приказом, если вам так будет удобнее.

— Вы уверены? Легат Агорикс еще не передал бумаги и...

— Боюсь, легат может пострадать, если встретит вас в таком состоянии, — усмехнулся Клестус. — Его придушить хочется, а сейчас не уверен, что вас получится удержать...

Хотя мы с Клестусом во многом не соглашались, однако презрение к напыщенному и самовлюбленному Горацию у нас было общее.

— Обещаю сам поговорить с ним. Его участь уже предрешена. А теперь, — Клестус указал на дверь, — жду вас завтра утром в Зале Советаний.

Оказавшись в коридоре, я испытал странное смятение. Преторианцы, которых я недавно обругал, быстро отдали честь и вытянулись по стойке смирно, явно не желая снова попасть под горячую руку. Теперь мне было неловко перед сослуживцами за свою вспыльчивость, и я торопливо направился в свои покои.

Когда кожаные ремни расстегнулись, я с облегчением снял свой доспех — никогда раньше он не был для меня таким бременем, как сейчас. Эстебан, как обычно, умел вызвать чувство вины даже за то, чем гордился. Но сейчас любые мысли об отце провоцировали у меня лишь приступы гнева, которые я не мог подавить. И чем заняться, я тоже не знал. Взгляд невольно упал на стену, за которой скрывалась сеть тоннелей, пронизывающих замок. Что ж, пожалуй, этим и займусь.

Облачившись в легкую рубаху и штаны, я все же решил взять с собой мечи. Так сразу стало спокойнее. Подойдя к стене, провел рукой по кладке и деревянной обшивке, пытаюсь нащупать механизм открытия. Я водил рукой по стене, пока не почувствовал небольшую, едва заметную выпуклость. Дверь медленно открылась передо мной, и я шагнул вперед без страха.

Когда проход закрылся, я пожалел, что не взял с собой источник света. Ариана, вероятно, ориентировалась здесь лучше, зная эти коридоры, но мне пришлось ждать, пока глаза привыкнут к темноте. Я шел на ощупь, доверившись случаю, пока не заметил свет впереди. В полумраке он казался ослепительным маяком. Приблизившись, я понял, что свет исходит от небольших отверстий в стене, а наклонившись, увидел, что это были глазки, позволяющие наблюдать за помещением. В комнате горничная наводила порядок.

Так началось мое небольшое приключение. Благодаря сквозняку я понимал, куда идти, и он приводил меня к следующему проходу в очередной комнате. Тоннели действительно соединяли весь замок, даже между этажами. Я видел личные покои, комнаты слуг и церемониальные залы для приемов. Тот, кто знал эти ходы, знал все секреты Каса-де-Вентос и его обитателей. Неясно, для чего же наши предки построили их.

Не знаю, сколько времени я провел в изучении, но в конце концов столкнулся с неожиданной проблемой — я не понимал, как выбраться из тоннелей. Мне попало несколько пустых помещений, однако с внутренней стороны ни одна дверь не поддавалась, как бы я ни старался найти механизм, открывающий проход.

Постепенно я погружался в панику, чувствуя, что попал в ловушку. Успев упрекнуть себя за поспешное решение, я снова и снова бился в закрытые двери, пока не узнал одну из комнат. Это были покои герцога. Самого его там не было, но мое внимание привлек огромный портрет, висящий напротив кровати.

На мгновение показалось, что это Камилла, но потом я понял: с холста на меня смотрела мама. Я не знал, кто и когда написал эту картину, но пронзительный взгляд янтарных глаз, глядящих на меня с бледного утонченного лица в обрамлении черных кучерявых волос, казался живым.

Я почувствовал, что глаза стали влажными, и быстро проморгался. Лицо матери успело раствориться в памяти, оставив лишь неясный образ, смотрящий на меня сквозь годы. Сколько бы я ни пытался воссоздать его, вместо него появлялся облик сестры, так сильно похожей на Ренату. И теперь, когда на меня смотрело лицо, которое я так хотел увидеть спустя столько зим, не знал, что чувствовать. Смятение, тоску или горечь...

Может, отец просто дорожил нами? Мы были всем, что у него осталось. А теперь, прямо на его глазах, все разрушаем своими же руками. Камилла пропала, вляпавшись в проблемы. Валентин готовится разжечь огонь в самом сердце Веаса. А я... я оставил дом по собственной воле, отвергнув семью.

Мог ли я винить Эстебана за то, что он пытается всеми силами спасти нас, пока мы сами, из-за собственного безрассудства и эгоизма, хотим утонуть в отчаянии, вызванном ложными надеждами и ожиданиями, уничтожающими нас изнутри?

Нет, не мог.

И от этого стало только паршивей.

Эстебан оставался подонком и ублюдком, умело притворяясь тем, кем требовалось, но все его мысли были сосредоточены на одном — на семье, которая была для него всем в этом мире. *Все ради благополучия семьи...*

Я отвернулся, не в силах выносить спокойный взгляд портрета, который словно осуждал меня за мои мысли. Проклятье. Кто бы мог подумать, что обычная картина способна вызвать столь бурные эмоции? Я был уверен, что ничто не может меня сломить... Похоже, теперь я буду топить это в вине, надеясь вычеркнуть укоризненный взгляд из своей памяти. Взгляд Ренаты... или Камиллы...

Сделав глубокий вдох, я напомнил себе о настоящей проблеме — о выходе из тайных лабиринтов. Холодный ветерок скользнул по шее, ведя меня в противоположную сторону, прося довериться и в этот раз. Я осторожно ступал по каменной кладке, пока не уперся в очередной тупик. Но, заглянув в него, затаил дыхание, узнав эту комнату...

Она выглядела такой, какой я ее помнил. И хотя бывал я там нечасто, знал — это покои Каталины. К моему удивлению, попытка вновь найти рычаг увенчалась успехом — раздался звонкий щелчок, и в глухой стене появилась щель, из которой лился солнечный свет.

Оказавшись внутри, я был вынужден зажмуриться — глаза слишком привыкли к темноте и теперь болезненно реагировали даже на тусклый свет, освещающий скромные покои фрейлины маркизы. Я огляделся, с нежностью вспоминая знакомый интерьер — те же кровать с тяжелым балдахином, небольшой комод и шкаф, а также туалетный столик... Я живо воскрешал в памяти моменты, казалось, забытые и отброшенные за ненадобностью.

Вспомнил, как Каталина любила прыгать на мягком матрасе, пока София не видела — сервитуария всегда ругала ее за такое ребяческое поведение. Как она прятала в комод украденную бутылку вина, которую мы с ней однажды попробовали, а потом плевались, потому что оно оказалось ужасно кислым и невкусным. Как прятались вдвоем в шкафу, играя в прятки с Камиллой и зная, что сестре не хватит сил открыть массивную дубовую дверцу. Как она в этот момент задерживала дыхание, чтобы ее не было слышно...

Я втянул носом воздух. Хотя понимал, что это просто самообман, был готов поклясться, что здесь до сих пор витал ее запах — жасмин и яблоки...

Теперь меня терзала другая мысль, неожиданно поселившаяся в голове: если Каталина знала о проходах, то, вероятно, знала и все пути к комнатам, куда они вели. Возможно, и Эстебан знает...

Я покачал головой. Эти мысли были лишь плодом моего гнева и пустой ревности. На сердце было тяжело и тоскливо, и я обвел покои взглядом в последний раз и вышел в общий зал, соединяющий комнаты юной маркизы и ее фрейлины.

Как и в покоях Каталины, здесь царили чистота и порядок, хотя на полках не было привычных книг, а на круглом столике посреди комнаты не лежали оставленные безделушки. Время будто остановилось, ожидая возвращения тех, кто прожил здесь всю жизнь. Интересно, вернутся ли когда-нибудь Камилла с Каталиной сюда?

Мой взгляд упал на дверь из темного дерева, которая вела в комнату сестры. Я осторожно коснулся ручки, опасаясь, что она может быть заперта, но дверь легко поддалась и скрип нарушил тишину.

Воздух в чистой комнате был затхлым, спертым. Камилла всегда любила книги и постоянно приносила к себе тома из общей библиотеки. Ее любимые произведения занимали полки напротив письменного стола. Я думал, что книги давно убрали, но полки остались нетронутыми, без единой пылинки.

На столе царила неестественно идеальная чистота, но, заглянув в ящики, я улыбнулся. Сестра оставалась верной себе даже во взрослом возрасте. В детстве она делала выписки из сказок и легенд, а теперь ее бумаги были исписаны датами, формулами и терминами.

Магия. Вот что ее интересовало. Но не на уровне детских сказок о феях и русалках. Я помню, как она получила кулон от Хусов и на следующий день отправилась в библиотеку, расспрашивая Софию. Тогда-то Камилла и увлеклась историей почти до одержимости.

Я перелистывал страницы в надежде найти зацепку, которая бы объяснила, как маленькая девочка, получившая магический камень, превратилась в девушку, готовую нарушить закон. Что могло так потрясти ее, что она рискнула всем ради чего-то? В заметках снова и снова повторялся вопрос: «*Почему и куда исчезли волшебники?*»

Камилла была увлекающейся и дотошной, но не безрассудной. Ее рассудительность пугала меня с детства, и иногда она смотрела на окружающих серьезным, взрослым взглядом. Но могла ли она действительно проверить, что обладает магическим даром? Это было глупо. Волшебники — лишь эхо ушедшей эпохи, оставшееся в памяти потомков на страницах книг да в артефактах, которые до сих пор использовались, в том числе и незаконно.

«Но если это лишь глупость, почему она так интересует гвардию?» — мелькнула тревожная мысль. Если предположить, что это правда, то многое становится понятным: и сделка с Синдикатом, и незаконное проникновение, и интерес со стороны Императора и гвардии, и ее побег. Та ночь снова всплыла в памяти: силуэты, бегущие к воротам Масерии, и воюющие нюхачи.

Меня бросило в дрожь, а тело покрылось холодной испариной. Семнадцатый часто использовал гвардейцев, которые никогда не снимали шлемы, для обысков и проверки артефактов. Но я никогда не задумывался, как они это делают. У них не было приборов, они будто *чувствовали ману*...

Резкая боль вернула к реальности. Я отдернул руку, которую засунул в ящик в поисках записей: палец напоролся на что-то острое. Осмотрев его, я заметил небольшую ранку, где уже набухла капля крови. Недовольно цокнув, аккуратно поискал предмет, на который так неудачно наткнулся, и вскоре в моей ладони оказался небольшой самодельный браслет из янтаря и ракушек, который когда-то я сам помогал создавать.

Рядом лежал еще один, который Камилла сделала для меня, чуть менее изящный. Она до сих пор его хранила. Помню, как она хотела, чтобы я забрал его с собой в Столицу, но мне это казалось стыдным и нелепым, и я, чтобы не огорчать ее, попросил сохранить до моего возвращения. И вот теперь, спустя восемь долгих зим, я держу подарок сестры в руках, а ее самой здесь нет.

«*Она же слабая хрупкая девушка, кто защитит ее?*» — всплыли слова Валентина.

Я ждал браслет, не в силах что-либо исправить. Мог только принять это как данность. С каждым днем эти стены испытывали меня и мои убеждения на прочность, и я все больше поддавался отчаянию, которое раньше умело отгонял.

Нужно было выбираться отсюда. Хотя бы на один день сбежать туда, где ничто не напоминало бы о том, что я предал и оставил, чтобы исполнить свой долг.

Вылетев из покоев, я снова позволил ногам нести меня куда угодно. Солнце уже клонилось к горизонту, окрашивая небо бледными золотистыми оттенками. Вечерело.

— И куда вы так спешите, *господин Кустодес*? — холодный едкий голос заставил меня поднять глаза.

Валентин и Альберто, сопровождаемые своими женами, медленно шли по коридору. Ариана делала вид, что я ей безразличен, а вот невеста Каррона, чье имя я так и не запомнил, смотрела на меня с привычным отвращением, как на прокаженного.

— Видимо, гулять мне теперь запрещено? — сухо ответил я.

Валентин не ответил, но подозрительно прищурился. Он, вероятно, снова подумал, что я шпиону. Хотя на этот раз был недалеко от истины.

— Вы не в форме. Куда-то собрались? — спросил Каррон с явной агрессией. — Неужели вам разрешили гулять без поводка?

— В отличие от вас, у меня нет необходимости проводить время в унылых застольях с не менее унылыми родственниками, — ответил я в том же язвительном тоне. — Поэтому я решил заняться чем-то более интересным. Хотите составить мне компанию? Отпразднуем ваше назначение Первым клинком. Только учтите — угощать будете вы. В награду за столь *стремительный* карьерный рост.

Будь я в чуть более хорошем расположении, просто промолчал бы, но гнев, который я сдерживал весь день, вновь вскипел. Раз уж они видят во мне мразь, буду соответствовать их ожиданиям, чтобы их ненависть была хоть немного оправданной. И теперь с удовольствием наблюдал, как Альберто побледнел от такой дерзости.

Он уже хотел шагнуть ко мне, но невеста крепко удержала его за руку, не позволяя двинуться с места. Я злорадно усмехнулся:

— Я вижу, вы еще не женаты, а уже под каблуком. Мои соболезнования, Альберто. Говорят, семейная жизнь только из этого и состоит, — я обернулся к Валентину, который до этого спокойно наблюдал за нашей беседой. — Надеюсь, вы сможете просветить своего друга? Вы, сеньор Кустодес, наверняка знаете все секреты счастливой семейной жизни...

Ариана побледнела от этих слов. Я же впервые за день почувствовал злорадное облегчение, выпуская пар.

— Не будем больше мешать вашему... *времяпрепровождению*, — Валентин отступил в сторону, пропуская меня вперед, но взгляд говорил о том, что он готов придушить меня голыми руками прямо здесь. — Вам вряд ли удастся понять, что такое настоящая семья и семейное счастье.

С ухмылкой я зашагал по коридору, не оборачиваясь. Сейчас мне было все равно, чем аукнется эта выходка. Я был уверен, что ни Валентин, ни Альберто не оставят такое хамство безнаказанным. Зато теперь я знал, куда направляюсь.

Только оказавшись за стенами замка и перейдя деревянные мосты, ведущие в город, я почувствовал, как с каждым шагом сбрасываю с плеч давящий груз. Сегодня был последний день Весенних Волн, и я собирался повеселиться на полную катушку.

Деньги были при мне, а там, где есть деньги, всегда найдутся развлечения на любой вкус. И чем их больше, тем более необычные развлечения можно найти. Это был мой первый урок, когда я начал жить в Столице. Первое жалованье я спустил за пару дней, и остаток месяца приходилось довольствоваться лишь едой в казарменной столовой. Это стало вторым уроком — деньги, которые ты зарабатываешь сам, имеют свойство заканчиваться, если их тратить бездумно.

Атмосфера праздника, так разительно отличающаяся от строгости замка, манила, словно женские ласки, заставляя забыть и погрузиться во всеобщее веселье. В Мар-де-Сеале с наступлением ночи начиналась другая жизнь, не менее шумная, но более привлекательная. Улицы все еще украшали разноцветные флажки и гирлянды из весенних цветов. Некоторые жители создавали целые цветочные композиции в виде животных или людей — это была одна из традиций праздника весны.

Я шел по мостовой и вдруг понял, что наслаждаюсь безразличием окружающих. В Столице каждый мой выход в люди сопровождался пристальными взглядами, особенно когда я был в доспехах Золотой гвардии. Поэтому я так любил простые заведения, где мог остаться незамеченным, наслаждаясь выпивкой, едой и иногда компанией сослуживцев.

И вот когда я слился с толпой, выделяясь лишь искусно сделанным оружием на поясе, наконец-то ощутил свободу. Никто не смотрел на меня с презрением, ненавистью или отвращением. Пьяные и веселые взгляды прохожих были полны добродушия и радости.

Завернул я в первую попавшуюся, забитую до отказа таверну. Судя по вульгарным распевам, все гуляки уже были изрядно навеселе. Трактирщик, заметив меня, любезно налил кружку эля, которую я выпил почти залпом, вызвав его удивление.

— Что, мсье⁴⁴¹, денек не из легких? — спросил он с пониманием.

— Не то слово, — я подставил кружку для добавки, и мужичок сразу понял намек.

Эль был средней паршивости, но для моей цели — утопить в нем все мысли — вполне годился. После второй кружки я почувствовал долгожданную легкость. Сначала в теле, а затем и в голове. Не помню, сколько выпил, но очнулся уже в другой таверне, среди рыбаков, весело горланя с ними морские песни. Единственное, что меня удивило, это качество выпивки — она была получше и имела какой-то вкус.

¹ Мсье, мадмуазель — (здесь) вежливое обращение к веасийцам незначного происхождения.

Так я переходил из таверны в таверну, иногда один, иногда прибываясь к какой-нибудь компании. Мне было хорошо. Я просто наслаждался моментом, чувствуя себя обычным человеком среди сотен других, наслаждающихся этим вечером...

— Еще? — чей-то голос вернул меня к реальности.

Какой-то мужчина уже наливал мне кружку вина, не дожидаясь ответа. Рядом сидела незнакомая рыжеволосая девушка, которая развязано смеялась. Моя рука уже забралась под корсаж, лаская мягкую грудь, а она, обхватив меня за шею, прижималась все сильнее и сильнее...

— Леонард? — я замер, услышав свое имя.

Передо мной стоял Мартино Д'Ариас, раскрасневшийся от вина. Рядом были, кажется, старший помощник и боцман, а лица остальных уже плыли перед глазами.

— Я же говорил, что это он! — старпом хлопнул Мартино по плечу, расплескав содержимое его кружки.

— Надо же, какая встреча... — усмехнулся капитан Д'Ариас, явно обрадованный. И это было взаимно.

Компания, в которой я только что веселился, притихла, переводя взгляды с меня на команду «Алой чертовки».

— А вы, мсье... кем будете... — моряк, наполнивший мне кружку, заикнулся.

— Я-то никто... А вот вы как оказались в компании самого Леонарда Кустодеса?

Все взгляды устремились на меня, и я почувствовал, как стусевался, ожидая увидеть презрение. Но вместо этого на лицах всех, даже девушки, которая теперь сидела с открытым ртом, читался благоговейный трепет.

Вокруг начали раздаваться радостные и удивленные возгласы:

— Кустодес?!

— Это тот самый, из гвардии?

— Я что, все это время б-бухал с Золотым Хранителем?!

— Нихера се... Своим рас-скажу, никто ведь не поверит...

Я облегченно выдохнул. Их безразличие сейчас было настоящей отрадой. Они просто увидели во мне человека, о встрече с которым можно было бы потом рассказывать байки. Жаль, что никто из них никогда не узнает, насколько я благодарен им за их простодушие...

— Вижу, вы все-таки решили последовать моему совету, Леонард, — с улыбкой заметил Мартино, ловко оттаскивая меня от пьяных зевак, которые пытались завязать разговор и попросить показать мастерство владения мечом. Девушка выглядела особенно расстроенной таким упущенным шансом...

— Да так, само вышло, — пробормотал я, чувствуя, как ночная прохлада остужает мою разгоряченную кожу.

— Ну раз так, я обязан сдержать свое слово... Вы любите песни? Я знаю в этом городе кабаки, где можно найти девушку на любой вкус, и выпивку, и музыкантов, равных которым я никогда не слышал... Какая ваша любимая песня?

— «Полуденные тени», — ответил я, чувствуя себя немного растерянным, пока капитан, не стесняясь, обнимал меня за шею, держа в другой руке кружку. Его ноги уже заплетались — они явно провели здесь гораздо больше времени, чем я.

— «Полуденные тени», серьезно? — Мартино фыркнул с насмешкой. — Не мне судить, но я не думал, что вы любитель таких баллад...

— Эта песня нравится одной девушке, что дорога мне... — объяснил я.

— А-а-а, — Мартино хитро усмехнулся и отпил из кружки. — Понимаю-понимаю... Дела сердечные, они такие... Надеюсь, если я отведу вас в бордель, это не оскорбит ваши высокие чувства?

— Если только там случайно не окажется та самая девушка, — отшутился я.

Моряки захохотали, а Мартино, казалось, громче всех.

— Вот так, значит, вы проводите свое время, *господин Кустодес*...

Знакомый голос тут же привел меня в чувство. За нашими спинами стояли Альберто Каррон, Андре Гарсия и несколько солдат, которых я обычно видел рядом с ними.

— Это ваши друзья, Леонард? — спросил Мартино заплетающимся языком, пытаюсь сфокусировать взгляд на незнакомцах.

Андре сплюнул.

— Я скорее отдамся морским дьяволам, чем назову его другом...

Я быстро оценил ситуацию. Мы были в большинстве, но никто из моряков сейчас не мог держать меч, да и оружия при них не было. Взгляд Альберто, полный решимости, говорил о серьезности его настроя.

Старпом тоже заметил опасность и попытался встать между мной и солдатами.

— С-сеньоры, мы просто отдыхаем, не стоит...

— Пошел прочь, грязная свинья, — командир гарнизона одним ударом отправил старпома в нокаут, но товарищи успели подхватить его, не дав упасть на брусчатку.

— Что, женушка все-таки отпустила повеселиться? — холодно спросил я, выходя вперед и закрывая собой Мартино и его команду.

Я не хотел, чтобы они пострадали только за то, что оказались рядом со мной в неподходящее время. Моя рука легла на рукоять меча.

— Ты что, решил начать дерзить? — Альберто был в ярости. — Кто позволил тебе, погани, открывать рот и оскорблять меня, да еще в присутствии маркиза?

— Оскорблять? — я удивленно поднял брови. Каррон, конечно, забавлял меня, но я знал, что он может быть достойным противником, если решит сражаться всерьез. — Я просто сказал правду. Если ты — бесхребетный слизняк, никакие слова не изменят этого...

Раздался звон обнаженной стали.

— Ты посмел опорочить память Максимилиана Хана и его наследие, — прошипел он, направляя на меня шпагу. — Ты оскорбляешь ее самым своим существованием! Неблагодарная тварь, которую он воспитывал, как лучшего из нас! Он возлагал на тебя огромные надежды, хотел, чтобы ты занял его место... И как ты его отблагодарил?!

— Не моя вина, что по воле Императора мы оказались по разные стороны баррикад...

— Да пошли к Морской Ведьме этого Императора и тебя вместе с ним! — с этими словами он плюнул мне в лицо.

Все вокруг застыли, словно окаменев. Даже звуки, казалось, исчезли, оставив лишь звенящую тишину. Мартино и его люди, затаив дыхание, смотрели на меня с недоумением, ожидая, чем все закончится. Даже Андре смотрел на Альберто с немым ужасом, считая это перебором...

Я молча вытер лицо, чувствуя странное спокойствие. У меня было слишком хорошее настроение, и даже этот недоносек не мог его испортить.

— Сегодня я сделаю вид, что не расслышал, ибо вы были слишком пьяны, чтобы следить за своими словами, Первый клинок...

Но Альберто лишь издевательски рассмеялся в ответ.

— С чего же такая милость от Хранителя Чести? Арно ты такого выбора не давал, — он вытащил дагу. — Ну же, доставай свои мечи. Или ты способен убивать только тех, кто не держит оружие?

Ну что же, возможно, пустить немного крови не повредит...

Тело действовало само, подчиняясь отточенным навыкам и инстинктам. Альберто не успел опомниться, как я оказался рядом и схватил его за вытянутую руку. Первый удар пришелся под мышку, пальцы Альберто разжались, а шпага с грохотом упала на землю. Вскрикнув от боли и неожиданности, он попытался ударить меня кинжалом, но я ловко увернулся

и, оказавшись за его спиной, перехватил запястье, начав выкручивать руку, пока кинжал не оказался рядом со шпагой.

Резкий толчок вперед должен был опрокинуть Каррона на землю, но он устоял. Альберто попытался ударить с разворота, но двигался слишком медленно, позволяя мне легко предугадывать его движения. Четкий и выверенный удар под дых, в солнечное сплетение, выбил воздух из легких Альберто. Он согнулся пополам, жадно хватая воздух ртом, но я не дал ему такой возможности.

Удар коленом попал точно в нос, наградив меня сладостным хрустом. Кровь брызнула на землю. Я надеялся, что выбил еще и пару зубов. Но даже этого мне было недостаточно, чтобы проучить его.

Я схватил его за грудки и начал наносить удар за ударом, пока его лицо не превратилось в кровавое месиво. Альберто рухнул на землю, не в силах устоять. Прямо к моим ногам.

— Как видишь, мне даже не нужен меч, чтобы и мокрого места от тебя не оставить, — сказал я, склонившись над хрипящим Альберто. Его лицо начало опухать, багряные синяки расцветали на коже. Жалкое зрелище. — Не хочу, чтобы твоя жена стала вдовой до свадьбы. Но если я снова услышу от тебя или кого-то еще столь нелестные высказывания в адрес Его Святейшества, судьба Арно Монреса покажется вам легкой и желанной.

Я поднялся, вытирая кровь с рук о штаны. Внутри меня бушевал азарт, смешанный с остатками алкоголя. Хотелось еще, и еще, и еще... Я посмотрел на Гарсию и других стражников, которые стояли в стороне, не в силах пошевелиться. О, Император... Если бы я обнажил мечи, я бы с ними всеми справился, даже не запыхавшись... От осознания этого мне стало даже как-то грустно.

— Если это и есть наследие Максимилиана Хана, то вы его позор, а не я, — сказал я без тени страха, зная, что никто из них не осмелится ударить меня в спину.

Мартино смотрел на меня с ужасом в глазах — он впервые увидел, на что я способен. Как и все остальные... Что ж, правильно. Пусть боятся.

— Ну что же, — сказал я с веселой непринужденностью. — Где твой хваленый бордель?..

Глава 11

Зал Совещаний постепенно заполнялся людьми. Круглый стол из полупрозрачного минерала, вероятно, был ровесником самого замка. Во всех исторических документах этот реликт упоминался как одно из главных сокровищ Каса-де-Вентос. Свет, отражаясь от его поверхности, создавал тысячи ярких синеватых бликов, и казалось, что стены и потолок превратились в звездное небо. Это зрелище завораживало своей красотой. В очередной раз поражало мастерство древних ремесленников, что смогли обработать такой прочный, но в то же время хрупкий цельный кусок минерала и поднять его на такую высоту.

Стены зала украшали стяги с разноцветными гербами Малых Домов: щит и меч Кустодесов, конь Гарсия, гиппокамп⁴⁵ Дюфоров, кабан Бланчи, баран Карронов, сокол Фальконе, соловей Монресов, чайка Ареланов и грифон Ле Роев. Напротив них сидели представители семей. Помимо геральдики аристократов висели различающиеся цветами поля флаги всех четырех веасийских флотов — корабль с перекрещенными мечами.

Гранд-Консилиумы собирали редко, на моей памяти всего дважды, но главным отличием от предыдущих были два знамени, которых раньше никогда не видели в этом зале: белоснежный с эмблемой Имперской Гвардии и алый с золотым десятиконечным солнцем. Напротив этих знамен уже расположились Клестус и брат Валериан, с равнодушием наблюдая за тем, как вельможи, графы и адмиралы занимают свои места. Я же стоял позади них вместе с преторианцами, выстроенными вдоль стен.

Несмотря на вчерашнюю попойку, я чувствовал себя удивительно бодрым, хотя и старался не думать о том, сколько вина и эля было выпито за вечер. После моей потасовки с Альберто Мартино и его люди долго приходили в себя. Когда они наконец оправались, то начали восхищаться моими навыками владения оружием, подшучивая над стражниками герцога.

Моряки выглядели довольными, но я ощущал их едкий страх. Это проявлялось в осторожных взглядах, излишней вежливости и стремлении держаться подальше. Даже Мартино стал более сдержанным. Конечно, его вольности ужасно раздражали, но когда он стал избегать смотреть мне в глаза, а тон лишился обычной дружелюбной насмешливости, я начал скучать по этой его непосредственности.

Каждый раз, когда я пытался наладить отношения с кем-то, это заканчивалось одинаково. Исключением были Вибер и несколько товарищей по Кадетскому корпусу, которые знали меня настоящего и могли понять. Остальные видели во мне только командира и либо боялись меня, либо относились с формальным уважением. Старшие офицеры проявляли пренебрежение, если я не демонстрировал силу, и только так мог заставить их уважать себя. Эта постоянная борьба утомляла, и я старался находить места, где мое положение не имело значения. Но каждый раз это был лишь короткий глоток свежего воздуха, и затем горло опять сдавливало долгом и обязательствами.

Когда в зал под удивленные взгляды вошел Первый клинок, сопровождаемый стражниками, я не смог сдержать самодовольной улыбки, заметив его разукрашенное синяками и ссадинами лицо. Альберто слегка хромал, и в каждом его движении чувствовалась боль.

Он старался не смотреть в мою сторону, но когда взгляды на мгновение пересеклись, в его глазах я с удовольствием увидел не только презрение, но и страх. Надеюсь, происшествие слегка сбilo его спесь. Я не сомневался, что никто не узнал о произошедшем — это был бы слишком большой позор, если бы Каррон, один из лучших мечников Веаса, проиграл пьяному изменнику Леонарду Кустодесу в рукопашной схватке.

¹ Гиппокамп (гиппокампус) — мифическое существо в древнегреческой мифологии, морская лошадь с рыбьим хвостом. Также называется гидриппусом (водяной лошадей).

Последними в зал вошли Эстебан и Валентин, как того требовала традиция, после чего стража с грохотом закрыла массивные двери Зала Совещаний, запечатав огромное помещение, словно саркофаг. Представители Великого Дома заняли свои места во главе стола, и все присутствующие тут же прекратили переговоры. Клестус устроился поудобнее, готовясь к предстоящему обсуждению.

Когда в зале воцарилась почти осязаемая тишина, герцог Эстебан поднялся со своего места и заговорил:

— Рад видеть всех за этим столом, господа, — начал он. — Сегодняшний Гранд-Консилиум имеет особое значение: впервые за последние четыреста зим здесь присутствуют представители Имперской Гвардии и имперской канцелярии. Предстоит решить, как дальше действовать, чтобы сохранить мирное процветание Веаса. Наши разногласия до этого были подобны сорнякам, которые можно было легко устранить. Но теперь, увы, они грозят разрастись настолько, что самостоятельно прополоть эти сорняки мы не сможем.

Отец сделал паузу, пока секретари старательно записывали каждое его слово.

— Господин Клестус, — продолжил Эстебан, обращаясь к эмиссару, — желает ли Империя взять на себя инициативу и начать обсуждение сложившейся ситуации?

Клестус с легким поклоном ответил, не вставая с места:

— Благодарю, герцог, — начал он. — Прежде чем выразить позицию Империи, я хотел бы услышать претензии и предложения всех присутствующих. Хочу напомнить, что все сказанное мной отражает мнение Триумвирата.

Эстебан, пожав плечами, продолжил:

— В таком случае я предлагаю каждому из Малых Домов высказать свои претензии. Начну с того, что четыреста восемьдесят зим назад, когда мой предок добровольно передал корону Императору, наши народы объединились для войны, которая стала общей. Возможно, они верили в свет Имперских Истин, но Веас вошел в ее состав не как покоренный, а как равный партнер. Однако столетия стерли наши заслуги, оставив в памяти лишь ошибки. Мы продолжаем исправно выполнять свой долг, раз за разом идем на уступки в ущерб гордости народа, который когда-то и привел всех людей на эти земли, спас от неминуемого катаклизма. За все четыреста зим после окончания Священных Войн, не считая местечковых бунтов, Веас ни разу не воспротивился Императору, но накопленные недопонимания стали выливаться в более яркие и резкие конфликты, которые привели нас сегодня за этот стол.

Графы с важностью кивали, явно впечатленные речью герцога. Брат Валериан, несмотря на желание возразить, понимал, что сейчас не время, и лишь молча хмурился.

Эстебан, указав рукой на сына, дал ему слово. Валентин своим темно-синим мундиром явно хотел подчеркнуть, что он не просто наследник герцогского титула, но и офицер.

— Герцог Кустодес верно отметил, — начал он, стараясь подражать голосу отца так убедительно, что я почувствовал легкое волнение. До этого я знал его вспыльчивым и эмоциональным, но сейчас он выглядел совершенно иначе: спокойным и уверенным. — Наши внутренние противоречия, накопившиеся за годы, давно вышли за пределы южных земель, и теперь мы все оказались вовлечены в конфликт, который необходимо разрешить как можно скорее.

Валентин сделал паузу, чтобы собраться с мыслями, и продолжил:

— Начну с главного. Это касается и прошлогодних нападений и грабежей... — он сделал глубокий вдох. — И ситуации с пропажей моей сестры, маркизы Камиллы. Мы рассчитывали, что ей будет обеспечена надежная защита в Имперской Столице, но ее судьба до сих пор остается неизвестной. Кроме того, безответственное поведение Имперской Гвардии, замеченное на наших землях, является прямым оскорблением Великого Дома. Если на Империю нельзя положиться, как мы можем доверять ей? Поэтому мы начали укреплять наши собственные гарнизоны, чтобы быть готовыми к любым неожиданностям.

При этих словах Гораций Агорикс и другие префекты нахмурились. Слово ловко перехватил Джулиус Дюфор, старший сын графа Тито. Пожилой граф, сидя рядом, слегка покачивался. Казалось, что он немного не в себе.

— Мы полагаем, что, поскольку Четырнадцатый Легион не может оказать нам помощь, следует защищать себя самостоятельно. Но как? Постоянные изменения в законах мешают созданию даже эффективной охраны, не говоря уже о городской страже. Без поддержания порядка преступность будет процветать, — твердо заявил Джулиус. — По этой причине мы и начали усиливать свои войска. Однако, когда мы предложили Четырнадцатому Легиону такой вариант, чтобы они не отвлекались на «мелкие» проблемы, столкнулись с сильным сопротивлением и негодованием. Опять мы оказались в ловушке.

Затем поднялся граф Рамиро Арелан.

— Дом Арелан занимается кораблестроением и продажей судов уже шесть столетий. Наши корабельщики известны своим мастерством, а наши суда пользуются спросом по всей Империи, — граф откашлялся. — Но мы не можем выполнять свой долг перед Веасом и Империей, если нам не оказывают должной поддержки. Из года в год Империя давит нас налогами, заставляя продавать корабли по заниженным ценам. Когда мы и другие графства нуждались в помощи Имперской Гвардии, нас оставили на произвол судьбы, что привело к катастрофическим потерям.

— Наглая ложь! — вспыхнул Гораций, покрасневший от возмущения. — Серая Гвардия Четырнадцатого Легиона не получала запросов о помощи! Вы все хотели справиться своими силами, самодовольные...

— Флот занимается только преступлениями на море и в прибрежных районах, — сухо прервал его Валентин. — *Как вам известно*, легат, Империя стремится значительно сократить количество личных войск и городских гарнизонов, чтобы появление новых укреплений на наших землях было оправдано. Мы кормим полки и центурии, платим за защиту из кармана простых крестьян и горожан, но в большинстве случаев вынуждены справляться *своими силами*.

При этих словах префекты и маршалы начали заметно нервничать, бросая взгляды на Агорикса.

— Если Империя не может предоставить нам защиту, как положено, то мы хотели бы видеть у себя более подготовленные войска, которые могли бы быстро реагировать на угрозы внутри полуострова. Чтобы...

— Возможно, если бы вы следили за морем более внимательно, вы бы не пропустили высадку этих разбойников, — заметил один из префектов.

— А может, вы просто покрывали тех, кто разорял наши земли? — возразил граф Люсьен Монрес в том же тоне.

— Это обвинение? — возмутился другой префект, не слушая попыток соседа призвать к спокойствию.

— Да, — подтвердил граф Флавио Фальконе. — И это обвинение мы недавно предъявили Империи открыто. Дома Фальконе, Арелан, Монрес, Ривьера и Ле Рой провели расследование, которое выявило нелегальное присутствие гвардии на наших землях, особенно пострадавших от разбойников. И думаю, эмиссар подтвердит, что наши доказательства были рассмотрены.

— Вздор, — фыркнул легат. — Почему вы решили, что они были там нелегально? Может, это была подмога...

— Но вы же сами только что сказали, что от нас не поступало никаких запросов, — в глазах Рамиро Арелана вспыхнул праведный гнев.

Гораций приоткрыл рот, но тут же замолчал, осознав, что публично подставил себя и своих коллег. О Император, как этот человек мог занять столь важную должность?..

— Позвольте... — начал оправдываться один из префектов. — Я слышал, что это могло быть расследование, проведенное столичным управлением. Если так, то гвардия действовала в рамках закона и выполняла свой долг перед Империей и Его Святейшеством.

— Если такое расследование действительно имело место, — старый граф Монрес уже не мог сдерживать эмоции, пока сын старался успокоить его, — оно должно было проводиться с нашего согласия или хотя бы с уведомлением Дома, на чьей территории планирует действовать гвардия.

— Раздел 6 Декларации, пункт 5, — подтвердил Клестус, вступив в разговор.

Гораций удивленно посмотрел на него так, словно получил удар в спину. Легат явно не ожидал, что имперский эмиссар поддержит провинциалов.

— Мы не получали никаких уведомлений, — продолжил Монрес. — Более того, отряд, о котором идет речь, был замечен на границах непосредственно перед прекращением разбойничьих нападений. Зачем им было лгать нам, если они действовали законно?

— Совпадение, — пробормотал Гораций.

— Совпадение? — холодно переспросил граф Арелан. — Я так не думаю, легат. Ваши показания в этом зале уже расходятся, и каждое ваше слово зафиксировано секретарями.

Гораций Агорикс, которому недолго оставалось быть легатом, покраснел, но ничего не сказал. Он слишком поздно понял, что каждое его слово может быть использовано против него.

— Кроме того, — вмешался Валентин, вставая со своего места, — из-за этой ситуации пострадала честь нашего Дома, когда моя сестра Камилла была либо ошибочно, либо намеренно обвинена в преступлении, которого она не совершала. Не хочется думать, что это *преднамеренная* попытка дискредитировать наш Дом, надеюсь, лишь ошибка. Но мы требуем официальных извинений перед всеми, кто оказался втянут в эту ситуацию. Требования Веаса: снижение налогов на кораблестроение и торговлю, уменьшение сборов с графств, на чьих землях расположены форпосты Четырнадцатого Легиона, ослабление влияния Имперской Гвардии в регионе и компенсация убытков Малым Домам. Также мы настаиваем на снятии всех обвинений с Дома Кустодес и принесении официальных извинений.

Эстебан на мгновение задумался, прежде чем кивнуть, подтверждая сказанное. Требования, хотя и были частично справедливы, казались слишком дерзкими. Теперь все, включая легата и префектов, смотрели на Клестуса, который молчал, создавая напряженную паузу.

В конце концов Кайрос медленно поднялся с кресла, словно намеренно затягивая момент. Он достал несколько запечатанных свитков, более плотных, чем те, что были у него при встрече с герцогом в день прибытия.

— В этих свитках уже зафиксировано все, что я далее произнесу. Это подтверждение того, что решения по ряду вопросов были приняты еще в Столице. Однако в свете новой информации будут внесены изменения.

Кайрос подождал, пока утихнет скрип перьев секретарей, затем сломал восковые печати с орлом и имперским десятиконечным солнцем.

— По результатам расследования в Столице выявлено грубое нарушение упомянутого ранее пункта из Декларации. Ошибка лейтенанта, ответственного за операцию, привела к утрате мирного сотрудничества с Веасом, нашими союзниками. Офицер и его подчиненные наказаны, и Империя гарантирует, что подобное больше не повторится.

Валентин фыркнул, но тот спокойно продолжил:

— Империя должна защищать провинции, а не быть их врагом, — Клестус проигнорировал недовольство Валентина. — В знак намерения исправить ошибки мы проведем масштабную реформу Четырнадцатого Легиона.

Зал замер на мгновение, а следом волной прокатился удивленный ропот. Гораций побледнел, осознав, что решение это неслучайно. Вал недоверчиво посмотрел на Клестуса, но промолчал. Эстебан призвал всех к тишине, давая эмиссару продолжить:

— Выявлены бюрократия, подделка документов, нарушение законов и взяточничество. Это позор для тех, кто должен воплощать Имперские Истины и служить народу. Император понимает, что людям тяжело следовать всем Его идеалам, но если бы Четырнадцатый Легион служил верно, не возникло бы ситуации, когда провинция не доверяет своим защитникам. Поэтому реформа включает полную смену всех офицеров Белой и Серой гвардий всего легиона, в том числе маршалов, префектов и легата. Новые назначения будут сделаны в течение года. В знак признания ошибки за то, что Имперская Гвардия вызвала сомнения, в легионе будет децимация⁴⁶¹, все высшие офицеры будут арестованы и казнены.

Тишина в зале была осязаемой. Все смотрели на Клестуса, пока он оглашал вердикт. Я глубоко вздохнул, зная, что настало мое время.

— Легат Гораций Агорикс, — начал я, привлекая внимание. — Ваше руководство легионом, который должен был быть образцом добродетели и силы, привело к сомнениям в Его Святейшестве. Вы оскорбили Его честь. Вам предоставляется возможность защитить честь вашего имени на поединке. В случае вашей победы вы будете заточены пожизненно, но ваша семья сохранит положение. В случае поражения ваша фамилия, как предателя, будет предана забвению, родные лишатся всех земель, положения, титулов и денежных сбережений в уплату долга перед страной. Вы вызываетесь на дуэль с Хранителем Чести, которая состоится сегодня же. На ней должны присутствовать высшие чины, вельможи и представители власти, дабы были они свидетелями честности поединка.

Гораций вскочил со своего места так резко, что стул с грохотом отлетел в сторону. Глаза его бешено горели.

— Как ты смеешь! — рявкнул он, брызжа слюной на подчиненных, которые хорошо понимали свое положение и то, что их ждет. — Ты, плебейская выскочка! Думаешь, что избрание в Золотые Хранители делает тебя выше меня? Что ты умеешь?! Ты никогда не был в настоящем бою, щенок! Ты только и можешь, что рубить щелков, которые нож столовый едва держат.

— Уведите его, — спокойно приказал я, наслаждаясь тем, как самодовольный индюк вышел из себя и потерял всю свою гордость.

Когда преторианцы уводили его, осыпающего меня проклятиями, он выглядел жалко. Даже другие офицеры приняли свой приговор с большей честью, хотя были подавлены. Стоило тяжелым дверям захлопнуться за гвардейцами, я почувствовал на себе взгляды отца и брата. Эстебан смотрел на меня с недоумением, Валентин — с недоверием.

Они явно не ожидали такого поворота событий. Готовились к тому, что имперский представитель будет изворачиваться, стараясь навязать свои условия, и сам факт того, что Империя идет им навстречу, казался немыслимым. Я только насмешливо улыбнулся. Что ж, они еще не знают, что последует дальше...

Клестус прокашлялся, привлекая внимание. Графы теперь слушали его сосредоточенно, их враждебность исчезла.

— Ликторы⁴⁷¹ скоро придут для исполнения приказа, — буднично объявил Кайрос, поправляя очки и делая вид, что просматривает список условий на пергаменте. — В связи с убытками некоторых Малых Домов из-за некомпетентного руководства легиона Империя возместит потери согласно отчетам. Налоги понизить мы не можем, но Император готов предоставить пятилетнюю поблажку для веасийских Домов, чтобы они могли восстановить ресурсы. Мы заметили, что многие проблемы связаны с уменьшением рабочей силы в графствах Арелос, Боскемия⁴⁸², Сиэлло⁴⁹³, Ларуа⁵⁰⁴ и Коронадо⁵¹⁵. Многие покинули родные места в поис-

¹ Децимация (от лат. decimatio) — высшая мера дисциплинарных наказаний в римской армии, представляющая собой смертную казнь каждого десятого по жребию.

¹ Ликтор (лат. licitor) — особый вид госслужащих, исполняли приговоры магистратов в мирное и военное время, которые могли приговорить гражданина Рима к телесному наказанию или к смертной казни.

² Боскѣмия — графство, владения Дома Монрес.

ках лучшей жизни, вынужденные пересекать границы из-за непомерных налогов. Заручившись поддержкой Великих Домов Набелит и Рю-Хей, мы предоставим Домам бесплатную рабочую силу, чтобы восстановить производство.

— Вы хотите, чтобы мы пустили чужаков на свои верфи? — удивился граф Флавио.

— Морская Гильдия заверила, что веасийские Дома открыты к сотрудничеству, — заметил Кайрос.

— Графа Фальконе беспокоит не это, — пояснил Рамиро с осторожной учтивостью. — Наши секреты должны оставаться *нашими*. Зачем пускать в мастерские тех, кто может передать их конкурентам?

— Вам же нужны не только корабли... Каменщики, плотники, грузчики, ремесленники — все, кто делает грязную работу. Кроме того, рабы останутся в ваших владениях и не покинут их, чтобы рассказать секреты конкурентам, — объяснил Клестус и тут же наигранно спохватился. — Ах да, извините... не рабы. *Бесплатная рабочая сила*. Все время забываю, что некоторые провинции не приемлют рабства.

— Но этих... *работников* все равно надо содержать, — возразил Люсьен Монрес. — Даже с налоговыми поблажками это будет сложно.

— Этот вопрос решаемый, — уверенно заявил эмиссар. — Дом Набелит обеспечит вас провизией в необходимом объеме. Разумеется, в обмен на корабли, которые вы предоставите им через несколько зим. Это равноценная плата, на мой взгляд.

Все присутствующие хранили молчание. А как известно, молчание — знак согласия...

— Вы говорите слишком складно, — заметил Валентин с прищуром, словно пытаясь вывести Клестуса на чистую воду. — Но нас не купить золотом.

«А твои подданные с тобой не согласились бы», — подумал я, окидывая взглядом собравшихся, которые заметно утратили свой пыл.

— Мы хотим равноправия, чтобы нас не относили к числу останцев, которым вы простили гораздо более серьезные прегрешения.

— Ваше замечание справедливо, маркиз... вернее, вице-адмирал? Как мне лучше к вам обращаться? — вкрадчиво произнес Кайрос.

— Как вам будет угодно.

— Так вот, маркиз, Империя готова предложить дополнительные условия для укрепления наших отношений. Как вы знаете, упадок, который частично привел нас к текущему положению, случился по вине Дома Вейкорд. Два века назад Империя выплатила значительную компенсацию всем пострадавшим от этой *авантюры*, которую изначально потребовали с Дома Кустодес. Герцог Франциск взял из казны Империи немалую сумму для погашения долга, однако Веас до сих пор его не полностью выплатил. С учетом процентов и инфляции сумма долга сейчас составляет почти десять миллионов золотых. Точнее, восемь миллионов триста сорок две тысячи.

Эстебан, услышав это, опустил голову и сжал кулаки, осознавая невольную ответственность за опрометчивое решение своего предка. Я, хоть и знал о долге, не был в курсе его суммы, и масштаб проблемы, в которой оказалась провинция, внушал тревогу.

— Предыдущие правители Империи пытались уменьшить эту сумму различными способами, но... она все равно впечатляет, не так ли?

— Я внимательно слежу за отчетными бумагами, эмиссар, — Эстебан старался скрыть раздражение. — Зачем поднимать этот вопрос сейчас, когда мы обсуждаем...

— Император готов полностью аннулировать долг.

³ Сиэлло — графство, владения Дома Фальконе.

⁴ Ларуá — графство, владения Дома Ле Рой.

⁵ Коронадо — графство, владения Дома Каррон.

На несколько минут веасийцы замерли, не смея даже пошевелиться, их дыхание стало почти незаметным, словно они боялись спугнуть удачу.

Эстебан медленно встал со своего места.

— Император весьма великодушен... Но, полагаю, такие условия не могут быть бескорыстными?

Эмиссар с улыбкой кивнул.

— Да. Первое условие, о котором мы говорили в день нашего прибытия, касается брака. Вы должны вступить в брак с одной из кандидаток, одобренных Орденом, — брат Валериан при этих словах важно закивал, — а также успеть дать несколько наследников. Если ваш сын, Валентин Кустодес, не обзаведется ребенком любого пола до достижения его супругой двадцати одного года, его брак будет расторгнут и он возьмет в жены одну из невест, предложенных Сервитуариумом.

Эдуард, услышав эти слова, не смог сдержать возмущения, словно впервые узнал об этом условии.

— Это же прямое оскорбление нашего Дома! Вы...

— Вашему Дому будет выплачена компенсация в размере половины приданого вашей дочери, — устало перебил его Валериан. — Орден подберет для госпожи Арианы нового супруга, и тот кандидат из представленных, которого вы сочтете подходящим, не посмеет отказаться. На наш взгляд, это более чем справедливое предложение.

Бланчи, хотя и пытался найти контраргументы, все же прекрасно понимал, что условия действительно выгодны и не представляют угрозы для его семьи, кроме ущемленного самолюбия.

— От имени Дома Кустодес я могу согласиться на это условие, — произнес Эстебан с напряжением, осознавая, что Клестус манипулирует им, заставляя публично признать несостоятельность всех их претензий к Империи. — Что еще?

— Реформа коснется флота, — объявил эмиссар, подняв руку, чтобы предотвратить возможные возражения. — Веасийская армада остается самой крупной независимой структурой в Империи, не считая Северного флота, конечно. Однако наемники — это всего лишь наемники, при всем моем уважении, адмирал Галлет... — тот лишь небрежно махнул рукой, показывая, что эти слова его не задевают. — Это недопустимо. Такая мощь может быть использована против Императора.

— Независимость веасийской армады была условием нашего вступления в Империю, — твердо заявил Валентин. — Почему это право сохраняется для других провинций, но отбирается у нас?

— Ваши обычаи угрожают единству Империи, — с легким нажимом произнес эмиссар. — Однако важно понимать: это *привилегии*, а не данность. Арракан был наказан за своеволие, подняв восстание против Империи, и лишился *привилегий* в качестве наказания. Император милостив, но не стоит испытывать Его терпение. Веасийский флот последние десятилетия показывает себя как неоправданно дорогая организация, которая не только не справляется со своими обязанностями, но и поглощает значительную часть вашего бюджета.

— Мы веками исполняем наш долг! — горячо возразил Валентин. — У вас есть наши корабли, готовые по первому приказу Имперской Гвардии отправиться в любую точку континента, и торговые суда, которые мы продаем другим Домам. Неужели наши предки напрасно пожертвовали своими жизнями и гордостью, чтобы все это было утрачено по вашему решению?

Кайрос задумался над его словами, а многие графы смотрели на будущего герцога с явным уважением. Не каждый осмелился бы так рьяно, почти безрассудно отстаивать свою позицию.

— Разве это необычное требование? Те же ратники северян, например, хотя и могут действовать самостоятельно, уже давно являются частью Имперской Гвардии и подчиняются приказам не только своего ярла и танов, но и имперских офицеров. И, поверьте, это гораздо эффективнее, так как они могут обмениваться секретной информацией и действовать без лишней бюрократии.

— Мы исправно охраняем границы от разбойников и пиратов, которые вынуждены скрываться на отдаленных островах.

— Но если бы вы отловили Красный Синдикат, ничего этого не произошло бы. Что помешало вам? У вас же есть три флота, каждый из которых насчитывает не менее трехсот кораблей. Разве этого недостаточно, чтобы навсегда покончить с пиратством?

— Вы хорошо разбираетесь в морских делах, эмиссар? — холодно спросил Валентин, не желая отступать.

— Тогда докажите вашу компетенцию делом, а не пылкими речами, — с широкой улыбкой ответил Клестус Кайрос. — Мы признаем, что отряд Имперской Гвардии незаконно находился на землях Веаса, но не мы виноваты в разрушении этих земель, а вы.

— Мы?! — опешил молодой вице-адмирал.

— Если бы ваш флот выполнял свою задачу более эффективно, бандиты не смогли бы найти места для укрепления на суше. А если бы вы не стремились доказать свою компетентность и активно сотрудничали с Четырнадцатым Легионом, возможно, сумели бы устранить проблему еще в зачатке. Поэтому Империя ставит условие: если в течение полутора зим вы не изловите самые крупные и известные пиратские банды в прибрежных водах, веасийский флот станет частью Имперской Гвардии, которая разработает новую стратегию борьбы с преступностью. Часть кораблей будет передана для гражданских целей. Вы будете обучать в своей Военно-морской Академии новых офицеров из разных провинций, и они будут служить вместе с вашими людьми. Это позволит выполнить ваше требование о сокращении имперских гарнизонов и соответствует нашему стремлению включить флот в гвардейскую иерархию...

Несмотря на убедительные аргументы, избежать обсуждения не удалось. Предложение вызвало бурную реакцию, хотя и не такую сильную — в некоторых местах слышались нотки сомнения, а где-то даже предложения согласиться с условиями или хотя бы рассмотреть их...

«Забавно, — подумал я, наблюдая за происходящим, как за представлением в цирке. — Стоит ему лишь пообещать золотые горы, и некоторые с радостью забывают о своей гордости и неприязни к Империи, надеясь на призрачный шанс получить желаемое...»

— Это очень спорное условие, — сказал Эстебан, призывая присутствующих к тишине. Ему не сразу удалось добиться этого. — Я не могу принять его без обсуждения со всеми адмиралами. Мне нужно услышать мнение тех, кто посвятил флоту больше зим, чем я...

— Справедливо, — согласился эмиссар, довольный тем, что веасийцы не отвергли предложение сразу. Казалось, все шло по его плану. — У вас есть несколько месяцев на обсуждение, пока я займусь «гвардейским» вопросом.

— Будут ли еще какие-то условия от Императора?

— Да, последнее... Касаемо того, из-за чего все и началось, — имперец повернулся к Валентину. — Дом Кустодес связан с Красным Синдикатом, — сказал он громко, перекрывая шум в зале. — Подозрения вызывают не только действия госпожи Камиллы, но и пропавшие корабли, которые позже оказались у пиратов.

— Вздор!.. — вскочил Валентин, проигнорировав жест отца, призывающий его успокоиться.

Вся его холеная выдержка испарилась, обнажив привычную резкость. Сейчас он выглядел точно так же, как легат, когда его зажали в угол.

Клестус продолжил невозмутимо:

— Мы понимаем, что Камилла Кустодес могла действовать в своих интересах, и Великий Дом, *вероятно*, непричастен к этому, — эмиссар тяжело вздохнул, а я, зная, что последует дальше, стыдливо отвел взгляд, избегая смотреть на отца. — Поэтому Камилла Кустодес должна быть объявлена изменницей, лишена титулов, положения и наследства. Ее будут судить как преступницу, участвовавшую в деятельности Красного Синдиката, незаконно проникшую на территории, которые находятся под юрисдикцией Имперской Гвардии, а также за незаконное хранение и использование маналитических артефактов. Как только ее местонахождение будет установлено, она должна быть передана Империи для суда и вынесения справедливого приговора.

Эта новость вызвала неоднозначную реакцию, но большинство графов были озадачены.

— Почему вы считаете, что девочка действительно причастна к этому делу? — осторожно спросил Джулиус Дюфор.

— У нас есть доказательства, которые мы готовы предоставить.

— В таком случае, почему бы не подключить к расследованию и нас? — предложил граф Лоренцо Каррон. — Мы могли бы убедиться в объективности ваших доказательств и исключить возможность их использования для дискредитации чести Великого Дома.

Многие ожидали, что представитель Империи начнет уклоняться от ответа или изворачиваться, но Клестус лишь пожал плечами.

— Пожалуйста, Империя не возражает. Вы можете направить компетентную делегацию в Столицу для участия в расследовании. Мы стремимся к открытости и готовы сотрудничать, где это возможно. Вы можете изучать документы и допрашивать свидетелей.

— Свидетели? — удивленно переспросил Рамиро. — Кто они?

— Помимо слуг, работавших в доме госпожи Кустодес, мы допросили ее однокурсников и некоторых преподавателей. Их ответы были крайне интересными и единообразными, что позволяет предположить отсутствие сговора. Наиболее ценные свидетельства мы получили от одного юноши, который подробно рассказал о причастности Камиллы Кустодес и Адилии Набелит.

— Набелиты тут тоже замешаны? — не поверил своим ушам Люсьен.

— Да, одна из дочерей падишаха. Она сбежала из города вместе с госпожой Кустодес и группой разбойников, организовавших их побег.

— Два Великих Дома вовлечены в такое *деликатное* дело... Это весьма подозрительно, — с сомнением заметил граф Гарсия.

— Не два, три. Третьим участником был упомянутый ранее юноша Ари Хус.

Волна ропота прокатилась по Залу Совещаний.

— Вы понимаете, насколько это выглядит подозрительно, эмиссар? — вмешался Валентин, воспользовавшись всеобщим замешательством. — В преступной деятельности участвуют три Великих Дома, но претензии предъявляются только нам.

— Падишах Рушан уже принял решение. Его дочь Адилия лишена прав и фамилии. В качестве извинения он готов предоставить рабочую силу и провизию. Ари Хус, сдавшийся гвардейцам без сопротивления, предоставил информацию и не был признан виновным, поскольку действовал под принуждением.

— Объявить членов Великого Дома отступниками... Это немыслимо. Никогда не думал, что доживу до такого, — пробормотал старый граф Тито Дюфор, потрянув головой.

— Каковы гарантии, что Империя выполнит свои обещания, если герцог решится на такие меры? — спросил Франциско Фальконе, стараясь звучать равнодушным, но натура купца давала о себе знать — глаза его блестели недобрым огнем.

— Империя обязуется выполнить все условия, если будут приняты *все* наши требования, — уверил представитель Империи, явно довольный увиденным, а затем добавил. — В той или иной форме.

Было заметно, как дворяне разрываюся между своим тщеславием, которым недавно кичились, и собственными корыстными интересами. Некоторые даже осмеливались намекнуть, что одна девушка не стоит долга в десять миллионов. Эстебан же растерял свое спокойствие и выглядел потерянным, и не мог сдержать Валентина, который вступил в перепалку с графами, не имеющими отношения к военному флоту.

— Условия Императора... разумны, — осторожно сказал Франсуа Ле Рой, переводя взгляд с Эстебана на Валентина.

— Разумны? — Дельмар Дюфор поднял голову, возмущенный требованиями не меньше других адмиралов. — Мы веками правили морями. Как можно доверять палубу чужакам, которые не знают наших традиций?

— А если Империя поможет решить проблемы?.. — осторожно предложил Габриэль Арелан.

— Поможет? — Валентин резко перебил его. — Ведение боя на море и на суше разнится! Поставь гвардейцев на абордаж, и они утонут раньше, чем пересекут мостки.

— Но если их обучить, это может дать результат!

— С чего бы нам делиться...

Разногласия усиливались, подпитываемые яростью, негодованием и жадностью. Клестус наблюдал за этим хаосом с легкой усмешкой, наслаждаясь распадом хрупкого единства Домов.

План Валентина был очевиден — он убедил аристократов объединиться на Гранд-Консилиуме перед лицом общего врага. Однако в своей самонадеянности недооценил хитрость противника и жадность союзников. Теперь брат наблюдал, как Малые Дома, едва сплотившись, снова разделились на два лагеря, неспособные прийти к соглашению.

Секретари давно потеряли нить беседы, а правило «слово несет только один» было забыто. Писцы судорожно пытались зафиксировать хоть что-то понятное в этом хаосе.

Я с грустью посмотрел на Эстебана, который растерянно старался понять, как поступить. Да, это был шанс начать все сначала и вернуть провинции былое величие. Но какой ценой? Ценой флота... и дочери.

Долг подсказывал ему правильное решение, но яростные возражения Домов Бланчи, Каррон, Дюфор и Гарсия, поддерживающих Кустодесов, говорили о том, что для них эпоха процветания, основанная на укреплении морских сил, закончится. Если герцог склонится перед Империей, он станет для них таким же предателем, как и я.

Непростое положение и сложный выбор, который определит дальнейшую судьбу, угнетали отца, привыкшего держать все под контролем. Его постоянное стремление угодить всем ради сохранения мира теперь сыграло против него — либо семья, либо провинция...

— Кажется, — произнес Кайрос, когда главы Домов и адмиралы окончательно устали спорить, продолжая с покрасневшими лицами лишь сверлить друг друга взглядами, — мы не придем к единому решению в ближайшее время.

— Гранд-Консилиум закончится только тогда, когда мы примем решение большинством голосов, — устало заявил Эстебан, осознавая, что впереди его ждут долгие заседания. — Но сегодня, думаю, стоит прекратить переговоры, иначе комната кроме речей наполнится и ненужной кровью. Всем нужно отдохнуть, осмыслить все сказанное и вернуться к обсуждению с ясной головой.

— Прекрасная идея, — согласился Клестус с приторной улыбкой, осматривая всех с высоты своего положения. — Кроме того, у нас сегодня назначена казнь... Точнее, *дуэль*.

Я понимающе кивнул, выпрямился и, отдав честь, покинул зал вместе с преторианцами для подготовки к проведению поединка. При дворе, конечно, все было куда церемониальнее, но правила есть правила, и их надо соблюдать.

В своих покаях я облачился в облегченную броню Хранителя Чести: дубленую кожу с позолотой, панцирь с десятиконечным солнцем и белую накидку. Вспомнив рассказы о своем

предшественнике, чья привязанность к легким доспехам стоила ему жизни, я решил, что маневренность важна, но сталь всегда была моим надежным щитом. Без нее я чувствовал себя уязвимым.

Убедившись, что броня сидит удобно и не сковывает движений, проверил Алиду и Валору и направился к центральному двору, где должна была состояться казнь.

День уже шел на убыль, однако в воздухе витала влажная духота вперемешку с пылью. Небольшой дождь был бы кстати, и я уверен, что солдаты гарнизона и дворяне с вельможами, собравшиеся на трассе и галерее, со мной согласились бы. В руках мелькали пестрые веера, а толстяки, такие как граф Бланчи, вытирали пот платками. Пожалуй, сейчас они предпочли бы свои споры в прохладных стенах замка кровавому зрелищу... Если, конечно, будет на что смотреть.

Агорикс вышел из тени, его тяжелые шаги эхом разнеслись по двору. Теперь меня интересовало только его тело, а не титулы. Осанка, походка, движения мышц — все это могло многое рассказать о противнике.

На дуэли разрешалось использовать либо любое рукопашное оружие, либо стрелковое, но такие поединки были редкостью из-за ограниченного распространения огнестрельного оружия. К моему удивлению, Гораций взял прямоугольный щит и гладий — редкий выбор для дуэли, но оправданный для человека, сражавшегося в строю с рядовыми солдатами. Это подсказывало, что противник может быть достойным, несмотря на плотное телосложение и возраст. Сразу бросалось в глаза, что Гораций давно не держал меч в руках, но его тело с каждым шагом вспоминало былой навык.

Когда мы сблизились до десяти шагов, вперед вышел декурион в роли судьи.

— Эта дуэль должна восстановить честь одной из сторон. Леонард Кустодес, Хранитель Чести Императора, сражается против легата Горация Агорикса, обвиняемого в нарушении клятв. Готовы ли вы сражаться благородно, избегая подлости и ядов, и даровать быструю смерть побежденному?

— Готов, — ответил я, размышляя о том, как редко эти правила соблюдаются на самом деле.

— Готов, — прорычал легат, когда преторианец повернулся к нему.

Судья удовлетворенно кивнул.

— Да осветит свет Имперских Истин достойнейшего!

Рука быстро опустилась, рассекая воздух с резким свистом. Я напрягся, ноги встали в стойку, мечи сверкнули, готовые отразить любую атаку. Но Агорикс не спешил нападать первым. Это был умный ход — обычно тот, кто первым делает удар, желая воспользоваться преимуществом, проигрывает.

Мы осторожно переступали по кругу, я пытался незаметно сблизиться, чтобы спровоцировать противника, но он сохранял дистанцию. Умно. Однако мои глаза уже заметили слабые точки: щит был явно тяжелее, чем привык легат, и он то и дело перехватывал его для удобства, а кожаные доспехи плотно облевали, сковывая движения.

Решив рискнуть, я атаковал первым, несмотря на то что противник был на равных со мной. Гораций успел отпрянуть, выставив щит, но не рассчитал силу и едва устоял на ногах. Когда он замахнулся для контратаки, я успел отскочить в сторону, избежав удара.

«Левая рука, вероятно, травмирована», — подумал я, анализируя результаты своей атаки. — «Нужно атаковать с левой стороны, чтобы он не успел защититься...»

— Ну же, юнец, чего медлишь? — прорычал Гораций, принимая стойку для атаки. — Нападай, пока можешь! Или ты собираешься весь день кружить вокруг меня, как девка на балу?

«Пустая попытка задеть оппонента», — отметил я про себя. Это было хорошим знаком — либо легат сомневался в своих силах и надеялся на мою ошибку, либо, наоборот, был слишком уверен в себе. Я снова бросился в атаку, но сталь моего меча столкнулась со щитом легата,

и я почувствовал резкий толчок. В последний момент я успел поднять меч, чтобы отразить рубящий удар его гладия.

— Ты всего лишь мальчишка, который торгует лицом, чтобы заманивать людей в Гвардию, — прошипел Гораций, скрежеща зубами.

Я резко отклонил удар в сторону и быстро обошел противника. Атака со стороны щита была ошибкой, и легат это знал. Возможно, он даже намеренно подпустил меня, чтобы оценить мою силу. Но сейчас не было времени сожалеть о промахе.

Мы продолжали сходитьсь, клинки звенели в бесконечном поединке. Легат управлял мечом и щитом с удивительной ловкостью. Он не только защищался, но и контратаковал, заставляя меня постоянно разрывать дистанцию и искать его слабые места. Короткий меч давал ему преимущество в ближнем бою, но ни один из нас не мог нанести решающий удар. Игра терпения, где любой промах мог стать роковым.

Внезапно я осознал, что наслаждаюсь этим сражением. Азарт бушевал в крови, голова кружилась от ясности. Опасность, от которой страх смерти казался опьяняющей сладостью, была лучше самого дорогого вина. Удивительно, но именно старый обрюзгший легат дал мне возможность вкушать радость битвы. Этот танец на грани жизни и смерти заставлял сражаться с полной отдачей, на пределе возможностей...

Но это была дуэль чести. Здесь не было места наслаждению, это был лишь долг, который нужно исполнить без лишних эмоций. Это омрачало и раздражало. Как и то, что с каждым ударом Гораций начинал сдавать позиции. Вскоре я смогу легко прикончить этого измученного старика одним ударом. Нужно было сделать это сейчас, дав Горацию умереть как воину и пока этот бой приносит экстаз, которого я так давно не испытывал...

Даже в ночь, когда я сражался с Максимилианом, меня лишили шанса биться с бывшим наставником честно. В той схватке не было ни гордости, ни радости, и все, что я мог сделать, — дать Первому клинку возможность уйти с достоинством. Но я так и не узнал, смог ли я превзойти его. И уже никогда не узнаю.

Гораций Агорикс продолжал выкрикивать насмешки, но я не обращал на них внимания. Ничто больше не имело значения. В моей голове уже созрел отчаянный и рискованный план. Мне нужен был лишь удобный момент...

— Опять? — легат усмехнулся, выставив щит, готовый отразить мою атаку. — Глупо надеяться на другой результат, повторяя одно и то же.

Я видел, как он напрягся, готовясь контратаковать. Но в последний момент я остановился и удар щита прошел мимо, увлекая легата за собой. Он не успел затормозить и развернуться, чтобы защитить левый бок. Время словно замедлилось. Я видел, как Агорикс поворачивает голову, на его лице появляется удивление, ставшее его посмертной маской.

Мой меч вонзился ему в горло, кровь окропила доспехи и накидку. Гораций рухнул на землю, а я, помимо удовлетворения от победы, ощутил и жалость: он был плохим командиром, но хорошим солдатом. С таким человеком я мог бы сражаться плечом к плечу и доверить ему свою жизнь в бою. Когда же он преступил эту черту и власть развратила его, заставив отвернуться от Имперских Истин, от Императора?.. Впрочем, теперь это не имело значения.

— Леонард Кустодес, Хранитель Чести Императора, одержал победу, и все присутствующие могут убедиться в честности этой победы, — громко произнес декурион, нарушив тишину двора.

Я поднял голову, чувствуя легкое замешательство. Как всегда, во время сражения я терял связь с окружающим миром.

Лица зрителей были полны удивления, радости и страха. Интересно, каким они меня видели сейчас? Раньше смотрели на меня с презрением, но теперь, кажется, многие поняли, что я заслужил свое положение неслучайно. Я гордо выпрямился, глядя на тех, кто еще недавно

смерял меня взглядами свысока. Страх и демонстрация силы всегда эффективнее слов и поступков. Я искал взглядом Эстебана и Валентина на трибунах, желая увидеть их реакцию.

Доказал ли я, что достоин их уважения? Что я не предатель, а человек, следующий принципам чести и справедливости? Но вместо уважения в их глазах я увидел лишь пустоту, как будто передо мной стояли незнакомцы.

Глава 12

Белизна осталась позади спустя одиннадцать дней, которые казались настоящей пыткой. Тюры тащили повозку с легкостью, словно она ничего не весила. Внутри было тесно, но тепло, и когда сани останавливались на отдых, от заходящего внутрь Гемоса, облепленного снегом и покрытого ледяной коркой, веяло холодом. Он строго запретил нам всем, кроме Йаны, которая пару раз помогала ему расчистить магией дорогу, выходить наружу.

— Если не хотите отморозить носы, не высовывайтесь, — хмыкнул он, когда Ада попросила разрешения выйти и размяться. — На Белизне делать нечего, успеете нагуляться.

Я не могла понять, что угнетало больше — бесконечная усталость или невыносимые условия. Комната служила и спальней, и кухней. Коротали время мы за обучением общему наряду, на котором теперь могли более-менее сносно разговаривать.

Но сложнее всего было мириться с тошнотворным запахом от отхожего места, которым служило прикрытое ширмой ведро. Он пропитал все: стены, вещи, одежду, кожу... Я бы предпочла оконечеть, но вырваться из этой хибары и хотя бы раз подышать свежим воздухом.

Потому, когда сани остановились и Гемос объявил, что мы на месте, я выскочила наружу одной из первых. Свежий воздух ударил в голову, как вино. Мы стояли на горном плато, окруженном высокими заснеженными утесами, напомнимшими Масерию. Редкий лес облезлой шкурой раскинулся по пологому склону, а за ним начиналась бескрайняя белая пустыня, окутанная туманной дымкой, — Белизна.

Пока мы любовались пейзажем, я заметила, что Гемос и Йана о чем-то переговаривались. Дворф выглядел взволнованным.

— Что-то случилось? — спросила я, подходя ближе.

— Великие Южные врата запечатаны. Такого не было сотни зим, — ответил Гемос, глядя на огромную отвесную скалу.

— Теперь решаем, что делать, — раздраженно вздохнула Йана.

Гемос покосился на Йану, ожидая удара.

— Нужно сделать крюк до Западных врат и...

— Ты с ума сошел?! — взорвалась Йана, заставив Гемоса поморщиться. — Это еще десять дней пути по горной местности. Припасов нет, мы не готовы.

На самом деле я догадывалась об истинной причине ее негодования на вполне логичное предложение следопыта. Благодаря предусмотрительности сестры Софии припасов у нас было достаточно даже на случай остановки из-за бурана, но я была готова поставить на кон свой ухун, что ей не хотелось возвращаться в провонявшую хибару и проводить там еще неделю.

— ...И вообще, нет гарантии, что Западные врата открыты, — закончила Йана, уверенная в своей правоте.

— Что ты предлагаешь? — спросила я, не зная, как проникнуть в этот таинственный город.

Йана указала на скалу.

— Хочешь, чтобы мы залезли на нее?!

— Да нет же, — она раздраженно взмахнула рукой, и с ее пальцев сорвались светящиеся шары, взлетевшие вверх. — Присмотрись: там тропа.

И действительно, наблюдая за вьющимися вдоль монолитной стены шарами, я увидела неприметный подъем с каменными ступенями.

— Это тайный проход, который можно обнаружить только магией, — объяснила Йана. — Он приведет нас к верхним уровням Абисса, где мы сможем узнать, что произошло.

— Угу, если стража не пристрелит нас на месте, — мрачно заметил Гемос. — Уж если врата запечатаны, с чужаками церемониться не станут. Пуля в лоб, а потом уже вопросы...

Честно говоря, его план был безопаснее даже с учетом возможной неудачи, но я, как и Йана, не хотела оставаться в этих треклятых санях ни на день. Ада и Каталина, услышав наши предложения, без колебаний согласились на опасный подъем.

Гемос тяжело вздохнул.

— Я разобью лагерь здесь, чтобы животинка отдохнула, а через два дня двинусь в обратный путь, — сказал он. — Если почувствуете, что не справитесь с подъемом, сразу спускайтесь. Что-нибудь придумаем.

Мы собрали все необходимое и утеплились, но горная метель оказалась еще более жестокой, чем мы ожидали. Даже несмотря на нашу лучшую подготовку по сравнению с переходом через Сумрачный лес, лед просачивался сквозь ткань острыми звериными клыками. Единственное, что придавало нам сил — мысль о скором завершении всего этого кошмара.

— Почему ворота запечатаны? — спросила я, помогая Гемосу с вещами.

— Не знаю, — он пожал плечами. — Обычно это происходит, если над городом висит серьезная внешняя угроза.

Дворф старался говорить безразлично, но его беспокойство было почти осязаемым. Я бросила взгляд на склон, утопающий в сером сумраке. Солнце, если и было за облаками, не спешило скрываться за горизонтом.

— Какая тут может быть угроза? Здесь же горы, и если бы был враг, его было бы видно за километр.

Гемос невесело фыркнул.

— Многие угрозы скрыты от глаз. Особенно человеческих... Лучше сосредоточься на подъеме, — напомнил он, вручая мне небольшую котомку с флягами горячего бодрящего напитка и едой. — Если все пройдет гладко, путь займет не больше шести-восьми часов. Но с вашим везением...

— Это опасно? — спросила я, затягивая ремни мешка.

— Пока с вами Йана — нет. Тропа пропускает только тех, в ком течет магический дар. Однако я беспокоюсь, что сам подъем для... — он запнулся, и почесал черную бороду, подбирая слова. — Для неподготовленных может быть сложен. Лучше не испытывайте судьбу и делайте привалы, когда почувствуете усталость.

Я кивнула, решив прислушаться к советам опытного следопыта. Как только все были готовы, мы отправились в путь. Тропа была скрытой — ступени словно появлялись под ногами и исчезали, как только мы продвигались по ним. Йана шла впереди, освещая путь искрящимся светом на своих ладонях, разгоняя сгущающийся сумрак ярким маяком.

Она шагала уверенно и твердо, нам же приходилось продвигаться с осторожностью, то и дело глядя под ноги. Без нас, наверное, она бы давно уже была наверху. Тропинка оказалась узкой и скользкой, и каждый раз, когда ступня проскальзывала, сердце сжималось от страха. Эльфийка терпеливо ждала, давая нам возможность отдышаться и согреться горячим напитком. Но беспощадный ветер выдувал из нас все тепло, словно страж этого древнего места не желал пропускать незнакомцев.

После нескольких часов подъема, когда мы остановились, прижавшись к отвесной стене, я заметила, что Ада тяжело дышит, а ее обветренное лицо приобрело неестественный безжизненный оттенок. Хотя мне самой было холодно и тяжело, я не ожидала, что она сдастся раньше меня.

— Все в порядке? — обеспокоенно спросила я.

— Д-да, — стуча зубами, ответила она и сильнее обхватила себя руками. — Х-холодно... и устала... Хочется спать...

Я не на шутку перепугалась, вспомнив наставления Гемоса.

— Можно сделать привал? — спросила я у Йаны, но она лишь покачала головой. — Может, тогда спустимся?

— Мы уже прошли больше половины пути, — успокоила она. — Еще пара часов, и мы достигнем цели.

Каталина, показывая пример стойкости, наклонилась к Аде. Она сняла варежку, прикоснулась тыльной стороной ладони к ее щекам, а затем запустила руку в ботинок. На мгновение я увидела тень ужаса на ее лице, но она быстро взяла себя в руки.

— Осталось немного, а там нас ждут теплый очаг, кровать, горячая еда... и ванна, — сказала она, подмигнув Аде, и, стянув с себя шерстяную накидку, укутала ее.

Ада попыталась улыбнуться, но ее обмороженное лицо не позволило.

— Ты справишься, — сказала я, понимая, что больше ничем не могу ей помочь. — Ты же маг огня, помнишь?

Ада, стиснув зубы, поборола усталость и боль, выпрямилась и посмотрела на меня с прежней решимостью.

— Все хорошо, — сказала она. — Мне уже лучше. Дочь благородного Дома не поддастся какому-то морозу.

Однако в каждом шаге девушки читалась неуверенность, словно ноги с трудом слушались ее. Весь остаток пути она шла медленно, опираясь на камни и стараясь не отставать от нас.

Когда мы поднялись на очередной уступ, Йана радостно встрепенулась.

— Почти пришли! Еще один подъем и...

— Стойте! Кто идет?! — раздался грубый голос сверху, из темноты.

Я узнала общее наречие, но вместе с облегчением и радостью почувствовала тревогу — в оклике не было и следа приветливости.

— Се-роЙанетааль, — эльфийка старалась перекричать ветер. — Я сопровождаю людских магов по приказу «Сапфирового Ока».

Раздалось неразборчивое ворчание, а затем нам навстречу из темноты вышел сварг, облаченный в чешуйчатую броню и шапел¹. Его лицо скрывала густая рыжая борода, покрытая снежной сединой, а в руках он держал странную секиру с огоньком на навершии, который не мог погасить даже ветер.

Сварг направил свое оружие на нас, и огонек на секире враждебно накалился.

— Кто вы и откуда?

— Две веасийки и набелитка, — спокойно ответила Йана, не обращая внимания на его озлобленность. — На них должно было поступить разрешение на пребывание.

— Никогда о вас не слышал, — сварг оставался непреклонен. — Здесь никого не ждут.

— Мы и не должны были прийти, — вмешалась я, и сварг с удивлением посмотрел на меня, явно не ожидая, что чужеземцы говорят на их языке. — Южные ворота запечатаны. Мы решили идти этим путем. Наш... ведущий остался там. Гемос.

— Проводник, — поправила Йана.

— Гемос? — переспросил стражник уже на общем наречии, и его лицо резко изменилось. — Этот лисий хер еще не помер?

Он задумался, оглядел нас с ног до головы, дрожащих и едва держащихся на ногах, не зная, как поступить.

— Ладно, пошли, а то подохнете еще тут, — махнул он рукой, приглашая нас за собой. — Разберемся внутри.

Каталина и Йана последовали за стражником-сваргом, а я подошла к Аде. Она тяжело дышала и явно чувствовала себя плохо. Мне показалось, что от нее исходит странный запах.

— Мы уже здесь, в Абиссе, — сказала я, протягивая ей руку.

Она схватилась за меня, словно от этого зависела ее жизнь.

— П-побудь мне оп-порой ... А т-то я н-ног не ч-чувствую...

¹ Капеллина, или шапелъ, — общее название наиболее простого вида шлемов в виде металлических колпаков с полями.

Я кивнула и осторожно повела подругу к свету. Хотя скорее тащила ее — ноги у Ады действительно были как ватные. Я почувствовала угрызения совести — нужно было настоять на том, чтобы спуститься, а Йана могла бы справиться одна, чтобы потом привести подмогу. Но сожалеть было уже поздно. Самая трудная часть позади, и раз нас не убили сразу, значит, дальше будет легче...

Мы вышли на заснеженный уступ, который казался самой вершиной. Ступеньки закончились, и мы еле-еле умещались на этом узком пространстве. Сварг уверенно шел вперед, разводил руками, и по его жесту скалы с грохотом расступались, открывая узкую расселину. Мы с Каталиной неуверенно переглянулись и решили пропустить Йану вперед, потому что увиденное не внушало доверия — казалось, что гора вот-вот обрушится и навсегда захлопнет нас в каменной гробнице.

Протискиваться через узкий проход было тяжело, особенно когда на себе тащишь Аду. Но еще больше я нервничала из-за того, что за нами камень снова смыкался, как срастающаяся рана. Раньше я не страдала боязнью замкнутого пространства, но сейчас паника охватывала меня так же сильно, как усталость, отравляя разум едким страхом и не давая сделать ни шагу.

Приходилось пересиливать себя, идти почти вслепую, потому что перед глазами то и дело темнело, пока мы не наткнулись на каменную дверь. Сварг провел рукой по ней, и на поверхности загорелись огненные руны. Дверь с грохотом отъехала в сторону, открывая слабо освещенный коридор.

Внутри было почти так же холодно, только ветра не было. Я стянула шарф и воротник, наслаждаясь безветрием. Двое сваргов в таком же обмундировании подошли к нам и начали расспрашивать нашего сопровождающего на неизвестном языке. Эльфийка внимательно слушала, но в разговор не встревала.

— Ты правильно сделала, что заговорила с ним на общем наречии, — тихо сказала Йана, наблюдая за стражниками. — Сразу дала понять, что на их стороне. Иначе они бы решили, что это какая-то ловушка...

Тот сварг, который встретил нас, отошел от своих товарищей, которые быстро ушли вниз по коридору и исчезли за углом.

— Идемте, — пробурчал он, ведя нас в небольшую комнату.

Там были деревянные скамейки и камин. Тепло мгновенно окутало лицо, и по коже разлился жар, будто возвращая к жизни замерзшие части тела. Я с радостью стянула перчатки, чувствуя, как к пальцам потихоньку приливает кровь.

Пока Каталина помогала Аде устроиться поближе к спасительному огню, я подумала попросить хотя бы горячей еды, но сварг не собирался церемониться с нами:

— Ждите здесь, — бросил он и вышел из комнаты.

— Что-то случилось? — растерянно спросила я, провожая его взглядом. — Или так всегда?

Йана беспокойно ходила взад и вперед, как будто зверь в клетке.

— Какая наглость, — прошипела она с возмущением. — Сварги никогда не славились гостеприимством, но это уже слишком!

— Сколько нам еще ждать?

Та невесело усмехнулась:

— Кто знает... Этот народ обожает бюрократию так же сильно, как имперские министры. Некоторые могут ждать неделями, чтобы получить пропуск в город... или даже месяцами.

— Месяцами?! — не поверила я.

— Для нас это обычно не проблема, но... — она осеклась и, бросив взгляд в на Аду, нахмурилась, заставив меня торопливо обернуться.

Она тяжело дышала, уткнувшись в плечо Каталины, которая гладила ее по голове. Удивительно, но в тепле она не торопилась снимать варежки, шапку или даже немного расстегнуть шубу.

Снова до меня донесся странный запах — то ли жженого меха, то ли сладковатый аромат жареного мяса, от которого у меня заурчало в животе. «Наверное, это столовая, оттуда и пахнет. А голод играет с нами злые шутки», — подумала я и начала искать в наплечном мешке остатки еды, которые собрал для нас Гемос.

— Вот, возьми. Тебе нужно восстановить силы после такого подъема, — я протянула галету, но она даже не отреагировала. Ее взгляд был невидящим, затуманенным, на лице появилась испарина, как будто у нее была лихорадка.

Йана заметила это и, встав на колени перед девушкой, начала торопливо осматривать ее. Она сняла с нее верхнюю одежду, но Ада продолжала сидеть неподвижно, словно кукла. Пепельно-серая рука эльфийки на ее коже выглядела здоровой. Пока Йана проверяла пульс, дыхание и температуру, мы с Каталиной молча наблюдали, не желая мешаться.

Наконец, Йана аккуратно стянула варежку с руки набелитки. Запах стал еще сильнее, и когда я увидела, что было его источником, почувствовала подступающую тошноту.

— *Hvilke et fjols*¹, — выругалась Йана, прикусив губу.

Рука Ады потемнела, опухла и покрылась волдырями. Но это было не самое страшное: кожа медленно тлела и осыпалась от легкого прикосновения, превращаясь в труху.

— Меня... сейчас вырвет... — проскулила Каталина и тут же исполнила свое обещание, склонившись в углу и опустошив желудок.

— Что с ней... — с трудом произнесла я, глядя, как Йана торопливо снимает с нее оставшуюся одежду.

Ноги были такими же опухшими, синевато-красными и стертymi в мясо. Ногти почернели, кожа на ступнях отслаивалась и хлопьями оседала на одежду и пол, обнажая тлеющую почерневшую плоть, из которой сочилась мутная кровавая жидкость. И этот запах жареного мяса, от которого рот непроизвольно наполнялся слюной. Мерзкий. Сладкий. *Вкусный*...

— У нее было обморожение, — быстро сказала Йана, продолжая снимать с нее одежду. — Она решила согреть себя огнем, но из-за потери чувствительности не поняла, что сама себя сжигает заживо! Вот дура, я же запретила ей пользоваться магией...

Я вспомнила тот вечер в лесу, когда Ада, используя свою магию, согрела мне руки огнем, который не обжигал. Неужели она решила сделать то же самое сейчас, не понимая, к чему это может привести?

— Я позову на помощь, — прохрипела Каталина, вытирая рот ладонью.

— Помогай мне, — быстро сказала Йана, кивая в сторону оставшейся одежды, и я без промедления села рядом с ней.

Я старалась не думать о том, какую боль сейчас могла испытывать Ада. Стягивая сапог, видела, как куски плоти остаются внутри, растягиваясь, как горячий сыр. Меня едва не стошнило вслед за Каталиной, но я удержала то небольшое, что мы успели съесть во время подъема.

Пока Каталина громко кричала на весь коридор, мы поспешно сдвинули лавки, создавая подобие лежанки, когда в комнату ворвался уже знакомый рыжебородый сварг. Хмурясь, он явно собирался нас отчитать за шум, но, увидев Аду, резко изменился в лице. В два шага он преодолел комнату, резким движением отстранив Каталину, быстро осмотрел пострадавшую, перекинулся с Йаной несколькими фразами, которые я не разобрала.

В итоге он кивнул и, легко подняв Аду на руки, словно она ничего не весила, сказал:

— Следуйте за мной, иноземцы!

¹ Какая же дура.

Он стремительно пошел по широкому коридору, освещенному тусклыми огнями. Я не пыталась запомнить дорогу, все мои мысли были сосредоточены на Аде, которая лежала без сознания, безвольно дрожа в руках нелюдя. Никогда раньше я не сталкивалась с обморожением и не представляла, какие ее ждут последствия, учитывая, что обмороженная кожа еще и обожжена. Все, о чем я могла молиться, — это чтобы Ада выжила, не лишившись конечностей...

В конце концов мы подошли к двери, где стоял еще один стражник, но в более легкой одежде — без мехового плаща и с дубинкой на поясе. Оба сварга начали спорить на своем языке, и Йана заметно напряглась, готовая вмешаться. Но затем произошло неожиданное: стражник у двери получил сильный удар лбом, который сбил его с ног. Из носа у него хлынула кровь, заливая светлую бороду. Рыжебородый же ногой выбил дверь и ворвался внутрь.

Это была небольшая казарма, рассчитанная на десяток солдат. В центре горел очаг, на длинном столе с лавками стоял большой котел, а по стенам были развешаны доспехи и кровати. Некоторые караульные спали, но внезапный шум заставил их проснуться и схватиться за оружие.

Рыжебородый быстро отдал приказы, и комната резко оживилась. Сварги быстро начали готовить все необходимое: искали чистые тряпки, распалили огонь в очаге, набирали воду из бочонка в углу и заливали ее в котел. Мы с Йаной и Каталиной стояли у входа, не зная, что делать.

— Входите, чего стоите! — рявкнул стражник, аккуратно укладывая девушку на свободную кровать.

Мы неуверенно вошли внутрь. Йана снова взяла на себя роль переводчика, задавая вопросы стражнику, а затем повернулась к нам:

— Нужно раздеть ее и приложить компрессы к обмороженным местам. Пока вода греется, срежьте все, что выше ботинок, — она взмахнула рукой, и в ее руке появились небольшие ножи, которые она передала нам с Каталиной. Затем она тихо прошептала на общем наречии: — Брат... Где же ты, когда так нужен...

Я сжала нож в руке, стараясь сохранять спокойствие. Затаив дыхание, мы осторожно начали срезать одежду по шву. Кожа была холодной и жесткой, как мрамор, а суставы не гнулись, что усложняло задачу. Но постепенно мы освобождали ее от меховых одеял, перчаток и сапог, открывая все более ужасную картину. Шрам Ады вызвал у сваргов изумление, и нам пришлось объяснить, что он у нее давно.

Меня грубо оттолкнули в сторону, и стражники склонились над девушкой, прикладывая теплые компрессы к ее поврежденным местам. Они о чем-то громко спорили, но я не разбирала слов. Мир превратился в расплывчатое пятно, все звуки приглушились, я чувствовала только, как мое сердце колотится в панике, отдаваясь ударами молота в висках.

Ада была больше похожа на труп, чем на живого человека, ее кожа была ледяной, несмотря на жару в казарме. Она дышала редко и тяжело, словно легкие тоже были покрыты льдом. Я молилась, чтобы каждый вдох не стал для нее последним. «Пожалуйста, — молила я, стиснув руки, — Пусть кто-нибудь спасет ее... Она не должна умереть вот так...»

Внезапно все вокруг стихло. Я не сразу осознала, что происходит, но заметила, как все вокруг смотрят куда-то за мою спину. В воздухе витало одно и то же имя, произнесенное благоговейным шепотом. Все сварги почтительно склонили головы.

Однако я ощутила лишь страх — животный, необъяснимый, пронизывающий до глубины души. Страх перед тем, кто источает могущество настолько осязаемое, что, казалось, одного только взгляда хватит, чтобы от тебя ничего не осталось...

— *Teyesaareo*, — произнесла Йана, в распахнутых красных глазах облегло облегчение переплеталось с ужасом. — *Bror*...

«Брат»... Я медленно повернула голову. В дверях стоял высокий мужчина, выше Лео, даже выше отца — я едва доставала ему до груди. Он напоминал жреца со старинных иллюстра-

ций: потускневшая кольчуга, нагрудник и белая роба. С плеч поверх металлических наплечников свисала фиолетовая риза с детальной серебряной вышивкой. Незнакомец опирался на посох с необычным навершием в виде двух переплетенных серебристых линий, напоминающих змей, вокруг мерцающего кристалла. Его одежда состояла из потускневшей серебряной кольчуги, нагрудника и белой робы. На поясе висел богато украшенный короткий прямой меч. Голову его покрывал глубокий капюшон, из-под которого виднелась серебряная маска, повторяющая контуры лица.

Я задержала дыхание, осознав, что смотрю на незнакомца в упор. Однако ужас сковал меня, не давая пошевелиться, и я крепче сжала нож. Он казался... *неестественным*. Эльф сделал шаг вперед, опираясь на посох. В его походке чувствовалась болезненность, хотя он и старался держаться статно. Когда он опустил голову и наши взгляды встретились, по телу пробежала дрожь, словно электрический разряд, и я отпрянула. Из тьмы, скрывающейся за серебром, на меня смотрели два светящихся желтых огонька.

— *Atsitraukit*⁵⁴, — произнес он спокойным, приглушенным хриплым голосом. — *Jeg kom padeti*⁵⁵.

Помочь? Что он имел в виду... Я резко обернулась и посмотрела на сваргов, которые теперь хмуро переглядывались, явно недовольные намерением эльфа вмешаться. Они начали о чем-то спорить, но я не разобрала ни слова, кроме отдельных фраз. Одни из них сплюнул и вышел из комнаты, но эльф даже не обернулся.

Йана молчала и старательно отводила взгляд, не смея смотреть на брата.

— Что он хочет с ней сделать? — спросила я у нее, голос предательски дрогнул от волнения и тревоги.

— Сарео хочет исцелить ее магией, — коротко ответила эльфийка, — но сварги против. Ее слова поставили меня в тупик.

— Почему? Разве это может навредить? София же столько раз нас лечила, и все было в порядке...

Та вздохнула, продолжая наблюдать за перепалкой между ее братом и сваргами. От их былой почтительности уже не осталось и следа. Сейчас они походили на животных, испугавшихся огня. Хоть эльф держался спокойно, этот страх, который он источал, обучал не только меня.

— Не все так просто... — ответила наконец Йана. — Одной магией созидания здесь не обойтись — исцеление потребует огромных ресурсов и от мага, и от пострадавшего. Поэтому брат предлагает использовать внутренние резервы организма, чтобы тот сам восстанавливал рану. Но в случае Ады... Это может ей навредить. Сварги не доверяют магии и хотят использовать обычные методы, — эльфийка тяжело вздохнула, скрестив руки на груди. — Но в итоге мы тратим время на бесполезные споры...

После произошедшего я окончательно убедилась, что магия способна не только творить чудеса, но и причинять боль. Обугленная кожа Ады служила этому доказательством. Несмотря на сильное недоверие к магии и скрытому от обычных людей миру, жизнь подруги оказалась для меня важнее моих принципов. Это было правильно.

Преодолев оторопь, я вышла вперед, заставив спорщиков повернуться ко мне. Понимая, что моих языковых навыков недостаточно для объяснения ситуации, я надеялась на их понимание.

— Если... — я пыталась унять дрожь, глядя прямо в глаза эльфу. Несмотря на страх, мой голос звучал твердо. — Если вы можете помочь, то сделайте все возможное, чтобы спасти ее.

¹ Отойдите.

² Я пришел помочь.

Я надеялась уловить что-то в его взгляде, но он оставался таким же непроницаемым, как застывшее в металле выражение лица. Он кивнул.

— *Alle skal forlade stua. Jeg maa ruostis prie paslaptis*¹, — он чуть повысил голос, и никто из сваргов не посмел возразить этим жутким ноткам, появившимся в тоне эльфа.

Они грубо схватили нас под локти и вывели из казарм меня и Каталину, пытавшуюся сопротивляться и не понимавшую, что происходит, со страхом глядевшую на нависшую над Адой фигуру жреца, пока дверь перед ней не захлопнулась. Йана кратко объяснила девушке, что ждет набелитку, но это не успокоило ее — видимо, не только я не доверяла магии.

Сварги вели нас по коридору, пока не остановились перед большой дверью.

— Отправляйтесь в особняк господина Тейесаарео. Мы доставим вашу подругу, как только ей станет лучше. До получения разрешения на передвижение по городу вы должны оставаться в особняке, — сказал рыжебородый стражник, пока двое других тянули за механизм, открывающий тяжелые двери. — И да, — он усмехнулся. — Добро пожаловать в Абисс.

Я неуверенно шагнула вперед и обомлела от увиденного. Передо мной раскинулся город, опоясывающий огромную круглую пропасть. Дома были высечены из цельных кусков камня, плавно переходя один в другой.

Стены зданий украшали изысканные фрески и рельефы, изготовленные с такой точностью, что даже лучшие столичные мастера не могли бы превзойти их. Не говоря уж о каменных статуях сваргов, изображенных в позах настолько естественных, словно бы они были живыми буквально мгновение назад.

Улицы освещались газовыми лампами, а на клумбах цвели удивительные растения с красными и фиолетовыми листьями с жилками, напоминающими вены. Некоторые цветы мерцали разноцветным свечением, переливаясь, как маслянистые пятна на воде.

Подойдя к балюстраде, которая защищала улицу от обрыва, я осторожно высунулась за перила, чтобы лучше рассмотреть архитектурное великолепие, высеченное прямо в скале. С этой высоты открывался вид на городские районы, уходящие вниз ярусами и теряющиеся в бездонной темноте пропасти.

Подняв глаза, я заметила мерцающие точки, в которых не сразу признала звезды. Среди них выделялся лиловый огонек Септимии. «Неудивительно, что люди не знают о существовании Абисса, — подумала я, с детским восторгом оглядываясь по сторонам. — Они никогда не найдут его, не зная, что он здесь».

Судя по всему, город был построен в жерле потухшего вулкана. Несмотря на открытое небо, здесь не было снега и было тепло почти так же, как в Веасе весной. Я вскоре начала стягивать и теплую накидку, чувствуя, как она пропиталась потом. Каталина, пораженная увиденным, последовала моему примеру.

Йана улыбнулась и объяснила:

— Город обогревается геотермальными источниками. В домах всегда тепло, есть горячая и холодная вода.

Пока мы шли по улице, огибающей бездну, я заметила, что многие дома пустуют, а жителей практически не видно. Хотя я списала это на поздний час, по опыту знала, что в больших городах жизнь не замирает ни на минуту. В Мар-де-Сеале и Столице она пульсирует круглосуточно, меняя ритм, но не останавливаясь. Абисс же казался архаичным, застывшим, словно само время здесь нехотя шло вперед.

Я вздрогнула от громкого скрежета справа. В воздухе раздавались шорохи, треск, рокот и гул, как будто город недовольно ворчал и вздыхал, тоскуя по своему одиночеству.

— Не волнуйтесь, — сказал сварг, заметив мое беспокойство. — В городе много механизмов, которые работают непрерывно. Мы к ним привыкли, а вам это в новинку.

¹ Всем покинуть комнату. Мне нужно подготовиться к таинству.

— Механизмы? — спросила Каталина, с настороженностью оглядываясь по сторонам, как испуганная кошка.

— Ну да, — стражник пожал плечами. — Электричество, лифты, подъемники, водоснабжение и все такое.

Сварг говорил спокойно, словно такие вещи были для нас обыденностью, хотя я едва могла до конца понять, о чем он. Йана указала на металлическую дверь впереди:

— Вот такие подъемники перевозят жителей с уровня на уровень, — сказала она с улыбкой. С тех пор как мы покинули казармы, эльфийка заметно повеселела. — Вся гора пронизана тоннелями, по которым движутся лифты.

— Они работают на магии? — мне было сложно поверить в существование таких технологий.

Сварг гоготнул, и эхо многократно отразило смех от каменных стен.

— Они работают за счет физической силы и инженерной мысли, иноземка, — гордо заявил он.

Я снова окинула взглядом город. Даже в самых смелых фантазиях я не могла представить ничего подобного, но одна мысль не давала мне покоя: как нелюди с *таким* технологическим преимуществом могли проиграть войну людям? Видя мощь магии, даже то небольшое, что показали София и Йана, я с трудом могла поверить, что люди одержали верх.

Может быть, причиной была какая-то коварная тактика? Темная магия способна на многое, и нелюди не зря ее ненавидят. Но более вероятным мне казалось другое. Я не раз слышала от Яшмоса пренебрежительное отношение к эльфам, и по его словам, а также по некоторым репликам Йаны, поняла, что дружелюбия между ними не было. Ссора в казармах еще раз это подтвердила.

Возможно, в рядах произошел раскол? Даже сейчас я замечала, как стражник и Йана бросают друг на друга враждебные взгляды — в каждом из них тлеет давняя неприязнь. Любопытство терзало меня, но я понимала, что сейчас не время для расспросов.

Поездка на лифте оказалась настоящим испытанием. Это была небольшая металлическая комнатка, достаточно просторная, чтобы вместить всех нас. Внутри находился сварг, который, получив монеты, начал дергать за рычаги, и комната пришла в движение. Сначала медленно, но постепенно набирая скорость, она несла нас вверх и в стороны.

Я молилась, чтобы тросы не оборвались, и каким-то чудом смогла устоять на ногах, представляя себя на палубе корабля. Каталина же позеленела и стискивала мою руку при каждом резком торможении. Но даже это было лучше, чем подниматься пешком. Вид через решетчатую дверь был великолепным, позволяя оценить архитектурное убранство каждого пролетающего мимо яруса.

— Когда мы все проверим, ваши вещи доставят сюда, — объявил сварг, когда мы вышли из лифта и оказались на твердой земле. Ноги все еще дрожали после поездки.

— Спасибо вам... э-э-э... — я замялась, не зная, как зовут нашего сопровождающего.

— Рубос Жантарас, командир Южного бастиона, — представился он сухо. — Я также пошлю кого-то с вестями. Помните, вы здесь только благодаря имени клана Се-ро. Если вас увидят на улицах города без документов — сами виноваты. Под вашу ответственность.

— Разумеется, — устало кивнула Йана, закатив глаза.

На этом мы попрощались с командиром Жантарасом. Улицы второго яруса напоминали Нобилиум, столичный район знати. Дома тут разнились в зависимости от предпочтений владельцев, но одного у них было не отнять — от бесподобной красоты захватывало дух.

Когда напряжение спало, усталость начала брать свое. Я не знала, сколько нам идти до поместья, когда Йана внезапно заулыбалась.

— Чего так долго? — хмыкнула она себе под нос, а через мгновение из-за угла появилась процессия, двигавшаяся по узкой каменной улочке.

Сначала я подумала, что это эльфы, как Йана, но они были ниже ростом, как обычные люди. Когда процессия приблизилась, я поняла, что это действительно *люди* с белоснежной кожей и пепельно-белыми волосами, но острых ушей не было. Их голубые глаза иногда отливали красновато-розовым. Белые волосы были не только на голове: ресницы, брови тоже словно покрывала белая известь.

До этого момента я никогда не видела альбиносов вживую. Наверное, мне надо было испытать облегчение, увидев сородичей, но их раболепные улыбки и покорность вызывали у меня ужас.

Вперед вышла женщина зим сорока. Она была чуть выше меня, и ей пришлось задирать голову, чтобы обратиться к Йане. Они быстро переговаривались, и я понимала только обрывки. Но, судя по всему, это был эскорт, который должен был встретить нас по прибытию.

— Это одна из моих служанок, Лайна, — представила ее Йана. — В поместье она будет всем заведовать, и если что-то понадобится, обращайтесь к ней.

Служанка изящно поклонилась.

— Только меня зовут Ларана, госпожа, — поправила она, опустив взгляд. — Лайна, моя мать, скончалась четыре года назад.

Эльфийка задумчиво склонила голову.

— Давно меня здесь не было. Кажется, около десяти зим... Но неважно. Все разговоры после ужина и горячей ванны, — она указала на двухколесную повозку, в которую был впряжен такой же мужчина-альбинос. — На рикше⁵⁷¹ мы доедем быстрее и с комфортом, — добавила она.

Мы с Каталиной переглянулись и пожали плечами.

— Не переживайте, — попыталась подбодрить нас Ларана, помогая усесться в мягкое кресло. — Вы в безопасности, и имперские выродки вас не достанут. Мы окружим вас заботой и комфортом, о которых вы и не мечтали.

Я хотела возразить, но вспомнила слова Софии. Нужно было скрывать наше происхождение и притворяться простолюдинками.

Повозка тронулась. Йана расслабилась на сиденье, а Каталина с любопытством оглядывалась на слуг.

— Это у вас в порядке вещей? — спросила она.

— О чем ты?

— Поместье, эскорт из десяти человек... Ты что, знатная особа?

Йана звонко рассмеялась.

— Кажется, я не представилась как следует, — сказала она с самодовольной улыбкой, и, откашлявшись, произнесла тожественно и пафосно. — Наследница клана Се-ро, великая княжна Бескрайнего подземного простора, хранительница города Барбарой и защитница всея рода эльфийского Йанетааль Данерельская.

Она изобразила манерный поклон, а мы удивленно раскрыли рты.

— Княжна?.. — переспросила Андо.

Йана кивнула.

— Титул дочери царя. У вас это зовется принцессой.

— Как же вышло, что принцесса эльфов вытаскивает людей из Империи? — ахнула Каталина.

— Это был мой выбор, — ответила она с тенью печали в глазах. — Когда жизнь начала рушиться, я решила продолжить борьбу, а не бежать на Архипелаг. Мне казалось, это единственный верный путь.

¹ Рикша — вид транспорта, повозка (чаще всего двухколесная), которую тянет за собой, взявшись за оглобли, человек. Повозка, как правило, рассчитана на одного или двух седоков.

— А твой брат? — спросила я. — Если ты принцесса, то Тейесаарео — кронпринц?

— Да, вернее... — замылась она. — Сарео был паладином богини Аулены, а теперь стал жрецом и посвятил себя служению после... после войны. Сейчас... я единственная наследница престола.

Этот разговор явно смутил ее. Она не выглядела радостной при мысли о брате.

— Он казался больным, — заметила я. — Ты говорила, он искусен в магии. Почему он не исцелит себя?

— Не все можно поправить магией, — вздохнула она, не желая развивать эту тему.

Поместье находилось недалеко. Когда мы повернули за угол, я почувствовала, как сердце замирает от предвкушения. Трехэтажное здание с галереями и балконами выделялось среди других построек, и не потому, что находилось на возвышении. По сравнению с грубой массивной архитектурой сваргов, с преобладающими прямыми линиями и четкими формами без излишеств оно напоминало проросший среди плит мостовой прекрасный цветок.

Я не могла определить, что мне напоминала здешняя архитектура, но в ней улавливались элементы арраканского и набелитского стилей. Изящные природные формы и мелкий декор на фасадах были словно буквы на страницах книги. То тут, то там в камень вплетался металл, создавая причудливые узоры. Прогулка по коридорам превратилась в настоящую экскурсию. На высоких острых сводах потолка, подпираемых стволами базальтовых колонн, горящими цветами висели лампы. Воздух был наполнен ароматом жасмина и влажной свежестью.

Поместье было огромным, но выглядело заброшенным, как и весь город. Йана пообещала познакомить с остальными обитателями после отдыха. Прислуга проводила нас в покои, маленькие, как комнаты для слуг в нашем особняке в Столице. Но в тот момент я была благодарна даже за это.

Я позволила прислуге снять с себя промокшие от пота и грязи шкуры и одежду и усадить в большой деревянный таз с горячей водой. Служанки стирали с меня грязь, словно смывая вместе с ней и воспоминания о пережитых тяготах. В тот момент, когда грубая мочалка натирала кожу до красноты, я впервые ощутила спокойствие, заменившее привычную тревогу.

Хотя наши с Каталиной комнаты были рядом, стоило остаться наедине с этими странными людьми, внутри все сжалось от страха. До этого я боялась только за свою жизнь. Но теперь, когда Камиллы Кустодес больше не существовало, а была просто Камилла, я впервые задумалась о будущем. Как будто запрещала себе думать об этом, пока изматывающая дорога еще не осталась позади.

Как мне быть дальше? Что делать? Как вести себя с незнакомцами, которые ничего не знали о моей жизни? Я не могла ничего требовать, но чтобы убедительно сыграть свою роль, нужно было все продумать заранее. И сейчас я жалела, что не сделала этого. Знакомый насмешливый голос раздался в голове, вынырнув из глубин сознания: *«Подстраивайся... Притворяйся... Покажи, какая ты есть, без своего имени...»*

Я бросила быстрый взгляд на узкое зеркало на стене. От увиденного в сердце кольнула жалость к себе — никто не узнал бы в этой изможденной девушке благородную даму. Тошная, с выпирающими ребрами и потускневшей кожей, с осунувшимся острым лицом, впалыми щеками, с синяками и подтеками на теле, словно от ударов. О состоянии волос, зубов и ногтей думать не хотелось.

«Вот она — такая, какая есть, — размышляла я, уныло глядя на свое отражение. — Без прикрас. Без платьев. Без защиты...» Радовало лишь, что в янтарно-карих глазах горела исступленная решимость, которой я раньше у себя не замечала. Наверное, то, что я давно прятала внутри, теперь питает меня, помогает не поддаваться отчаянию. Больше ничего, кроме этого, у меня не осталось.

Я чувствовала усталость, но разум не позволял телу расслабиться. Даже когда водные процедуры закончились и слуги унесли таз, предварительно магией избавившись от грязной

воды. Оставленная еда, хоть и выглядела аппетитно, не манила. Волнение за судьбу Ады не давало мне покоя.

Устав вымеривать маленькую комнату шагами, я решила выйти наружу. На миг испугалась, что дверь заперта, но я же не была пленницей. Ручка повернулась, открывая путь. Шаг за порог был нерешительным, словно я сама себя поместила за решетку. Коридоры оставались пустыми, порой показывались лишь редкие слуги-альбиносы, которые странно смотрели на меня, но не подходили.

Я вновь поразила великолепию поместья. Лестницы вели на верхние и нижние этажи, изящные арки с перламутровыми мозаиками выводили на балконы и галереи... Вид из окон, как и прежде, открывался на город, но бездны не было заметно — здание находилось слишком далеко. Сильнее всего меня тронул раскинувшийся во дворе сад. Небольшой, но пышно цветущий, он напоминал о доме, отзываясь светлой печалью в груди. Рошица экзотических растений будто парила в серебристом свете, а редкие светлячки маленькими звездами украшали лепестки и листья нежным сиянием.

Я даже представить не могла, что в таком отдаленном и суровом месте, как северные горы, может скрываться нечто подобное. Возможно, здесь тоже была какая-то хитроумная система орошения, подобная той, что я видела в Каса-де-Вентос. Но как растения могли выживать в полной темноте?

Ответ пришел сам собой, стоило поднять голову. Вместо потолка был купол с огромным светящимся диском, который, как мне показалось, имитировал солнце. В тот момент он испускал мягкое серебристое сияние. Это напоминало гигантскую астролябию, в котором неведомые силы заставляли кольцо и светящийся диск двигаться, словно шестеренки в часах.

«Поразительно...» — только и смогла подумать я, с восхищением разглядывая удивительный механизм. Интересно, если бы у людей были такие технологии, сколько всего они могли бы создать?

Империя одержала победу в войне, но, судя по тому, что я увидела в Академии, до таких изобретений людям еще далеко. В то же время проигравшие, укрывшись в своих пещерах, жили спокойно, не испытывая необходимости доказывать свое право на существование.

За время, которое для них было мгновением, люди развивались, боролись не только с внешними врагами, но и с самой природой, совершая открытия, которые заставляли мир служить им. Если бы имперцы были более открытыми к магии и использовали ее на благо общества, они создали бы настоящий рай, соответствующий Имперским Истинам... Но почему никто так и не попытался это сделать?

Я брела, погруженная в эти рассуждения, не особо задумываясь о том, куда ведут ноги. Ведь куда бы ни пошла, отсюда мне не выбраться. Если понадобится, меня найдут... Тревога вновь вернулась, словно сознание нуждалось в этой горечи. Я не знала, как там Ада, и это тяготило. Я не понимала, что мне делать дальше и как быть, особенно когда теперь рядом не было не только Яна, но и Софии.

Мне приходилось рассчитывать только на себя, и страх совершить очередную ошибку, которая приведет к непредсказуемым последствиям, отдавался в сознании насмешливой улыбкой Александра, ставшим для меня воплощением всего, что я ненавидела, скрывала и подавляла. Голосом... разума? Возможно. И сейчас он насмеялся над моей наивностью и беспомощностью. Если в Столице я могла надеяться на защиту своего Дома и отца, то здесь... Здесь все было наоборот.

Не доверять никому. Не открываться. Никому не давать понять, что я могу представлять угрозу.

Только так я могла выжить. Стать тенью. Стать *никем*.

Мое внимание привлекла приоткрытая дверь в одну из комнат. Внутри, в полумраке, я заметила шкафы, заполненные книгами. Неужто... Библиотека? Пробормотав извинения

за беспокойство, я вошла в огромный книжный зал с высокими рядами полок, уходившими вглубь помещений. Было видно, что книгами давно не пользовались. Помещение было чистым, но стоило открыть первый попавшийся фолиант, как меня окутало облако пыли, заставив закашляться.

Разочарование снова настигло меня, когда я поняла, что, кроме красивых иллюстраций, все остальное содержимое книг оставалось для меня загадкой. Пролистав несколько страниц, я обнаружила, что все они написаны на незнакомом языке. Вздохнув, решила посмотреть на другие экспонаты в комнате.

Здесь были необычные черепа животных на пьедесталах, произведения искусства и застекленные стойки с разнообразным оружием. Особенно впечатляла коллекция копий и алебард. Но больше всего мое внимание привлек огромный двуручный меч из темного металла с синим отливом. На его лезвии была гравировка, но я не могла разобрать слов. Меч очень напоминал Виентосиноре, и хоть эспадон¹ — оружие не такое уж редкое, этот даже меня завораживал своей красотой. Лео и Валентин, безусловно, оценили бы это великолепие. Лео, возможно, даже прочитал бы лекцию о балансе и качествековки этого меча... Интересно, как он сейчас? Чем занят?

Погруженная в свои мысли, я провела пальцем по гравировке, надеясь разобрать текст, но как только я коснулась лезвия, раздался голос за спиной:

— *Milady, hvis jus var dig, ville jeg ikke liesciau ved denne ting*¹.

Я вздрогнула и обернулась, тут же встретившись взглядом с двумя желтыми огоньками, внимательно следящими за мной.

Сарео тенью стоял позади. Видимо, умение бесшумно передвигаться — их семейная черта. Ощущая себя пойманной с поличным воровкой, я замерла на месте, не в силах пошевелиться или что-либо сказать. Но ожидаемого выговора или приказа уйти не последовало, эльф просто прошел мимо. Казалось, каждый шаг дается ему с трудом. Когда ужас и замешательство отступили, я робко спросила, глядя ему в спину:

— Вы ведь... господин Тейесаарео? Простите, что вошла без разрешения, не знала, что это ваши покои. Меня терзала бессонница, и я случайно забрела сюда...

Сарео промолчал. Он поставил посох на подставку для оружия и, тяжело опираясь на столик, наполнил себе бокал из кувшина. Я же стояла в нерешительности. Мне уйти? Или могу остаться? Или, может, Сарео не понимал имперский язык?

— *Jeg ville... sporge dig... э-э-э... hvordan min ven...* — начала я, но запнулась, поняв, что языку пока тяжело дается чуждая речь, а разуму сложно живо подбирать слова из и без того скудного пока запаса.

— Не утруждайтесь. Я вещаю на людском языке, — сказал он все так же не оборачиваясь. Его голос хрипел даже хуже, чем при первой встрече.

Смесь смущения и негодования жаром обдала лицо. Дай он знать сразу, что понимает аквилантис, мне не пришлось бы унижительно стараться... Правда, говорил он на какой-то архаичной его форме.

— Простите, я хотела спросить... Как моя подруга? Она жива?

Сарео не торопился с ответом, пока бокал, из которого он пил, со звоном не стукнулся о деревянную поверхность. Болезненная хрипота значительно ослабла:

— С нею все благополучно. Покамест она пребывает под попечением искусных целителей. Когда же окрепнут ее дух и тело, ее принесут сюда. Предстоит ей долгий путь к выздоровлению, и страшусь я, что к старым ее шрамам добавятся новые.

¹ Эспадон (фр. Espadon, от исп. Espada — меч) — тип двуручного меча («большая шпага»), использовавшийся в XV–XVII в.в.

¹ Госпожа, на вашем месте я бы не прикасался к этой вещице.

Судорожный облегченный выдох с шумом вырвался у меня, и я утопила лицо в ладонях. Стоило узнать, что жизнь Ады вне опасности, и усталость навалилась ледяным потоком.

— Спасибо... — сказала я, едва сдерживая слезы. — Спасибо, что спасли ее жизнь...

Я ощущала обжигающий пристальный взгляд, от которого пробирала дрожь, но сейчас страх уступил место искренней признательности тому, кто не колеблясь решил помочь.

— Благодарности сие деяние не требует, — спокойно ответил Сарео, устало опускаясь в кресло и жестом приглашая меня сделать то же самое. — Всякая жизнь достойна быть спасенной. Коль сумел хотя б одной живой душе я помощь оказать, значит, день сей не напрасно прожит.

Все еще пытаюсь прийти в себя, я аккуратно уселась на край кресла.

— Вам, благородная леди, не мешало бы вознаградить себя отдыхом заслуженным.

Я закусила губу. Назойливый голос напомнил мне о новой маске, которую теперь приходилось носить. Она должна была стать лицом, чтобы не вызывать подозрений... Я не знала, в какой мере эльф был осведомлен о делах «Ока», но рисковать не стоило. И уж точно не стоило доверять незнакомцу. Это урок я уже усвоила.

— Отдыхать очень тяжело, когда не знаешь, жив ли близкий человек. И я не леди, господин... или мне обращаться к вам «принц» или «Ваше Высочество»... Простите, я незнакома с этикетом.

На мгновение показалось, что в глазах Сарео промелькнула усмешка.

— Я не принц, — сказал он. — Уже нет, по правде говоря... Коль уж моя возлюбленная сестра поведала о сем, то нет нужды более таиться, что именно ей, а не мне, достанутся все фамильные регалии. Когда она пресытится приключениями и вольной жизнью, конечно же.

В его словах не было ни сарказма, ни недовольства, скорее что-то вроде беспокойства. Такого же, какое я слышала в голосе Валентина или Леонарда.

— Только благодаря ей и ее навыкам мы преодолели такой путь... Вы же... вы же знаете о наших с Адой дарах?..

Он медленно кивнул.

— Воистину, ощущаю я вашу мощь. И трепещет сердце мое, ибо не ведаю, кого на сей раз привела в отчий дом сестра моя возлюбленная.

Я с недовольным выражением посмотрела на него.

— Вы, как и все, относитесь к дару темной магии с презрением и ненавистью? Гемос и Йана говорили, что в прошлом он уже причинил много бед.

— Заверю вас, что ведаю я о темных чарах более, нежели все обитатели Абисса, совокупно взятые. Но сама магия не имеет воли, она лишь принимает обличие, сообразное желаниям своего господина.

Интересно, если я когда-то смогла своей магией испортить жизнь ни в чем не повинному мальчику, что это говорит обо мне? Кулаки сами собой сжались.

— Сего ради, — продолжил он, — без мудрых наставников, кои бы направили вашу волю и стремления на путь истинный, вас оставлять не подобает. По обыкновению, я являюсь тем, кто вводит новоприбывших в тайну их дара, но... по некоторым причинам, люди страшатся и избегают моего присутствия.

Я могла их понять. Меня до сих пор преследовало необъяснимое желание убежать как можно дальше, лишь бы не находиться рядом с эльфом и не ощущать его зловещую ауру.

— Это меня не касается, — я уныло взглянула на книги на полках. — Возможно, здесь я нашла бы ответы на свои вопросы, но судьба, как всегда, жестока ко мне. Библиотека огромная, но ни одну книгу я не могу прочитать...

Сарео усмехнулся.

— В первый раз за многие зимы ступила сюда чья-то нога... По обыкновению же те, кого избавило от бедствия «Сапфировое Око», не ищут мудрости и довольствуются простым

бытием, от коего некогда отrekliсь. Не вопрошают они, коль скоро ответы неясны и нележки. Но вы, судя по всему, отличаетесь от прочих...

Я нервно сглотнула. Да, простолюдины редко умеют читать и еще реже проявляют интерес к познанию и красноречию. Похоже, мне предстоит много работы над собой, но как трудно отбросить ту часть себя, что была возвращена с молоком кормилицы.

— Йанетааль, как заметил я, вас наставляла в овладении общим наречием. Коль изволите, могу обучить премудростям эльфийского и сваргонского языков, а равно и письму с чтением. Сии умения весьма полезны, ежели вы истинно стремитесь к достижению своих целей. Но требуют они немало времени и усердия...

— Я никуда не спешу. Мы, кажется, здесь надолго, — я пожала плечами, все еще с опаской глядя на Сарео.

Было непривычно общаться, не видя эмоций собеседника, я не могла правильно реагировать и предугадывать намерения. Хотя с обычными людьми это тоже не всегда удавалось. Я снова оказалась в ситуации, когда меня видят насквозь, а мой взгляд окутан дымкой догадок.

Сарео задумчиво кивнул, глядя куда-то в сторону. Его светящиеся глаза на мгновение потускнели, как у человека, погруженного в свои мысли. Я не была уверена, закончился ли наш разговор, но раз я уже здесь и речь зашла об обучении, возможно, хозяин поместья сможет мне помочь.

— Могу я попросить вас еще об одной услуге, господин Тейесаарео?

Он медленно перевел взгляд на меня, как будто уже забыл о моем присутствии.

— Прошу именовать меня просто Сарео, благородная леди.

— Я не леди, — напомнила я недовольно. — Камилла... Просто Камилла.

— И чего же изволите, о просто Камилла? — устало спросил эльф.

Я запнулась, борясь с неловкостью, и выпалила:

— Помимо обучения магии я хочу научиться владеть оружием.

Теперь, затаив дыхание, оставалось ждать вердикта. Оценивающий взгляд эльфа мне не понравился — Кригер недавно смотрел с таким же недоумением и снисходительностью.

— К чему столь нежной и юной деве в руки меч брать?

— Чтобы защитить себя, — твердо ответила я, стараясь не отводить взгляд.

Сарео снова замолчал. Казалось, ему даже думать было тяжело, он мне не был приятен, но его медлительность начинала даже раздражать. Я уже собиралась извиниться, забрать свои слова и уйти, как хриплый голос разорвал тишину.

— Сие деяние претит моим убеждениям, но могу изыскать для вас наставника, кто откроет вам начальные премудрости.

Он не походил на пацифиста, учитывая стойки с оружием и меч на поясе. Но даже это было больше, чем я ожидала.

— Спасибо вам, Те... Сарео, — сказала я, стараясь выразить искреннюю благодарность. — Если вы не против, я последую вашему совету и отправлюсь отдыхать...

— Конечно, Камилла... — глухо ответил он, но его мысли уже явно были где-то далеко, не обращая внимания на происходящее вокруг.

Однако, выходя из библиотеки, я вновь ощутила пронзительный взгляд, который следил за мной.

Глава 13

Я не помнила, как заснула, но сон мой был тревожным и коротким, прерываемым яркими вспышками, которые скорее походили на провалы в реальность. Возможно, меня беспокоил шепот во мраке забвения, но, к счастью, я не запомнила его.

На мгновение, почувствовав под спиной мягкую перину вместо тюфяка, я даже решила, что все произошедшее — лишь страшный сон, а сама я дома или, по крайней мере, в Столице. Но надежды мои быстро разбились о суровую действительность. Незнакомый потолок, незнакомая комната, незнакомый вид из окна.

Ощущения были как при тяжелой болезни: тело не слушалось, слабость сковывала движения, каждая попытка пошевелиться давалась с трудом. Голова кружилась, а желудок требовательно завывал и сжимался от боли. С большим трудом я поднялась на локтях, затем свесила ноги с кровати и ощутила пальцами едва теплый мраморный пол.

Поначалу пыталась просто сфокусировать взгляд. Небольшая комната со стенами из светло-серого камня, яркими лампадами на них, столом, стулом и кушеткой с вещами. Сначала я подумала, что это те лохмотья, в которых я прибыла в город, но потом узнала в мешке свою скудную поклажу. Видимо, ее доставили, пока я была без сознания, а значит, Гемос все-таки смог попасть в город. Это вселяло надежду.

Преодолевая слабость, я с трудом доковыляла до кушетки и начала судорожно рыться в своей сумке, такой же щуплой, как и ее владелица. Личных вещей у меня осталось немного, и сейчас я искала лишь одно — небольшой мешочек на самом дне. Когда пальцы нащупали грубо выделанную кожу, я облегченно выдохнула.

Внутри лежали кулон, который мне передал Яшмос, магострел с последним зарядом и кольцо с темпесисом, которое я тут же надела на палец. На душе стало спокойнее — даже если я потеряю все, это кольцо останется со мной. Разглядывая кулон с изображением сваргонки, я думала, как же вообще выяснить, кто она и где ее найти. Задача казалась невыполнимой... но это была последняя просьба Яшмоса, я не могла его подвести. А вот с магострелом проще — думаю, найти ремесленника в городе, где на каждом углу чудеса инженерии, не составит труда.

Сложенные с мешочек вещи я бережно спрятала под подушкой, и тут мой взгляд упал на стол. На нем стояла тарелка с нетронутой едой, и желудок снова напомнил о себе. Фрукты были незнакомыми, но я понимала, что сейчас нужно хоть как-то набрать вес. Иначе я не то что меч в руках держать не смогу, но и головой воспользоваться не сумею: во время учебы в Академии, когда нужно было всецело посвящать себя выполнению домашних заданий, я уже поняла, что не стоит пренебрегать правильным питанием. Благо что София тогда зорко следила за этим.

Я опасливо взяла незнакомый плод, похожий на персик, и сделала укус, едва не сломав зубы о твердую косточку. Сладкий густой сок быстро наполнил рот, и я жадно проглотила кусок, почти не жуя. В три укуса расправившись с плодом, тут же взялась за следующие, не в силах остановиться. То, что аппетит вернулся, показалось мне хорошим знаком, но я поздно осознала, что повторила ту же ошибку, что и Норберт — из-за поспешности еда вдруг стала комом в горле и меня вывернуло наизнанку.

Громкий стук в дверь заставил меня резко обернуться.

— Кто там? — спросила я хриплым голосом.

— Меня зовут Шатара, — раздалось снаружи. — Госпожа Ларана назначила меня вашей горничной. Рада, что вы очнулись, *mahoda*¹. Меня попросили доставить вас к...

Молодая служанка-альбинос, держа в руках стопку свежей одежды, вошла в комнату без приглашения. Ее взгляд скользнул по разбросанным вещам, затем на меня, скрючившуюся

¹ *Maho*, *mahoda* — (здесь) вежливое обращение к лицам не дворянского происхождения в эльфийском языке.

над столом, и на отвратительное полупереваренное содержимое, стекающее с него. В светло-голубых глазах мелькнуло недоумение. Она аккуратно положила вещи на кушетку и, взяв из стопки тряпку, принялась за уборку.

— Это хорошо, что у вас такой аппетит, *mahoda*, — робко сказала она, вытирая рвоту с пола, — но разве вы не знаете, что после долгого путешествия и недостатка пищи нельзя так резко наедаться? Ваш желудок не выдержал...

— Это я уже поняла...

Рот и горло все еще жгло от желчного сока, и я закашлялась.

— Госпожа Йанетааль просила проверить ваше состояние и, если вы проснулись, сопроводить вас к завтраку, где она и *maho* Гемос будут ждать вас. Я уже стучала несколько раз, но вы не отвечали. Я только проверяла ваше самочувствие и убирала здесь.

— Сколько я проспала? — спросила я, разминая затекшее тело.

— Три круга и восемнадцать звонов.

— Круги?.. Звоны?..

— О, прошу прощения, *mahoda*, по привычке использовала сваргские меры времени... В вашем понимании это дни и часы.

— Я... проспала три дня?!

— Да, но не беспокойтесь, — проговорила она, увидев, как расширились мои глаза. — Ваша подруга, кажется, все еще спит.

— Каталина? — уточнила я, и она кивнула.

Если я почти четверо суток провалялась без сознания, неудивительно, что мне так плохо. Глянув в окно, не было и намека на солнечный свет, я задумалась: как же тут отсчитывают дни? Не все же, как Йана, это так точно чувствуют... Должно быть, жить, когда день и ночь сливаются в один неясный поток, тяжело. Но придется привыкнуть.

Шатара с глуповатой улыбкой продолжила уборку, пока следы моей слабости не исчезли, а стол и пол не засияли чистотой. Затем она помогла мне с утренними процедурами и протянула юбку и необычного кроя рубаху, плотно прилегающие к телу.

— Простите за это, — я виновато посмотрела на стол и тарелку с фруктами. — Просто так сильно хотелось есть, что я не смогла удержаться.

— Вы никогда раньше не голодали, *mahoda*? — с удивлением спросила она.

— Не приходилось, — буркнула я.

— Тогда вы действительно счастливица, — сказала она. — Обычно такое случается с маленькими детьми, которых спасают с земель Империи. Многие впервые едят вдоволь только в Абиссе. Эти жестокие имперские захватчики отбирают у них еду и воду...

Снова эти разговоры о зверствах Империи. Я знала, что многие поселения страдали от голода и нищеты, но Империя всегда старалась принимать меры. Среднеземцы заставляли Дома продавать нуждающимся товары по низким ценам и наказывали тех, кто не помогал своим подданным. Согласно историческим справкам, во времена, когда мы все были отдельными странами, на землях Великих Домов голодные бунты случались чаще. Но ее слова звучали скорее как внушение, чем как что-то, что она могла пережить сама.

— Шатара, а откуда ты родом?

— Я родилась тут, в Абиссе, *mahoda*... — она немного растерялась.

— Ты что... никогда не была на поверхности? — осторожно спросила я, пока она помогала мне справиться с длинным куском светлой ткани, который обернула вокруг меня, создавая подобие платья.

Как она сказала, такой наряд называется сари. Ткань приятно легла на чистое тело, но в платье я неожиданно почувствовала себя некомфортно — слишком привыкла к походной одежде.

— На поверхности? — она недоуменно посмотрела на меня.

— Ну да. Вы ведь из Империи? Одни из спасенных «Оком»?

— Что вы! — воскликнула она не то испуганно, не то возмущенно. — Наверху живут дикари, которые могут казнить за цвет кожи или форму ушей... Не говоря уже о том, что они делают с магами!..

— Но это же неправда, — я растерянно посмотрела на нее, подумав, что она, возможно, шутит.

— Если бы это было неправдой, они не развязали бы столь ужасную войну столетия назад, истребляя тех, кто даровал им знания. Эти вероломные предатели, обладая проклятой силой, обратили знания против наших господ, — она нахмурилась. — Народ алумбров всегда верой и правдой служил клану Се-ро, *ma Aurenas lys belyse deres navne i arhundreder*¹. И мы никогда не предадим их доверие, ступив на оскверненную темной магией имперцев землю!

— И... как давно вы уже служите клану Се-ро? — спросила я, не скрывая шока.

Она задумалась.

— С тех пор, как наши господа продемонстрировали нам всю свою силу и милосердие, показали безграничное могущество магии и обучали нас ей. Вот уже почти четыре тысячи зим мы живем и умираем, стремясь уподобиться нашим господам, которые показали нам истинный свет богини.

— Четыре тысячи?! — я от удивления раскрыла рот, не зная, что пугало меня больше: то, что эти люди из поколения в поколение не покидали подземелий, или та гордость, с которой Шатара говорила об этом.

— Для нас это большая честь, — она вальяжно выпрямилась. — Мы самые преданные слуги царей, князей и княгинь рода Се-ро, и они ценят нашу верность, как никто другой! Даже несмотря на то, что наши наземные сородичи подняли предательский мятеж, они понимали, что далеко не все люди одинаковы. Мы заслужили это своей преданностью и поступками, и наши потомки будут передавать эту почетную обязанность из поколения в поколение.

— Но я думала, что людей ненавидят из-за Священных Войн... — мой голос звучал растерянно.

Она скривилась при этих словах.

— Не все люди были на стороне Империи и Черных Легионов, когда они начали свою экспансию. Мы мирно сосуществовали многие века, и не все были согласны с теми порядками, которые пытались навязать нам из-за нашего происхождения. Во время войны плечом к плечу со сваргами, эльфами, орками, гномами и другими расами стояли люди, которые не желали предавать тех, перед кем преклонялись веками.

Она говорила это с пугающей фанатичностью, которая напомнила мне, как в Империи говорили об Императоре... Это сходство вызывало неприятные мысли. До этого все казалось проще, но даже из этой краткой, но пылкой речи становилось ясно, что, возможно, Священная Война имела и другие причины, кроме противостояния людей и нелюдей...

А ведь еще недавно я была уверена, что это была война людей с магами-предателями, потом оказалось, что это была война магов против магов... Каждый раз, когда я углублялась в историю, узнавала новые детали, раз за разом меняя картину мира, искажая его, подобно кругам на воде. Что же можно обнаружить, если копнуть еще глубже?

Шатара подала мне руку, и я, опираясь на нее, направилась по коридору. Без ее помощи было бы трудно пройти до нижнего этажа, где на небольшой террасе у сада был накрыт стол, ломящийся от разнообразных блюд, большинство из которых были мне незнакомы. Сад благоухал, а солнечный свет, почти неотличимый от настоящего, лился из-под купола сверху.

— Ты наконец-то проснулась! — раздался веселый голос Йаны, вырвав меня из задумчивости.

¹ Да озарит в веках их имена свет Аулены.

Эльфийка выглядела до неприличия довольной. Она сменила свои тяжелые теплые одежды на легкое лазурное платье, очень похожее на то, что она создавала твердым светом, с глубоким разрезом от бедра и расклеванными полосами. Многочисленные цепочки соединяли части платья, подчеркивая ее изящные формы. Шею и запястья украшали драгоценности, а на серой коже снова переливались мерцающие татуировки — то серебром, то золотом. Глядя на нее, трудно было поверить, что недавно она участвовала в опасном и изнурительном путешествии.

Она подбежала ко мне, указав на одно из свободных кресел напротив Гемоса, который уже уплетал плотный завтрак. Тот лишь приветственно махнул вилкой, не отрываясь от еды.

— Ты давно приехал? — спросила я, с тоской глядя на стол: большинство этих блюд пока лучше не пробовать, чтобы не повторять неприятную историю с фруктами.

Один из алумбов поставил передо мной чашу с жидкой кашей, от одного вида которой меня снова замутило — слишком сильно она напоминала то, что недавно вышло из моего желудка. На вкус она была не лучше.

— Южные ворота оказались закрыты из-за того, что разведчики заметили людей слишком близко к городу, — ответил он, продолжая есть. — Мне пришлось провести почти двое суток в ожидании, прежде чем меня пропустили.

— Людей?! — я не поверила своим ушам. — В такой глуши?

— Вряд ли разведчики стали бы обманывать, — заметила Йана, возвращаясь на свое место. Она взяла небольшую ветку винограда или чего-то очень на него похожего и с удовольствием съела несколько сочных ягод. — Хотя это действительно странно. Люди редко заходят так далеко на север.

— Они расширяют свои территории, — объяснил Гемос. — Возможно, искали новые месторождения, охотились или искали лес для вырубки. Вариантов много. Но с каждым годом вероятность, что нас обнаружат, становится все выше. Поэтому процедуру прохода пришлось изменить.

— А почему бы вам не наладить контакт с северянами? — спросила я, стараясь не думать о каше. — Они больше остальных придерживаются старых верований. Теперь мне даже кажется, что их истории о феях и русалках могут быть правдой.

— А ты думаешь, мы не пытались? — он усмехнулся.

Я пожала плечами.

— По вашим рассказам складывается впечатление, что вы не настроены на дипломатический диалог.

— Это не означает, что мы сидим без дела, — дворф задумчиво провел рукой по своей бороде. — Мы продолжаем торговать с Домом Хус и весьма успешно, особенно после того, как у них появился новый молодой ярл.

— Новый ярл? — спросила я с тревогой. — С Айварсом что-то случилось?..

— Нет, конечно! — он раздраженно махнул рукой. — Ох, шейд подери, я все время забываю, что для людей время течет иначе... Я говорю об Айварсе. Мы уже несколько десятилетий успешно торгуем с его людьми. Они получают золото, драгоценности и редкие маналиты, а мы — необходимые продукты.

— И ты этим занимаешься?

— Когда не выполняю поручения «Ока», — кивнул он. — Нужно же как-то зарабатывать на жизнь.

— А почему другие сварги так не делают? Это же важно для всех.

— Пф, не сваргское это дело — с людишками якшаться, — он недовольно фыркнул. — А теперь, когда они почти не выходят наружу, такие... *посредники*, как я, могут неплохо зарабатывать. Я закупаю товары у проверенных поставщиков, жду, пока тюры отдохнут, и отправляюсь в путь. Правда, на нижних ярусах снова начались забастовки...

— А что там, на нижних ярусах?

— Шахты, конечно. Обстановка там всегда была напряженной, а с тех пор, как рабочих стало не хватать, начались проблемы. Сварги не рады чужакам, да и обучать других им не нравится... Но пока лучше об этом не думать. Много думать вредно. Просто наслаждайся возможностью отдохнуть.

— А как же тренировки и обучение?

Йана усмехнулась.

— Ты в городе всего пару кругов, а уже мечтаешь о занятиях. Всем нужно прийти в себя после всего, что произошло, не только тебе.

Я вдруг встрепенулась.

— А Ада уже здесь? Как она? Сарео говорил, что она поправится, но пока останется в казармах. Это правда?

Йана нахмурилась, как только я упомянула имя брата, а Гемос посмотрел на меня, оставившись с куском мяса у рта.

— Ты виделась с ним?.. — в голосе эльфийки слышалась напряженность.

— Да, так случайно вышло... Мне не спалось, и я набрела на библиотеку, которая, наверное, была его рабочим кабинетом или чем-то вроде того...

— Понятно.

Интересно, почему она так недружелюбно относится к Сарео? Раньше, когда она говорила о нем, в ее голосе звучало уважение, если не восхищение. Непохоже было, что спустя годы разлуки Йана рада встрече с ним, она даже словно избегала... И ее реакция, и реакция Гемоса говорят о том, что здесь что-то не так.

— У вас всегда так? — осторожно спросила я. — С Сарео...

— Как будто у тебя нет старшего брата, — буркнула она, помрачнев.

Что же, замечание было вполне справедливым. Мы с Валентином не всегда находили общий язык, и его тяжелый характер порой проявлялся в резких и вспыльчивых высказываниях. Однако я любила братьев, несмотря на их порой невыносимое поведение. А вот по эльфийке этого не скажешь.

— Аду привезли недавно, — Йана перевела тему, избегая дальнейших вопросов. — Она еще слаба, но пришла в сознание. Ее аппетит, как у луресейла² после зимы, что служит хорошим знаком.

— Можно ее навестить? — с надеждой спросила я.

— Конечно, — улыбнулась она. — После завтрака. Заодно покажу тебе поместье. Я давно здесь не была, но ничего не изменилось. За исключением прислуги, но их лица я все равно запоминаю. Людской век короток, и в этом нет смысла.

Ее пренебрежительное замечание рассердило, но я тут же подавила недовольство. Стоило бы уже привыкнуть к этим снисходительным фразам о людской неполноценности, но все равно слушать это было неприятно.

Я молча доедала завтрак, стараясь не думать о странных алумбрийцах и конфликте между Йаной и Сарео, обратив все мысли к Аде. Мне поскорее хотелось лично убедиться в ее хорошем самочувствии, чтобы окончательно перестать тревожиться. Распровавшись с Гемосом, мы направились к покоям девушки.

Поместье казалось безлюдным, но сейчас было чуть более оживленным, чем в вечер нашего прибытия. Каждый слуга, мимо которого мы проходили, сгибался в низком поклоне или даже падал ниц. Йана не обращала на это внимания, продолжая беседу, как будто рабочих алумбрийцев не существовало. Сначала это возмущало, но потом я вспомнила, что

¹ Луресейлы — крылатые существа с туловищем рыси, головой и когтями совы.

сама вела себя с прислугой не лучше. В Столице и Каса-де-Вентос они были для меня чем-то незначительным, недостойным внимания.

Эльфийка почти непрерывно говорила, я лишь изредка задавала вопросы. Она рассказала, что город населен в основном остатками сваргов, выжившими после эпидемии мора. На верхнем ярусе обитали сваргские правители, известные как Каменные Судьи. Второй ярус, где мы находились, предназначался для вельмож и благородных господ. Чем ниже, тем беднее становилось население — от торговых рядов и ремесленных мастерских до шахт. Это напомнило мне столичные районы, заставив задуматься о том, что классовое неравенство существует не только среди людей.

Также она упомянула особенности расположения города: солнечный свет сюда почти не проникал, поэтому использовались специальные механизмы для определения времени суток.

— Это похоже на то, что над нашим садом? — спросила я, когда мы остановились, чтобы я могла отдышаться.

— Да, это подарок нашей семье от сваргских ремесленников, — ответила она. — Механизм позволяет растениям получать нужное количество света, а магия дополняет его солнечным и лунным светом. Удивительное творение, не правда ли?

— Мне показалось, что сварги не любят магию, — заметила я. — Но почему они постоянно ее используют?

— Их представление о магии весьма своеобразно, — вздохнула Йана. — Они считают, что управление стихиями — это не магия, а так называемое мастерство, ведь все сварги рождаются с даром. Их культура и инженерные достижения основаны на магии земли и огня. Ветроход Яшмоса, который ты видела, — яркий пример этого. Мастера воды и ветра тоже важны, но их роль в обществе меньше. Однако чары, нарушающие природные законы, такие как преломление и созидание, считаются опасными, поскольку они якобы противоречат божественному замыслу. С появлением темной магии их враждебность к любым нестихийным магическим практикам усилилась.

— А Гемос — маг? Я ни разу не видела, чтобы он использовал магию.

— Нет, он же полу... — она осеклась. — Дворфы не всегда получают дар и часто вообще не склонны к магии. Гемос дара не унаследовал.

— Он из-за этого не ладит с сородичами, да?

Йана вновь вздохнула.

— Это сложная история, и если он захочет, расскажет ее сам.

Я молча смотрела на сад и решила задать вопрос, который давно мучил меня:

— Почему вы проиграли?

Йана задумалась, словно решая, стоит ли делиться этой информацией.

— Мы не были едины, — ответила она с печалью в голосе. — Эльфы и сварги не ладили, орки не принимали выбранную тактику, а гномы были слишком озабочены собственной выгодой. Люди же действовали слаженно и эффективно.

— И даже несмотря на поражение, вражда между вами сохраняется? — в моем голосе звучало отчаяние, как будто я пыталась донести до нее очевидную истину.

— Как видишь, у нас очень даже неплохие успехи, — ответила Йана с ноткой сарказма. — Теперь мы даже можем жить под одной крышей. Но ты забываешь, что наши жизни длиннее. Сотня-другая зим — это лишь мгновение по сравнению с тысячелетиями вражды. Поэтому любые изменения происходят медленно и с трудом.

Чем больше я узнавала о мире нелюдей, тем больше он вызывал у меня недоумение, которое перерастало в гнев. Почему они не видят очевидного? Пока они продолжают враждовать друг с другом, Империя становится все сильнее. Стоит ли их распри дальнейшего существования целых культур?

Мрачные мысли, видимо, отразились на моем лице, потому что Йана печально поджала губы.

— Я понимаю тебя. Именно поэтому я вступила в «Око». Мы надеемся изменить этот мир, разорвать цепь ненависти и обид. У меня тоже есть причины ненавидеть людей, но я... — она запнулась, собираясь с мыслями, словно собиралась совершить прыжок через пропасть. — Я преодолела это. В злости нет смысла, она лишь сжигает изнутри, лишая покоя и рассудка.

Мне вспомнился ее взгляд, когда она увидела сожжение чучела на празднике Остары, и те слова, которые она произнесла ночью под звездным небом. Я давно хотела спросить ее об этом, но не решалась. Мне было неловко говорить о том, что я видела ее слабость.

— Ты... говорила, что обучала людей, но они предали вас. Ты потеряла кого-то из-за войны с Империей?

— Мы все кого-то потеряли в этой войне, — произнесла она, устремив взгляд вдаль с глубокой печалью. — В нашем мире не осталось никого, кто не ощутил бы горечь утраты. Кто-то пережил ее сильнее, кто-то слабее, но эта скорбь уже давно окутала нас погребальным саваном, который не так-то просто сбросить. Мы сражались изо всех сил. Потери были неизбежны, но некоторых из них... можно было избежать.

Она задумчиво посмотрела на сад, уперев руки в перила балюстрады.

— Я не всегда была такой. Был... *тот*, кто изменил меня. Кто заставил поверить, что мир может быть другим. Что люди не наши враги. Когда-то мы жили в мире, и все можно было вернуть, — ее пальцы впились в камень с такой силой, что казалось, он вот-вот треснет. — Но когда он пришел к людям с предложением мира, когда хотел протянуть им руку помощи, его поймали и забили, как скотину. Увидев такую жестокую и предательскую смерть, я не могла думать ни о чем, кроме мести. Однако сколько бы крови я ни проливала, легче мне не становилось. И тогда я поняла, что он не хотел для меня такой судьбы. Гемос помог мне пережить это, напомнил, что моя вера в лучшее — это все, что осталось... от *него*.

Впервые я увидела в глазах Йаны настоящую скорбь. Все то сочувствие, которое она выказывала до этого, казалось лишь маской. Но сейчас я поняла, что личная утрата значила для нее очень много. Однако, несмотря на первую проявленную ею искренность, почему-то я не могла посочувствовать.

Возможно, так и должно было быть. Я никогда не смогу ощутить печаль и горе, которые терзали ее, ведь я не знала того, о ком она говорила. Не знала, кем он был и что значил для нее. Возможно, другая я, до того, как потеряла все, та, что полгода назад еще не ведала других тягот, кроме учебы в Академии и политических интриг, в которые оказалась втянута, проявила бы эмпатию... Но почему я не могла сделать этого сейчас? Почему внутри меня были только бездонная пустота и безразличие?

— А как же Сарео? — осторожно спросила я. — Гемос говорил, что он не слишком верит в светлое будущее и не поддерживает твое стремление.

— Брат... он отдал этой борьбе больше, чем кто-либо из нас. И я не имею права судить его за его позицию.

— Он не верит в пророчество, как вы, в вашей организации?

— Ты не понимаешь, — вздохнула она. — Оно объединяет нас, как звенья цепи, придает смысл нашим действиям.

Я действительно не понимала. Не понимала их одержимости, но не стала задавать других вопросов, потому что начала осознавать, что ответов все равно не получу.

Пока Йана продолжала свой уже менее воодушевленный рассказ о городе, я размышляла над услышанным. Вражда между народами оказалась гораздо сильнее, чем я думала. Но ведь если бы они объединились под руководством харизматичного и сильного лидера, каким был первый Император Таркус, за ним бы пошли... Неужели единственное, что могло заставить их

умерить непомерную гордыню и забыть о старых обидах — это предсказание? Но ведь кто-то же объединил войска нелюдей под своим началом...

За очередным поворотом у лестницы нас заставил обернуться оклик. Хотя я была здесь недолго, но речь на аквилантисе уже казалась мне чем-то необычным.

— Госпожа Йанетааль? — неуверенно произнесла молодая женщина, стоящая в коридоре позади.

Высокая, подтянутая, с темной кожей и пышной гривой кофейных волос, она резко выделялась среди подземного народа. «Набелитка?» — подумала я, с опаской разглядывая незнакомку. Несмотря на светлые брюки и длинную рубашку без рукавов, сквозь которые виднелись мышцы, она не походила на служанку.

Йана растерялась, но вскоре ее лицо озарила догадка:

— Талиха?..

Женщина с радостной улыбкой быстро подошла к нам и протянула руки, но в последний момент сдержалась, чтобы не обнять Йану. Талиха была почти на голову ниже эльфийки.

— Выходит, слухи не врал! Как же я счастлива вас видеть, госпожа!

— Мы вернулись всего несколько дней назад... Ты так сильно изменилась, я тебя не признала! Ах да... — опомнилась Йана. — Это Камилла, одна из двух недавно освобожденных магов. Второй повезло меньше — суровые испытания оставили свой след.

Талиха, не обращавшая на меня внимания, теперь с любопытством посмотрела в мою сторону.

— Значит, новички... Вот почему такой переполох. Рада познакомиться, Камилла, — она протянула руку для рукопожатия, как мужчина, что только сильнее меня смутило. — Откуда ты?

— Из Веаса... — ответила я, чувствуя нарастающее возмущение ее прямолинейностью.

— Ага, ты южанка! Веасийцы редко появляются на севере, — она усмехнулась и убрала руку, которую я так и не пожалала.

Я уж подумала, что она восприняла это как оскорбление, но озорная улыбка не сошла с ее лица. Простолюдины явно были далеки от норм этикета.

— Я из северного Набелита, из земель Дома Хакагар. Двенадцать зим назад Йана спасла нас с братом. Первое время мне здесь тоже было страшно, но в Абиссе лучше, чем в Империи, уж поверь.

— Вас преследовала гвардия?

— Гвардия? — она непонимающе посмотрела на меня, а потом засмеялась. — Не-е-ет, нас хотели наказать за то, что мы якобы воровали воду у пашей.

— У них с братом невероятный талант к водной магии, — подтвердила Йана. — В тот год была засуха, их дар спас урожай целой деревни.

— А соседи решили, что у нас не пересохла поля, потому что мы воровали воду из резервуаров, вот и настучали страже, — Талиха кивнула, продолжая хихикать. Эти мрачные воспоминания, похоже, забавляли ее, как смешной случай из жизни. — Хвала Старым Богам, что Йана тогда прошла через нашу деревню. Иначе, наверное, нас бы уже не было в живых...

— А где же Тарек? — спросила Йана у набелитки.

— Брат решил присоединиться к «Оку». Он покинул поместье пару зим назад и сейчас, кажется, на Архипелаге. Я иногда получаю от него весточки, но думаю, он справится без меня...

Талиха продолжила рассказывать Йане что-то еще, но меня поразило другое:

— Ты живешь здесь уже двенадцать зим? И все это время обучаешься магии?

— Ну да, — женщина пожалала плечами, не понимая моего удивления. — И продолжаю совершенствоваться. Мой контроль над стихиями все еще недостаточен без катализатора, — она показала левую руку с браслетом из тонких цепочек с ярко-голубым камнем. — Но теперь я могу помогать новичкам и кроме того... Мона без меня не справится.

Не успела я спросить, кто такая Мона, как из-за широкой спины появилась голова. От неожиданности я отпрянула, на мгновение подумав, что это призрак — настолько худой и истощенной была маленькая девушка в простом платье. Пепельно-серые волосы обрамляли лицо с немного детскими чертами. Урожденная останка, как я предположила, резко контрастировала с Талихой, к которой она изо всех сил прижималась, напоминая чахлый саженец в тени молодого раскидистого деревца.

Йана с грустью посмотрела на девушку.

— Мона выглядит все так же неважно...

— Увы, — вздохнула Талиха, нежно поглаживая Мону по голове. — Все же заточение сказалось не лучшим образом. Похоже, она уже никогда не поправится...

— Этот голос... я узнаю, — хрипло прошептала Мона, не поднимая головы. — Волны жизни... рассекают Луну? 63¹

Слова звучали как бессмыслица, но, кажется, это было загадкой только для меня.

— Я тоже рада видеть тебя, Мона, — улыбнулась Йана, не решаясь взглянуть на девушку. — Как ты себя чувствуешь? Освоилась здесь?

— Под землей страшно уснуть, — произнесла Мона нараспев. — Но пока есть небо, свет освещает мне путь...

Ее стихи казались набором слов, и я никак не могла уловить их суть, в отличие от остальных.

— Ого, она уже может спокойно отвечать сама, — восхитилась Йана, глядя на Мону. — Талиха, ты просто талант... Я знала немногих, кто мог найти подход к детям.

— Бросьте, госпожа, — смутилась Талиха, гордая похвалой. — Мона старается справиться со своим... *недугом*. Без ее желания ничего не получилось бы, а я лишь поддерживаю ее.

— А приступы?

Талиха покачала головой.

— В последнее время их почти не было.

— Что с ней такое? И почему она так говорит?..

Как только я спросила, Мона резко дернула головой и посмотрела на меня. По телу пробежала дрожь, и я сделала шаг назад. Ее глаза были большими, со знакомым бледно-розовым бельмом и голубоватыми белками. Сомнений не было — несчастная девушка была слепа.

— *Тьма*, — прошептала она, глядя на меня затуманенным взором. На ее лице застыло странное выражение.

— Ч-что?..

Палец ее обвиняюще взметнулся.

— *Несущая тьму... То, что тянется к свету, но принесет лишь беду...*

Кровь отлила от лица, грудь сдавило невидимой толщей воды. Кончики пальцев покалывало от жуткого предчувствия. Она говорила странные вещи, но что-то в глубине души болезненно жалось.

Несущая тьму...

Мона говорила о моем даре или... обо мне? Вот только предсказаний от всяких сумасшедших мне еще не хватало... Ее потусторонний голос резонировал, отдавался эхом в ушах, сковывая страхом. Страхом перед неизвестным. Я боялась и жаждала услышать больше, глядя в ее безжизненные глаза.

Вдруг она истошно завопила. Настолько внезапно, что Йана и Талиха уставились на нее с неменьшим ужасом, чем я.

— *Темные крылья солнца затмят!* — орала она, схватившись за голову. — *Убейте ее, иначе звезды сгорят!.. Убейте! Убейте! УБЕЙТЕ!!!*

¹ Имя Yanetauale можно перевести как «душа Луны, танцующая на волнах жизни».

Девушка попятилась, продолжая кричать бессвязно, будто агония овладела ее телом. Рвала на себе волосы, сдавливая голову, как будто хотела раздавить череп, как грецкий орех.

Пока я была в ступоре, Талиха кинулась к ней, чтобы успокоить.

— Это не я, — вырвалось у меня, поймав ее косой взгляд. — Честное слово...

— Ты ни при чем... — неуверенно произнесла она.

Талиха поглаживала Мону по спине, что-то шептала, пока та билась в ее руках.

— Простите, — пробормотала Талиха. — Не знаю, что на нее нашло... В последнее время она была тихой, а тут... Давно я ее такой не видела. Простите...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.